

Муниципальное бюджетное учреждение культуры
«Новомосковская библиотечная система»
Центральная городская библиотека
имени А. С. Пушкина

Михаил Бороздинский

Родники живой памяти

сборник краеведческих очерков

Новомосковск
2025

Составитель: А. В. Польшина, заведующий отделом краеведения Центральной городской библиотеки имени А. С. Пушкина МБУК «Новомосковская библиотечная система».

Редакторы: Н. В. Иванникова, заведующий информационно-библиографическим отделом Центральной городской библиотеки имени А. С. Пушкина МБУК «Новомосковская библиотечная система»; В. В. Гладышев, независимый исследователь.

Компьютерный набор текстов: А. А. Герасимов, библиотекарь отдела хранения основного фонда Центральной городской библиотеки имени А. С. Пушкина МБУК «Новомосковская библиотечная система».

Бороздинский, М. Г. Родники живой памяти : сборник краеведческих очерков / М. Г. Бороздинский ; муниципальное бюджетное учреждение культуры «Новомосковская библиотечная система», Центральная городская библиотека имени А. С. Пушкина ; составитель А. В. Польшина ; редакторы Н. В. Иванникова, В. В. Гладышев ; компьютерный набор текстов А. А. Герасимов. – Новомосковск : [б. и.], 2025. – 325 с. – Библиогр. указ. : с. 309–324 (175 назв.).

Материалы сборника включают очерки краеведа М. Г. Бороздинского (1925–1997), посвящённые истории и выдающимся людям Тульского края и города Новомосковска.

Сборник адресован учёным, преподавателям, учащимся, студентам и всем, кого интересует история родной земли.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ	5
ЗЕМЛЯ НОВОМОСКОВСКАЯ	9
Бобрики–Сталиногорск–Новомосковск	9
<i>Объединение «Азот»: начало биографии</i>	<i>9</i>
<i>Первая наша газета</i>	<i>12</i>
<i>О рождении города Бобрики</i>	<i>19</i>
<i>О дне рождения города</i>	<i>34</i>
<i>Предыстория г. Новомосковска</i>	<i>39</i>
Посёлки, сёла, деревни	64
<i>Бороздино, Бороздёнки</i>	<i>64</i>
<i>Гремячее</i>	<i>74</i>
<i>Иван-озеро</i>	<i>85</i>
<i>Ильинка, Маклец</i>	<i>105</i>
<i>Осаново</i>	<i>119</i>
<i>Подхоженские Выселки</i>	<i>124</i>
<i>Спасское</i>	<i>127</i>
<i>Тетяковка</i>	<i>143</i>
<i>Урванка</i>	<i>149</i>
<i>Холтобино</i>	<i>154</i>
Выдающиеся люди, отдельные периоды жизни которых связаны с Новомосковском	161
<i>Бодровы</i>	<i>161</i>
<i>Курбатов Георгий Дмитриевич</i>	<i>168</i>
<i>Маркин Сергей Степанович</i>	<i>171</i>
<i>Петров Фёдор Фёдорович</i>	<i>176</i>

<i>Романов Александр Иванович</i>	187
<i>Рудневы</i>	191
<i>Сидоров Дмитрий Степанович</i>	213
А. С. ПУШКИН И ТУЛЬСКИЙ КРАЙ.....	229
<i>Потомки Пушкина – наши земляки.....</i>	229
<i>Родные А. С. Пушкина в Венёвском уезде</i>	233
<i>Сонцовы (Сонцевы, Солнцовы, Солнцевы, Сонцовы-Засекины) и Пушкины</i>	234
<i>Пушкин и Тульский край</i>	243
<i>Пушкины и Тульский край</i>	246
<i>Может, старожилы знают?..</i>	254
<i>Род А. С. Пушкина и наш край.....</i>	255
<i>Будем же уважены за память</i>	258
<i>Родственники А. С. Пушкина по жене</i>	263
<i>Из пушкинской плеяды.....</i>	266
<i>Царица муз и красоты.....</i>	269
<i>О «милой созвучнице» М. И. Глинки.....</i>	274
<i>Урусовы. Неразделённая любовь поэта</i>	280
<i>К открытию памятника А. С. Пушкину в г. Новомосковске 11 декабря 1993 года</i>	286
<i>Тульские корни поэта</i>	289
<i>День лица</i>	292
ОБЩЕСТВА КРАЕВЕДОВ И ПУШКИНИСТОВ.....	294
КРАЕВЕД МИХАИЛ ГЕОРГИЕВИЧ БОРОЗДИНСКИЙ: БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ.....	310

От составителя

Издание книги «Родники живой памяти» приурочено к 95-летию со дня основания города Новомосковска и 100-летию со дня рождения Михаила Георгиевича Бороздинского (1925–1997) – известного краеведа Венёва и Новомосковска, члена Новомосковского Пушкинского общества, журналиста, редактора, участника Великой Отечественной войны, члена Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

Михаил Бороздинский родился 1 января 1925 года в деревне Пригори Хавского сельского Совета Венёвского района Тульской области. После окончания школы и недолгой работы в колхозе поступил в техникум г. Москвы на специальность «сварочное дело». Когда в учебном заведении ввели плату за учёбу, ему пришлось вернуться домой.

Весной 1941 года работал в колхозе на тракторе. А летом вместе с 14–16-летними ребятами, не призванными по возрасту на фронт, был направлен в Тулу в школу фабрично-заводского обучения. Здесь прошёл курс плотницкого дела, строил бараки для военнослужащих, копал противотанковые рвы и траншеи.

В январе 1943 года был призван на военную службу и отправлен на учёбу в 1-е Омское военное пехотное училище имени М. В. Фрунзе. Летом 1943 года был ускоренно переобучен на заряжающего танка Т-34. Старший лейтенант Бороздинский воевал в составе 137-го танкового полка 220-й моторизованной дивизии. Участвовал в Курской битве, освобождении Харькова и Полтавы. В декабре 1943 года М. Г. Бороздинского направили на учёбу во 2-е Киевское военное училище самоходной артиллерии, эвакуированное в июле 1941 года в Саратов, которое он окончил уже после войны.

За боевые заслуги М. Г. Бороздинский награждён медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (09.05.1945), медалью «За боевые заслуги» (03.11.1953), орденом Отечественной войны II степени (06.04.1985).

После демобилизации из армии в 1955 году Михаил Георгиевич вернулся домой, в село Хавки Венёвского района. Работал мастером в училище механизации сельского хозяйства, учился в советской партийной школе. Был инструктором Венёвского райкома партии, председателем колхоза, секретарём парторганизации совхоза «Прогресс». Получил высшее образование. И всё это время занимался краеведением.

Многочисленные краеведческие статьи М. Г. Бороздинского публиковались в областных и районных газетах. Он был членом Союза журналистов СССР.

С мая 1969 года М. Г. Бороздинский работал заместителем главного редактора венёвской газеты «Красное знамя», был автором большого числа статей на актуальные темы.

Много лет он искал информацию в библиотеках, музеях, архивах, изучал биографии знаменитых земляков, историю родных мест. А главным памятником ему можно считать стелу на въезде в Венёв, на которой размещены название города, дата основания и герб. Михаил Георгиевич ввёл в исторический оборот дату основания – 1371, приложил много усилий к возвращению исторического герба.

М. Г. Бороздинский в сотрудничестве с тульским архитектором В. Н. Уклеиным выпустил первый путеводитель по Венёву.

После выхода на пенсию в 1986 году М. Г. Бороздинский переехал в город Новомосковск Тульской области. Этот период его краеведческих изысканий отмечен интересными исследовательскими работами по истории города, посёлков, сёл и деревень муниципального образования г. Новомосковск.

С увлечением занимался М. Г. Бороздинский поиском информации о флотоводческих династиях М. П. Лазарева, Ф. Ф. Ушакова и В. Ф. Руднева. Одновременно шли поиски Героев Советского Союза, полных кавалеров ордена Славы, отдельные периоды жизни которых были связаны с Тульским краем. Очерки М. Г. Бороздинского о земляках-героях были опубликованы на страницах местных газет, в книге «Бессмертен подвиг их высокий».

21 мая 1989 года в читальном зале Центральной городской библиотеки состоялось собрание, на котором было принято решение о создании в Новомосковске Пушкинского общества. В состав учредителей общества вошёл и Михаил Георгиевич Бороздинский.

В 1993 году на открытии памятника А. С. Пушкину в Новомосковске особый интерес вызвало его выступление о том, что великий русский поэт имел отношение не только к Туле и Венёвскому району, но и к сегодняшнему Новомосковскому району – селу Осаново и ряду других мест земли новомосковской.

Все собранные М. Г. Бороздинским материалы о месте рождения поэта вылились в его книгу «Так где же родился Пушкин?», изданную посмертно в 1999 году. Статьи краеведа на тему «А. С. Пушкин и Тульский край» были напечатаны в областных и районных газетах в 1990-х годах.

Краеведческие исследовательские работы М. Г. Бороздинского публиковались и после его смерти в книгах «На Пушкинской волне...» (2004), «Новомосковское Пушкинское общество: вчера, сегодня, завтра» (2014), альманахе «Новомосковский пушкинист» (2009).

Деятельность М. Г. Бороздинского была отмечена медалью «За доблестный труд», наградами Союза журналистов СССР.

Михаил Бороздинский умер 29 июля 1997 года. По словам журналиста и писателя Владимира Большакова, «он принадлежал к удивительному, бескорыстному и неутомному племени русских краеведов. Их единицы, но они знают о родной земле всё или почти всё. Это летописцы нашего сложного и противоречивого времени».

Предлагаем вашему вниманию краеведческие очерки М. Г. Бороздинского, опубликованные в сборниках, альманахах, периодических изданиях. Тексты М. Г. Бороздинского даны в авторской редакции. Обнаруженные составителем и редактором ошибки в авторских текстах или дополнения к ним указаны в сносках: примечание составителя или редактора и выделены курсивом.

Материал в книге сгруппирован по тематическим разделам, внутри разделов – по хронологии.

В конце книги представлен библиографический указатель литературы «Краевед Михаил Георгиевич Бороздинский». Указатель состоит из трёх разделов. В первом – перечислены отдельные издания М. Г. Бороздинского; во втором – публикации М. Г. Бороздинского в сборниках, альманахах и периодических изданиях. Во второй раздел включены пять тематических подразделов: Тульский край, Венёвский край, Земля новомосковская, А. С. Пушкин и Тульский край, Общества краеведов и пушкинистов. Внутри разделов литература дана в алфавитном порядке. Завершает указатель третий раздел, в котором содержится список литературы о М. Г. Бороздинском.

Литература в указателе описана согласно ГОСТ Р 7.0.100–2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления», ГОСТ Р 7.0.12–2011 «Библиографическая запись. Сокращение слов и словосочетаний на русском языке. Общие требования и правила». Отбор материала закончен в декабре 2024 года.

Земля Новомосковская

Бобрики—Сталиногорск—Новомосковск

Объединение «Азот»: начало биографии

Не дымили тогда ещё трубы над нынешним производственным объединением «Азот» и Новомосковской ГРЭС. Не летал ежедневно прославившийся потом «кукурузник» с известным конструктором котлов Л. К. Рамзиным в Москву старую и обратно. Но «закипала» и начинала уже «бурлить» жизнь на берегах знаменитого Иван-озера и в верховьях Дона. Тесовые бараки, приземистые землянки и палаточные городки свидетельствовали о том, что именно здесь, на одном из главных ответвлений старинного «Муравского шляха» и на границе бывшего «Дикого поля», начинается что-то грандиозное, необычное.

Десятками, сотнями землеройных, «грабарских», плотницких и других артелей устремилась в эти края хоть и свободная уже, но всё ещё бедная, лапотная и не всегда досыта накормленная Русь. Однако большинство в артелях составляли жители близлежащих Венёвского, Епифанского, Богородицкого, Михайловского и ряда других районов.

Всего лишь десять с лишним лет прошло с тех пор, как установилась в здешних краях Советская власть. С большим трудом восстанавливалось разрушенное империалистической, гражданской войнами и бывшими владельцами хозяйство. Но страна находила в себе силы для того, чтобы дать новостройке нужный паровоз, автомобиль и даже трактор. На трясинистых полях будущего химкомбината уже «трудились» паровые копры и конные лебёдки. Именно в ту пору братья Александр, Василий и Николай Сергеевичи Галкины из г. Венёва и решили попытать счастья на строительстве «Новой Москвы».

Где и как поселились они на новостройке, осталось в забвении, но то, что именно они были организаторами единственной в ту пору артели водовозов на строительстве химкомбината, это несомненно.

Затем к ним примкнули представители бывшего венёвского купечества Лобашкины, А. Н. Завьялов и другие, крестьяне С. П. Зотов с сыном Фёдором, Василий Разумов и Иванецкий из деревни Пригори, отец мой Георгий Семёнович. Жили первоначально в землянках на задворках деревни Степановки, потом построили здесь и тесовый барак, который вмещал до трёх десятков, если не больше, человек, конюшню, хозяйственный двор.

Мне хорошо запомнилась небольшая, но оштукатуренная и побелённая изнутри землянка деда Сергея Петровича Зотова, где он не раз угощал нас с Николаем, его сыном, кусочками «пиленого» сахара, а иногда и конфетами. Пятилетние пацаны, редко видевшие в деревне хоть какие-то сладости, мы с большим наслаждением упивались тогда крепким русским чаем «Малинка» с сахаром внакладку, удались чёрным хлебом с сахаром вприсыпку.

В ту пору не было ещё ни водопровода, ни артезианских скважин, которые могли бы снабдить новостройку водой. А требовалось её немало. Ведь надо было своевременно обеспечить не только растворные узлы, многочисленные бетономешалки и артели, работавшие на заливке фундаментов, кирпичной кладке, но и напоить огромную армию строителей. Вот поэтому-то сорокавёдерные деревянные бочки водовозов, пристроенные на конных дорогах, колесили по стройке в любое время дня и ночи.

Я не помню, на каких условиях работала тогда единственная в «Новой Москве» артель водовозов. Но главным подрядчиком её был младший из братьев Галкиных, Николай Сергеевич, человек очень шустрый, бедовый и оборотистый, как говорили о нём старики. Именно он ежедневно давал каждому из водовозов задания, учитывал их работу, а потом и составлял ведомости для получения заработка. И слушались его все, независимо от возраста и положения, беспрекословно.

Некоторое время пришлось мне жить вместе с отцом и в бараке. Длинный со сплошными деревянными нарами по правой стороне и общим многометровым столом из оструганных тесин слева, он представлялся осевшим на мели кораблём. В торцевой

же задней его части размещались постоянно дымящая кухня и отдельная каютка, где обычно ночевали приезжавшие к водовозам за деньгами и по другим нуждам жёны, другие родственники.

Но не только доставкой воды из колодцев и реки бывали заняты на стройке водовозы. Их нередко привлекали и к подвозу кирпича, песка, глины, цемента, лесоматериалов, на различные строительные «прорывы».

Мне запомнилось вечернее посещение барака водовозов Леонидом Константиновичем Рамзиным. Было это в глубокую уже осеннюю пору и при сильном дожде. Сделав положенное за день, многие водовозы развесили уже свои намокшие брезентовые накидки вокруг горячей печки и улеглись на нарах отдыхать. Я в ту пору был вместе с дедом Сергеем в его землянке, где он так и продолжал жить, не переселяясь в барак. И вдруг кто-то постучал в дверь и позвал его. При этом было сказано, что Рамзин приехал и просил собираться на работу.

Дед тут же оделся и направился в барак. Я, естественно, следом за ним. А там все уселись вокруг стола и рассуждают, как быть. Дед тоже степенно уселся за стол, и этот вопрос: «Как быть?» – тут же был обращён к нему как к старшему из водовозов.

Мне смутно запомнился внешний облик Л. К. Рамзина, который сидел тогда в дальнем от двери торце длинного стола, но он показался мне худощавым и небольшого роста. Он при деде Сергее ещё раз рассказал о каких-то неотложных делах, которые, кроме водовозов, выполнить некому, и попросил поработать в ночное время.

Дед Сергей после этого, как и другие, некоторое время сидел молча, что-то соображал. А потом среди этой тишины сказал: «Раз Рамзин приехал, то от своего не отступит».

А через некоторое время в темноте замелькали «летучие мыши», захрапели в тесовом навесе не успевшие отдохнуть лошади, зачавкали по разбухшей земле силуэты ночных

водовозок. Конный обоз новомосковских водовозов тронулся в путь¹.

Первая наша газета

Знакомясь в каталоге Ленинской библиотеки, в газетном её филиале, с историей нашей городской газеты, выходявшей первоначально под названием «Подмосковный гигант», я выяснил, что периодичность её была два раза в месяц, а так как с октября до конца 1930 года вышло шесть номеров, то первый номер её мог быть датирован раньше 30 октября.

Но подлинное знакомство показало, что первый «Подмосковный гигант» появился на свет именно 30 октября как орган комитета ВКП(б) и постройкома Подмосковного энергохимкомбината. А причиной появления газеты явилось наметившееся отставание в сроках строительства и произведённая в связи с этим перестройка во всех звеньях трудового коллектива, начиная с партийного.

ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР уже к 13-й годовщине Великого Октября надеялись увидеть на Подмосковном энергохимкомбинате ряд готовых, действующих в полную меру сил объектов, в том числе ремонтно-механического завода, Шатовской и Любовской плотин, обводного канала и некоторых других. Однако подошёл октябрь, а работам на многих объектах не видно было конца.

В связи с этим 16 октября состоялось заседание бюро партийной организации стройки, где решено «перенести центр тяжести работы каждого коммуниста в низовые производственные звенья (бригады, группы рабочих, артелей)». А для этого «в низовых звеньях (Химплощадка, Энергоплощадка, Трансстрой и других) организовать партячейки ВКП(б)».

Вместе с тем ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР ещё до этого приняли меры к укреплению руководства на энергохимкомбинате, так как здесь была вроде бы обнаружена

1 Бороздинский М. Объединение «Азот»: начало биографии // Новомосковская правда. 1986. 24 мая. С. 2-3.

вредительская деятельность, получившая освещение в судебном процессе Верховного суда СССР с 25 февраля по 7 декабря 1930 года под руководством так называемой «Промпартии». В числе приговорённых к расстрелу (который был заменён потом 10-летним тюремным заключением) оказались выдающийся инженер-теплотехник Л. К. Рамзин, другие специалисты, работавшие на Бобриковском строительстве.

Но принятые меры, вполне естественно, не могли породить на огромной стройке быструю отдачу. Это отмечалось и на состоявшейся 28 октября первой партийной конференции Бобриковского строительства, которая избрала первый партийный комитет из 19 членов и 5 кандидатов, ревизионную комиссию из 3 членов и 2 кандидатов. Секретарём парткома был избран т. Енов, членами парткома – тт. Фёдоров, Мажиллов, Матвеев, Бумштейн, Глухов, Голубков, Воротилин, Рыжков, Курагин, Чувильчиков, Ананьин, Хортов, Трубицын, Степанов, Фатин, Константинопольский; кандидатами – Кузнецов, Калюжный, Харченко, Тихманский и Приходько.

Ревизионную комиссию составляли Данько, Сазонов, Мельнич, кандидаты Новиков и Язев.

Конференция одобрила решение ЦКК «об исключении Рютина, Слеплова и других из ВКП(б) и потребовала от лидеров правой оппозиции в лице Бухарина и других открыто высказаться о своём отношении к генеральной линии партии, так как их молчание льёт воду на мельницу врагов народа типа Кондратьева, Громона, Рамзина и других».

Но буквально в ходе первой партийной конференции (или на другой день) на Бобриковском строительстве появился член ЦИК тов. Соловьёв, который доставил письмо секретаря ЦК ВКП(б) П. П. Постышева «Узловскому райкому и партколлективу Бобриковского строительства о принятии мер и ликвидации отставания». Для обсуждения письма 31 октября был созван внеочередной пленум парткома новостройки с привлечением хозяйственного актива и специалистов. А по итогам обсуждения было принято постановление из 19 пунктов.

В постановлении, в частности, отмечалось, что ЦК ВКП(б) правильно указал на главную причину отставания и прорыва на

строительстве, которая заключалась в «оппортунистическом подходе к основным вопросам строительства со стороны партийного руководства, хозяйственных и профсоюзных организаций».

Пленум объявил всех коммунистов мобилизованными на ликвидацию прорыва в строительстве, запретил какие-либо отлучки без особо важных обстоятельств при санкции соответствующих организаций...

Вот кратко те условия, в которых 60 лет назад рождалась наша первая городская газета. В связи с этим и содержание её с первого же номера было подчинено выполнению стоящей задачи.

По объёму и размерам своим газета «Подмосковный гигант» соответствовала нынешней «Новомосковской правде».

В ней было много анонимных, псевдонимных статей и безадресной критики: так, на первой полосе первого номера было помещено три статьи, но лишь одна из них – «К организационной перестройке» – с подписью: «С. Сорокин».

В этой статье отмечалось, что «быстрое развёртывание строительства при участии 12800 рабочих требует организационной чёткости и расторопности, особенно сейчас, при наличии прорывов. Вот почему партийным, комсомольским, ИТР и кооперативным организациям надо решительно повернуться лицом к производству, взять курс на большую самостоятельность, на укрепление единоначалия и ответственности каждого инженера, техника, прораба, десятника, каждого рабочего и служащего в порученном деле»...

А вот «Беседа с председателем Узловской районной контрольной комиссии тов. Мосоловым» и статья «Покончить с алилуйщиной» на первой полосе оказались без подписей.

В напряжённом созидании «Новой Москвы», как тогда называли строительство Бобриковского энергохимического комбината, 7 ноября 1930 года вышел 2-й номер газеты «Подмосковный гигант». Однако в нём не было, как предполагалось, победных рапортов о пуске каких-то участков и производств. Наоборот, газета больше писала о недостатках,

нерешённых вопросах, преследовавших тысячи съехавшихся сюда людей. Это подтверждала и опубликованная на второй полосе информация о первой партийной конференции.

Не наблюдалось похвал в связи с отставанием строительства и в центральной прессе, изобиловавшей потоком сообщений о разоблачительных процессах над «врагами народа», над «правыми» и «левыми» антипартийными и антисоветскими блоками. Тем не менее, грандиозный план Подмосковского гиганта, клишированный в виде крупномасштабной современной карты в названии газеты, обретал материальные очертания.

«Обращение ЦК ВКП(б) вызвало громандую волну соцсоревнования, – отмечал в те дни в одной из корреспонденций профсоюзный работник Шукет. – Если на 1 сентября им было охвачено 1047 рабочих, то на 1 октября – 4427 человек, а сейчас на отдельных участках до 70-80 процентов. По рабочкомам Соцгород, Химкомбинат, участок спецработ и комитет внесено 61 ценное предложение, но внедряются они с потугами».

Немалую помощь 20-тысячному уже коллективу Бобрикостроя оказывало и население прилегающих районов. Вот, к примеру, постановление Венёвского райисполкома от 14 октября 1930 года «О введении трудовой и гужевой повинности для выполнения работ государственного значения»: «Учитывая огромное политическое значение строительства Бобриковского химкомбината в деле индустриализации страны и реконструкции сельского хозяйства, имея в виду, что строительство этого комбината по решению правительства является ударным (окончание работ по сооружению плотин к I-XI-1930 г.), констатируя отставание работ на 1 месяц и учитывая острую потребность в рабочей и гужевой силе... президиум Венёвского райисполкома, – говорилось в нём, – на основании постановления СНК РСФСР от 27.VII.1930 г. и постановления Мособлисполкома от 2.X.1930 г. постановляет:

1. Ввести на территории Венёвского района трудовую и гужевую повинность... для надобностей государственного значения – подвозки земли для плотины Бобриковского

строительства, дров из лестничеств к станциям железных дорог, зернопродуктов и овощных грузов.

2. Для подвозки земли на плотины Бобриковского строительства используется трудовая и гужевая сила Граворонского, Юдинского, Новодеревенского, Домнинского, Ясенецкого и Карниковского сельсоветов.

3. Для подвозки дров: Озеренский сельсовет 2640 кубометров, Стрелецкий 2408, Хавский 3507, Семьянский 1050 кубометров из Осетровского лестничества на ст. Венёв и т. д.

4. Для перевозки зернопродуктов за райпо закрепляются Урусовский и Холтобинский сельсоветы, а остальные, не закреплённые за организациями, сельсоветы используются по особым нарядам для работ государственного значения.

5. Для выполнения указанной повинности привлекаются все граждане, не состоящие на службе, в возрасте от 18 до 45 лет женщины, до 50 лет мужчины. Для гужевой повинности привлекаются все лошади, кроме освобождённых ветудостоверениями, племенных и моложе трёх лет, с повозками, сбруей, упряжью и пр.

6. К отбыванию трудовой и гужевой повинности в первую очередь привлекаются кулацко-зажиточная часть населения, торговцы, лица, лишённые избирательных прав и проч.

7. Освобождаются от трудовой повинности больные и увечные до восстановления здоровья, беременные женщины на 8 недель до и на 8 после родов, кормящие грудью, имеющие детей до 8 лет, если за ними больше некому смотреть, инвалиды войны и труда, учащиеся...»

Эти принудительные меры, безусловно, оказали существенную помощь строителям, но не освободили от ответственности руководителей строительства Шатовской и Любовской плотин, которые были отданы под суд. Не укрепили они, естественно, и смычки города с деревней, к которой призывали в ту пору все газеты, в том числе и «Подмосковный гигант».

Первое время газета Бобриковского строительства делалась небольшим коллективом во главе с временно

исполняющим должность редактора С. Бродским и его заместителем Д. В. Горячевым под руководством парткома ВКП(б), ячейки ВЛКСМ и стройкома. Но в конце февраля 1931 г. на новостройке были образованы Бобриковский горсовет и комитет ВЛКСМ, а поэтому 10-й номер газеты от 3 марта вышел как орган комитетов ВКП(б), ВЛКСМ, горсовета и стройкома за подписью редактора А. Ханн-Юмского.

На стройке, между тем, недостатки захлёстывали то одни, то другие участки работы. Обострилось положение со снабжением. «МОСПО (Московское сельское потребление – М. Б.), – сообщалось в одной из корреспонденций, – срывает поставки продуктов, отпустило мяса только 50 процентов, а до этого было 30 проц. Но после смены руководства ЦРК (Центрального рабочего комитета – М. Б.) есть сдвиги к лучшему. Закончился перевод столовых на закрытый тип распределения питания, запахали 200 га земли и закладываем парники, имеем 1000 поросят в свинарниках».

К лету 1931 года на Бобриках были образованы горком партии во главе с тов. Еновым и городской профсоюзный совет. Газета в связи с этим стала органом горкомов ВКП(б), ВЛКСМ, горсовета и горпрофсовета Бобриковского строительства. Обязанности ответственного редактора были возложены на заместителя Д. В. Горячева, а 23-го октября 80(86)-й номер газеты подписал ответственный редактор А. Ростовцев.

Однако Ростовцеву редактировать «Подмосковный гигант» пришлось только до 19 декабря, когда его заменил заместитель Д. В. Горячев, а с 25-го ответственным редактором стал В. Сергеев.

При редакторе В. Сергееве «Подмосковный гигант» стал с № 1, вышедшего 1 января 1932 года, ежедневной газетой Бобриковских горкомов ВКП(б), ВЛКСМ, горсовета и горпрофсовета. С переименованием же постановлением Президиума ЦИК СССР от 27 декабря 1933 года г. Бобрики в Сталиногорск «Подмосковный гигант» с № 297 стал ежедневной газетой указанных выше издателей г. Сталиногорска, а с января

1934 года стал называться «Сталиногорский пролетарий», с мая 1938 года (№ 120) – «Сталиногорская правда».

Конечно же, просматривая сейчас «Подмосковный гигант» 60-летней давности, испытываешь и немало огорчений. В нём всегда горячо поддерживались все, даже явно несправедливые, «нажимные» решения партии и правительства. Особенно же огорчительны одобрительные отклики на процессы, происходившие над так называвшимися «врагами народа», над «правыми» и «левыми» блоками, в числе которых находились хорошо известные на Бобрикстрое товарищи Л. К. Рамзин, Кондратьев, Громон и другие.

Тем не менее, просмотр старых газет вызывает больше радости, чем огорчения. В них много критики, живого разговора местных руководителей с людьми, даже самокритики, душевной откровенности, чего очень не хватает нынешней «Новомосковской правде». В «Подмосковном гиганте» хорошо просматривается работа местных партийных, профсоюзных, комсомольских, советских органов, так как их работники, особенно инструкторы, почти ежедневно информировали читателей о том, что происходит в первичных организациях, чем занимаются их комитеты. Не стеснялись выступать на страницах своей газеты и секретари, заведующие отделами комитетов и советов. А это немало способствовало упрочению связей с массами, укрепляло их веру в правильность выбранного пути, порождало поистине героический трудовой энтузиазм и патриотизм.

В связи с тем, что наши дни являются вершиной перестройки, происходящей в обществе, мне очень бы хотелось посоветовать нынешним руководителям Новомосковска извлечь уроки из опыта работы их предшественников в массах, чаще выступать перед народом, рассказывать ему всю правду нашей жизни по радио, телевидению, в газете «Новомосковская правда».

Тогда, можно быть уверенным, массы узнают, поймут вас и пойдут за вами².

О рождении города Бобрики

В связи с необходимостью улучшения снабжения столицы продовольствием, теплом, сырьём, электроэнергией и другими жизненно важными ресурсами, ещё на VII Всероссийском съезде Советов в 1919 году встал вопрос о новом районировании страны. Но лишь в 1929 году, когда на XVI Всесоюзной партконференции был утверждён 1-й пятилетний план индустриализации, на базе бывших Московской, Рязанской, Тульской, Тверской и значительной части Калужской губерний была образована так называемая Центральная промышленная, вскоре переименованная в Московскую область, разделённая на округа.

А 11 марта 1929 года пленум Тульского губкома ВКП(б), одобрив создание Центральной (Московской) промышленной области, принял резолюцию «О районировании», на основании которой в Тульском округе, с присоединением к нему части территорий бывшего Скопинского уезда Рязанской губернии, было образовано 27 районов.

Территория нынешнего города Новомосковска в связи с этим оказалась на границах Венёвского, Узловского и Михайловского районов, выделенного из бывшего Епифанского уезда, центр которого находился в посёлке Михайловском, потом в посёлке при железнодорожной станции Епифань Сызрано-Вяземской железной дороги.

21 мая 1929 года состоялось расширенное заседание президиума Тульского губисполкома с хозяйственными, научными и профессиональными работниками по обсуждению доклада комиссии ВСНХ СССР о промышленном развитии Подмоскownого бассейна, который, как утверждалось, является крупнейшим центром для удовлетворения растущих потребностей Московской области в электроэнергии, а страны в

² Бороздинский М. Первая наша газета // Новомосковская правда. 1990. 5, 24 мая.

химических удобрений, строительных материалах и в укреплении её обороноспособности.

По итогам обсуждения были одобрены выводы и решения комиссии о развитии добычи угля до 6 млн. тонн, о постройке Бобриковских электростанции и химического комбината с основным производством синтетического аммиака, о сооружении отсюда газопроводов до Москвы и Тулы, о постройке силикатно-керамического комбината с использованием различных местных глин.

Далее же в решении было записано, чтобы Президиумы ВСНХ Союза и РСФСР, другие высшие органы власти утвердили эти выводы и решения с таким расчётом, чтобы они легли в основу пятилетки и были учтены в контрольных цифрах на 1929-1930 годы.

Принимая во внимание необходимость строительства Бобриковской электростанции, уже в 1929–1930 годах, – говорилось далее в решении заседания, – надо считать необходимым приступить к работам в текущем году.

Всё это, естественно, очень многих торопило, нервировало, создавало предпосылки к ошибкам и просчётам. Вот поэтому-то уже 11 ноября 1929 года вышло постановление Совета Труда и Обороны (СТО) о том, чтобы «утвердить» строительство химико-энергетического комбината после уточнения Всехимпромом из 15 объектов». И это сразу же явилось сигналом к началу строительства, хотя и неизученного и научно не обоснованного, ибо в тот же день в 5-м пункте протокола заседаний СТО под № 37435 было записано, что в числе этих объектов: 1. Заводы 1-й очереди химкомбината стоимостью в 54269802 рубля с пуском к 15 февраля 1932 года и выпуском основной продукции – леино-фоса, т. е. фосфатно-азотного тука, – в количестве 73 тыс. тонн, на рынок. Капитальные же вложения на 2-ю очередь предусматривались в 55 миллионов 773 тысячи 753 рубля. А всего 110466555 рублей.

2. Строительство электростанции им. Сталина, тоже рассчитанное на две очереди по 150 тысяч киловатт, общей же мощностью в 300 тысяч квт.

3. Строительство керамических заводов – огнеупорного на 54 тысячи тонн различных изделий и красного кирпича на 28 миллионов штук.

И эти три главных объекта Бобрикстроя, надо сказать, с первых же дней строительства стали яблоком раздора между Москвой и строителями, которые требовали создания отдельных, самостоятельных городов у каждого из этих объектов. Но у замерзавшей от холода, страдавшей от голода и утопавшей в темноте от нехватки электроэнергии Москвы денег на строительство трёх городов, естественно, не было. Вот поэтому-то, как докладывал в 1932 году на обосновании проектов Бобрикстроя в докладе научно-технической конференции «О планировке и строительстве соцгорода» инженер А. И. Кузнецов сначала, «в целях приближения жилья к промышленности, планировалось три города: на севере, на юге и востоке», т. е., как сейчас можно понять, у химкомбината, у керамических заводов и у ГРЭС. «Но этот проект был признан нецелесообразным, – отметил докладчик, – так как требовал больших затрат. Выбрали вариант – один город у Урванского леса, на отведённой площади в 1250 гектаров, 232 гектара из которых занимал сам лес».

Не всё было гладко и с местами для строительства промышленных объектов. «Место для электростанции и химкомбината, – пишет в своей брошюре «Подмосковный энергохимический комбинат (Бобрики)» один из известных в начале строительства его руководителей П. А. Солодовников, вскоре, правда, умерший, – было окончательно утверждено постановлением ЦЭС (видимо, Центрального электропрофсоюза – М. Б.) только 19 января 1930 года» (протокол № 296/229).

По первоначальному варианту строительство ГРЭС планировалось с котлами высокого давления (до 100 атмосфер), которые должны были давать тепло на химкомбинат. Но в феврале 1930-го, в связи с арестом инженера-теплотехника Л. К. Рамзина, выяснилось, что котлы на электростанцию будут ставить отечественные, с давлением в 32 атмосферы. В связи с этим пришлось многое переделывать в проекте ГРЭС, а на

химкомбинате по требованию энергетической секции ЦЭС от 22 марта 1930-го строить собственную котельную.

Наряду с планированием Бобриктростя решались вопросы и о строителях. Так, 18 октября 1929 года Президиум ВСНХ СССР утвердил положение о «Мосхимстрое», управление которого во главе с С. П. Ананиным разместилось на Бобрик-горе и во втором квартале 1929/1930 хозяйственного года, начавшегося с 1 октября, по календарному же времени с начала 1930 года, приступило, не имея ни планов, ни средств к организационным мероприятиям. Тогда же началось строительство железнодорожной ветки от разъезда между станциями Маклец и Грицово Московско-Донбасской железной дороги и от станции Бобрик-Донской Сызрано-Вяземской железной дороги, пересекавшей всю территорию Бобриктростя. Однако дело из-за отсутствия рабочей силы и должного руководства, связанного с перестройкой органов Советской власти и с административной перекройкой губерний, потом, с ликвидацией округов, уездов и волостей, шло крайне неорганизованно и медленно. И особенно для Бобриктростя, раскинувшегося на территории трёх – Узловского, Венёвского и Михайловского из бывшего Епифанского уезда – районов.

Потом, правда, часть сельсоветов Венёвского и Михайловского районов, примыкавших к Бобриктрою, были переведены в Узловский район, на руководство которого было возложена ответственность и за Бобриковское строительство. Но больших сдвигов к лучшему это не дало, так как ликвидация Тульского округа и превращение Тулы с небольшим районом сельской местности в город Московского областного подчинения, совершенно отстранило его от руководства Бобриктроем. Именно из-за этого на Бобриктрое в первое время не было никакой Советской власти, кроме сельсоветской.

Но 23 октября 1930 года, когда с ликвидацией округов все города и районы Московской области стали подчиняться непосредственно Московскому облисполкому, президиум Моссовета и Мособлисполкома приняли постановление о перевыборах Советов, по которому устанавливались сроки для проведения собраний трудящихся по месту жительства, работы,

а также в общественных организациях по переизбранию депутатов сельских, поселковых, городских, районных, а потом и областного Советов к выработке для них конкретных наказов.

Начинались эти собрания по перевыборам с низовых звеньев Советской власти, т. е. с сельских Советов, и к 6 января 1931 года, как сообщала газета «Рабочая Москва», в 3258 сельсоветах 135 районов Московской области депутаты были переизбраны, что составляло 54,1 процента.

Таким же порядком, обсуждая на собраниях кандидатов и выдвигая достойных из них в депутаты по большинству голосов, проходили выборы и в поселковые, городские, районные Советы. Но Бобрики в них не участвовали. И это, скорее всего, потому, что строился здесь соцгород, в котором предполагалось ликвидировать противоположность между городом и деревней, закрепить, как практически осуществлялось, не продажу, а распределение зарплаты, продуктов и товаров по специальным книжкам.

Однако 8 января 1931 года за подписью председателя Моссовета и Мособлисполкома К. Уханова было опубликовано новое постановление, по которому «в целях обеспечения лучшей подготовки к перевыборам Советов, во исполнение постановления президиума Моссовета и Мособлисполкома от 23 октября 1930 года» было определено «начать перевыборы Моссовета и райсоветов с 25 января, а городов Тулы, Твери, Орехово-Зуева и Серпухова с 20 января 1931 года». Именно в это время, нам кажется, была определена городская судьба и Бобриковского строительства, хотя конкретного постановления об этом в печати обнаружить пока не удалось. И это, скорее всего, потому, что многие номера газет и других источников, связанных с формированием первого Бобриковского горсовета, обвинённого затем в оппортунизме и других «измах», из подшивок были изъяты и ликвидированы. Среди постановлений Мособлисполкома, тоже хранящихся в Российской госбиблиотеке, об образовании первого Бобриковского горсовета и города Бобрики ничего не нашлось.

В некоторых литературных источниках утверждается, что будто город Бобрики был образован в сентябре 1930 года, но это

неправда. До февраля 1931 года нет никаких упоминаний о городе Бобрики, Бобриковском горсовете, горисполкоме, горкоме ВЛКСМ и горпрофсовете. И только в феврале и марте впервые в истории Бобрикстроя упоминаются эти организации.

Во всяком случае, до 8 января 1931 года первая газета Бобрикстроя «Подмосковный гигант» со дня своего появления 30 октября 1930 года являлся органом комитета ВКП(б), ячейки ВЛКСМ и стройкома Подмосковского (Бобриковского) энергохимического комбината и издавалась под контролем Мособллита в 22-й типографии «Мосполиграф» в доме № 9 по Крестовоздвиженскому (ныне Янышева) переулку. И только сохранившийся № 10 (16) этой газеты от 3 марта 1931 года назван как орган комитетов ВКП(б), ВЛКСМ, горсовета и стройкома Бобриковского строительства. Промежуточные же номера 8/14 и 9/15, связанные с формированием в феврале оказавшегося затем «оппортунистическим» Бобриковского горсовета, были специально изъяты из подшивок, чтобы не разглашалась похвальба «разоблачённых» и «осуждённых врагов народа».

16 января 1931 года в московской областной газете «Рабочая Москва» на первой полосе была опубликована, однако, статья «Бобрики не чувствуют живого руководства Мособлисполкома», в которой дословно было сказано следующее:

«Подготовительная работа к предстоящим выборам в Бобриковский горсовет развёртывается. Организован избирком, на всех объектах строительства – комиссии содействия. В клубах, бараках и общежитиях с большим успехом проходят собрания, беседы, лекции. В связи с проводимой кампанией значительно увеличилась подписка на заём «Пятилетка в 4 года». Так, по химкомбинату с 25 декабря (1930 г.) дополнительно подписались на 15 тыс. руб., по Соцгороду – на 14 тыс. руб., на Любовской плотине – на 9 тыс. руб. и т. д. Организовано 12 новых ударных бригад, закрепившихся до конца пятилетки. Отмечается слабая помощь Мособлисполкома: отсутствует живой инструктаж: литературы и плакатов нет.

В. Дробот».

Тем не менее, в указанном № 10/16 «Подмосковного гиганта» от 3-го марта в статье за подписью С. Матвеева «Решительно завершить организационную перестройку» отмечено, что решением бюро парткомитета от 8 февраля с. г. (не горкома, а парткома – М. Б.) подводятся итоги работы всех наших общественных и хозяйственных организаций по письму ЦК ВКП(б) от 31 октября 1931 года... Но здесь автор малость ошибся, ибо письмо секретаря ЦК П. П. Постышева к Узловскому райкому партии и партколлективу Бобрикстроя было датировано 30-м октября, а 31-го оно обсуждалось на внеочередном пленуме парткома. Однако дальше он свидетельствует:

«За этот период времени (т. е. с 8-го февраля – М. Б.) организовался горсовет на строительстве. Организация власти диктатуры пролетариата была ознаменована вступлением лучших ударников, старых производственных рабочих в партию, молодых рабочих в комсомол, вступлением в члены профсоюза и закреплением до конца строительства лучших рабочих.

Лишь только два участка не приступили у нас ещё к перестройке – это кооперация и единая комендатура МХЭС (т. е. «Мосхимэнергостроя» – М. Б.). Оппортунистическая практика свила себе здесь гнездо...»

В числе оппортунистов здесь хоть и не называются поимённо, но подразумеваются первый начальник строительства энергохимического комбината С. П. Ананин, его первый заместитель Я. Калюжный, главный инженер Каширин, председатель профкома А. Наумов, а также инженер-теплотехник Л. К. Рамзин, скорее всего, профессор П. П. Федотьев и другие выдающиеся в ту пору учёные, закреплённые на основании постановления СТО от 11 ноября 1929 года за Бобрикстроем, а затем обвинённые в создании так называемой «Промпартии» и осуждённые к концу 1930 года в Колонном зале Дома союзов Верховным Судом СССР как враги народа.

Вместо С. П. Ананина, биография которого остаётся, как и его помощников, неизвестной, начальником Бобрикстроя был

назначен Пётр Григорьевич Арутюнянц, родившийся в 1892 году и прошедший большую школу мировой, гражданской войн, партийно-политической и административно-хозяйственной работы.

По свидетельству хорошо знавших его людей, П. Г. Арутюнянц был хоть и строгим, но очень заботливым и умным начальником. Вот поэтому-то при создании Бобриковского горсовета он вместе с его председателем Карповым, секретарём парткома И. С. Есиным и другими был единодушно избран депутатом в Московский областной совет, а на 2-м Московском областном съезде советов 23 февраля 1931 года они вместе с Карповым стали членами Мособлисполкома.

Таким образом, Бобриковский горсовет и его исполнительный комитет по всем видам были образованы в период после 8 и до 19 февраля 1931 года, когда начал работу 2-й съезд советов Московской области. Именно это время и должно считаться датой появления на месте Бобрикстроя города Бобрики, в котором на основании показаний справочника «Административно-территориальное деление Союза ССР на 15 июля 1934 года» ещё как в посёлке, а вернее, в Бобрикстрое, 1 января 1931 года насчитывалось 12,5 тысячи жителей, а 1 января 1933 года 47,6 тысячи (См. указ. соч., издательства «Власть Советов» при Президиуме ВЦИК, М., 1934, стр. «Предисловия» V-VI и XX, а в тексте справочника стр. 32 и 282).

Однако первый председатель Бобриковского горсовета Карпов проработал на этой должности менее года. По неизвестным причинам на расширенном заседании президиума Бобриковского горсовета совместно с депутатами 25 декабря 1931 года вместо Карпова председателем горсовета был избран Алексей Иванович Летин, из рабочих, член партии с 1917 года, находившийся до этого на ответственной партийной, советской и хозяйственной работе, а в последнее время бывший директором одной из текстильных фабрик.

А до этого, 2 декабря 1931 года, на состоявшейся в клубе Северного участка III-й общепостроечной профсоюзной

конференции, где присутствовал председатель Мособлисполкома профсоюза РПКЖС Степанов, вручивший бобриковцам за проделанную работу переходящее Красное знамя, и секретарь МОК ВКП(б) Г. Н. Каминский, выступивший с большой и проникновенной речью, был избран новый председатель горпрофсовета Т. Гаврилов, родившийся в 1890 году, с 1918-го партизанивший на Украине, в 1919 вступивший в партию и тогда же ставший политруком 25-й Чапаевской стрелковой дивизии.

Затем, в 1920-1929 годах, Т. Гаврилов находился на ответственной гражданской работе, а в декабре был мобилизован Московским комитетом ВКП(б) на Бобриковское строительство с должности заместителя председателя Сокольнического райпрофсовета.

И лишь один И. С. Енов, избранный 28 октября 1930 года на I-й, уже в Московской области, партийной конференции Бобриковского строительства секретарём парткома с подчинением непосредственно МК ВКП(б), оставался пока на своём месте. О судьбе же его предшественника, избранного секретарём парткома ещё в августе или сентябре 1930 года в составе Тульского окружкома и с подчинением Узловскому райкому партии, ничего не известно.

По имеющимся сведениям, И. С. Енов родился в 1900 году в городе Зиновьевске, какового, правда, ни в старинных, ни в современных указателях не встречается, в 1920 году он вступил в Красной Армии в партию, где и проходила его основная трудовая деятельность. Он был на партийной и комиссарской работе, затем командиром полка, заместителем начальника 60-й и начальником 24-й Железной дивизии.

После демобилизации в 1928 году И. С. Енов стал инструктором Сокольнического райкома ВКП(б) г. Москвы, затем заведующим орготделом, членом бюро райкома и Московского обкома партии. Был делегатом на XVI съезде ВКП(б), а потом постановлением бюро МК ВКП(б) командирован на партийную работу в Бобриковском строительстве, где 28 октября и был избран секретарём парткома.

10 декабря 1931 года Московский обком ВКП(б) решил преобразовать партком Борикстроя в Бобриковский городской комитет, для чего на 4 января 1932 года был назначен созыв новой, но опять же I-й, партийной конференции, теперь уже не бобрикстроевской, а городской.

Первым вопросом на нём стоял доклад Московского обкома партии, вторым – отчёт парткома о работе, с которым выступал И. С. Енов, третьим – отчёт ревкомиссии с докладом Донько, четвёртым – отчёт контрольной комиссии с докладом Штейнера, пятым – отчёт о выполнении стройфинплана 1931 года и контрольных цифрах на 1932 год с докладом Арутюнянца, шестым – выборы руководящих органов и седьмым – выборы на III областную партконференцию. И делегаты Бобриковской городской партконференции успешно решили все указанные вопросы. И. С. Енов, П. Г. Арутюнянц и другие были избраны на партконференцию в Москву, где опять выступал начальник Бобрикстроя и отмечал успехи строителей, заботу и помощь со стороны московских обкома и облисполкома. И делегаты, конечно же, не подозревали, что с письма И. В. Сталина в журнал «Пролетарская революция» о вражеских происках против победного шествия социализма по всем фронтам, начнутся гонения именно против них.

Ещё до III-й Московской областной партконференции, состоявшейся 23-29 января 1932 года, Бобриковским горкомом ВКП(б) по «предварительным итогам проработки письма тов. Сталина в журнале «Пролетарская революция» в резолюции было отмечено, что т. Десяткин, выступая перед пропагандистами ЦЭСа, заявил: «Статья Слуцкого не имеет большого значения, а поэтому стоит ли ей заниматься», хотя это явный вражеский выпад. А кандидат ВКП(б) Ломакин на занятиях в ВСПШ на ЦЭСе сказал, что «Ленин пришёл к Троцкому, чтобы обмануть его, достигнув же цели, он стал бороться против Троцкого».

Бывший член ВКП(б) и троцкист Андроненко, зайдя случайно в школу кандидатов партии Шатплотины, утверждал, что «Троцкий не так глуп в политике, чтобы недооценивать крестьянство», а тов. Сальников на партсобрании в ЦЭСе «хоть

и правильно оценивал троцкизм как контрреволюционный отряд международной буржуазии, но вылазку контрабандиста Слуцкого назвал политически неграмотным выступлением». («Подмосковный гигант», 1931, № 114/120 от 31 дек., стр. 1).

И, конечно же, все эти «предварительные», потом многие другие, жестоко заплатились за свои высказывания. А потом очередь дошла до самого И. С. Енова, П. Г. Арутюнянца, следующего за А. И. Летиным председателя горсовета Бабича и других.

«У руководства Президиума горсовета до осени 1936 г. сидели троцкисты – враги народа председатель Бабич, зампред Портной, ныне разоблачённые парторганизацией и арестованные органами НКВД», – свидетельствует «Материал к отчёту депутатов Сталиногорского горсовета» при подготовке к выборам 1937 года.

«Бабич и Портной в тесном контакте с директором ГРЭС, членом горсовета Вайнблатом, бывшим секретарём ГК ВКП(б), членом Президиума Еновым и директором химкомбината, членом Президиума Арутюнянцем, всю свою мерзкую деятельность направляли на развал работы горсовета. Они организовывали вредительство на всех участках жилищно-коммунального и культурно-бытового строительства, приложили свою бандитскую лапу и к здравоохранению, водоснабжению, везде, где можно было бы ухудшить быт трудящихся Сталиногорска...»

Далее же в «Материале» идёт перечисление объектов и сфер, к которым указанные лица приложили «свои грязные вражеские руки». На первом месте из них стоит то, что «освоение источников водоснабжения велось таким образом, что маломощные и более дорогие скважины вводились в первую очередь, что проектирование и строительство станции первого подъёма № 10 велось по изысканиям 1931 года, а поэтому глубина заложения шахты была вредительски занижена, а установка агрегатов искажена против существующих возможностей, что резервуар не соответствует мощности скважины и вмещает только 25 процентов подаваемой ею воды, что главный водовод состоит из одной нитки 150-

миллиметровых труб, которая может пропускать лишь половину воды, поступающей из скважины, а вторая нитка была уложена по угольному пласту шахты № 15 и разрушилась от обвалов в выработках угольных штреков.

Вот, оказывается, почему будущий город Новомосковск продолжал существовать на мизерном водном пайке! Это не мы, не новые руководители «Водоканала» и других служб виноваты, а Енов, Арутюнянц, предгорсовета Бабич и другие, что так плохо сделали городской водопровод.

«Враги народа Бабич и Портной, – свидетельствует далее «Материал к отчёту депутатов», – отпускаемые государственные средства на жилищное строительство не осваивали и этим умышленно срывали план. По вине этих мерзавцев в Сталиногорске ощущается тяжёлое положение с жильём. Трудящиеся проживают в 120 бараках, подлежащих сносу, чем поставлены в плохие бытовые условия. Средства же, выделенные на строительство здания горсовета и дома горсовета, использовали на другие нужды, что резко затормозило строительство этих объектов...».

В нынешней нехватке жилья в Новомосковске тоже, следовательно, повинны те же Енов, Бабич, Арутюнянц и другие руководители Бобрикстроя в годы его рождения? Да нет же! Ведь за строительством города следили не только они, но и высшие партийные, советские, профсоюзные, комсомольские власти, представители которых неоднократно приезжали на строительство, осматривали его, делали выводы, заключения и высказывали их на собраниях трудящихся Бобрикстроя, на заседаниях своих руководящих органов, даже на пленумах, конференциях и съездах ВКП(б).

В газете «За коллективизацию» – орган московских обкома ВКП(б) и облисполкома, за 19 сентября 1930 года № 119, целая третья полоса была посвящена Бобрикстрою.

«Бобрики – второй Днепрострой! – говорилось в верхнем аншлаге этой страницы, набранном крупным и жирным шрифтом. – На подмосковном угле растёт гигант пятилетки. Он даст стране: сотни тысяч тонн минеральных удобрений, сотни тысяч киловатт электроэнергии, тысячи тонн алюминия.

Бобрики – мощный рычаг социалистической перестройки сельского хозяйства. Возьмём Бобрики в кольцо молочно-огородных колхозов и совхозов!

Бобрики сельскохозяйственные должны иметь свою пятилетку. И МОЗО (т. е. Московский областной земельный отдел – М. Б.) начинает осуществлять эти предложения... Об этом свидетельствует публикация беседы с зам. зав. МОЗО т. Зальдиным. Председатель облплана Дичев предлагает: «Приступить теперь же». Ждём ответа на телеграммы, посланные Узловскому, Михайловскому, Епифанскому и Венёвскому райкомам партии».

Далее же сообщалось, что редакция газеты «За коллективизацию» созывает совещание по вопросу перестройки сельского хозяйства в районе Бобриковского строительства, куда приглашаются ответственные представители МОЗО, МОСПО (т. е. Московского сельского потребительского общества – М. Б.), Московского облколхозсоюза, Московского облплана, республиканских совхозных трестов, Мосхимэнергостроя, редакции «Рабочей Москвы» и всех заинтересованных общественных организаций.

Совещание состоится 24 сентября в 6 часов дня в помещении редакции (Никольская, 12, 4-й этаж)».

Так что же могли сделать они, местные власти и руководители, если всё решалось в верхах, за их спиной? Им ничего не оставалось, как только козырять и отвечать: «Будет сде...»

И они вскоре появились, совхозы МОСПО, подшефные разным московским предприятиям и организациям. В одном только Венёвском районе больше десятка, среди них и нынешние совхозы «Правда», «Коммунар» и другие, в значительно меньших, правда, размерах. Появились же на основе негодной большевистской теории о постепенной ликвидации различий между городом и деревней.

Город Бобрики, между прочим, тоже планировался на первых порах как промышленно-сельскохозяйственный конгломерат. «С самого начала строительства, т. е. с 1.01.1930 г., мы думали о вопросах сельского хозяйства, –

говорил в 1932 году на научно-технической конференции по Бобрикстрою инженер А. И. Кузнецов, – подключили для этого Тимирязевскую академию. Для 1-й очереди на это было отведено 9 тысяч гектаров. Однако законченного проекта организации до сих пор не составлено. Да его, видимо, и не будет, ибо Каганович, будучи здесь, сказал: «Какой у вас соцгород?.. У вас грязь одна, а больше ничего нет. Вы назвали бы его не соцгородом, а как-то поскромнее...» Это же самое он повторил и на июньском пленуме ЦК ВКП(б) в 1931 году. После этого мы назвали его не социалистическим, а индустриальным городом...»

В резолюцию конференции по докладу А. И. Кузнецова «О проекте планировки соцгорода Бобриковского комбината» записали:

1. Принять к сведению, что выбор городской площади и проект планировки утверждены Московской областной планировочной комиссией и научно-техническим комитетом при НКХозе.

2. Признать правильной установку на создание единого (а не трёх – М. Б.) города для населения как всего химкомбината в целом, так и угольной промышленности, за исключением небольшого аварийного посёлка при северной группе предприятий. Обратить внимание НКТяжпрома на строительство Москвоуглём ряда мелких посёлков при отдельных шахтах.

3. Отметить, что в проекте города: а) не получила никакого отражения проблема ликвидации противоположности между городом и деревней; б) не разработан вопрос обобществления быта; в) советской торговли, который подменён «левацким» распределением продуктов; г) демографических изменений; д) художественно-архитектурного оформления и др.

4. Констатировать, что ход строительства города отстаёт от темпов промышленного строительства, что ведёт к угрозе срыва пуска объектов.

Ну вот, пожалуй, и всё, что можно и нужно, нам кажется, сказать о рождении нашего нынешнего Новомосковска в честь его 65-летия. Рождение, как видим, было трудное, но не такое

грустное, как здесь показано. Ведь первостроители не знали и не чувствовали всех спорных перипетий между нижними и верхними властями. Но они любили, кажется, уважали первых руководителей Бобрикстроя. Именно об этом свидетельствуют воспоминания о них в многочисленных книгах, брошюрах и художественных произведениях.

Да что там книги и брошюры, я сам, будучи пятилетним, хорошо запомнил приезд инженера Рамзина в венёвскую артель водовозов, размещавшуюся в тесовом бараке на огородах д. Степановки, с просьбой организовать срочный подвоз воды на один из строящихся объектов. И водовозы тут же, во главе с моим дедом, Сергеем Петровичем Зотовым, запрягли лошадей в свои водовозки и целым обозом из трёх десятков подвод в предвечерних сумерках направились в путь. И это было не принуждение со стороны Леонида Константиновича, а знак большого уважения его со стороны рабочих.

А про секретаря парткома И. С. Енова рассказывали, что он однажды чрезвычайное заседание бюро собрал из-за того, что у одного из плотников нашли в рубашках вошь. А через день или два из Москвы на Бобрикстрой прибыл специальный санитарный эшелон из нескольких вагонов и находился здесь, пока не пустили в ход собственную баню и прачечную.

К сожалению, многие из нас не знают уже первостроителей города. Осуждённые и замученные в сталинских застенках, они ушли от нас с твёрдой верой в прекрасное будущее. И эта их вера должна бы окрылять нас в 65-летнем юбилее. Но вот возник вопрос: когда же его отмечать?

Сейчас рождение Новомосковска отождествляют с днём появления у нас первой газеты «Подмосковный гигант» 30 октября 1930 года. Но это, нам кажется, не совсем правильно. Ведь строиться-то он начал раньше, чем появилась газета!?

Более справедливым, пожалуй, днём рождения города считать 26 мая 1930 года, когда руководство и общественные организации Бобрикстроя рапортовали властям Тульского округа о том, что «заложено две плотины, по железнодорожной

ветке к строительству подан первый состав». (Путь борьбы и побед. Тула, 1978, кн. 1, стр. 310).

Довольно подходящим может быть и день образования Бобриковского горсовета между 8 и 19 февраля 1931 года, которое произошло, судя по архивной справке ЦГАОР СССР, составленной 3 января 1980 года, на основании решения Президиума ВЦИК от 20 января 1931 года «Об организации городского Совета на территории Бобриковского строительства в Узловском районе Московской области с непосредственным подчинением его Московскому облисполкому».

Окончательно же этот вопрос следует, нам кажется, обсудить администрации города и узаконить дату рождения его специальным решением.

О дне рождения города

При закладке бывшего Бобриковского энергохимического комбината и Соцгорода первостроители из «Мосхимэнергостроя» не догадались составить специальный акт, как это сделали, например, 2 июля 1930 года первостроители Магнитогорска, а поэтому мы, жители нынешнего Новомосковска, до сих пор остаёмся в неведении о дне зарождения своего города. И это скорее всего потому, что рождался он в больших муках и потугах, сломавших жизнь и судьбы многих замечательных его первосоздателей.

– Первоначально, – свидетельствовал в апреле 1932 года в докладе «О планировании и строительстве Соцгорода» на научно-технической конференции по теме: «Пути развития Бобриковского комбината и проблемы комплексного использования сырья» инженер А. И. Кузнецов, – в целях приближения жилья к промышленности планировалось три города: на севере (у химкомбината), на юге (у кирпичного и керамического заводов) и на востоке (у ГРЭС). Но этот проект требовал больших затрат, в связи с чем был признан нецелесообразным. Выбрали вариант с одним городом у

з Бороздинский М. О рождении города Бобрики // Новомосковская правда. 1995. 2, 3, 4, 5 авг.

Урванского леса в 1250 га, из которых 232 занимал лес (См. Труды научно-технической конференции по Бобриковскому энергохимическому комбинату. Пути развития Бобриковского комбината и проблемы комплексного использования сырья. М., Госхимиздат, 1933, стр. 208-211.).

– А так как новый Соцгород должен был ликвидировать противоположность между городом и деревней, – добавлял докладчик, – то с самого начала строительства, т.е. с 1.01.1930 г. мы думали о вопросах сельского хозяйства, подключили Тимирязевскую академию. Для первой очереди на это было отведено 9 тысяч га. Однако законченного проекта организации этого до сих пор нет. Каганович же (бывший тогда первым секретарём МК ВКП(б) – М. Б.), будучи здесь, сказал: «Какой у вас Соцгород? У вас грязь одна, а больше ничего нет, назвали бы его поскромнее...» Это же самое он сказал и на июньском пленуме ЦК в 1931 году. Вот поэтому-то мы и называем сейчас наш город не социалистическим, а индустриальным... (Там же, стр. 215-218).

Начальник же строительства Соцгорода Фрейман в своём выступлении здесь же отметил, что началось оно вместе с промышленным в 1930 году, но до 1.01.1931-го освоили около 4-х миллионов рублей, так как до осени шёл спор между Москвой и (строительной) площадкой, где строить: на севере или на юге. Замедление же промышленного строительства отодвинуло строительство города на второй план.

– На 1932 год план городского строительства рассчитан на 24 миллиона рублей, – продолжал Фрейман, – что должно обеспечить жильём и обслуживанием 22 тысячи человек, но в первом квартале из 2270 тысяч освоили только 916, т.е. 41,5 процента при наличии рабочей силы в 60 процентов, апрель тоже даёт 40 процентов выполнения плана. (Там же, стр. 211-215).

Из сказанного видно, что строительство Соцгорода началось с 1 января 1930 года, хотя П. А. Солодовников, являвшийся тогда одним из высших руководителей Бобрикстроя, издавший в 1932 году брошюру «Подмосковный энергохимический комбинат (Бобрики)», утверждает, что «место для электростанции и химкомбината было окончательно

утверждено постановлением ЦЭС (вероятно «Центрэлектростроем» – М. Б.) только 19 января 1930 года (протокол № 296/229)».

Именно это время, т. январь 1930 года, и следует, нам кажется, считать началом зарождения нашего города. Но, к сожалению, сделано было в 1930-м очень немного. И это прежде всего потому, что ликвидировалась Тульская губерния, потом и Тульский округ, в связи с чем началась неразбериха в планировании работ, в обеспечении новостройки рабочей силой, средствами, материалами и в руководстве всеми делами.

Да и как могло хорошо идти дело, если строительство Бобриковского энергохимического комбината, по словам того же Павла Алексеевича Солодовникова, было утверждено постановлением СТО (Совета Труда и Оборона) 11 ноября 1929 года (протокол № 37435, пункт 5), а запасы сырья для него – Главным геологоразведочным управлением только в апреле 1930 года. И так по большинству показателей. Отвечать же за срывы в работе пришлось первому начальнику Бобрикстроя С. П. Ананину со своими помощниками, а также инженеру-теплотехнику Л. К. Рамзину и другим выдающимся учёным, курировавшим Бобриковское строительство, потом осуждённым за принадлежность к мифической «Промпартии» как «враги народа», о которых, к сожалению, мы почти ничего не знаем.

На судебном процессе «Промпартии», проходившем в Колонном зале Дома союзов в Москве в ноябре-декабре 1930 года, Л. К. Рамзина и его товарищей обвинили в том, что они навязыванием научных дискуссий срывали сроки Бобриковского строительства, задерживали его снабжение нужными механизмами и материалами, постоянно меняли и изменяли планы, к чему большинство из них не имело никакого отношения. Документальных же подтверждений их «враждебности» не предъявляли. Нет их и в «Материалах», приложенных к «Стенограмме судебного процесса о «Промпартии», изданной в 1931 году.

Наоборот, первостроители Бобриковского комбината с большим уважением, нам кажется, относились в то время к профессору Московского высшего технического училища,

создателю и первому директору Московского теплотехнического института Л. К. Рамзину, а поэтому ими ни на собраниях, ни в печати ни одного обвинительного слова не было сказано в его адрес. И лишь продажные «писаки» И. Рябов, П. Белявский, А. Лясс и другие москвичи, совершенно не знавшие Рамзина, без стыда и совести, бездоказательно, неубедительно обливали его грязью в «Рабочей Москве» и других столичных изданиях.

Мне собственно и самому, ещё будучи пятилетним, пришлось наблюдать, как приехал однажды в вечерних полусумерках Л. К. Рамзин в артель венёвских водовозов, проживавших в бараках на огородах дер. Степановки, с просьбой привезти воду на один из строившихся объектов. Ну разве враг народа пошёл бы на такой шаг личного унижения перед простыми деревенскими мужиками?

За минувшие с тех пор шестьдесят с лишним лет, конечно же, забылся внешний облик этого инженера. Но зато запомнилось, с каким уважением встретили его оборванные водовозы, как приглашали его к вечернему чаю, от которого он отказался, а потом дружно запрягли своих лошадей в водовозки и целым обозом вместе с моим дедом Сергеем Петровичем Зотовым и с отцом Георгием Семёновичем двинулись в путь.

Важнейшими событиями Бобрикстроя в 1930 году были закладки Любовской и Шатской плотин, встреча первого железнодорожного состава, прибывшего по только что проложенной ветке от разъезда между станциями Грицово и Маклец до станции Бобрик-Донской. Именно об этом событии 26 мая и рапортовали первостроители в Тулу, так как оно явилось практической точкой отсчёта времени с зарождения города, в котором, правда, по справочнику «Административно-территориальное деление РСФСР на 15 июля 1934 года», в январе 1931-го насчитывалось всего лишь 12,5 тысячи жителей.

Тем не менее тогда же, в январе 1931-го, Бобрикстрой превратился в город Бобрики. Документально же этот факт оформлен в 15-м пункте Протокола № 82 заседания Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) следующим образом:

«15. Об организации городского совета на территории Бобриковского строительства Узловского района Московской области (Внесено) секретариатом ВЦИК; протокол № 67, пункт 13). Дело № АУ 715/5.

1. Придавая особо важное значение успешному строительству Бобриковского химкомбината и наилучшему культурно-социальному обслуживанию рабочих, занятых на этом строительстве, признать необходимым организовать на территории Бобриковского строительства в Узловском районе Московской области городской совет с подчинением его непосредственно Мособлисполкому.

2. Поручить Административной комиссии ВЦИК установить точные границы территории, объединённой Бобриковским городским советом, представить проект соответствующего постановления на утверждение Президиума ВЦИК» (ГАРФ, ф. 1235, оп. 44, д. 74, л. 178-об.).

15 февраля 1931 года на собраниях трудящихся по месту работы и жительства, в общественных организациях были закончены выборы депутатов в городской Совет, образован Бобриковский горисполком советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов во главе с председателем Карповым.

А вышепротитированный документ должен служить «метрическими свидетельствами» о рождении города.

В некоторых литературных публикациях, даже в работе бывшего директора Госархива Тульской области З. М. Баташовой «Административно-территориальное деление Тульской губернии – округа – области за 1917-1970 годы» указывается, что город Бобрики образован якобы в 1930 году, но это, на мой взгляд, неправильно. В каталоге Госархива Российской Федерации хранится, правда, карточка с таким обозначением, однако источники этих сведений не обозначены. В протоколах заседаний Президиума ВЦИК за 1930 год тоже никаких сведений о этом нет.

Следовательно, днём рождения города Бобрики, переименованного постановлением ЦИК СССР 27 декабря 1933 года «по просьбам трудящихся», как записано в «Собрании

Законов», в город Сталиногорск, а 13 ноября 1961 года указом Президиума Верховного Совета РСФСР – в город Новомосковск, следует считать 30 января или 15 февраля 1931 года. Точную же дату юбилея города, нам кажется, должна определить по совету с народом наша городская администрация⁴.

Предыстория г. Новомосковска

22 октября 1923 года президиум Тульского губисполкома принял постановление «О районировании Тульской губернии», которое было санкционировано X губернским съездом Советов и проводилось с 21 марта по 15 августа 1924 года. При этом в одиннадцати бывших уездах, кроме Каширского, переданного по постановлению Президиума ВЦИК от 27 апреля 1923 года в состав Московской губернии, насчитывавших 241 волость, было создано 56 районов, в том числе в Венёвском и Епифанском уездах, на территории которых предстояло расположиться будущему г. Новомосковску, по пять районов, а именно: Васильевский, Венёвский, Серебряно-Прудский, Холтобинский и Юдинский в первом, Бучальско-Молоденский, Епифанский, Карачевский, Орловско-Краснобуйский и Узловский во втором.

29 ноября 1926 года постановлением ВЦИК в составе Тульской губернии был утверждён 41 район, подчинённый непосредственно Тулгубисполкому, при этом Холтобинский район бывшего Венёвского уезда был переименован с перенесением центра из села Холтобино в село Гремячее, в Гремячевский, а Карачевский Епифанского уезда с перенесением центра в посёлок Михайловский при станции Епифань Сызрано-Вяземской железной дороги в Михайловский, на территории которого находится нынешняя станция Бобрик-Донской.

В августе 1927 года во исполнение постановления Президиума ВЦИК от 11 июля Гремячевский район был ликвидирован, а его территория присоединена к Михайловскому

⁴ Бороздинский М. О дне рождения города // Новомосковская правда. 1995. 10 авг. С. 3.

району. 7-го же января 1929 года посёлок этого района при Бобриковском угледобычном руднике перешёл в Узловский район и ему постановлением Президиума ВЦИК было присвоено наименование Донского. Сам же рудник для пущей важности и более успешного развития стал называться именем председателя СНК и СТО А. И. Рыкова(!).

Однако административно-территориальные перетрубки на этом не кончились. 14 января 1929 года Президиум ВЦИК постановил образовать с 1-го октября того же года на территории РСФСР объединения краевого и областного значения, в том числе Центрально-промышленную область, включающую в себя территории Московской, Тульской, Рязанской, частично Калужской и Тверской губерний, преобразованных в округа. А 11 марта 1929 года пленум Тульского губкома ВКП(б), одобрив создание Центрально-промышленной области и превращение бывших губернских и ряда бывших уездных центров в центры административно-территориальных округов, принял резолюцию о новом районировании губернии. 3-го же июня 1929 года Центрально-промышленная область по постановлению Президиума ВЦИК была переименована в Московскую.

В связи с присоединением к будущему Тульскому округу Скопинского уезда Рязанской губернии территория его по сравнению с губернией значительно увеличилась, однако районов стало только 27, в том числе Венёвский, Оболенский, Узловский и Михайловский, территории которых непосредственно входили в территорию нынешнего города Новомосковска.

На XVI конференции ВКП(б), состоявшейся 23-29 апреля 1929 года и обсуждавшей 1-й пятилетний план развития народного хозяйства, рассчитанный на создание социалистической экономики «в оптимальном» варианте, подчёркивалась важность развития Подмосковского угольного бассейна и постройки на его базе сначала электростанции, потом мощного энергохимического комбината.

«Исходя из общей идеи индустриализации страны, укрепления обороноспособности Союза и освобождения от

зависимости в отношении капиталистических стран, – говорилось в резолюции, – капиталовложения направляются преимущественно на промышленность, производящую средства производства (78 проц. из 16,4 млрд. руб.)...

План предусматривает строительство 42 районных электростанций, в том числе на подмосковном угле в Бобриках. Это... должно увеличить... производство электроэнергии с 5 до 22 млрд. квт.-час. в конце пятилетки.

Развитие «Шахтостроя»

По каменному углю проектируется мощное шахтное строительство, в том числе в Подмосковном бассейне, добыча его должна быть доведена с 35 млн. тонн в 1927-1928 гг. до 75 млн. тонн в 1932-1933-м. По химической промышленности производство удобрений доводится в 1932-1933 гг. до 8 с лишним млн. тонн против 175 тыс. тонн в 1927-1928 гг.».

А 21 мая 1929 года состоялось расширенное заседание президиума Тулгубисполкома с хозяйственными, научными и профессиональными работниками о промышленном развитии Подмосковного бассейна, где по докладу комиссии ВСНХ было отмечено, что задачи индустриализации страны находят в Подмосковном бассейне, в месторождениях Тульской губернии крупнейший центр для удовлетворения растущих потребностей Московской области в электроэнергии, потребностей страны в химических удобрениях и продукции для укрепления обороноспособности в строительных материалах.

В связи с этим признать основные вывод и решения комиссии, выражавшиеся в: а) развитие добычи угля до 6 млн. тонн; б) постройке Бобриковской электростанции; в) химического комбината с основным производством синтетического аммиака; г) сооружении газопровода бассейн-Москва и д) постройке силикатно-керамического комбината с использованием различных местных глин, – правильными. Считать необходимым скорейшее утверждение означенных выводов и решений Президиума ВСНХ Союза, РСФСР и др. высшими учреждениями с таким расчётом, чтобы конкретные предложения комиссии легли в основу пятилетки и были учтены в контрольных цифрах на 1929-1930 годы.

Принимая во внимание необходимость строительства Бобриковской электростанции уже в 1929-1930 годах, считать необходимым приступить к подготовительным работам в текущем году...» (хрестоматия «Тульский край», Тула, 1968. Ч. II, стр. 152-153).

В июле-августе 1929 года в Московской области прошли районные и окружные партконференции; структурная перестройка партийных, советских, профсоюзных, комсомольских и других органов была утверждена в сентябре 1-й Московской областной партконференцией. Здесь же с одобрением партийного курса на индустриализацию было подчеркнуто, что особое внимание должно было уделено мощному развитию электрификации на базе подмосковного угля и торфа.

Выход в свет «Подмосковной кочегарки»

В связи с тем, что подмосковный уголь в 1929 году занимал чуть больше двух процентов в топливно-энергетическом балансе Московской области, добычу его по пятилетнему плану намечалось увеличить в 8 раз и довести до 10 млн. тонн, т. е. до 20 процентов баланса. На базе угля намечалось построить Бобриковскую электростанцию на 300 тысяч киловатт, газопровод по линии Бобрики – Тула – Москва, Бобриковский химкомбинат, керамический синдикат по производству кирпича, черепицы, других материалов.

Тогда же, на состоявшейся 4-7 сентября 1-й Тульской окружной партконференции, в резолюции «Об очередных задачах Тульской парторганизации» был одобрен план развития Подмосковного бассейна как одной из крупнейших баз индустриализации страны. А 11 ноября 1929 года по докладу ВСНХ постановлением СТО (Совета Труда и Оборона) было утверждено после уточнения «Всехимпромом» строительство Бобриковского энергохимического комбината из 15 объектов.

Перед этим же, 18 октября 1929 года, президиум ВСНХ (Высшего Совета Народного Хозяйства) утверждено положение о «Мосхимэнергострое», управление которого, не имея ни средств, ни планов, приехало на Бобрик-Гору и приступило к организационным мероприятиям (Там же, стр. 4).

Но трест «Мосхимэнергострой» был не первой, как свидетельствуют факты, строительной организацией на Бобрик-Горе, а одной по времени из последних, ибо первоочередной задачей ставилось быстрее развитие Подмосковского угольного бассейна. В связи с этим одним из первых здесь оказались трест «Шахтострой», а также «Стальстрой», разместивший свои силы для прокладки железнодорожной ветки на станции Грицово и Бобрик-Горе, и другие. Общее же руководство этими силами было возложено на Узловский райком ВКП(б) и райисполком.

По прибытии строительных организаций в назначенные для них места немедленно создавались по подразделениям партийные и комсомольские ячейки, объединяющиеся в базовые организации. В марте же 1930-го решением Тулокружкома ВКП(б) на Бобрикстрое был создан общий партийный комитет с правами райкома партии, силами выездной редакции «Коммунар» стала издаваться газета «Подмосковная кочегарка» – орган Узловского РК ВКП(б) и партколлективов рудника и Мосэнергостроя.

Однако буквально через два номера подзаголовков «Подмосковной кочегарки» был изменён на «Орган Тулокружкома ВКП(б), Тулокрисполкома, ОСПС (т. е. окружного совета профсоюзов – М. Б.) и Бобриковского райкома ВКП(б)». И это, скорее всего, потому, что узловские районные власти с возложенными на них задачами не совсем хорошо справлялись.

В газетном филиале Российской Государственной библиотеки, находящемся в городе Химки, к сожалению, первых двух номеров «Подмосковной кочегарки» не сохранилось, в третьем же номере от 9 апреля сообщалось, что газета выходит «раз в 5-7 дней», адрес редакции: Бобрики, райком ВКП(б), отпечатан же номер в типографии «Тулпечати», ул. Коммунаров, 42, под контролем «Тулокрлита № 369». Подписал газету ответственный редактор Д. Артюхов.

На первой полосе номера передовая статья под заголовком: «За социалистический труд в социалистическом государстве», основанная на решениях высших руководящих

органов по укреплению дисциплины труда, повышению качества работы, организации массовой проверки выполнения промфинпланов, развитию ударничества, соцсоревнования и т. п. Но в ней нет ни одного положительного или отрицательного примера из местных дел, ни одного имени или фамилии.

По страницам «Подмосковной кочегарки»

Здесь же под рубрикой «Накануне перевыборов партбюро» заметка «Докладчик зарпортовался», в которой отмечается, что в прошлый партдень докладчик Зуев в ячейке «Мосхимэнергостроя» заявил, что статья тов. Сталина «Головокружение от успехов» является проверочной не для партии, а только для руководителей колхозного движения, чем навёл тень на плетень.

Большую часть второй полосы занимает материал о положении дел на Бобриковском руднике и отмечает, что из треста план добычи на апрель был установлен на 47 тысяч тонн, а сами шахтёры взялись добыть 68 тысяч тонн. Однако главный инженер Афендииков с мнением шахтёров не считается и стоит за трестовский план. Так не пора ли привлечь его за это к ответу?

Однако большинство статей и заметок, как правило, без подписей или под псевдонимами и не имеют конкретных адресов критикуемых. Даже статья «В Мосхимэнергострое всё ещё морозы» за подписью Артюхова, скорее всего, самого редактора, не блещет содержанием и конкретностью.

«Мосхимэнергострой» всё ещё ведёт подготовительные работы, – стоит 120 барачных для жилья и разных служб, но уже нет гвоздей, леса, других материалов. Секретарь МХЭС Емельянов говорит, что получили 33 процента материалов от годовой потребности, на самом же деле не более 3-5 процентов, а поэтому рабочим приходится простаивать, бездельничать. Контора МХЭС берёт на работу пьяниц вроде Лобкова и засоряет аппарат, отрицательно влияет на строителей. А это значит, что она требует тщательной очистки».

В «Подмосковной кочегарке» № 4 за 17-е апреля снова статьи и заметки о неурядицах на Бобриковское. Так, в заметке

«Сломим ведомственную косность» на третьей странице отмечено, что кредиты на строительство социалистического городка уже отпущены, но стройки задерживаются из-за нехватки материалов, из-за отсутствия планов работ. В таком же состоянии строительство и на промышленном участке, большой столовой, которая должна превратиться в фабрику-кухню.

Строительство одноэтажных шлакоблочных домов надо закончить к 15 июня, но оно тоже срывается из-за мелочей. Не выяснена до сих пор и роль некоторых организаций в начавшемся строительстве, так как они ни в чём себя не проявляют. Подписал эту заметку некто Пашорин. А вот в заметке «Надо положить конец» за подписью «С...», сказано, что в Бобриках наплодилась масса строительных организаций: «Мосхимэнергострой», «Шахтострой», Стройконтора и многие другие, а строительства не видно. Так надо же, в конце концов, требует С..., определить задачи этих организаций!

В заметке «Путаница и расхлябанность» за подписью «Зрячий» утверждается, что директор лесопильного завода «Мосхимэнергостроя» Панов окончательно запутался в расчётах с рабочими. Подённым вместо двух рублей платит по рублю 60 копеек, а поэтому они часто не работают, простаивают. А в заметке «Ведомственный зуд» сказано, что «Мосхимэнергострой» – по времени одна из последних организаций, возникших в Бобриках, и в этом её беда, так как не успела она обзавестись спецодеждой и многим другим. В соседних же, как в «Углеснабе», например, спецодежда в избытке, но делиться излишками никто не хочет. Но эта ведомственность мешает общему делу.

Из-за того, что дело на Бобрикстрое на первых порах не клеилось, бюро Московского обкома ВКП(б) вынуждено было рассмотреть вопрос о ходе работ по освоению Подмосковского угольного бассейна 18 апреля 1930 года на своём заседании, где была поставлена задача по увеличению добычи угля, ускорению строительства Бобриковской электростанции, химвкомбината, газификации предприятий. Однако положение дел от этого не улучшилось, что вызвало скорую смену Бобриковского и Тульского окружного руководства («Путь борьбы и побед»,

кн. 1-я, Тула, 1978, стр. 308-309). Пятый номер «Подмосковной кочегарки» вышел в связи с этим 1-го мая за подписью ответственного редактора Н. Селивохина и главное место в нём занимала статья под заголовком: «Работу бюро новых партячек надо подчинить задачам ликвидации производственных прорывов, укрепления нового строительства, решительной борьбе с правым уклоном». Однако в ней был указан лишь единственный местный факт о том, что некто Бронский в «Мосхимэнергострое» не только не возмущился положением дел, а наоборот, советовал о хозяйственных делах умалчивать.

Здесь же, на 1-й странице, напечатана заметка за подписью Г. М. Радзишевского «Мой призыв», в которой он объявлял, что решил «для ускорения темпов индустриализации и строительства Бобриковского комбината ежемесячно отчислять 1 процент заработка до конца пятилетки», к чему призывал всех сотрудников МХЭС.

Следующий, 6-й номер «Подмосковной кочегарки» вышел 12 мая 1930 года, но он был почти полностью посвящён Бобриковскому руднику. А 15-17 мая состоялась партийная конференция Бобриковского райкома ВКП(б), которая приняла по докладу секретаря тов. Землевского ошибочное, по мнению Тулокружка и Московского обкома ВКП(б), решение, противоречащее директивам ЦК ВКП(б) и смазывающее действительное положение дел. Однако подлинное содержание его было скрыто от широких масс трудящихся в партархивах.

23-го же мая 7-й номер «Подмосковной кочегарки» вышел в двухстраничном формате, на первой из которых помещено «Решение бюро окружка о работе бобриковской партконференции». В нём отмечено, что бобриковская партконференция, состоявшаяся 15-17 мая под руководством представителя Тулокружка тов. Панова и секретаря Бобриковского райкома ВКП(б) Землевского, скрыла и замазала ошибки в работе партийного руководства, в связи с чем приняла противоречащее директивам высших партийных органов решение.

Секретарь партячейки шахты № 10 Мягков, секретарь райкома партии Землевский и другие вместо признания ошибок

затушевали, замазали их, а член бюро Калужный хоть и сказал, что были недоработки, но не раскрыл их.

В связи с этим в Тулокружке было принято решение о ликвидации Бобриковского райкома ВКП(б) и передаче парторганизаций Бобриктростя в подчинение Узловскому райкому партии. Для официального же решения этого вопроса в Бобрики был командирован представитель Тулокружка тов. Ярцев, которому поручалось провести вторичное партсоборание, которое должно отменить решение партконференции. Вот почему здесь же, в 7-м номере «Подмосковной кочегарки» от 23-го мая, напечатано Постановление вторичного партсоборания (а не конференции – М. Б.) бобриковской организации ВКП(б) по докладу тов. Ярцева, отменяющее на основании решения бюро Тулокружка постановление предыдущей партконференции от 15-17 мая.

Однако об этом в газете всего лишь сообщалось: «Признать решение состоявшейся 15-17-го мая партийной конференции Бобриковского райкома ВКП(б) смазывающим действительное положение дел и противоречащим директивам ЦК ВКП(б)». Вместе с тем далее объявлялось: «В следующем номере «Подмосковной кочегарки» 24 мая читайте постановление вторичного партийного собрания». Но следующий, 8-й номер «Подмосковной кочегарки» вышел только 3 июля 1930 года за подписью ответственного редактора В. Кискина и о постановлении вторичного партсоборания в нём не упоминалось.

Так в чём же дело? Почему в постановлениях о сокрытии и замазывании ошибок в работе Бобриковского райкома ВКП(б), напечатанных в «Подмосковной кочегарке», тоже не раскрыты эти ошибки? Да потому, нам кажется, что именно в это время начинал готовиться разоблачительный процесс над так называемой «Промпартией», руководитель которой, инженер Л. К. Рамзин, а также другие, были связаны с Бобриктростом.

О «Промпартии» и партийной чехарде в руководстве Бобрикстроем

В советских энциклопедических изданиях указывается, что «Промпартия» – контрреволюционная вредительская организация верхушки буржуазной инженерно-технической интеллигенции и капиталистов, действовавшая в СССР в 1925-30 годах». Однако ни устава своего, ни членских билетов, ни подтверждённого документально руководящего центра она не имела. Следовательно, организацией её можно назвать лишь условно.

Сначала она действовала под названием «Инженерный центр» во главе с бывшим товарищем министра торговли и промышленности Временного правительства П. И. Пальчицким, а также Л. Г. Рабиновичем, Н. К. Фон-Мекком и другими, а с 1928 года, после их ареста, во главе с Л. К. Рамзиным, В. А. Ларичевым, Н. Ф. Черновским и другими. Но это опять-таки не подтверждено никакими документальными сведениями, а основывается на личных показаниях обвинённых, выбитых во время следствия.

Леонид Константинович Рамзин (1887-1948) по окончании в 1914 году Московского высшего технического училища был оставлен в нём на преподавательский работе, а в 1920-м стал профессором, в 1921-м одним из организаторов и директором Всесоюзного теплотехнического института и тогда же членом Госплана. Вот ему-то, как выдающемуся учёному в области теплотехники, и было ещё при В. И. Ленине поручено курировать строительство и приёмку электростанций по плану ГОЭЛРО, потом и Бобриковской ГРЭС. И он добросовестно, нам кажется, выполнял возложенное на него задание. Во всяком случае, самолёт его почти ежедневно курсировал из Москвы в Бобрики до тех пор, пока весной 1930-го он не был арестован.

Вместе с Л. К. Рамзиным были арестованы: заместитель председателя производственного сектора Госплана и профессор Военно-воздушной академии Иван Андреевич Калинин, председатель топливной секции Госплана инженер Виктор Алексеевич Ларичев, председатель научно-технического совета ВСНХ, профессор разных вузов Александр Александрович

Фёдоров, технический директор Оргтекстиля ВСНХ инженер-механик Сергей Викторович Куприянов, заведующий отделом научно-исследовательского сектора ВСНХ и учёный секретарь Теплотехнического института Владимир Иванович Очкин, инженер Всесоюзного текстильного синдиката Ксенофонт Васильевич Ситкин и др.

На следствии они все, оставшиеся в живых, признали себя членами «Промпартии» и виновными в том, что личными действиями тормозили социалистическое строительство в СССР всеми доступными им способами и методами, надеялись на скорую военную интервенцию со стороны Франции и Англии силами Польши и Румынии. Однако документальных подтверждений к этому не было предъявлено им со стороны государственного обвинения в лице прокуроров Н. В. Крыленко и А. Я. Вышинского, ни со стороны обвиняемых.

В связи с ликвидацией Бобриковского райкома ВКП(б) 8-й номер «Подмосковной кочегарки» вышел 3 июля с подзаголовком: «Орган Узловского РК ВКП(б) и базовых партколлективов рудника и Мосэнергостроя». Однако положение дел на Бобрикстрое это не изменило.

В этом номере дано сообщение о том, что 22 июня в Бобриках состоялось выездное заседание бюро Тулокружкома ВКП(б) во главе с новым секретарём А. И. Седельниковым, заменившим в конце апреля М. Л. Грановского, на котором были заслушаны отчёты тов. Потапова о состоянии и положении дел на Бобриковском руднике и тов. Ананьина о ходе выполнения решений окружкома и областкома ВКП(б) по строительству энергохимического комбината и соцгорода. Однако никакого решения не опубликовано.

Вместе с тем на 2-й странице этого номера дана фотография с подписью: «Закладка фундамента соцгорода» на примере единственного будущего дома, на 3-й же странице фотографии с подписями: «Члены бюро окружкома перед спуском в шахту» и «Председатель Тулокрисполкома С. И. Степанов с руководством «Мосхимэнергостроя» после осмотра на руднике».

На 4-й же странице заметки об аварии на шахте № 8, которую затопило из-за поломки насосов, а также о случае с китайцем Лю Си Фа, который изъявил желание стать шахтёром, но мастер не пожелал учить его нужной профессии. Так что ни разгон партийного и хозяйственного руководства, ни арест инженера Рамзина неорганизованность и неразбериху на руднике и Бобрикстрое не устранили.

В «Подмосковной кочегарке» № 9 от 15 июля 1930 года дана оперативная сводка № 2 «На объектах «Мосэнергостроя», в которой отмечено, что на Северном участке 1 июля только приступили к рытью котлованов под фундаменты двух заводских зданий, а остальная работа задерживается. Причина – непредставление МХЭСом чертежей, решающих судьбу темпов строительства комбината. В связи с этим сроки уже нарушены и отодвинуты.

В июле следовало построить 50 бараков, свидетельствовала далее «сводка», однако закончены 30, остальные в работе. «Стальстрой» и сам не знает, как идут у него дела. Зав. плановым отделом Шаховский на глазок уверяет, что под жильё рабочим готовы 70 построек, другие говорят о 53 бараках.

Пекарня до сих пор не закончена, так как «Стальстрой» отказался от кладки печей. Не приступили и к строительству клуба, начавшегося с 1-го мая.

С задержкой и нарушением сроков приступили к строительству бани. А барак первой помощи не строится.

Тем не менее «на днях на расширенном пленуме Донского поссовета, – сообщала газета, – состоялось обсуждение доклада профессора Коршунова «Каким будет соцгород?», который отметил, что он должен иметь не менее 20 тысяч рабочих, нужных для строительства электростанции, химкомбината, керамических заводов, шахт и других объектов. Общее же его население составит не менее 50 тысяч человек.

Место под соц. город выбрано на площади у Урванского леса, расположенной в центре строительства. Дома намечено строить трёхэтажные двух типов – общежития и семейные.

Такое смещение рассчитано на переходный характер нашей эпохи.

Проект предусматривает постройку вокзала, канализации, культур учреждений и проч. Ориентировочная стоимость строительства 93 млн. рублей. В текущем году будет закончено строительство первых 14-корпусов.

По обсуждении, свидетельствовала в заключение газета, проект с поправками был единодушно одобрен и принят.

Но затем на Бобрикстрое произошли какие-то новые важные события, связанные с судьбой руководства, вследствие чего очередные номера «Подмосковной кочегарки» были из подшивок изъяты. Вполне возможно, что это было связано с тем, что 15 июля было принято постановление ЦК ВКП(б) о ликвидации округов, на основании которого Тула превращалась в районный центр.

Из сохранившихся номеров «Подмосковной кочегарки» нам довелось просмотреть последний, 14-й, который вышел 17 августа с подзаголовком органа того же Узловского РК ВКП(б) и партколлективов рудника и Мосэнергостроя, но за подписью ответственного редактора М. Ксенофонтова. В нём на 1-й странице статья о ходе подписки на госзаём «Пятилетка в 4 года», отмечающая, что на Шатплотине работают 400 человек, а подписались только 191 на 6221 рубль, в аппарате МХЭС на 506 человек подписались 219, в соцгороде на 1350 только 40, на Любовской плотине из 643 человек 104 на 8580 рублей.

На 4-й странице сообщение о том, что 7 августа секретарь комсомольской ячейки Северного участка Числов не дал на отчётно-выборном собрании правильного анализа работы, в связи с чем секретарём вместо него избран бывший секретарь Узловского РК ВЛКСМ Бабкин.

Комсомольцы же рудника присоединились к решению базового партколлектива о смене всего партбюро, в состав которого избрали: Малыгина от Узловского райкома, Аброскина от Бобриковского актива, а также Швыря, Мартынова, Савронского и Старовойтова, а одного представителя просит прислать из окружкома.

Однако постановлением президиума Тулокрисполкома от того же 17 августа Тульский округ с 21 августа ликвидировался, подчинявшиеся ему районы перешли в непосредственное подчинение Мособлисполкома. В связи с этим прекратила своё существование и «Подмосковная кочегарка».

14 марта 1990 года в «Новомосковской правде» были напечатаны воспоминания одного из первостроителей нынешнего Новомосковска Д. Сазонова, который в статье «Бобрики. Станция Угольная», утверждал, что 13 августа 1930 года состоялась на Бобрикстрое первая партконференция, на которой было избрано бюро горкома во главе с секретарём Еновым. Но это не соответствует действительности, ибо И. С. Енов был направлен Московским обкомом партии на Бобрикстрой только в октябре.

После же Землевского ответственным секретарём партколлектива Бобрикстроя стал Тюренков, который выступил 13 августа в газете «Рабочая Москва» со статьёй, данной под заголовком «Строительство плотин на Бобриках в опасности. Нужны срочные и энергичные меры. Моссовет, ВСНХ и МРКИ должны в кратчайший срок обеспечить строительство Мосхимэнергостроя рабочей силой и механизмами».

«В резолюции 2-й окружной партконференции по докладу МК было записано: «Имея в виду серьёзные возможности и особое значение в индустриализации страны Подмосковского бассейна, являющегося основной топливной, энергохимической и металлургической базой Московской области, – говорилось в этой статье, – конференция просит МК дать необходимые указания соответствующим хозорганам о всемерном содействии практическому осуществлению строительства бассейна и особенно Бобриковского энергохимического комбината...»

«Было много и других решений, – отмечал отсек партколлектива Тюренков, – однако строительство плотин на реках Шат и Любовька ведётся без механизмов, «египетским» способом, хотя они должны быть закончены за 90 дней.

Нужны рельсы, вагонетки, копры, экскаваторы, тракторы, катки, поливальные машины, а их нет. Они нужней здесь, чем в МКХ и других организациях Москвы, но нам их не дают.

Чтобы уложиться в срок, надо укладывать в плотины по 11-12 тысяч кубометров в день, а на Любовской плотине на 23-е мая не закончили ещё рыть котлован, что продлится ещё не менее 15 дней.

Укладка Шатплотины ведётся с правого берега, но только по 150-200 кубов в день. Трест «Водоканал» (Московский – М. Б.) хоть и является главным их строителем, но механизмы и рабочих сюда не даёт...

Здесь же заметка «Хозяйственники саботируют...», в которой сказано, что «Мособлисполком постановлением от 3-го августа предписал хозорганам Москвы, привлечённым к работам на Бобрикстрое, выделить «Мосхимэнергострою» 3662 рабочих разных квалификаций, однако «Мосстрой» и «Мосжилстройсоюз» и другие организации вместо выполнения предписания начали перебрасывать рабочих с одного места на другое в самой Москве.

Вместо оказания помощи посланцам «Мосхимэнергостроя», прибывшим в Москву за рабочими, сознательно задерживают их, не дают расчётов, запугивают тяжёлыми условиями труда и быта на Бобрикстрое. В итоге же из 3662 человек на Бобрики отправлено только 75...

В 203-м номере «Рабочей Москвы» от 28 августа вся третья полоса посвящена Бобриковскому энергохимическому гиганту, на которой тоже фигурируют в основном недостатки, но вместе с тем дан перечень «Что надо знать о Бобриковском строительстве», где сказано, что обойдётся оно стране в 520 млн. рублей. До конца пятилетки здесь будет построено: 9 новых шахт американского типа, электростанция на 300 тыс. квт., химкомбинат, завод огнеупорных изделий, завод красного кирпича, завод клинкерного кирпича, газовый завод на 600 млн. кубометров с газопроводом на Тулу и Москву, центральный ремонтно-механический завод, лесопильный завод, базисные склады, железнодорожные сооружения, автогужевые дороги Тула – Бобрики и Кашира – Бобрики, плотины на речках Шат и Любовка, социалистический город.

Между тем 4 сентября 1930 года МК ВКП(б) собрал совещание секретарей райкомов партии о подготовке и

проведении райпартконференций. В связи с этим областная газета «Рабочая Москва» вышла под лозунгом: «Каждый район превратим в опорный пункт социалистического наступления. Привет большевикам и вожакам, перестраивающим районы нашей области!» На нём, скорее всего, присутствовал и отсекр. Бобриковского парткома Тюренков. Но вместе с тем на 1-й же странице этой газеты сообщалось, что Бобриковский рудник им. Рыкова должен давать 2134 тонны угля, а он 4 сентября дал только 1117 тонн, 5-го – 1062, 6-го – 1021, 7-го – 1008 тонн. Надо бы бить тревогу, а там из 26 коммунистов на собрание прибыло 13 и оно было отложено. Из-за отсутствия редактора вот уже месяц не выходит газета «Подмосковная кочегарка», в связи с чем «Рабочая Москва» приступает к изданию газеты «Тревога» («Рабочая Москва», 1930, №№ 209 и 214 от 4 и 10 сентября). 13-го же сентября бюро МК ВКП(б) решило организовать на Бобриковском строительстве партийный комитет на правах райкома партии с подчинением Узловскому райкому ВКП(б). В связи с мобилизациями на строительство из Москвы в Тулу здесь насчитывалось тогда более 250 коммунистов, объединённых в нескольких ячейках и парторганизациях.

Секретарём парткома на объединённой партконференции, совпавшей, скорее всего, с пребыванием на Бобрикстрое и в Подмосковном бассейне комиссии МК ВКП(б) во главе с Филатовым, был избран некто Карузин, который выступил 28 октября вместе с секретарём комитета ВЛКСМ Бумштейном, председателем постройкома Шукстом и представителем «Мосхимэнергостроя» Калюжным в «Рабочей Москве» с открытым письмом под заголовком «Рабочая общественность возмущена. Пять суток идут газеты и телеграммы из Москвы в Бобрики».

Комиссия же Филатова выявила, что добычу угля на рудниках Подмосковного бассейна можно и нужно увеличить с 1800 тысяч тонн в текущем году до 4100 тысяч в третьем году пятилетки.

Более успешными темпами, по мнению комиссии, должны бы идти работы и на Бобрикстрое. Однако в той же «Рабочей

Москве» № 216 от 12 сентября, напечатана статья «Пересмотреть оппортунистические планы наркомтруда», в которой отмечается, что «это строительство выделено в ударную группу под наблюдение «Союзстроя», но на 1 августа (более свежих данных в «Союзстрое» нет) годовой план здесь выполнили только на 17,6 процента. Работы, которые нужно было закончить к 1 августа, не выполнены и на 60 процентов.

На Бобрикстрое должны работать 6000 квалифицированных и 1274 чернорабочих, работают же соответственно 3000 и 484 человека...»

На основании обследований комиссии МК ВКП(б) принял 28 октября постановление, в котором сказано, что «в целях обеспечения рудников рабочей силой, выделить ряд селений, расположенных близ сосредоточения основных масс угольных рабочих (Масловка, Товарково, Левинка... Никольское, Урванка, Бобрики... и др.) и прикрепить их к соответствующим рудникам как районы вербовки рабочих...

В целях усиления руководства партмассовой работой на рудниках создать парткомы, в 5-дневный срок командировать на каждый рудник по организационной и партийной группе, поручить Филатову с Кузьминым – председателем облсоюза горняков проследить выполнение данного постановления».

Тогда же, 28 октября 1930 года, состоялась 1-я на Бобрикстрое партконференция, избравшая новый состав парткома во главе с И. С. Еновым на правах райкома и с непосредственным подчинением его МК ВКП(б), объединявшему областную и городскую организации. Через два же дня, 30 октября, вышел 1-й номер газеты «Подмосковный гигант» – орган комитета ВКП(б) и стройкома Подмосковного энергохимического комбината. Подписал его врио отв. редактора С. Бродский.

Что показал процесс?

Несмотря на то, что Л. К. Рамзин с весны 1930 года находился под арестом и следствием в заключении, строительные неурядицы в Подмосковном бассейне и на Бобрикстрое партийное руководство старалось оправдать его

враждебной деятельностью. Но для этого нужны были конкретные подтверждения.

Для того, чтобы добыть их, на Бобрикстрое побывали многие следователи, но ничего компрометирующего не получили. В первых номерах «Подмосковной кочегарки», по свидетельству современников, были даже хорошие отзывы об Л. К. Рамзине, в связи с чем они и были затем изъяты из подшивок. В ноябре же, когда заканчивалось следствие, на Бобрикстрое было созвано собрание инженерно-технических работников, где выступил с докладом о задачах инженерно-технического персонала некто Вязин. Однако и на сей раз компромата в адрес Л. К. Рамзина не получилось.

Из всех выступавших лишь один Константинопольский заявил, что «всякая ошибка, вольная или невольная, будет нами рассматриваться как вредительство со всеми вытекающими последствиями». А в итоге это собрание не только не сплотило инженеров Бобрикстроя в борьбе за осуществление директив партии, а, наоборот, вселило подозрительность друг в друга, разделило инженеров заводстроя и «Мосхимэнергостроя» на две возненавидевшие друг друга группы. («Рабочая Москва», 1930, № 268 от 13 ноября, стр. 3).

В ходе следствия лишь единственная, нам кажется, статья «Враг, как он есть», исходила из Бобриков, но без подписи. В ней говорилось о том, что «среди шахтёров утвердилось мнение, что Демченко, работавший на Рыковском руднике, в 1929 году угробил шахту. Оснований для такого мнения вполне достаточно. Шахта № 10, коей вы управляли, из-за четырёх вредительски сделанных штреков, обвалилась. Но происшествие замаяли. Вы уехали сменным техником в Донбасс, на Кадиевский рудник».

И это, конечно же, было учтено тройкой Верховного суда СССР в ходе процесса над Промпартией.

Не получив рабочей, трудовой поддержки на местах, следователи и судьи переключились на поддержку журналистов. А в итоге в ходе процесса в «Рабочей Москве» 2 декабря появилась статья П. Белявского «Рамзин под Москвой».

Используя показания Л. К. Рамзина на следствии и в суде, журналист писал: «Пятое заседание ЦК Промпартии проходило летом 1927 года в ВСНХ, в кабинете Хренникова. Присутствовали Пальчинский, Рабинович, Ларичев, Я (т. е. Рамзин – М. Б.), Чарновский и Стрижов. Обсуждался вопрос о топливе. Доклад делал Ларичев. Постановили: держаться минимальных темпов добычи угля и подготовительных работ, задерживать разведку, капитальное и жилищное строительство, отвлекать внимание от разведки местных топлив – Подмосковского бассейна и ленинградского торфа...»

«На основе проводимых Рамзиным экономических расчётов, – сообщает далее П. Белявский, – доказывалась нецелесообразность интенсивного развития Подмосковского бассейна...»

Но ведь это была общеизвестная в ту пору истина. Ведь Рамзин ещё при В. И. Ленине доказывал, что «тот лесной массив... даст больше всякой Алгембы», благодаря чему она и была закрыта. (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., изд. 5-е, т. 53, стр. 9.).

Дело в том, что ещё тогда, в 1921-м, Л. М. Рамзин хотел строить социализм не любой ценой, а с глубоким экономическим расчётом, за что и удостоился профессорского звания.

В 1930 же году он на основе научных опытов и анализов доказал это в своих трудах «Рациональное направление топливного хозяйства СССР», «Теплосиловые станции» и других, изданных накануне и в ходе судебного процесса.

Да, летом 1927-го состоялось, скорее всего, обсуждение топливного вопроса в ВСНХ, однако протокола этого совещания в приложениях к стенографическому изданию материалов процесса о Промпартии почему-то не оказалось. Не на высоте оказался и журналист П. Белявский, который не пожелал, а может, ему и не дали возможности познакомиться с материалами этого совещания и сопоставить их с показаниями Рамзина.

«Завязывая вместо практической работы туманные научные дискуссии, – пишет далее журналист, –

контрреволюционные спецы тормозили строительство новых шахт, электростанций. В частности, задержка Бобриковского строительства была прямой директивой Промпартии... «Достигалось же это тем, что первый проект Бобриковского комбината был признан «устаревшим», неподходящим. В связи с этим от «Могеса» направили его «своим людям» в «Энергострой». В течение одного-двух лет накопили пять-семь, восемь вариантов. Комиссии, подкомиссии. Под шумок псевдонаучных споров срывали снабжение, строительство комбината, превосходящего своей мощностью в три раза Днепрострой...» («Рабочая Москва», 1930, № 285 от 2 дек., стр. 3.).

Не правда ли, какую удивительную сказку рассказал П. Белявский своим читателям о вредительстве Рамзина. Между тем, хорошо известно, что любой хозяин даже при строительстве простого жилого дома не раз советовался с родными и близкими, с соседями, с архитекторами. Здесь же шла речь о строительстве мощнейших в стране промышленных предприятий, социалистического города. Так как же можно было обойтись услугами какой-то одной проектной организации, хотя бы она и являлась «Могесом»?

Ведь и после того, как Л. К. Рамзин был арестован и осуждён, та же «Рабочая Москва» в статье «Над бобриковским строительством нависла угроза», опубликованной 4 февраля 1931 года, сообщала: «Только во второй половине ноября 1930 г. «Мосхимэнергострой» удосужился передать Московскому отделению ВЭО задание на проектирование моторного оборудования сперва по шести заводам, потом ещё по двум из общего числа 14. Данные же на остальные обещают дать только к 15 апреля 1931 г., т. е. за пять с половиной месяцев до пуска. Перед этим же аналогичное задание было дано «Химпроекту». Спрашивается: для чего нужна эта бесцельная трата средств, сил и времени? После того, как «Химпроект» разработал проекты ряда заводов, они отдаются в ВЭО для переработки, да в таком виде, что требуются дополнительные данные. Вот и путешествуют они из Химпроекта в Мосхимэнергострой, т. е. с Ильинки на

Лубянский проезд по два месяца...» («Рабочая Москва», 1931, № 34, стр. 3.).

Так причём же, спрашивается, здесь Рамзин? Ну а если его признали в этом виновным, то будьте добры представить не сказки, а документальные, объективные доказательства!

Наподобие статьи П. Белявского 23 декабря 1930 г. в «Рабочей Москве» была представлена и публикация А. Лясса под названием «Отрывок из показаний», в которой сказано:

«Вредители долго и упорно боролись против постройки Бобриковской электростанции, так как понимали, что это цитадель индустриализации и обороноспособности нашей страны...» Далее же он приводит диалог допроса Л. К. Рамзина на процессе, при котором последний заявил: «В конце концов вопрос о строительстве Бобриковской станции был задержан тем, что был выдвинут конкурирующий вариант в виде Тверской станции.

Председатель: — Существуют прямые, явные постановления Моссовета по партийной линии, по линии Мособлкомитета, однако, вопреки этим постановлениям дело тормозится. Меня интересует такой вопрос: торможение этого дела вопреки всем постановлениям — оно также осуществлялось по определённым вредительским директивам или же оно происходило по иным причинам? Правильно ли говорят, что дело не в гвоздях, не в недостатке досок, а в том, что кто-то срывает это дело?

Рамзин: — Задержка Бобриковской станции — это была определённая директива, исходящая из Промпартии.

Председатель: — Значит, можно сказать, что указание в этом отношении на то, что задержка Бобриковской станции является делом контрреволюционного порядка, это правильное указание?

Рамзин: — Да, это правильно.

Председатель: — И это входило в план и в соответствующие директивы Промпартии?

Рамзин: — Задержка Бобриковской станции была сделана по определённым директивам Промпартии, причём, если угодно, я могу указать и те пути, по которым ставился этот

вопрос... Вопрос ставился просто: отложить на долгое время строительство или не допустить постройку станции вовсе».

Заканчивал же А. Лясс свою публикацию сообщением о том, что ныне на строительстве Бобриковской электростанции занято 1500 рабочих, а в будущем их будет 8000, ибо 1931 год – решающий для её строительства. («Рабочая Москва», 1930, № 306, стр. 3.).

Как видим, в этом допросе тоже нет никакой конкретности. Кто, как, кому и когда давал директивы о задержке строительства, какими документами или свидетельскими показаниями это подтверждается – не известно. В общем, получается какая-то сказка о вредительстве, не раскрывающая тайны. И это, нам кажется, потому, что главной целью этого, да и других происходивших в те годы процессов было не разоблачение «врагов народа», а утверждение в глазах иностранных держав и русской эмиграции социалистического наступления по всем фронтам.

Вот поэтому-то в 527-страничном стенографическом отчёте с процесса о Промпартии, изданном в 1931 году, и нет ни одного документа, указывающего на вражескую деятельность осуждённых. Тем не менее все они, за исключением Хренникова, умершего во время следствия по неизвестным причинам, возможно и других, признали себя виновными.

Выступая 6 декабря 1930 г. перед присутствующими в Колонном зале Дома союзов с последним словом, Л. К. Рамзин говорил, что «главной, основной причиной, которая заставила меня встать на этот путь – это вопрос о личных побуждениях, определённое и глубокое убеждение в неправильности и гибельности политики Советской власти, твёрдое убеждение в том, что эта политика ведёт страну к развалу, к кризисам и катастрофам. Вот это убеждение в связи с моральным давлением инженерных кругов... и было главной, почти единственной движущей силой, толкнувшей меня и многих товарищей по несчастью на этот путь...» («Рабочая Москва», 1930, № 290, стр. 2).

В обвинительном же заключении сказано, что в 1927 году инженеров охватила твёрдая уверенность в близости

переворота, а поэтому деятелями «Инженерного центра» был решён вопрос о возврате путём акционирования предприятий капиталистам. Контакт же через Чаянова с ТКП (Трудовой крестьянской партией – М. Б.) способствовал перерождению «Инженерного центра» в Промпартию. Последний ЦК её составляли: Рамзин, Калинин, Ларичев, Осадчий, Шеин и Коган-Бернштейн.

С октября 1927 до ноября 1928 лидеры Центра установили связь с эмигрантским Торгпромом и французским генштабом, а с конца 1928 все усилия прилагали к организации и поддержке иностранной интервенции. В начале же 1930 г. Промпартию поколебали непомерные требования интервентов. Что же касалось планов на будущее, то председатель Торгпрома Денисов намечался в министры финансов, член Торгпрома Третьяков – в министры внутренних дел, со стороны ТКП намечался кандидат в министры земледелия. В связи с этим Торгпром снабжал Промпартию инструкциями и дал около 4 млн. рублей. Федотов виделся с Карповым и тот рассказал ему о переговорах с Пуанкаре и Брианом. Через К... лидеры Торгпрома и Промпартии имели регулярную связь с агентами французской службы.

Будучи в Париже, Рамзин сделал на совещании в присутствии Ларичева, Денисова, Гукасова, Нобеля, Коновалова, Рябушинского и других доклад о внутреннем положении СССР, в котором отметил трудности Промпартии, связанные с арестами, а Денисов сообщил о приёме французским премьером Пуанкаре и Брианом Рябушинского, Третьякова, Коновалова о том, что вопросом интервенции занимается французский генштаб и под руководством генерала Жанена создана особая комиссия с участием генштабов Англии и Польши.

В связи с тем, что интервенция намечалась к лету 1930 г., Рамзину дали встречу с французским генштабом.

Но это обвинение, опубликованное 26 ноября 1930 г. в «Рабочей Москве» и других газетах, вызвало немедленный протест со стороны французского премьер-министра Раймона Пуанкаре, который выступил со статьёй «Лихорадка Европы». В

ней он отметил, что «Гитлер действует как Советы и отказывается платить долги», а далее отвергал все обвинения Крыленко в том, что будто обвиняемые члены Промпартии действовали в 1928 году в согласии с французским правительством и генштабом, которые якобы готовили вооружённое нападение на СССР.

3 декабря 1930 г. в газете «Правда» появилось сообщение о «Новой статье Пуанкаре». «С большим треском перед толпой, – писал он, – большевики начали процесс над группой русских инженеров, которым дали имя Промышленной партии и которых нагло обвинили в том, что будто бы они при содействии Франции и Англии затеяли заговор против Советской России». В заключение же он сообщил, что Франция направила Советскому правительству официальную ноту протеста, однако ответа пока не получила. Аналогичные статьи и ноты протеста с угрозами о прекращении экономических, других связей были присланы в Москву из Англии, Польши, Румынии и других стран, что могло вылиться в большое бедствие для Страны Советов. В связи с этим в официальный, «стенографический», отчёт о судебном процессе над Промпартией, естественно, были внесены соответствующие коррективы.

Во всяком случае, в «стенографическом» обвинительном заключении имя Раймона Пуанкаре, например, уже не упоминается, но зато утверждается, «что душой интервенции является лорд Черчилль, что Англия особенно заинтересована в русских нефтяных делах и охотно вступит в Чёрное море». В качестве приложений к делу сохранены, однако, три обличительных статьи Р. Пуанкаре, а также отклики на них в «Известиях» и «Правде», «Письмо сэра Генри Детердинга к русским студентам», статьи «10-летие русской средней школы в Париже», «Суворовские торжества в Париже», в которых не упоминается ни одного из обвинявшихся лиц. Завершала же документальные приложения к процессу статья «Итоги двух лет пятилетки» из газеты «Известия» от 4 декабря, которая была использована в предшествовавшем появлению её в свет

вечернем заседании в качестве утверждения торжества социалистических побед на территории СССР.

8 декабря 1930 г. в «Рабочей Москве» был опубликован на 1-й странице приговор «врагам народа», осуждённым по ст. 325, ч. 3 УПК РСФСР, а именно: С. В. Куприянов, К. В. Ситкин и В. И. Очкин были приговорены к 10 годам лишения свободы каждый, а И. А. Калинин, Н. Ф. Чарновский, В. А. Ларичев, А. А. Федотов и Л. К. Рамзин – к расстрелу с конфискацией имущества. Однако на следующий день осуждённые обратились в Президиум ЦИК СССР с ходатайствами о помиловании. Л. К. Рамзин, в частности, в своём прошении писал:

«Настоящим прошу учесть моё чистосердечное признание и глубокое раскаяние, проявленные мною как в органах дознания и следствия, так и на суде, мою искреннюю готовность упорным трудом загладить и искупить совершённые мною тяжкие преступления, приостановить приведение приговора в исполнение и заменить расстрел срочным лишением свободы».

И прошения осуждённых были удовлетворены, десятилетние сроки лишения свободы заменены восьмилетними, а расстрелы – десятилетними сроками тюрьмы. Но виноваты ли были они в тех преступлениях, которые вязали на себя не от лёгкой жизни? Нам кажется, что всё в этом процессе было специально подстроено. Именно потому-то на нём и не оказалось ни одного документального обвинения. Основательно разобраться в этом могли бы помочь партийные и советские архивы 1930 года, которые, нам кажется, сохранились в Москве и Туле. Из них, скорее всего, можно узнать и о судьбе других первостроителей города Бобрики-Сталиногорска-Новомосковска. И мы надеемся, что найдутся здесь правдоискатели, которые до конца раскроют белые и замазанные пятна его истории⁵.

⁵ Бороздинский М. Предыстория города Новомосковска // Новомосковская правда. 1995. 26 окт. ; 1, 2, 17 нояб. ; 1, 7 дек.

Посёлки, сёла, деревни

Бороздино, Бороздёнки

О чём рассказали монеты?

Сколько тайн хранит в себе родная земля! Одни из них уже открыты, о других мы даже не догадываемся, о третьих известно лишь несколько фактов, которые вызывают недоумение и интерес. Этот интерес и заставляет историков, археологов, ухватившись за факт, как за кончик верёвки, разматывать его до конца, тем самым открывая новую страницу истории...

В конце XIX в. крестьянка села Борозденки Епифанского уезда (теперь Новомосковский район), что возле Иван-озера, нашла близ села небольшой клад – 6 монет. Факт сам по себе непримечательный: кладов в Тульской губернии к тому времени было найдено предостаточно. Но одна монета из этого клада попала в руки тульских историков-краеведов. Они определили, датировали её и отправили в Санкт-Петербург. Так из архива Санкт-Петербурга (г. Ленинграда) описание клада попало в руки современных историков. Это был клад арабских дирхемов, закопанный в X веке. Откуда он в этих местах? Как восточные монеты попали в район Иван-озера?

Чтобы ответить на этот вопрос, пришлось собирать информацию о находках кладов арабских дирхемов на большой территории. И вот передо мной лежит карта, испещрённая десятками значков. Каждый значок – место находки клада, попавшего в нашу землю в VIII-X вв. Откуда они? Монеты, из которых состоят эти клады, чеканились далеко на Востоке – в Средней Азии. К нам их привезли купцы. Торговцы вели свои караваны кто пешком, но чаще на стругах, насадах, ушкуях-ладьях с небольшой осадкой, приспособленных для хождения по рекам.

А в наших лесных местах в VIII-X вв. водный путь часто был единственным. И не случайно клады этого времени расположены вдоль рек: Днепра, Волги, Оки. Шесть кладов арабских дирхемов известны и на Дону. Значит, торговля на Дону велась. Посмотрим теперь, куда ведут от верховьев Дона

известные нам находки кладов: два таких клада известны по реке Осётр и пять кладов на реке Упе.

Таким образом, логично предположить, что суда с верховьев Дона перевозились в реку Осётр или через Иван-озеро или в реку Шат, а оттуда в Упу.

На этой территории с 1990 г. работает тульская археологическая экспедиция (ТАЭ). Обследован ряд городищ (у деревень Корники, Слободка, Новое село (р. Шат); Супрутское (р. Упа), Торховское городище (р. Тулица), найдено много поселений VIII-X вв. Существование этих городищ и поселений хронологически совпадает с датировкой найденных в этих местах кладов, т. е. совпадает со временем существования торговли по этим рекам.

Наибольшее внимание ТАЭ уделено Торховскому городищу (Ленинский район). Исследования этой территории проводятся уже третий год. Собрано множество интересных находок, среди них – привозные вещи: раковины каури, стеклянные бусы египетского, серийского производства, фрагменты амфор из Северного Причерноморья, т. е. вещи с Востока, которые попали сюда, скорее всего, по Дону. Примерно такой же набор импортных вещей VIII-X вв. был обнаружен и московскими археологами, копавшими в 70-х годах городище на реке Упе у деревни Супруты. Там же были найдены клад конца IX в. и небольшие весы, служившие для определения веса серебра.

Все эти находки ещё раз подтверждают гипотезу о существовании в VIII-X вв. торгового пути... по Дону, Шату и Упе.

Клад у деревни Борозденки не случаен. Он строго ложится в цепочку кладов VIII-X вв., протянувшихся вдоль донского торгового пути. Вдоль этого пути люди жили на Упе, Шате и Среднем Дону. Наверняка они жили и в верховьях Дона. Но пока такие поселения здесь не найдены. Чтобы их найти, нужны

систематические археологические разведки в Новомосковском и Кимовском районах. Нужна работа и работа...⁶

Село Бороздино – не Борозденки!

С интересом прочитал в «Новомосковской правде» № 54 за 22 марта статью сотрудника Тульской археологической экспедиции Г. Шебанина о денежных кладах и других археологических находках в верховьях Дона, по реке Шат, на Упе и Осетре, подтверждающих факт существования в наших краях древнейших торговых путей, связывающих этот регион с арабскими странами ещё в VIII-X веках. И эта истина подтверждается древнейшими памятниками арабской, византийской, российской письменности, другими свидетельствами.

Так что история общественного развития в наших краях поистине очень древняя, интересная, но во многом и загадочная, слабо изученная. Дальнейшие же археологические исследования многочисленных наших городищ по вышеуказанным и другим рекам, несомненно, внесут ещё больший вклад не только в изучение истории нашего Приупско-Проне-Шатско-Донского и Осетровского регионов, но и в историческую науку России.

К сожалению, в статье «О чём рассказывали монеты» автор, вслед за журналом «Тульский край», кажется, 1920-х годов, сообщавшем об этом, допустил географическую ошибку, отнеся шестимонетную находку арабских дирхемов X века крестьянкой села Борозденки в конце прошлого столетия к селу Бороздино нынешнего Новомосковского района. Дело в том, что село Бороздино, именовавшееся ранее по существовавшему здесь храму также селом Успенским, на протяжении всей своей истории с XVIII столетия считалось не епифанским, а венёвским.

По ревизской сказке № 199, например, Четвёртой подушной переписи Венёвского уезда 1782 года известно, что село Успенское, Бороздино тож, значится за женой действительного статского советника князя Бориса Сергеевича

6 Шебанин Г. О чём рассказали монеты // Новомосковская правда. 1994. 22 марта. С. 4.

Голицына Марьей Петровной, а в 1795 году его владелицей по ревизской сказке № 356 значится жена артиллерийского капитана Александра Васильевича Грушецкого Елизавета Андреевна, которая купила его у М. П. Голицыной в 1793 году.

С кончиной Е. А. Грушецкой к 1810 году село Бороздино перешло к малолетним его детям Ивану, Андрею, Фёдору, Александре и Анне, а к 1816 году – ко второму её сыну Андрею Александровичу, который и продал его надворному советнику Василию Петровичу Аникееву. За ним в 1834 году здесь числилось 196 мужских и 190 женских душ крепостных крестьян в 39 дворах.

Однако В. П. Аникеев на следующий год продал село Бороздино жене декабриста Павла Алексеевича Бобринского вдовствующей штабс-ротмистрше графине Юлии Станиславовне, которая тут же переселила 18 дворов на пустопорожный пустырь, оставшийся на месте старинного села Широно, и назвала это поселение деревней Широно. В селе же Бороздино в связи с этим переселением к 1850 году осталось 106 мужских и 109 женских душ в 25 дворах.

В 1858 году за вдовствующей женой декабриста П. А. Бобринского, ускользнувшего, правда, как и его брат Василий, благодаря заступничеству знатных вельмож от сурового наказания, в ревизской сказке № 80 в селе Бороздино записано 123 мужские и 116 женских душ в тех же 25 дворах. А от крепостной зависимости в 1861 году она освободила 114 мужиков с земельным наделом в 342 десятины, т. е. по высшей норме. За ней же самой в 1897 году здесь числилось 859 десятин.

Из сказанного видно, что отождествление села Борозденки из Епифанского уезда с селом Бороздино Венёвского уезда не соответствует действительности. Но вместе с тем на территории бывшего Епифанского уезда не просматривается села Борозденки. А это наталкивает на мысль, что клад-то древних арабских монет был найден не в Епифанском уезде, а сельце Борозденки Венёвского уезда, которое существует в Венёвском районе до сих пор в четырёх километрах северо-восточнее станции Настасьино, между Венёвом и Мордвесом.

Но, несмотря на указанную географическую неточность в отношении местонахождения села Борозденки, археолог Г. Шебанин познакомил читателей «Новомосковской правды» с довольно интересным и злободневным, можно сказать, материалом, касающимся истории нашего региона. От души хотелось бы пожелать больших успехов в работе всем нашим археологам, добывающим в нелёгком своём труде крупницы духовных ценностей, раскрывающих туманную историю далёкого прошлого нашей Родины⁷.

Кто найдёт солдатку Филипову?

В «Новомосковской правде» № 90 за 14 мая 1994 года была помещена статья М. Бороздинского «Село Бороздино – не Борозденки!» В ней автор выдвигает гипотезу о нахождении клада арабских дирхемов не в селе Бороздино возле Иван-озера, а в селе Борозденки Венёвского района. Логика такова: село Бороздино (Успенское) у Иван-озера и село Борозденки (северо-восточнее станции Настасьино) находилось в Венёвском уезде, а в источнике указан Елифанский уезд, следовательно, клад был найден в Венёвском уезде и, скорее всего, не в селе Бороздино, а в селе Бороздёнки.

Хотелось бы отметить, что данный вопрос при составлении карты найденных кладов арабских дирхемов на территории Тульской области заинтересовал и меня. В каком из сёл был найден клад? Прямых доказательств нет, есть только сомнения типа представленных М. Бороздинским. Посмотрим, откуда возникла история о нахождении клада в селе Бороздино возле Иван-озера.

В конце XIX в. в Тульскую Архивную комиссию попал арабский дирхем 906-го года с сообщением, что он был найден в д. Борозденки (без указания уезда) Тульской губернии, найдено 6 монет, но сохранилась только эта.

В 20-х годах XX в. тульский историк, краевед и археолог М. Дружинин для составления археологической карты собирал сведения в архивах и рассылал по волостям Тульской губернии

⁷ Бороздинский М. Село Бороздино – не Бороздёнки! // Новомосковская правда. 1994. 14 мая. С. 2.

анкеты с просьбой рассказать в них о всех найденных в этих волостях древностях (с архивом М. Дружинина автор ознакомился с любезного разрешения сотрудников Тульского краеведческого музея). В его документах, относящихся к данному кладу, сказано о нахождении 10 монет, одна из которых 906-го года. Существует также выписка из документов Архивной комиссии: «Солдаткой Филиповой в 1870 г. найдено 10 дирхемов. Один (906 г.) сдан в Архивную комиссию, остальные разошлись по рукам».

М. Дружинин отнёс нахождение этого клада к д. Бороздино Епифанского уезда, очевидно, не до конца разобравшись в границах уездов. Вот оттуда и упоминание о Епифанском уезде в журнале «Тульский край» и в моей статье. Но он наверняка написал бы, что клад был найден в виду с. Бороздёнки, что само-то недалеко от Венёва.

В советское время этим кладом интересовались многие исследователи (Марков – клад № 288, А. Л. Монгайт «Рязанская земля» – клад № 26, Т. Г. Никольская «Земля вятичей» – клад № 28). Все они, опираясь на известные источники, помещали и описывали этот клад у Иван-озера, а не в бассейне р. Осётр.

М. Бороздинский выдвинул гипотезу, но она нуждается в доказательствах не предположительного, а утвердительного рода. Для подтверждения гипотезы необходимо не перечисление тех, кто владел данной деревней (как в статье М. Бороздинского), а доказательство, в какой из деревень жила в 1870 г. солдатка Филипова или не жила.

Тому, кто найдёт такие сведения – большой поклон от исторической науки, а пока гипотеза не доказана, будет существовать общепринятая в науке точка зрения – нахождение клада арабских дирхемов в с. Бороздино возле Иван-озера.

Ещё раз об истории клада арабских монет

Ознакомившись с письмом Г. А. Шебанина по поводу моего замечания на его статью «О чём рассказали монеты», в которой были отождествлены дер. Борозденки и село Бороздино

8 Шебанин Г. Кто найдёт солдатку Филипову? // Новомосковская правда. 1994. 22 июня. С. 3.

бывшего Венёвского уезда и отнесены в Епифанский уезд, сообщая, что эти поселения никогда в Епифанском уезде не числились. Это можно проверить по ревизским сказкам 1811 года, опубликованным в томе «Дворянское сословие Тульской губернии» В. И. Чернопятава в качестве приложения, по книге П. И. Кеппена «Города и селения Тульской губернии в 1857 году», по книге П. И. Малицкого «Приходы и церкви Тульской епархии» и многим другим изданиям, имеющимся в архивах и библиотеках. По ним же можно убедиться и в том, что указанные поселения находились в Венёвском уезде.

Что же касается дальнейших сообщений Г. А. Шебанина об истории с кладом арабских дирхемов, то об этом ему надо было говорить не сейчас, а в марте, когда была в «Новомосковской правде» напечатана его статья. Тогда, возможно, других материалов об этом кладе не появилось бы. Но он, к сожалению, с архивом М. Дружинина познакомился, по всем видам, не при подготовке статьи к печати, а после опубликования 14 мая моих замечаний на неё «Село Бороздино – не Борозденки!» А иначе почему он умолчал обо всём том интересном и важном, что раскрывается сейчас в его письме?

Совершенно согласен с Г. А. Шебаниным, что М. Дружинин, «очевидно, не до конца разобравшись в границах уездов», допустил ошибку. И это неудивительно. Ведь в 1920-х годах проверить точность данных 1870 года было куда трудней, чем сейчас. Именно из-за отсутствия скорой связи Б. Л. Модзалевский, например, отнёс в ту же пору по ошибочным указаниям писательницы Е. И. Бибиковой-Раевской село Коровино, где находилось имение тётки А. С. Пушкина Елизаветы Львовны и её мужа М. М. Сонцова, из Венёвского в Зарайский уезд. Для нашего же времени такие ошибки непростительны.

М. Дружинин ошибся, мне кажется, потому, что в «Алфавитном указателе поселений Тульской епархии» к книге П. И. Малицкого, как наиболее полном и надёжном, дер. Борозденки пропущена, а село Бороздино показано. Как волостной центр, оно было обозначено и на картах, тогда как Борозденки удостоивались этого довольно редко.

Г. А. Шебанин в своём письме приписывает мне какую-то гипотезу в отношении местонахождения древнего клада, но я даже не имел этого в виду. В статье своей я указал лишь на ошибку отнесения дер. Борозденки и села Бороздино к Епифанскому уезду, ибо ничего не знал ни о солдатке Филиповой, ни об истории найденного ею клада в 1870-м году. А вот Шебанину-то, начавшему разговор об этом кладе, надо было бы при подготовке статьи разузнать, были ли Филиповы в Борозденках или Бороздино в 1870-х годах.

Дер. Борозденки, между тем, – это как бы моя прародина. Дело в том, что именно оттуда в 1760-х годах пошла моя фамилия. С тех пор известна мне и история деревни. И если уж Г. А. Шебанину непременно нужно найти «в какой из деревень жила в 1870 г. солдатка Филипова», рекомендую обратиться ему к исповедным ведомостям венёвских церковных приходов того времени, хранящимся в Госархиве Тульской области в фонде № 3.

Именно там, в деле № 25 за 1864-й год, например, по описи № 3/17, в приходе Архангельской церкви села Тулубьева, в который входили Борозденки, он обязательно найдёт фамилию Филиповых, которая была известна здесь в довоенные годы. Здесь за одно можно проверить и прихожан села Успенского, Бороздино тож. Да и старожилы должны помнить, проживали ли в их селениях Филиповы. Однако Г. А. Шебанин не счёл нужным проверить это перед публикацией своей статьи.

В письме Г. А. Шебанина затронуты и имена археологов А. Л. Монгайта и Т. Н. Никольской, с которой, кстати, я одно время переписывался. Они, к сожалению, не побывав на месте, допустили с подачи М. Дружинина ту же ошибку на картах кладов, помещённых в их трудах, указав найденный в 1870 году на левобережье истока Дона, а городище Лесную Веркушу на правом берегу Осетра. Так что это не может быть поддерживающим аргументом существующей версии.

9 Бороздинский М. Ещё раз об истории клада арабских монет // Новомосковская правда. 1994. 23 июня. С. 2.

Нашлась солдатка Филиппова

Прочитав однажды в журнале «Тульский край», издававшемся в 20-30-х годах, сообщение о находке в селе Борозденюк Епифанского уезда старинных арабских дирхемов, я засомневался в указанном адресе клада, но выяснение его отложил на будущее, потом вообще о нём забыл. Напомнила же мне об этом кладе статья сотрудника Тульской археологической экспедиции Г. А. Шебанина, являющегося ведущим специалистом Центра по управлению памятниками истории и культуры Тульской области, а также по учёту и охране памятников региона Куликова поля, напечатанная в № 54 «Новомосковской правды» за 22 марта 1994 года под заголовком «О чём рассказали монеты».

Арабские дирхемы – это один из видов древнейших серебряных монет, относящихся ещё к IX-XII столетиям нашей эры, а поэтому находки их свидетельствуют о существовании ещё в то время торговых связей наших мест с африканскими и другими южными странами и континентами, что является важным событием исторического значения. В связи с этим я, естественно, не мог не откликнуться на публикацию Г. А. Шебанина и 14 мая в той же «Новомосковской правде» ответил ему в статье «Село Бороздино – не Борозденки!», что он ошибается, указывая местонахождение клада дирхемов на берегах нынешнего Шатского водохранилища в селе Борозденюк, отождествляя его с селом Бороздино.

Г. А. Шебанин, однако, не удостоверился этим и вторично выступил в «Новомосковской правде» со статьёй, опубликованной 22 июня под названием «Кто найдёт солдатку Филиппову!», обнаружившую ещё в 1870 году клад арабских монет, одна из которых относилась к 906 году. И мы тогда же, 23 июня, посоветовали археологу в статье «Ещё раз об истории клада арабских монет» обратиться в Тульский Госархив, где по исповедным ведомостям можно легко разгадать, где же, в Борозденках или Бороздино, проживала в 1870-м кладохранительница Филиппова.

Я не знаю, воспользовался ли Г. А. Шебанин моим советом, но недавно, работая в ГАТО с документами,

касающимися нашего знаменитого земляка контр-адмирала В. Ф. Руднева в связи с приближением 139-й годовщины со дня его рождения, мне попутно удалось подтвердить и ранее высказанное мною предположение, что находка дирхемов относится не к селу Борозденюк Епифанского уезда и не к селу Бороздино, которое никогда в Епифанский уезд не входило, а к селу Борозденки бывшего Венёвского уезда, а ныне района.

Именно здесь, в деревне Борозденки, как записано в исповедальной ведомости Тулубьевской Архангела Михаила церкви за 1857 год, проживала во владении помещика Безобразова наряду с другими солдатками «солдатка Агафья Филиппова 30 лет с детьми Алексеем 7 и Евдокией 5 лет Митрофановыми» (ГАТО, ф. 3, оп. 3/17, д. 24, двор № 60, их личные №№ 372, 323 и 373 на л. 374). Что же касается села Бороздино, находящегося во владении графини Ю. С. Бобринской, то у неё в имении никаких солдаток не было, ибо она считала выгодным не поставлять рекрутов из своих имений, а покупать их на стороне, у таких, например, помещиков, как тот же Безобразов или его сосед по деревне Аполлон Милохов, у которых оставалось по десятку и более солдаток.

Для закрепления же этого факта Г. А. Шебанин может посмотреть и рекомендованное ему дело № 25 за 1864 год, а также другие до 1870 года включительно и лично убедиться в том, что существующая ныне, как пишет он, «общепризнанная в науке точка зрения о нахождении в 1870 году клада арабских дирхемов в с. Бороздино возле Иван-озера» является антинаучной и ложной. Причиной же этому явилось несерьёзное отношение первоисследователей к этому важному делу, а также и их последователей, повторяющих допущенные ими ошибки ¹⁰.

¹⁰ Бороздинский М. Нашлась солдатка Филиппова // Новомосковская правда. 1994. 16 авг. С. 3.

Гремячее

В том месте, где речка Проня пересекала когда-то старинную Тульско-Михайловскую дорогу, почти на самой границе с Рязанской губернией широко и живописно раскинуло в давние времена свои раздольные и некогда многолюдные слободы село Гремячее.

Гремячее, Гремячево – исконно русские наименования. И они не выдуманы, не принесены кем-то извне, а явились как бы сами собой благодаря существовавшим здесь в глубокой ещё древности речки Гремячей, Гремучего родника или звенящей протоки.

Ещё в 1522 году в Межевой грамоте великого московского князя Василия III Ивановича, подтверждавшей за Семёном и Василием Фёдоровичами Верхдеревскими старинные их вотчины, жалованные Олегом Ивановичем Рязанским предку их Ивану Мирославичу Салахмиру в 1371-72 годах, упоминается в качестве пограничной речки Гремячка, а на ней слободка без названия, Сухая и Мокрая гаталины, Княжья гать против Елфимова гаю, речка Черничка и Чижовский лес. А в писцовой книге Венёвского уезда 7080 (1571-1572) года есть и первое дошедшее до нас описание села.

«Село Гремячее на речке на Гремячей, – свидетельствовали в ту пору писцы Иван Васильевич Мосальский да Григорий Ярцев «с товарищи», – а в ней церковь Егорей страстотерпец, стоит без пенья, строение приходное, а дворов на церковной земле два; пашни доброй земли пять четьи (2,5 десятины – М. Б.); да дикого поля 15 четьи в поле, а в дву потому ж, сена по дикому полю 100 копен (5 десятин – М. Б.); в том же селе двор княж Ивановского человека (Мстиславского – М. Б.); да крестьянских четыре двора; пашни в поле доброй земли 30 четьи, да дикого поля 150 четьи, а в дву потому ж, сена по дикому полю 400 копен, лесу дуброву четыре десятины».

И описание это связано с тем, что в 1571-1572 годах, после нашествия крымского хана Девлет Гирея на Москву, венёвская вотчина отбиралась Иваном IV Грозным у её владельца Ивана Фёдоровича Мстиславского, подозреваемого в измене, и передавалась частью новым помещикам, «детям

боярским Коширяном и Туляном», а частью обращалась во владение царского двора.

Девлет Гирей, являясь с 1551 года крымским ханом и вассалом Турции, он совершил ряд крупных нападений на русские земли. Но особенно опустошительным был его набег в 1571 году, когда он дотла сжёг Москву и опустошил все её окрестности.

Вскоре после нашествия Девлет Гирея на Москву и превращения венёвской вотчины И. Ф. Мстиславского в дворцовое и помещичьи владения Иван IV Грозный принял меры для укрепления здешних мест. Именно в это время превращаются в мощную крепость поставленный И. Ф. Мстиславским Епифанский острог, усиливаются в оборонном отношении города Дедилов и Михайлов, а между ними на важном направлении крымцев к Москве, появляется новый город Гремячев.

Во второй полосе обороны этого участка возникает городок Карники, укрепляется поставленный И. Ф. Мстиславским Новый Городенск в районе нынешнего села Городенец Венёвского района, а поставленный И. В. Шереметьевым город Городенск на р. Венёвке превращается в мощную шестибашенную, рубленную в быки, дубовую крепости и принимает наименование прежнего города Венёва, находившегося на реке Осетре. Тогда же появилась крепость и в Серебряных Прудах.

Все эти городки, остроги, крепости и кремли сыграли потом немаловажную роль в антикрепостническом движении трудящихся масс в начале XVII века и в крестьянской войне под руководством Ивана Исаевича Болотникова.

Мы не знаем, что представлял собой на первых порах город Гремячев и когда он точно был основан. Но, судя по выписям с Гремячевских писцовых книг 1623 года, основателем его был Андрей Чернышов, и Гремячий наряду с Михайловом, Тулой, Венёвом, другими городами до конца стоял за выдвинутые И. И. Болотниковым идеи о «мужицком царе», об изводе всех крепостнических сословий, за что и был дотла сожжён рязанским воеводой Прокопием Ляпуновым.

Во всяком случае, описывая в 1623 году на Гремячем в Казачьей слободе полковых конных казаков, писцы Фёдор Пушкин и Дружина Филатов отметили, что «по сказке пятидесятников и рядовых казаков отделил де им строилщик и писец Андрей Чернышов, да подъячей Иван Косачёв вместо денежного и хлебного жалованья... на 100 человек 2020 четвертей (т. е. 1010 десятин земли – М. Б.) все с ряду одного, не расписывая за ними пашни порознь,.. а выпиши на ту землю пятидесятники не клали (т. е. не показывали – М. Б.), сказали, что государевы де грамоты и писцовы и отдельщиковы выпиши в разоренье утерялись, как у них Прокофей Ляпунов город Гремячей жзог».

Наряду с казаками городовые воротники г. Гремячева перед писцами Ф. Пушкиным и Д. Федотовым тоже «государевы грамоты и писцовых и отдельщиковых выписей... не клали, а сказали, (что) отдельные де у них выпиши Андрея Чернышова да подъячего Ивана Косачева в разряде утерялись, как де у них Прокофей Ляпунов город Гремячей жзог».

Так, не успев как следует отстроиться, г. Гремячий поплатился за идеи, которые на первых порах поддерживал и сам Ляпунов, изменивший вместе с венёвским сотником Истомой Пашковым повстанцам в самый напряжённый момент их борьбы за овладение Москвой.

Однако после «смутного времени» создавались новые опасности со стороны Крыма и Турции. А это побудило правительство позаботиться о быстрейшем восстановлении разрушенных укреплений. Уже в 1611-1612 годах здесь появляется стольник и воевода Иван Пушкин, который явился, по всей вероятности, основателем нового г. Гремячева, а также Пушкарской слободы из 40 дворов. За службу вместо денежного и хлебного жалованья пушкарки опять-таки получали землю, 648 четвертей (324 десятины) пашни, дикого поля и дубровы, которые были отведены «всем с ряду одного, не расписывая за ними пашни порознь».

Располагаясь в том самом месте, где река Проня и её берега представляли более удобные возможности для переправы и вторжения крымских орд в богатые подмосковные приделы,

он являлся важным форпостом обороны их южных границ. Река Проня, образуя здесь красивым изгибом длинную, в километр, и шириною в четверть километра вокруг возвышенного места голубую луку, даже несведущим в военном деле людям давала понять, насколько оправданно и выгодно было расположение оборонительной крепости.

Всей жизнью и деятельностью проживающих в г. Гремячем людей ведали воеводы, назначенные царём.

Являясь полновластными хозяевами гарнизонов и верховными начальниками местных властей, воеводы нередко заставляли служилых людей работать в своих имениях, облагали их разными незаконными податями и налогами. Так, тот же Д. Драевский, например, не только понуждал гарнизонных стрельцов, пушкарей и казаков г. Гремячего пахать и засеивать свои земли, строить и ремонтировать личные хоромы, платить к праздникам и семейным его торжествам натуральные и денежные налоги, но и насильственно закабалял их, превращая в свою личную собственность.

По «Описи городам, ведомым в разряде, 1668 года», в г. Гремячем было 475 служилых людей мужского пола, а посадских не значилось ни одного, тогда как в Венёве было 338 служилых и 223 посадских человека. А это значит, что г. Гремячий в ту пору играл немаловажное военно-оборонительное значение.

Со сменой воевод составлялись, как правило, рапорты о состоянии сдаваемых и принимаемых укреплений. По г. Гремячему, к сожалению, многие из этих рапортов не сохранились. Но вот рапорт, составленный по прибытии в г. Гремячий 28 ноября 1677 года воеводой А. М. Писаревым, сохранился и в наши дни.

«Город Гремячий ставлен острогом в дубовом лесу, – сообщал он в Москву, – обломы рубленные, по нем семь башен, в том числе одна с проезжими воротами, а три глухих. Острог и башни и обломы, и на башнях крышки огнили.

По мере около городу 143 сажени, в башне учены тайник и колодезь, по мере тайником до колодезя 10 сажений».

По окладным книгам 1676 года в городе Гремячем 45 приходских дворов значилось за соборной церковью, 67 за Николаевской в Староказачьей слободе, 67 за Богоявленской в Беломестной слободе, 36 за Троицкой в Стрелецкой слободе, 33 двора за Сергеевской в Пушкарской слободе и неизвестно сколько было прихожан за Троицкой церковью в Новоприборной слободе, сведения о которой относятся к 1644 году.

А это свидетельствует о дальнейшем росте города, хотя военное значение его всё больше ослабевало. Так, в 1686 году, например, здесь один мушкет приходился на десять драгун, очень многим служилым людям не хватало и холодного оружия.

При учреждении по указу Петра I от 18 декабря 1708 года восьми губерний город Гремячий как безуездный был отнесён к Рязанской провинции Московской губернии, а в 1719 году – в Переяславль-Рязанскую. К концу же царствования Петра I от бывшей Гремячевской крепости оставались только земляные валы, ограждавшие ветхую соборную церковь, воеводский дом и воеводскую канцелярию. Однако правителями города вплоть до Екатерины II здесь всё ещё оставались воеводы.

Несмотря на то, что Пётр I в целях противопожарной безопасности и наведения должного санитарного порядка указом 1722 года повелел строить в городах и крупных сёлах двойные дома с 30-саженными промежутками, засеянными коноплём, в городе Гремячем, разделённом на пять слобод с 44 улицами и переулками, продолжали царить в застройке большие беспорядки.

В 1777 году, при образовании Тульского наместничества, г. Гремячий был возвращён из Рязанского наместничества в Тульское, в состав Венёвского уезда. Для местного управления здесь был создан свой магистрат. А 17 января 1778 года, как доносил воевода Грецов, была открыта нижняя расправа. Тогда же, в октябре 1778 года, начиналось строительство большой Гремячевской дороги до Венёва.

К этому времени в Гремячем были построены новый соборный храм, кладбищенская церковь. Оставались на своих местах и шесть старых церквей, что порождало между

церковниками, прихожанами и местными властями многочисленные споры, склоки и брани.

Так, поручик Терпигорев, например, ещё в 1761 году доносил вышестоящему начальству, что духовенство небрежно выполняет свои обязанности, занимается вымогательством при исполнении треб, венчает 10-11-летних мальчиков на 20-летних девах, не соблюдает запретов о кровном родстве, примером чего может служить венчание одного солдата с падчерицей.

Соборный же пономарь жаловался о том, что 23 июля 1761 года воевода прислал к нему своих рассыльщиков для взятия его в воеводскую канцелярию, но так как он считал это требование воеводы незаконным, то рассыльщики так избили всю его семью, что едва дьякон Фёдор Никонов отнял.

В 1776 году воевода Грецов жаловался на самовольную отлучку священника соборной церкви, что мешало исполнению многих неотложных треб. А в январе 1779 года, когда в Гремячем остановился проездом из Рязани в Тулу генерал-губернатор М. Н. Кречетников, гремичевцы подали ему жалобу о том, что церковники «требы не исправляют (т. е. не исполняют – М. Б.), а продают по уговорной цене, отчего мёртвые по 2-3 дня остаются без погребения». В ответ же на это поступило распоряжение церкви в Староказачьей и Беломестной слободах как наиболее ветхие закрыть.

Однако церковники через некоторое время с подговором прихожан и наиболее богатых горожан снова открыли эти церкви. Тогда было решено закрыть церкви в Пушкарской и Стрелецкой слободах как малопригодные. Но первую из них церковникам с помощью помещика Терпигорева опять-таки удалось отстоять, а вторая долго сопротивлялась.

О недоброжелательности церковнослужителей того времени свидетельствует и хранящееся до сих пор в Госархиве Тульской области дело 1785 года о розыске гремичевских церковников Петрова и Попова Тамбовским наместническим правлением, где они оказались большими должниками не только перед тамошним церковным причтом, но и перед многими прихожанами.

Пожары, между тем, навевались в Гремячее очень часто, но с ними более или менее успешно боролись. Но вот в 1784 году в Староказачьей слободе он оказался таким, что Тульское наместническое правление вынуждено было принять 17 июня решение о переводе её жителей в их собственные дачи на речке Тютеревой.

В числе наиболее важных предприятий г. Гремячева в XVIII веке следует, видимо, считать железоделательный завод, который в декабре 1780 года освидетельствовался Гремячевской нижней расправой. Но, к сожалению, никаких сведений о времени и месте его возникновения и ликвидации пока не обнаружено. В городе имелись также две водяные мельницы, три питейных заведения, несколько трактиров, торговых лавок, кузниц и других мелких мастерских. Население же города после 1771 года составляло 1459 пашенных солдат без учёта их близкой родни женского пола, малолетних ребят и правящей администрации.

В 1780 году к г. Гремячему было приписано селцо Яцкое, которое отошло по приданству от коллежского советника Богдана Васильевича Умского в числе 68 душ мужского пола к дочери его Александре, вышедшей замуж за надворного советника Якова Осипова Кофтырева. А 21 июня 1784 года по предложению наместника было решено перевести нижнюю Гремячевскую расправу в Венёв. 29 апреля 1785 года здесь состоялось размежевание земель Венёвской и Гремячевской староказачьих слобод. С заменой же в 1796-1797 годах наместничеств губерниями г. Гремячев был обращён в казённое село Новоприборной волости Венёвского уезда.

После того, как на месте бывшего гремячевского острога остались только кирпичный воеводский дом и воеводская канцелярия, обращённые затем в общественный магазин для ссыпки хлеба, здесь нередко собирались по давней традиции народные празднества и гулянья. Отсюда хорошо было видно, как широкой голубой лентой в многоводье окружала высокую луку река Проня. Справа, на более отлогом берегу, раскинулась старинная Стрелецкая слобода, за которой далеко открылась широкая лесостепная перспектива. А слева по высокой горе

тянулись строения Пушкарской слободы с Покровской церковью, вынесенной на более высокое место.

Далее отсюда же были видны широко растянувшиеся длинными полосами Новоприборная и Казацкая слободы с их церквями. А у невидимой деревни Араповки неведомый крестьянин Староказачьей слободы Яков вгрызался в ту пору от всех в песчаную грудь берега и создавал хорошо известную ныне Араповскую пещеру.

В начале XIX века жители Гремячева, как и всей страны, отчаянно трудились и боролись с цивилизованными ордами Наполеона, их соотечественники были причастны и к славному движению декабристов. Вот поэтому-то о гремячевцах ещё в то время говорили, что они самые выносливые рабочие, замечательные рекруты и храбрые солдаты. Но в 1830 году все однодворцы Гремячева были переведены в сословие государственных, или казённых крестьян.

В начале 1860 года в селе Гремячем насчитывалось около 5400 душ мужского пола, в том числе в Беломестной слободе 825, в Новоприборной – 1014, в Пушкарской – 835, в Стрелецкой – 770 и в Староказачьей – 1929.

К 1890-му году население села увеличилось ещё больше. Этому способствовало дальнейшее развитие торговли и промыслов в связи с прокладкой железных дорог через Михайлов и Узловую, а также шоссейных дорог, связавших Гремячее с Венёвом, Зарайском, Михайловом, Епифанью, Богородицком и Тулой.

В 1862 году в селе Гремячее появились в Новоприборной, Беломестной, Староказачьей и Стрелецкой слободах первые школы грамоты, а в Стрелецкой слободе в 1877 году была открыта начальная земская школа, потом появились такие же школы в Староказачьей, Пушкарской и Беломестной слободах. Но знания в них давались самые примитивные, ибо обучение вели частные лица без всяких программ и пособий.

Так, в Беломестной слободе, например, в школе грамоты церковника Леонардова обучались 4 мальчика и одна девочка, а в школе Глаголева – только три мальчика. В двух школах

церковных причетников в их же домах обучались 17 мальчиков и три девочки.

В Староказачьей слободе тоже были четыре школы в домах учителей. В первой из них у священника Архангельского занимались 7 мальчиков и две девочки, у Нарышкина – три мальчика и одна девочка, а из двух церковных причетников один обучал двух мальчиков, а второй только одного.

Никаких расписаний, естественно, не было, начиналась учёба и заканчивалась по усмотрению учителя, да и заключалась она в основном в изучении церковно-славянского алфавита и чтении церковных книг.

А вот что представляли собой двадцать лет спустя гремячевские начальные школы по отчётам за 1896-97 учебный год:

«Стрелецкая начальная земская школа IV разряда основана более 20 лет назад духовенством, размещается в собственном деревянном здании под железной крышей, имеет три отделения (т. е. класса) в одной классной комнате, обучались 41 мальчик и 17 девочек, явились на экзамены 33 мальчика и 13 девочек, главный недостаток – теснота в классной комнате».

В начале же текущего столетия в Венёвском уезде была большая реорганизация школьного дела. Из земских школ в селе Гремячеее осталась только одна Стрелецкая, которая в 1912-1914 годах опять-таки размещалась в наёмном здании размером 10 на 8 аршин. Занятия здесь вели учитель В. В. Глаголев после окончания Московской гимназии в 1911 году и учительница Е. В. Рождественская, окончившая в том же году Тульское епархиальное училище.

В 1912-13 учебном году здесь обучались 65 мальчиков, а в 1913-14 году 63 мальчика, но закончили школу только по 4 человека в году. Вскоре 11 мальчиков выбыли из школы в связи с начавшейся мировой войной.

Гремячевским старожилам хорошо известны земские и церковно-приходские школы. Главная их задача состояла в том, чтобы научить детей читать и писать, а также первым четырём арифметическим действиям. Но и этот минимум знаний был

доступен только избранным. Ведь в том же 1912-13 учебном году из-за тесноты школьных помещений только в Стрелецкой слободе было отказано в приёме в земскую школу почти пятидесяти мальчикам, а в церковно-приходскую – стольким же девочкам.

Однако появление школ было прогрессивным явлением не только в жизни села Гремячева, но и всей здешней округи. Именно они явились важным толчком к развитию самосознания народа, могучим стимулом к появлению здесь разночинной молодёжи из среды бывших безграмотных и забитых крестьян. И к числу таких надо отнести одного из первых венёвских военкомов, а потом комиссаров Красной Армии Г. И. Посакухина (о нём рассказывалось уже в «Новомосковской правде»), первого председателя Гремячевского (Новоприборного) волисполкома Якова Головкина, первых корреспондентов большевистских газет «Звезда» и «Правда» Сергея Ганшина и П. Рябовского.

В связи с ростом народонаселения в Гремячеве с каждым годом обострялось безземелье, шло быстрое расслоение крестьянства на кулаков и батраков. Вместе с тем по официальным данным здесь до 25-30 процентов трудового населения занималось отхожими промыслами. А это способствовало быстрому нарастанию недовольства среди значительной части населения существующими порядками. Вот почему гремячевцы в большинстве своём с горячим сочувствием отнеслись к революционным событиям 1905-1907 годов и активно поддерживали большевиков в февральской буржуазно-демократической и в Великой Октябрьской социалистической революциях 1917 года. А в декабре 1917 года они установили у себя Советскую власть.

Но не всем по душе пришлось народовластие. Богатые кулаки и подкулачники села, подстрекаемые помещиками близлежащих сёл и деревень, выступили в ноябре 1918 года против Советской власти. До полусмерти избив членов Гремячевского волисполкома, они явились инициаторами похода на Венёв, но уже через день получили достойный отпор

в селе Урусово. Потом зачинщики мятежа были строго наказаны Советской властью, чтобы неповадно было выступать другим.

По постановлению президиума Тульского губисполкома о районировании от октября 1923 года село Гремячево вошло в состав Холтобинского района Венёвского уезда, а по постановлению президиума Тульского губисполкома от 25 октября 1926 года и Президиума ВЦИК от 12 ноября того же года вместо Холтобинского района был образован Гремячевский район с центром в селе Гремячее. В его состав вошли Холтобинская, Спасская, Юдинская, Бороздинская, Козловская, Новоприборная и Урусовская волости. Но в августе 1927 года, во исполнение постановления Президиума ВЦИК от 11 июля, Гремячевский район был ликвидирован, а территория его отошла большей частью опять к Венёвскому и другим соседним районам. С образованием же по постановлению ВЦИК от 12 июля 1929 года Московской области в составе Тульского, Рязанского и восьми других округов село Гремячее с прилегающей территорией оказалось в её составе.

С началом же строительства г. Новомосковска и в связи с более мощным развитием Подмосковного угольного бассейна в составе Московской области в период с 1930 по 1933 год были созданы Дедиловский, Донской, Кимовский, Сталиногорский и другие районы. Село Гремячее оказалось в составе последнего. А с разделением на основании постановления ЦИК СССР от 26 сентября 1937 года Московской области на Тульскую, Рязанскую и Московскую все эти районы отошли к Тульской области и пережили самый, пожалуй, трудный период в своей истории – немецко-фашистскую оккупацию. За полмесяца оккупации захватчики нанесли всему нашему краю такой ущерб, который не поддаётся никаким подсчётам. Вот поэтому в целях быстрейшего восстановления и развития экономики края, Подмосковного угольного бассейна Президиум Верховного Совета РСФСР принял 20 декабря 1942 года Указ о передаче Донского, Узловского, Кимовского, Серебряно-Прудского и Сталиногорского районов в Московскую область. А вскоре здесь был образован самостоятельный Гремячевский район, который в 1957 году по Указу Президиума Верховного

Совета РСФСР вместе с г. Сталиногорском, Донским, Кимовским и Узловским районами был возвращён в Тульскую область. Этот период был наиболее благоприятным в росте и развитии села Гремячее. Именно в это время здесь появились наиболее крупные жилые, производственные постройки, объекты социально-культурного наследия.

Но в августе 1958 года был образован Сталиногорский район с включением в него собственной пригородной зоны и Гремячевского района. По этому Указу от 1 августа село Гремячее было обращено в центр Гремячевского сельсовета. Здесь же размещается и центр крупнейшего в нашей области госплемзавода «Большевик»¹¹.

Иван-озеро

Село Иван-озеро

Многие новомосковцы с интересом прочитали историческое повествование В. Н. Шавырина на страницах «Тульских известий» об Иван-озере. Но жаль, что автор использовал в этой публикации в основном лишь произведения А. И. Миловидова (кстати, последний был не профессором, а учителем в Иван-озёрской сельской школе, потом в Тульской духовной семинарии) и допустил в своих трудах ряд погрешностей и ошибок. В госархиве Тульской области до сих пор хранится очень много документов об Иван-озере, которые неизвестны нынешним поколениям и могли бы значительно дополнить, уточнить историю села.

По сведениям В. Н. Шавырина, село Иван-озеро, которое раньше официально называлось Ивановским на озере, представляется каким-то вольным, никем не управляемым торгово-ремесленным конгломератом, живущим по своим тяготевшим к разным городам и уездам привычкам и законам. На самом же деле это было далеко не так, ибо село с самого своего появления было помещичьим.

¹¹ Бороздинский М. Гремячее // Новомосковская правда. 1987. 31 янв. ; 20 марта ; 23 мая ; 4, 5 авг.

В 10-м разделе своей публикации В. Н. Шавырин упоминает, правда, о том, что в 1761 году тщанием генерал-майора Сергея Ивановича Боброва здесь была выстроена каменная церковь во имя Иоанна Предтечи. Однако он ничего не говорит, что Бобров был одним из представителей первых Иван-озёрских помещиков. По ревизским сказкам третьей Всероссийской подушной переписи, в Венёвском уезде в 1763 году известно, что ему в ту пору здесь принадлежали 142 мужские и 124 женские души крепостных дворовых людей и крестьян.

С. И. Бобров, как известно, принадлежал к старинному дворянскому роду, известному по жалованной грамоте Ивана III Васильевича 1503 года на вотчины и земли его предкам Ивану и Василию в подмосковных Дмитровском и Рузском уездах. А при Иване Грозном в 1571 году, когда за содействие Девлет-Гирею в захвате и сожжении Москвы отбиралась венёвско-епископская вотчина у кн. И. Ф. Милославского, Жан Бобров дал за него поручную запись с уплатой 150 рублей. Степан Бобров был в 1579 году посланцем Грозного в Невель. Сергей же Бобров, а до него, возможно, его отец и дед, стали Иван-озёрскими помещиками. И как знать, не от них ли пошло название здешней местности «Бобрики», а потом и фамилия появившихся в 1781 году графов Бобринских?

Генерал С. И. Бобров, судя по всему, был доброжелательным человеком и рачительным хозяином. Об этом свидетельствует не только строительство его «тщанием» одной из первых в Венёвском уезде каменных церквей, открытие одной из первых сельских школ, но и то, что к очередной, четвёртой Всероссийской подушной переписи 1782 года, у него не только не уменьшилось, как у других помещиков, число крепостных крестьян, а возросло до 159 мужских и 161 женских душ, в Пятую же ревизию 1795 года за ним в селе Ивановском на озере стало соответственно 168 и 159 душ.

Но к 1797 году генерала С. И. Боброва не стало. Владения его в селе Ивановском и деревне Стреляевке, где он имел больше десятка крепостных мужиков, перешли вроде бы по

наследству к надворному советнику Ивану Ильичу Волкову, хотя наследственность эта вызывает сомнение. Ведь у С. И. Боброва, считают некоторые родословцы, был сын Семён Сергеевич (ок. 1760-1810) – известный поэт и писатель-мистик, примыкавший с одной стороны к школе Н. И. Новикова, и к приверженцам старины Шишковского – с другой!

В ревизской сказке тем не менее сказано, что И. И. Волкову по наследству с кончиной генерала перешли в селе Ивановском на озере 25 душ дворовых мужского пола в восемнадцати семьях и 142 мужские души крестьян в 39 дворах. К 1811-му же году, когда состоялась очередная, Шестая ревизия, число дворовых здесь сократилось до 13 мужских душ, не считая женщин, зато в крестьянских дворах стало 152 мужика.

Мы не знаем биографических сведений об И. И. Волкове, но он, судя по всему, довольно преуспевал в своей гражданской службе, так как к 1816 году уже был коллежским советником. Однако число принадлежащих ему в селе Ивановском на озере крепостных, свидетельствует ревизская сказка, сократилось в семьях дворовых до 12 мужчин и 10 женщин, а в крестьянских дворах соответственно – до 148 и 136 душ. В деревне Стреляевке тоже осталось всего лишь семь мужских и девять женских душ.

К 1825 году И. И. Волков стал действительным статским советником и кавалером. Во владениях же его дела не очень клеились, а поэтому он в том же году продал их гвардии поручику, как записано в ревизской сказке, графу Василию Алексеевичу Бобринскому, т.е. третьему младшему сыну основателя этого рода Алексея Григорьевича (11.04.1762-20.06.1813), и его жены Анны Владимировны Унгерн-Штернберг (9.01.1769-28.03.1846).

О Бобринских написано немало статей и книг, которые нередко противоречат друг другу. И это, видимо, потому, что отпрыски незаконнорожденного, так считали, сына Григория Орлова и российской императрицы Екатерины II Алексеевны были по природе своей и условиям жизни людьми раздражительными и неуравновешенными.

Екатерина II, как известно, ещё в детстве, а потом и в юности раздражала побочного своего сына Алексея Григорьевича заботами о его обучении и воспитании. Он же, понимая, что в будущем ни высокие государственные посты, ни наследственные права после императрицы ему не светят, не только не принимал, а злостно и открыто отвергал эти заботы.

«...Что это за дело Бобринского, – спрашивала 18 марта 1785 года Екатерина II у барона Гримма (1723-1807) о своём двадцатитрёхлетнем сыне: он остался, и, так сказать, основался в Париже. Он юноша крайне беспечный... он молод и может быть вовлечён в дурные общества, он вывел из терпения тех, кто были при нём...».

«Впрочем, – продолжала мать, – он в состоянии платить: у него тридцать тысяч рублей годового дохода», а далее просила Гримма «разузнать положение его дел в Париже» и сообщить ей.

Закончил же свой путь основатель рода Бобринских, как известно, в полном, можно сказать, заточении в своём огромном доме на Малой Никитской (ныне ул. Качалова, 12) в Москве и в специально выстроенном для него дворце на Бобрик-горе. Вот поэтому-то и сыновья его Павел и Василий оказались непосредственными и довольно опасными для царского дворца участниками декабристского движения.

В 1824 году младший из братьев Бобринских Василий Алексеевич (1804–1874), будучи ещё корнетом лейб-гвардии Гусарского полка, был принят А. П. Барятинским в Северное общество. А так как Василий договорился с братом Павлом Алексеевичем завести для общества тайную типографию, то вместе с ним был принят и последний. На это дело, по показаниям Шервуда и Вадковского на следствии, братьями Бобринскими, официально же вроде бы одним Василием, было пожертвовано 10 тысяч рублей.

И вот в 1825 году, ещё до восстания декабристов, В. А. Бобринский стал после Волковых помещиком в венёвском селе Ивановском на озере. В сёлах же Успенском, Бороздино после Грушецких и Аникеевых, а также в деревне Ширино, появившейся на месте села в 1835 году того же названия после

Волконских, помещицей стала жена Павла Алексеевича Юлия Станиславовна, рождённая Белинская, по первому мужу Собакина.

Р.С. В ЦГАОР среди неопубликованных материалов хранится дело «О графе Бобринском, оставленном из лейб-гв. Гусарского полка корнета» (ф. 48, д. 131), где собрали следственный материал об участии Василия и Павла в декабристском движении. В нём подшиты хоть и противоречивые, но явно подтверждающие участие графов в декабристском движении, показания Свистунова, Сабурова, Арбузова, Толстого, Вадконского, Барятинского и Шервуда, собранные к июлю 1826 года. Но чьё-то высокое, видимо, вмешательство, а также недостаточная активность братьев Бобринских в работе Общества спасли их от большого наказания.

На полях этого следственного дела отмечено: «Высочайше повелено учредить секретный надзор». А вместе с тем В. А. Бобринский был отставлен от военной службы.

Однако вскоре после 14 декабря 1825 года попал под подозрение старший брат Бобринских Алексей Алексеевич (1796-1869). Дело в том, что из окна его петербургского дома выстрелил однажды в ходе суматохи для развлечения из духового ружья, изготовленного самим графом, секретарь английского посольства Малет, а на улице в это время проезжал Николай I. И этот хоть и «духовой», но довольно громкий выстрел был тут же истолкован как покушение на царя. Графа немедленно арестовали и посадили в Адмиралтействе на гауптвахту¹².

Иван-озёрские ярмарки

Выйдя в отставку, Василий Бобринский поселился вместе с первой своей женой Лидией Алексеевной, рождённой Горчаковой, на Бобрин-горе. А так как жена была единственной дочерью кн. Алексея Ивановича Горчакова и его жены Варвары Юрьевны, рождённой Дашковой, бабка которой Мария

¹² Бороздинский М. Село Иван-озеро // Новомосковская правда. 1994. 3 янв. С. 2.

Романовна, приходилась сестрой известным братьям и сёстрам Воронцовым, то В. А. Бобринский надеялся на довольно светлое будущее. Однако 22 мая 1826 года жены не стало, она умерла бездетной.

Второй женой В. А. Бобринского около 1830 года стала дочь коллежского асессора Прокофия Фёдоровича Соковнина и Софьи Васильевны, рождённой Хаганской. Софья Прокофьевна, родной дядя которой надворный советник Сергей Фёдорович владел имениями в селе Оленьково нынешнего Венёвского района и в дер. Сосновке. С его кончиной С. П. Бобринская (1811-1868) наследовала, как племянница, эти имения. От этого брака у них были сын Алексей Васильевич (1831-1888) и дочь Софья.

В Госархиве Тульской области хранится дело о внесении имени основателя рода Бобринских Алексея Григорьевича в пятую часть дворянской родословной книги. В нём, наряду с другими документами, подшита копия раздельного акта Московской палаты гражданского суда 1825 года на имения между вдовой Анной Владимировной и сыновьями Алексеем, Павлом и Василием. Так вот Василию по этому разделу только в селе Бобрики с деревнями Дубовое, Пучки, Моисеевка и Лешки досталось 8725 крепостных крестьян, а по свидетельству С. Д. Шереметева, и 17000 десятин земли. Село же Ивановское на озере было личным его приобретением и поэтому в акте не упоминается.

Проживая большую часть времени в Бобриках, которые назывались по церкви селом Спасским, и являясь в 1838-1840 годах предводителем дворян Епифанского уезда В. А. Бобринский разобрал «за надобностью» здание бывшего большого Екатерининского каменного дома, а вместо него, свидетельствует гр. С. Д. Шереметев, построил себе оригинальный одноэтажный дом с подвалами весьма своеобразной архитектуры, весь обитый железом.

«Не только крыша, но все стены обиты железом, – подчёркивал он в брошюре «Бобрики и Оленьково», – а под домом устроены виноградные теплицы...»

В 1855 же году рядом с особняком был построен Бобриковский сахарный завод. Но перевод крестьян с оброка на барщину сыграл с бывшим декабристом злую шутку, от которой упала заинтересованность крестьян в производительном труде, а с ней сократилось всё производство.

Но не только хозяйственными новшествами прославил себя в ту пору В. А. Бобринский. Больше всего его узнали после того, как он подрался 14/27 января 1857 года на обеде у вице-президента Московского художественного общества А. Д. Черткова с профессором Московского университета, известным поэтом и историком литературы С. П. Шевыревым (1806-1864), которого так избил, что тот еле остался жив. Эта драка, опозорившая русское дворянство, о которой писали И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, А. И. Герцен и многие другие, привела к тому, что графа выслали в Тульскую губернию с запрещением появляться в Москве и Петербурге. Однако тульское дворянство через четыре года избрало его своим предводителем и открыло тем самым все двери в обеих столицах.

Село Иван-озеро во время проживания графа на Бобринской горе было переведено им в Елифанский уезд и до 1861 года оставалось как бы придатком главной его резиденции. Здесь, как и в других местах, крестьяне задыхались на свекловичных полях. Однако взамен граф немало делал для того, чтобы поднять торгово-ремесленный престиж села, находившегося на перепутье старинных с юга на север и с востока на запад путей.

По данным Восьмой подушной переписи 1834 года в селе Ивановском на озере было 42 крестьянских двора, в которых проживало 178 подданных В. А. Бобринскому мужчин и 167 женщин. Кроме того, 10 мужчин и 20 женщин проживало в домах церковнослужителей. Так что о величии и процветании, поддерживаемых в повествованиях А. И. Миловидова и В. Н. Шавырина, говорить не приходится. Что же касается вольностей графа, коллективных пьянок и драк, то они были присущи в ту пору не только этому селу. Во всяком случае при довольно беглом, правда, знакомстве с делами Венёвского уездного суда в ГАТО мне не встретилось ни одного дела из

села Иван-озеро, связанного с грабежами, убийствами и другими большими преступлениями.

Наоборот, мне почему-то кажется, что Иван-озеро было одним из наиболее спокойных и набожных селений. В исповедных ведомостях, например, здесь почти не встречались прихожане, не бывшие на исповедях. Именно здесь с наибольшей очевидностью проявлялось и стремление жителей к образованию, книжным знаниям.

По сведениям 1861 года в селе Иван-озеро не без влияния помещика с 5 мая начала действовать под руководством священника Миловидова церковно-приходская школа в его личном доме. А через некоторое время в своём же доме открыл такую же школу церковный дьякон, фамилия которого, к сожалению, не называется.

В первое время в этих двух школах обучалось, правда, всего лишь 22 мальчика и три девочки. Однако в 1863 году тульское епархиальное начальство, рассматривая донесения благочинного Миловидова и наблюдателя Михаила Павловского из села Юдино, отмечало, что «наставники и ученики их ведомства оказывают замечательное усердие к своему делу, но от крайней тесноты... как в домах самих наставников, так и в церковных караулках, от недостатка в них столов, скамеек, других школьных принадлежностей, обучение производится с большими затруднениями, ученики нередко занимаются стоя, держа в руках книжки, письмом же многие совсем не могут заниматься...».

Вместе с тем благодаря поддержке В. А. Бобринского в селе не прекращалась возникшая ещё при Петре I торговля сельскохозяйственной и промышленно-кустарной продукцией в купеческих лавках и на еженедельных базарах.

Однако 2 сентября 1874 года В. А. Бобринского не стало. Все его владения, а также Оленьковское имение жены Софьи Прокофьевны, скончавшейся 9 февраля 1868 года, перешли в наследство к их сыну Алексею Васильевичу (1831-1888). В отличие от отца, он активно участвовал в государственной службе, был членом Государственного совета и егермейстером Высочайшего двора. Благодаря его усердию в 1884 году в

с. Иван-озеро в деревянном здании под железной крышей, взятом сельским обществом во временное пользование, была открыта первая в нынешнем понимании школа. Судя по тому, что здесь в трёх отделениях единственной классной комнаты занималось 50 мальчиков и 26 девочек и при этом не отмечалось ни тесноты, ни других недостатков, здание это было довольно обширным.

Алексей Васильевич, в отличие от отца, летние месяцы проводил не только на Бобрик-горе, но и в Оленькове. Описывая это село, С. Д. Шереметев отмечает, что там был старинный дом, «снаружи весьма простой и мрачный, зато внутри сохранился очень хорошо. Комнаты небольшие, со старой мебелью красного дерева с бронзой, а в мезонине – библиотека.

Около дома – небольшой флигель, в котором по обычаю своему отдельно жил граф Алексей Васильевич...».

Предпочтение, однако, всегда отдавалось селу Бобрики-Спасское, а вместе с тем и селу Иван-озеро. А. В. Бобринский, как и отец, старался на должном уровне поддерживать здесь церкви и школы, различные промыслы и торговлю. Однако открытие Ряжско-Вяземской железной дороги через Узловую сильно подорвало торгово-экономическое положение Иван-озера, находившегося на перепутье между сельскохозяйственным югом и промышленным Подмосковьем.

В последние свои годы А. В. Бобринский жил на Бобрик-горе. «Усадьба расположена на возвышенном берегу, – писал С. Д. Шереметев, – это целый городок... Последний раз я был в Бобриках в 1887 году со старшим сыном. Алексей Васильевич был уже очень слаб... Ещё раз видел я, как он оживился и радовался рассказам об охоте на дроф у Люторичей. На следующий год он прожил в Бобриках почти без сознания...».

С кончиной 24 ноября 1888 года А. В. Бобринского владения перешли к его сыну Алексею Алексеевичу. В 1897 году за ним в Иван-озере значилось 543 десятины земельных угодий. За тёткой же отца его Юлией Станиславовной в селе Бороздино – 859 десятин. Вот они то и были, можно сказать, последними владетельными отпрысками рода Бобринских на нашей земле.

Забываясь о процветании своих селений, они с помощью местных мастеровых людей и купцов добились в 1890 году открытия в Иван-озере двухнедельной рождественской ярмарки, которая сразу же дала неплохие результаты. Однако развитие Узловой, начавшееся в 1914 году строительство соединительной отсюда железнодорожной ветки до Венёва, свели все усилия к поддержанию прежних ремёсел и торговли к нулю.

А. А. Бобринский приходился двоюродным братом жене Ильи Львовича Толстого (1866-1933) Софье Николаевне, рождённой Философовой (1867-1934), а поэтому часто встречался с великим писателем. Однако Л. Н. Толстой, судя по его записям, не очень-то жаловал этого графа. И это скорее всего потому, что он не очень-то заботился о нуждах и делах крестьян.

На почве взаимного непонимания и недоверия при А. А. Бобринском нередко вспыхивали крестьянские бунты, разорявшие друг друга. Так, в мае 1897 года, например, был большой крестьянский бунт в селе Люторичи из-за шести тысяч рублей крестьянских долгов, для умирения которого вызывались две роты солдат. А до этого, ещё в 1892 году, Л. Н. Толстой, направляясь в Беличевку, заметил на ст. Узловая поезд с солдатами, прибывшими на умирение крестьян, не дававших графу рубить их лес.

О том, что граф «не берёт леса.. но каким-то чудом уцелела одна роща около дома», писал в своё время и С. Д. Шереметев. Однако замечания эти не принимались Бобринскими во внимание. Вот поэтому-то крестьяне принадлежавших им имений без сожаления расстались в 1917-1918 годах со своими господами и принялись за создание нового уклада сельской жизни¹³.

Иван-озеро – колыбель мореходов и флотоводцев

«Знаменитейшая река Танаис, отделяющая Европу от Азии, – писал ещё в первой половине XVI столетия известный австрийский дипломат, посол императора Максимилиана и

¹³ Бороздинский М. Иван-озёрские ярмарки // Новомосковская правда. 1994. 5 янв. С. 2.

австрийского эрцгерцога Фердинанда в Москве в 1517 и 1526 годах Сигизмунд (Зигмунд) Герберштейн, – начинается приблизительно в восьми милях к югу от Тулы, с незначительным отклонением на восток, но не в Рифейских горах, как писали некоторые, а в громадном Иван-озере, т. е. озере Иоанна, которое простирается в длину и в ширину приблизительно на тысячу пятьсот вёрст и начинается в лесу, который одни называют Оконицким лесом, а другие Елифановым.

Из этого озера, – продолжает он, – вытекают две большие реки: Шат и Танаис. Шат (течёт) на запад, приняв в себя реку Упу, он вливается в Оку в северо-западном направлении. Танаис же сперва течёт прямо на восток и между царствами Казанским и Астраханским проходит в шести или семи немецких милях от реки Волги. Затем, поворотив к югу, он образует болота, которые зовутся Меотийскими». (С. Герберштейн. Записки о Московии. М., изд. МГУ, 1988, стр. 137). Однако по известным нам писцовым книгам XVI века, Книге Большому Чертежу, созданной в 1627 году, и другим источникам видно, что Герберштейн во многом ошибался.

Но так ли великими были его ошибки, как они кажутся нам сейчас? Конечно, слов нет, Иван-озеро не занимало территорию в 225 тысяч кв. вёрст, но оно, тем не менее, было, по всей вероятности, тогда довольно внушительным. А иначе зачем бы Петру Великому затевать именно здесь строительство так называемого Ивановского канала для соединения Волги с Доном в 1790-х годах? Именно здесь, нам кажется, он питал первые надежды и на создание собственного, Российского флота, которое было перенесено затем в Воронеж и Азов. И, как знать, не эти ли намерения Великого преобразователя России привлекли сюда, именно на берега Иван-озера, выдающихся наших мореходов и флотоводцев, какими были, например, Фёдор Фёдорович Ушаков, Синявины, как они раньше писались, Рудневы и другие.

Ещё при Петре I, как известно, прославились на всю Россию сыновья Акима Синявина: Ульян, Наум и Иван. Первый и последний из них ещё волонтёрами участвовали в великом

посольстве 1697-1698 годов в Западной Европе во главе с Ф. Я. Лефортом, Ф. А. Головиным, П. В. Возницыным, истинным руководителем которого являлся следовавший инкогнито в его составе Пётр I под именем шкипера Петра Михайлова. А потом Ульян Акимов Синявин стал комиссаром императора, его брат Иван – бомбардиром, поручиком, затем контр-адмиралом и главным командиром Астраханского порта.

Что же касается третьего их брата, Наума Акимова, то он стал первым русским вице-адмиралом, сын же его Алексей Наумович, контр-адмиралом.

По возвращении из-за границы Пётр I все усилия приложил к тому, чтобы сделать Россию великой державой не только по территории, но и по своей мощи, а для этого, считал император, она должна быть обязательно морской. И эти свои мысли он тут же, путём живого всенародного дела, стал превращать в действительность.

Но ещё до этого, в 1695 и 1696 годах, во главе с Петром I были совершены два знаменитых Азовских похода, пролежавших мимо Иван-озера, и Великий преобразователь, конечно же, обратил на него внимание. Именно неудача 1-го Азовского похода, начавшегося весной 1695 года с участием 30 с лишним тысяч солдат и офицеров при 170 орудиях, а закончившегося после двух неудачных в августе и сентябре штурмов Азова возвращением в Москву, заставила Петра I начать подготовку к строительству Ивановского канала. И тогда здесь были собраны огромные по тем временам силы строителей не только из местного населения, но и из числа военных, пленных шведов и даже каторжан.

Благодаря усилиям Петра в зиму с 1695 на 1696-й год в Воронеже и других местах с помощью так называемых «кумпанств», т. е. строительных компаний, объединявших самых знатнейших и богатейших тогдашних российских вельмож, было построено до трёх десятков боевых и много транспортных судов, которые с участием 75 тысяч войск совершили Второй поход на Азов, в начале июня блокировали его с суши и моря, а 18 июля он был взят штурмом. И в этом, нам кажется, была немалая заслуга ещё полноводного тогда

Иван-озера, через которое переправлялись скорее всего из подмосковного села Преображенского и из других мест маломерные суда.

Вполне могло быть, что суда строились и непосредственно на берегах Иван-озера, а потом силой бурлаков переправлялись к Данкову, и далее своим ходом к Азову. Документальных сведений об этом, правда, пока нет, но вот интенсивное исчезновение именно в это время вокруг Иван-озера лесов вызывает именно такое предположение. На это же намекает и появление здесь в конце XVII-начале XVIII столетий целого ряда имений и поместий хорошо известных и выдающихся русских мореходов и флотоводцев.

Через Иван-озеро или вблизи от него, свидетельствуют исторические источники, проходили все войска, участвовавшие во 2-м Азовском походе. Так, генерал П. И. Гордон, например, 23 марта 1696 года держал путь со своими войсками из Москвы в Воронеж через Каширу, Венёв, Елифань и Лебедянь. Почти той же дорогой двинулся 15 марта из Москвы и «воевода Большого полку» – главнокомандующий А. С. Шеин, который, правда, заезжал в свои вотчинные сёла Преображенское и Горы Коломенского уезда. А генерал Ф. Я. Лефорт, задержавшийся в Москве по болезни, 30 марта писал Петру I в Воронеж, что «я совсем сего числа обоз свой отпущу (по той же, видимо, дороге – М. Б.), а я сам поеду в Дубровицу», т. е. имение князя В. А. Голицына под Москвой, через которое лежал путь на Тулу. А иначе зачем бы и предупреждать ему Петра, если бы он не отклонялся от уже известного пути?

Синявины

С победным окончанием похода Пётр I, как известно, щедро наградил его руководителей и участников. Так Ф. Я. Лефорт был провозглашён в чине генерал-адмирала, а вместе с тем ему было даровано в вотчину село Богоявленское в Елифанском уезде с деревнями на 140 дворов, а 26 декабря пожалована золотая медаль в семь червонцев, кубок с кровлею и золотой кафтан на соболях. Потом же, когда село Богоявленское стало владением боярина и оружейничего Богдана Матвеевича Хитрово, оно превратилось в известную ныне Хитровщину.

Именно в это время скорее всего кто-то из Синявиных тоже получил в награду от Петра I имение, расположенное на речке Ольховец ниже села Спасского, буквально в десятке километрах северо-восточнее Иван-озера. А в 1763-м году по Третьей Всероссийской подушной переписи за генерал-адъютантом Николаем Фёдоровичем Синявиным здесь в подушный оклад в сельце Ольховце, Федоровском тож, было записано 57 мужчин и 47 женщин, в сельце Ольховце, кроме того, 35 и 29 душ крепостных. А ведь это был никто иной, как отец корабельного флота капитана II-го ранга Сергея и будущего вице-, затем полного адмирала и флотоводца Дмитрия (6/17.VIII.1763-5/17.IV.1831) Николаевичей Синявиных.

Судя по тому, что одно из имений названо сельцо Ольховец, Федоровское тож, перволадельцем его был, скорее всего, дед указанных моряков, о котором, к сожалению, почти ничего не известно.

Мало того, кн. Лобанов-Ростовский во втором томе своей «Русской родословной книги» сообщает, что у упомянутого выше Ивана Акимовича был якобы сын Николай, который в 1759 году значился тоже вице-адмиралом, командиром Кронштадтского порта, но умер бездетным, однако именно от него выводит потомство: Сергея Николаевича Синявина, флота капитана 2-го ранга, женатого на Марии Яковлевне неизвестной фамилии, и Дмитрия Николаевича, адмирала, ордена Александра Невского и многих других кавалера, женатого на Терезе Ивановне Разоровиз – дочери австрийского генерального консула в Яссах. Но это, конечно же, ошибка известного генеалога.

К следующей, четвёртой подушной переписи (ревизии) 1782 года, владения генерал-адъютанта Н. Ф. Синявина в сельце Ольховце, Федоровском тож, сократились до 47 и 52 душ, а в сельце Ольховце до 29 и 37 душ. А в ревизию 1795 года в одном только сельце Альховце, как оно названо в ревизской сказке № 16, осталось 78 мужских и 102 женские души. Имена, следовательно, слились в одно и никакой Федоровской памяти в нём не осталось.

Но в 1802 году Н. Ф. Синявина не стало, однако он ещё до кончины своей успел объявить, что оставляет наследство своё в сельце Ольховце нераздельным, т. е. майоратным. В связи с этим оно перешло после него во владение обоих его сыновей – Сергея и Дмитрия. Вот почему в ревизской сказке № 50 уже 1811 года было сказано, что «сельца Ольховца корабельного флота капитана 2-го ранга Сергея Николаева и корабельного флота вице-адмирала и разных орденов кавалера Дмитрия Николаевича Синявиных... было в прошлую ревизию дворовых людей мужского пола 4 и крестьян 74 души, а ныне стало дворовых 7 и крестьян 75 в 23 дворах. По 5-й ревизии состояли за генерал-адъютантом Николаем Фёдоровичем Синявиным, а в 1802 году дошли по наследству детям» (ГАТО, ф. 380, оп. 1, д. 1, лл. 226-228).

Сельцо Ольховец в ту пору было многопоместным, т. е. в нём находилось три поместья. Кроме Синявиных, в 1763-82 годах помещицей здесь была жена коллежского советника Ивана Михайловича Приклонского Ольга Даниловна, но она в 1786-м умерла, и имение её перешло к овдовевшей дочери, майорше Анне Ивановне Дашковой, ставшей к 1811 году по второму замужеству надворной советницей Небольсиной. В её распоряжении здесь было 12 дворовых мужиков в шести семьях и 96 крестьян в 24 дворах, не считая женской половины.

Третьим помещиком был сын генерал-поручика Афанасия Семёновича Жукова артиллерии майор Иван Афанасьевич, имевший девять дворовых и 168 крестьян мужского пола. Но его поместье в 1830 году перешло с аукционного торга за долги ко второй жене дяди известного героя Отечественной войны 1812 года генерала от инфантерии П. И. Багратиона Кирилла Александровича тайной советнице Александре Ивановне, рождённой Голиковой, возможно, дочери историка И. И. Голикова (1735-1801), написавшего 12 томов «Деяний Петра Великого» и 18 томов «Дополнений...» к ним.

Д. Н. Синявин, между тем, родившийся 6(17) августа 1763 года в дер. Комлево Калужской губернии и окончивший в 1777 году Морской шляхетский корпус, с 1781 года командовал различными кораблями на Черноморском флоте и не касался

положения дел в совместных с братом Сергеем имениях. Благодаря поддержке вице-адмирала Фёдора Фёдоровича Ушакова, командовавшего тогда Черноморским флотом, а затем ставшего соседом Синявиных по имениям Венёвского уезда, расположенным недалеко от Иван-озера, Д. Н. Синявин успешно сражался в ту пору с кораблями турецкого флота.

Участвуя в русско-турецкой войне 1787-1791 годов, он в сражениях при Фидониси в 1788 году, потом при Керчи в 1790-м проявил истинный талант настоящего организатора и стратега морских боёв. Но особенно ярко и наглядно его боевой талант сочетания огня и маневра на парусных судах проявился в Каликарнаасском сражении у северо-восточного побережья нынешней Болгарии, где русская эскадра из 39 кораблей при 998 пушках разгромила под командованием Ф. Ф. Ушакова 31 июля (11 августа) 1791 года турецкий флот из 78 кораблей при 1800 пушках, после чего Турция вынуждена была пойти на перемирие.

Затем, участвуя в войне так называемой 2-й коалиции (Англия, Австрия, Россия, Турция и Неаполитанское королевство) против Франции, в Средиземноморском походе 1798-1800 годов под командованием Ф. Ф. Ушакова, Д. Н. Синявин, командуя группой кораблей, овладел 2(13) ноября 1798 года французской крепостью св. Мавра на острове Левкасе, участвовал в блокаде и штурме крепости Корфу, считавшейся неприступной, которая 20 февраля (3 марта) 1799 года капитулировала. За эти подвиги в 1803 году он был произведён в контр-адмиралы.

Во 2-й так называемой Архипелагской экспедиции русского флота в 1805-1807 годах Д. Н. Синявин в чине адмирала возглавлял в последнее время вооружённые силы России на Средиземном море, которые в Афонском сражении 1807 года разгромили превосходящий по численности турецкий флот. И, конечно же, 45-летнему адмиралу Д. Н. Синявину не было в этих условиях времени думать о своих майоратных владениях. Всеми его делами в них управлял старший брат Сергей Николаевич.

В Госархиве Тульской области (ГАТО) хранится в фонде Тульского депутатского дворянского собрания дело о дворянстве Синявиных, вторым документом которого является «Справка» предводителя венёвских дворян, где сказано, правда, что «Сергей Синявин в воинской морской службе и общим с братом родным вице-адмиралом и кавалером Дмитрием Николаевичем Синявиным состоит владении Венёвского уезда в сельце Ольховце нераздельное недвижимое имение написанных по последней 5-й ревизии в оном сельце Ольховце мужского пола крестьян 76 душ». (ГАТО, ф. 39, оп. 2, д. 2062, л. 7.). Однако следующий за ним документ свидетельствует о том, что Сергей Синявин в военной морской службе из дворян с 1777 года гардемарин, с 1 марта 1779 года мичман, с 1 января 1782 года лейтенант, с 1 мая 1789 года капитан-лейтенант, а с 1791 года уволен капитаном 2-го ранга в отставку». (Там же, лл. 9-10).

Далее же в деле приложены копии «Абшида» и «Патента», подлинно выданные за личными подписями Екатерины II и генерал-адмирала Павлова 2 августа 1792 года, где отмечено, что «за оказанную его к службе ревность и прилежность при отставке из оной всемилостивейше пожалован в капитаны 2-го ранга 1791 года января 18 дня». А за ними следует копия с форменного списка на семью его сына Константина Сергеевича и другие документы. Однако об адмирале Д. Н. Синявине документов нет.

С воцарением в 1801 году Александра I, проводившего первоначально либеральную политику, внимание к армии и особенно к военно-морскому флоту, по мнению некоторых историков, было ослаблено. А затем он вроде бы стал считать, что России сильный военно-морской флот не нужен. Именно на этой почве между Александром I и выдающимися флотоводцами того времени возникли разногласия, которые в 1807 году вынудили адмирала Ф. Ф. Ушакова уйти в отставку, а Д. Н. Синявин за упорство в отстаивании интересов флота в 1809 году был понижен в должности, в 1813-м уволен в отставку.

Пятидесятилетний прославленный адмирал, он, конечно же, очень тяжело переживал нанесённый ему незаслуженный удар. После этого он, естественно, не мог не побывать в сельце Ольховце у родного брата, тем более, что в 1813 году у него здесь родилась четвёртая дочь Вера, в 1815-м – пятая Александра, а 7 октября 1817 года – второй и последний сын Сергей. В 1818-м брата Сергея не стало.

В ревизию 1816 года за братьями Сергеем и Дмитрием Николаевичами Синявиными в Ольховце было записано 5 и 10 душ дворовых обоёго пола да 71 и 81 душа крестьян (ГАТО, ф. 379, оп. 1, д. 3, лл. 5-11). «По свидетельству же венёвского уездного предводителя дворянства от 18 декабря 1818 года за № 141 видно, – констатировали тогда же в тульском депутатском дворянском собрании, – что у умершего отставного флота капитана 2-го ранга Сергея Николаевича Синявина сын Константин, действительно его законный сын, родившийся 1810 года, марта 5 дня, что за г-ном Синявиным общим с братом его родным вице-адмиралом Дмитрием Николаевичем Синявиным состоит во владении в Венёвском уезде в сельце Ольховце нераздельное недвижимое имение по 7-й ревизии муж. пола 76 душ».

Вместе с тем в тульское депутатское дворянское собрание была представлена копия с форменного списка, доставленного при отношении от 6 февраля 1826 года № 15... «из коего видно, что флота капитанша 2-го ранга Марья Яковлевна Синявина 49 лет, вдова, имеет детей: Константина 15 лет, служит в Морском кадетском корпусе гардемаринном, Сергея 8 лет, дочери: Марью 31 года в замужестве за губ. секретарём Александром Филипповым Здвиженским, девиц Надежду 27, Анну 20, Веру 13 и Александру 11 лет, дошедших ей на часть с дочерьми её Марьею и Надеждою после покойного мужа её флота капитана 2-го ранга Сергея Николаевича Синявина Калужской губ. в Боровском уезде в дер. Кривской и Кириловой муж. 50, жен. 52; Тульской губ.: Венёвского уезда в сельце Ольховце муж. 76, жен. 80, итого 182 муж. и 180 жен. душ». (ГАТО, ф. 39, оп. 2, д. 2062, лл. 41-44.)

На основании этого и других документов 8 февраля 1826 года было решено: «просительницу флота капитаншу Марью Яковлевну Синявину с двумя сыновьями и пятью дочерьми внести в третью часть дворянской родословной книги Тульской губернии».

Из сказанного видно, что Сергей Николаевич не успел или не захотел поддержать решение отца о майоратном владении имением в сельце Ольховец, а поэтому оно пошло в раздел. Это скорее всего поддержал и Дмитрий Николаевич, имевший трёх сыновей и трёх дочерей, а именно: Николая (1798-1833), полковника, Льва (?-1830), подпоручика, Константина, Марию, бывшую в замужестве за коллежским советником Волковым, возможно, за Иваном Ильичом, владевшим до продажи в 1825 году поручику Василию Алексеевичу Бобринскому имением в селе Иван-озеро, Александру, бывшую за Станкевичем, и ещё одну, неизвестного имени, умершую в малолетстве. (Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга, т. 2. СПб., 1875, стр. 210-214).

Адмирал Д. Н. Синявин довольно редко бывал скорее всего в своём майоратном имении Ольховец, связь же с ним, конечно, поддерживал. Что же касается старшего его брата Сергея, то он с семьёй постоянно, можно сказать, жил здесь. Об этом, в частности, говорят свидетельства о рождении в Ольховце и крещении его сыновей в Успенской церкви села Бороздино, хранящиеся в деле о дворянстве Синявиных в ГАТО (ф. 39, оп. 2, д. 2069, лл. 6 и 9), другие документы.

С разделом же имений наследниками С. Н. Синявина оказались его сыновья Сергей и Константин. За первым из них в ревизию 1834 года, как за малолетним Морского корпуса кадетом, по сказке № 445 было записано 42 и 34 души обоего пола в 10 дворах, а за вторым, как флота мичманом, 40 и 43 души в 10 дворах. Мать же их, видимо, в это же время переехала на жительство в г. Боровск Калужской губернии.

Однако Сергей Сергеевич по окончании Кадетского морского корпуса и став флота лейтенантом, в 1849 году продал своё имение в Ольховце генерал-майору Александру Александровичу Кадомцеву, за которым в ревизию 1850 года

было здесь записано 33 и 34 души в 10 дворах. Ещё до этого, к 1843 году, не стало и его брата мичмана Константина. Его жена, Елизавета Андреевна, оставшаяся с двумя детьми, Николаем и Таисьей, не внесёнными из-за беспечности родителей в сословие тульского дворянства, обратилась с ходатайством о внесении, что 26 марта 1843 года и было решено.

Но потом вдова мичмана Константина Синявина вышла вторично замуж за своего соседа, генерал-майора А. А. Кадомцева. А может, в связи с этим и была оформлена в 1849 году продажа имения С. С. Синявина Кадомцеву, так как между Синявиными и Кадомцевыми началась после этого имущественная тяжба. В связи с этим уже в 1850 году жена Константина была исключена из ревизской сказки № 340 за его имение, и оно было записано на малолетних его детей Николая, родившегося 5 мая 1834 года, и Таисью с 9 мая 1834 года рождения.

Вот они-то и были последними, по сути дела, владельцами Синявинского имения в сельце Ольховце. Однако их дядя Сергей Сергеевич тоже не порывал с этим имением связей. Судя по его послужному списку в деле о дворянстве, с 7 января 1837 года он был гардемарином в Морском кадетском корпусе, с 23 декабря того же года – мичманом, с 11 апреля 1843 года – лейтенант, 26 января 1844 года был уволен к статской службе, но 26 мая 1848 года вновь был принят лейтенантом в 33-й флотский экипаж, 6 декабря 1854 года за боевые отличия был произведён в капитан-лейтенанты, а 1 января 1862 года – в капитаны 2-го ранга, уволился же со службы капитаном 1-го ранга, но семья только после его смерти, по ходатайству овдовевшей жены Эмилии Людвиговны, была вместе с сыном Львом (род. 4 мая 1859 г.), будущим подполковником, внесена 14 марта 1870 года во 2-ю часть родословной книги тульского дворянства.

По исповедным ведомостям Успенской церкви села Бороздино 1855 года, за полковницей Е. Я. Небольсиной значилось в сельце Ольховце 17 дворов, за генералом А. А. Кадомцевым – 7, за Синявиными – 8, за Александрой Павловной Мергасовой – внучкой А. И. Багратиона – 23 двора.

По ревизским же сказкам 1858 года картина несколько иная: за А. А. Кадомцевым – 40/37 душ в 11 дворах, за Е. Я. Небольсиной вместе с купленными в 1850 году у Аграфены Петровны Небольсиной – 93/95 душ в 23 дворах, у Мергасовой – 144/118 душ в 30 дворах и у детей мичмана К. С. Синявина прапорщика Николая и коллежской советницы Таисьи – 41/45 душ в 10 дворах.

Однако вскоре после этого имение Синявиных в Ольховце было ликвидировано, а поэтому от крепостной зависимости крестьян здесь освобождали лишь трое помещиков: Кадомцевы 69 душ мужского пола с земельным наделом в 207 десятин, Небольсины 85 душ с 225 десятинами, Мергасова 129 душ с 292 десятинами и 42 саженьями.

Вот такая то история с одним из имений прославленных наших мореходов и флотоводцев Д. Н. Синявина и их потомков. Кроме этого имения им принадлежали поместья в дер. Маланьиной, Кириловой, Кривской Боровского уезда Калужской губернии и, возможно, в других местах. Но все они были мелкопоместными, а поэтому не осталось в них ни шикарных садов, ни памятных дворцов. И тем не менее: мы можем гордиться тем, что мореходы Синявины были и нашими земляками, что находящееся в нескольких километрах от сельца Ольховца Иван-озеро было, возможно, их первой водной колыбелью¹⁴.

Ильинка, Маклец

Село Ильинское, «Маклецы тож»

С большим интересом прочитал в «Новомосковской правде» заметку Р. Могиловой о «Втором рождении храма в Ильинке». И прежде всего потому, что село это историческое, заслуживает определённого внимания. Известно оно по документам XVII столетия под названием сельца Маклец, так как располагалось на берегах речки Маклеца, впадавшей в речку Любовку. Но потом с началом интенсивного заселения так

¹⁴ Бороздинский М. Иван-озеро – колыбель мореходов и флотоводцев // Новомосковская правда. 1994. 21, 22, 27 сент.

называемого дикого поля, селцо Маклец превратилось в три посёлка, растянувшихся по обоим берегам когда-то полноводной речки Маклеца на несколько километров, и стало называться Маклецы.

Особенно интенсивно оно развивалось в ту пору, когда через эти места проходили хорошо известные в истории Азовские походы Петра Великого в конце XVII столетия, потом при строительстве знаменитого Ивановского канала для соединения через Оку, Упу, Шат и Иван-озеро Волги с Доном. Именно в это время, скорее всего, селцо Маклец оказалось во владении нескольких помещиков. Вместе с тем тогда же недалеко от впадения речки Маклеца в Любовку возникла Ильинская мужская пустынь с церковью во имя св. Пророка Ильи, которая и дала потом селу своё название.

В западной же части селца, видимо, другой, но неизвестный нам помещик не стал связывать себя и своих крестьян с Ильинской пустыней, в результате чего здесь появился свой собственный деревянный храм во имя святителя и чудотворца, митрополита Дмитрия Ростовского. И это явилось началом разделения бывшего селца Маклец на два села – Ильинское, Маклец тож, и Дмитриевское, Маклец тож. Именно так именуются они в ревизских сказках, хранящихся до наших дней в госархиве Тульской области. Вот, к примеру, что сказано об этих поселениях в ревизских сказках шестой подушной переписи, относящихся к 1811 году.

Селцо Ильинское, Маклец тож, за капитантшей Екатериной Степановной Акимовой 9 душ крестьян мужского пола.

За секунд-майором Иваном Фёдоровичем Винчиковым 12 душ.

За поручиком Иваном Фёдоровичем Даниловым 63 души мужского пола, а также в с. Арсеньевке 64, в дер. Тихоновке 41, в дер. Прохоровке тоже 41.

За поручиком Аркадием Васильевичем Майдановичем 25 душ.

Таким образом во владении пяти ильинских помещиков находились 122 мужские души и не менее того женских, которые в эту ревизию не учитывались.

В сельце же Дмитриевском, Маклецы тож, за сержантом князем Дмитрием Андреевичем Волконским было 114 душ, а кроме того, в сельце Павловке 33 и в дер. Быковке, что в километре севернее нынешнего села Карники, – 10 душ.

Вот при нём-то, Дмитриии Волконском, и появился, по всем видам, Дмитриевский храм в Маклеце у верховьев речки того же названия, который превратился затем в домовую церковь новых помещиков.

Кроме того, в 1811 году здесь существовала ещё и деревня Маклец, где за провиант-мейстершей Варварой Дмитриевной, рождённой Глебовой, по мужу Кокошкиной, числилось 62 души, а также в дер. Каменке 73 души.

В связи с упразднением в 1764 году Ильинской пустыни, церковь её была обращена в приходскую, но к концу столетия она обветшала и вместо неё в 1794 году на средства помещика Петра Карловича Дебодана и прихожан был построен деревянный храм во имя св. Пророка Ильи с приделом во имя Рождества Христова. В приход же в ту пору, кроме села, входили деревни Рыбинка, Чёрная Грязь, Засецкая, Ключевка, Дальнее и Ближнее Пашковы, Александровка и Любовка, Кузьмищевы тож.

В числе прихожан этого храма в середине XIX столетия были дворяне Макаровы, представлявшие собой ближайшую родню известного нашего русского флотоводца и учёного, океанографа, полярного исследователя и изобретателя вице-адмирала Степана Осиповича Макарова, погибшего 31 марта (13 апреля по новому стилю) 1904 года в должности командующего Тихоокеанским флотом России в борьбе с японскими захватчиками на броненосце «Петропавловск». Но вот, к сожалению, нам не удалось пока установить, где же, в какой деревне находилось местожительство Макаровых, которых известный наш тульский генеалог В. И. Чернопятав причисляет к нашим землякам. Возможно, В. И. Чернопятав

знал деда вице-адмирала Фёдора Макарова, жившего у Иван-озера?

В числе наших земляков, в связи с этим, Виктор Иванович называет в своём «Некрополе», изданном в Москве в 1912 году, и самого Степана Осиповича, хотя общеизвестно, что родился он 27 декабря 1848 года (8 января 1849 года) в г. Николаеве Херсонской губернии.

Во всяком случае на стр. 98-й нашего, тульского «Некрополя» он сообщает:

«Макаров Степан Осипович, вице-адмирал, погиб 31.3.1904 на броненосце «Петропавловск»; Тарутинского пехотного № 67 принца Ольденбургского полка подпоручика Ивана Осиповича Макарова дочь Надежда двух с половиной месяцев умерла 2 сентября 1869 года, похоронена в селе Ильинском Богородицкого уезда». И это, надо подчеркнуть, относится именно к селу Ильинскому Маклецу, а не к селу Ильино, которое тоже значится в Богородицком уезде.

В книгах, посвящённых жизни и творчеству вице-адмирала С. О. Макарова, отмечается, что он вроде бы вместе со старшим братом Иваном поступал на учёбу в Военно-Морской кадетский корпус в Петербурге, но Иван вскоре заболел и умер. А вот В. И. Чернопятав, который был их современником, даёт нам совершенно другие сведения. И они, нам кажется, более достоверны, ибо смерть Ивана не подкреплена в книгах документальными данными.

Сейчас очень важно установить, где в наших краях находились владения Макаровых. Это было бы ещё одним подтверждением того факта, что морская стихия некогда бушевала и над нашим сухопутным Иван-озером. Ведь не зря же именно эти места приворожили в своё время флотоводцев Сенявиных, Ф. Ф. Ушакова, мореходов Рудневых, Лихаревых и других, заслуживающих вечной памяти.

В Ильинском же Маклеце, между тем, к концу XIX столетия деревянный храм так обветшал и покосился набок, что готов был рухнуть. И вот тогда-то прихожане, которых в указанных поселениях насчитывалось 1047 мужских и

1151 женская душа, собравшись на общий сход, решили построить новый, но теперь уже каменный храм.

Первый камень в строительство нового храма прихожане заложили в 1891 году, но посвятили они его не св. Илье Пророку, а Рождеству Христову и Казанской Божьей Матери. Завершили же строительство и освятили храм действительно, 90 лет тому назад. В распоряжении церковного причта было в ту пору две десятины усадебной и 34 дес. Пахотной и сенокосной земли. Кроме того, он получал проценты с капитала в 900 рублей, вложенного в банк.

Сейчас, конечно, не та обстановка, что была 90 лет назад. Вторичное строительство кирпичного храма в селе Ильинском, несомненно, ложится тяжёлым бременем на жителей села. Но ведь рядом город Новомосковск, что-то осталось от бывших деревень, входивших в Ильинский приход. И жители их, хочется верить, не останутся безучастными в деле восстановления нашей духовной старины.

А вместе с тем, мне кажется, мы должны отметить и память великих наших мореходов и флотоводцев, которые были непосредственно связаны с нашей новомосковской землёй. Так пусть же если не особенный памятник, то хотя бы новый храм в селе Ильинке станет вечной памятью морской славы России, добытой с участием мореходов и флотоводцев нашего края¹⁵.

Маклецы, Ильинский и Дмитриевский

Недавно в «Новомосковской правде» появилась заметка о возрождении храма в селе Ильинка. Село Ильинское на речке Маклец при впадении её в Любовку известно с XVII века. Название же своё оно получило, по утверждениям церковных историков В. В. Зверинского и П. И. Малицкого, от Ильинской пустыни, существовавшей здесь до 1764 года.

«Близ села Ильинского и реки Шат, – указывает в своих «Материалах для историко-топографического исследования о православных монастырях» В. Зверинский, – существовала мужская Ильинская пустынь, неизвестно когда основанная, но в

¹⁵ Село Ильинское, «Маклецы тож» // Новомосковская правда. 1996. 27 авг. С. 2.

1764 году упразднённая». П. И. Малицкий же в книге «Приходы и церкви Тульской епархии» пишет, что «село Ильинское-Маклец находится в 40 верстах от Тулы, в 33-х от уездного города Богородицка и в 8 верстах от станции Узловой Сызрано-Вяземской железной дороги».

«В церковных летописях, – продолжает он, – не имеется сведений о времени возникновения прихода, но название села происходит от храма во имя святого пророка Ильи, существовавшего до 1764 года в мужской Ильинской пустыни.

Существовавший же ныне в приходе деревянный храм во имя св. пророка Ильи с приделом во имя Рождества Христова построен в 1794 году на средства помещика Петра Карловича Дебодана. Однако этот храм настолько обветшал, что покосился набок, вследствие чего в 1891 году приступили к постройке нового каменного храма во имя Рождества Христова и Казанской Божьей Матери. Постройка храма в настоящее время продолжается...»

В связи с тем, что книга П. И. Малицкого была издана в Туле в 1895 году, сохранившимся до наших дней остаткам этого храма, выходит, более ста лет.

Что же касается самого села Ильинского, то оно тоже скорее всего возникло в XVII столетии, ибо в писцовых книгах Венёвского и Епифанского уездов 1571-1572 годов не встречается. Однако первоначально называлось оно Маклец.

Мало того, ещё при царе Алексее Михайловиче, а может, и при сыне его Фёдоре Алексеевиче, в здешних местах развернулось строительство парусных и гребных судов для Донской, потом для Азовской флотилии, когда оказались связанными с нашими местами такие выдающиеся сподвижники в этом большом и важном деле, как думный дьяк Герасим Дохтуров, бывший ранее воеводой на Дону и получивший к 1673-1674 годам заселённые вотчинные и поместные земли в селе Ивановском на речке Граворонке и пустошах Граворонской и Черном Болоте, боярин и князь Михаил Юрьевич Долгорукий, тогда же получивший Журавлеву пустошь и другие земли в Ясенецком стане Венёвского уезда, погибший затем на стрелецких пиках во время бунта при Петре I, стольник и князь

Никита Семёнович Урусов, ставший к 1674 году владельцем поместья в деревне Савино Ясенецкого стана, Иван Большой Севастьянович Хитрово, получивший, будучи воеводой на Дону, потом думным дворянином и окольничим, к 1677 году вотчинную и поместную землю в пустоши Исаково на Осетре и др.

Тогда же, за участие в постройке судов на Дону, были удостоены поместий и вотчин Ростовецкий Богоявленский монастырь в урочищах за рекой Непрядвой по Куликову полю, митрополит Сарский и Подонский Павел в Себенском стане за рекой Непрядвой, архиепископ Коломенский и Каширский Иоасаф в урочищах на речке Ситенке за рекой Непрядвой, Михаил и Иван Меньшой Офросимовы в деревне Гранки и селе Иванково Окологородного стана Епифанского уезда и многие другие.

Вот в это-то, скорее всего, время интенсивного освоения так называемого «дикого поля» на речке Маклец появились три поселения, растянувшихся на несколько километров. Первое из них называлось селом Маклец, Ильинское тож, второе, которое выше по течению, деревней Маклец, а третье, что в верховьях речки, сельцом Маклец, Дмитровское тож, ибо здесь у помещиков была собственная, домовая, отдельно стоящая деревянная церковь во имя святителя Дмитрия Ростовского. Сельцо же это входило в церковный приход села Смоленского, Грецово тож, где в 1774 году был построен иждивением помещика, поручика гвардии Николая Дмитриевича Пашкова каменный храм во имя Смоленской Божьей Матери, соединённый в 1859 году с отдельно стоявшей колокольней.

Но почему названия такие – Маклецы? На каком основании это неведомое до сих пор в русском языке слово появилось на берегах указанных речек и близлежащего Иван-озера? Не иностранцы ли завезли его в пору строительства здесь по инициативе Петра Великого судоходного Ивановского канала и создания Азовского флота? Ведь Петр, будучи под именем шкипера в великом посольстве за границей, 30 апреля 1698 года писал из Амстердама управляющему в его отсутствие Москвой Ф. Ю. Ромодановскому: «Юрья Фамендина изволь

отпустить в Прусы для смотрения каналов, выдав ему заслуженное и нынешнее жалованье». А потом, вернувшись из Пруссии, Юрий Александрович фон Менгден, полковник Преображенского полка, скорее всего строил известные Елифанские шлюзы на Ивановском канале между Доном и Упой, потомки же его стали помещиками сельца Маклец, где в 1819 году и появилась у Менгденов личная домовая деревянная церковь во имя Дмитрия Ростовского. А ведь они, Менгдены, происходили, как известно, от пленённого во время войны великого князя Ивана Васильевича в Лифляндии малолетки Ариста, в 7-м колене от которого был генерал-майор Михаил Александрович, женатый на Амалии Егоровне Фелькерзам, а у них сыновья Александр (1820-?), Николай (1822-?) и Владимир (31.3.1825-1910), член Государственного совета, женатый сначала на Александре Ивановне Раевской (1846-?), потом на дочери жандармского полковника Ивана Петровича Бибикова, следившего в 1826 году за А. С. Пушкиным в Москве и отправившего из университета в солдатчину поэта А. И. Полежаева, Елизавете Ивановне, бывшей до этого за князем Дмитрием Николаевичем Оболенским, зарезанным в 1844 году крепостным поваром.

В русском языке, как известно, с давних пор существует такое понятие, как маклачество, т. е. посредничество при обмене товаров и мелких торговых сделках специальных людей, которых называли маклаками. При Петре же Великом таких посредников называли медиаторами, получившими это название от латинского слова медиум. Потом же, уже после Петра I, появились в России с немецкого образца маклики, т. е. сводчики, и маклеры – посредники.

В связи с тем, что здешние реки Проня, Шат, Дон и Упа на протяжении длительного времени служили пограничными рубежами на юге Московского государства, именно здесь, мне кажется, некогда существовали таможенные, т. е. маклацкие и маклерские обменные пункты, которые и дали трём указанным здесь поселениям, а также протекавшей около них небольшой речке названия Маклецов. Однако это не утверждение истины, а только гипотеза, предположение.

До Менгденов владельцем села Дмитриевского Маклеца был отставной сержант князь Дмитрий Андреевич Волконский, за которым, по ревизии 1811 года, числились здесь 144 мужские души крепостных. Кроме того, здесь же, в сельце Павловке Богородицкого уезда, ему принадлежали 33 мужские души и в деревне Быковке 10 душ.

В Венёвском уезде за Д. А. Волконским в сельце Полошково ещё в 1763 году было 78 мужских и 67 женских душ, в 1782-м – соответственно 161 и 151 душа, с кончиной же его к 1795 году они с прибавлением до 190 и 179 душ перешли к малолетней его дочери Наталье, находившейся под опекуном полковника Фёдора Григорьевича Стрекалова и матери Александры Фёдоровны. Затем Наталья Дмитриевна стала женой брата декабриста подполковника Николая Петровича Оболенского и свекровью Елизаветы Ивановны, рождённой Бибиковой, а в замужестве Оболенской и Менгден.

«Что же касается Ильинского Маклеца, то здесь в помещиках по ревизии 1811 года значились: капитантша Екатерина Степановна Акимова с 9-ю, секунд-майор Иван Фёдорович Винчиков с 12-ю, поручик Иван Фёдорович Данилов с 63-мя, поручик Аркадий Васильевич Майданович с 25-ю и титулярный советник Николай Егорович Табишов с 13-ю душами крепостных мужского пола». (См. «Ревизские сказки шестой подушной переписи», опубликованные в X (XIX) томе «Дворянского сословия Тульской губернии», являющемся «дополнением к тому V (XIX)», м., 1910, по Богородицкому уезду).

Но не только Менгдены из иностранных выходцев стали при Петре Великом помещиками в наших краях. Одним из первых в их числе, ещё в 1696 году, был пожалован поместьем в селе Богоявленском Епифанского уезда генерал-адмирал Франц Яковлевич Лефорт (1656-1699), один из первых любимцев Петра. После же смерти Ф. Я. Лефорта село Богоявленское перешло во владение Хитрово, затем к генерал-поручику Михаилу Измайлову и к Толстым. В связи с этим при новых владельцах появилось и новое название села, оно стало

называться Хитровщиной. Под этим названием оно известно и в наши дни.

Следом за Ф. Я. Лефортом здешним помещиком стал и сподвижник Петра I, генерал-адмирал русского флота, начальник Адмиралтейского приказа, а потом президент Адмиралтейств-коллегии, один из главных создателей Балтийского и Азовского флотов Фёдор Матвеевич Апраксин (1661-1728). В конце XVII-начале XVIII столетия в его владении находились деревни Алмазово и Рассекино, расположенные у впадения реки Сизовки в Мокрую Таболу юго-восточней Епифани, но в 1710 году его «тщанием», пишет П. И. Малицкий, в дер. Алмазово была построена деревянная церковь во имя святителя и чудотворца Николая, и дер. Алмазово превратилась в село Никольское, Алмазово тож.

Однако с кончиной генерал-адмирала и разрушением церкви село Никольское снова превратилось в дер. Алмазово. Только в 1839 году, после постройки тщанием нового помещика, секунд-майора Ивана Мальцева нового, теперь уже каменного, храма того же наименования, селу вновь было возвращено название Никольского. В наши же дни от этого села, к сожалению, не осталось никакого, нам кажется, следа. Что же касается дер. Рассекиной, то она до сих пор стоит на своём старом месте.

Целая плеяда мореходов и флотоводцев, как видим, ещё в допетровские времена, а потом при нём и после него сосредоточила свои поместья и вотчины в наших сухопутных краях у легендарного Иван-озера. А если прибавить сюда Сергея и Дмитрия Николаевичей Сенявиных, родовое поместье которых находилось в сельце Ольховец, вице-адмирала Михаила Андреевича Белосельского, управляющего в 1740-х годах Адмиралтейств-коллегией и владевшего именьями в селе Брежнево, Михайловское тож, на Венёвско-Епифанском большаке, известном ныне под названием Урусова, и других местах, адмирала Ивана Лукьяновича Талызина, отец которого, бригадир Лукьян Иванович, возглавлял при Петре I одно из землевладельческих кумпанств по строительству корабля для Азовского флота и владел имением в сельце Вязовец, Талызино

тож, в километре северней Урусова, адмирала Иринарха Степановича Тулубьева (1770–1822), родители которого владели поместьем в селе Богородицком, Тулубьево тож, контр-адмирала Степана Петровича Хрущова (1791–1865), бывшего наставника адмирала и флотоводца Павла Степановича Нахимова (1802-1855), а потом начальником штаба, возглавляемого им и Михаилом Петровичем Лазаревым Черноморского флота, связанного по материнской линии с селом Холтобино, то получится целая когорта мореходов и флотоводцев.

Вместе с тем мы не можем не упомянуть капитан-лейтенантов Семёна и Пафнутия Ивановичей Лихаревых, славно сражавшихся на Балтике, в Чёрном и Средиземном морях в начале XIX столетия, и их родственника контр-адмирала Ивана Алексеевича, которые владели имениями в сёлах и деревнях Баршево, Сальково, Причаль на Осетре, Беляево и Теплое. Последний из них 19 августа 1877 года в селе Теплом и был похоронен.

Имел к нашему краю непосредственное отношение и «боярин Российского флота» Фёдор Фёдорович Ушаков, который в 1808 году обзавёлся небольшими имениями в сельцах Стрелицы, Высокое и Холтобино, Кикино тож. С кончиной же его они перешли к воспитаннице адмирала и внучке брата Прасковье Алексеевне Фелисовой, затем к её сыну Николаю Семёновичу.

Ещё в начале XVIII столетия адмиральша Анна Матвеевна Спиридонова скорее всего поддельно купила имение матери своей, вдовствующей статской советницы Нестеровой, в дер. Закрутье Венёвского уезда с тем, чтобы оно не досталось брату Александру, ставшему затем надворным советником и членом Ассигнационного банка. В связи с этим прославленный адмирал и флотоводец Григорий Андреевич Спиридов (1713-1790), уничтоживший в Чесменском бою почти весь турецкий флот, тоже имел непосредственное отношение к нашему краю.

Не обошлось без морской славы и село Ильинское, Маклец тож, история которого требует, к сожалению, дополнительного документального исследования. Дело в том,

что оно входило в Богородицкий уезд, с ревизскими сказками которого и исповедными ведомостями я не занимался. Но вот известный наш тульский историк и генеалог прошлого столетия В. И. Чернопятав считает, что именно здесь, на берегах рек Маклец и Любовка, находились родовые корни вице-адмирала Степана Осиповича Макарова, погибшего 31 марта 1905 года при защите Порт-Артура от японских захватчиков на броненосце «Петропавловск». Дело в том, что отец его, Осип Фёдорович, считает В. И. Чернопятав, был уроженцем именно этих мест, но в 1838 году был призван на воинскую службу рядовым матросом в город Николаев на реках Ингул и Южный Буг в Причерноморье, где в 25 лет стал фельдфебелем в должности боцмана, в апреле 1848 года – прапорщиком, в 1857-м – поручиком, женился там на неизвестной до сих пор Елизавете Андреевне, прижил с нею детей Анну, Ивана, Якова, Степана и Елизавету, а в 1857 году она умерла.

Затем Осип Фёдорович женился второй раз на жене умершего своего сослуживца, а в 1858 году получил назначение в Николаевск-на-Амуре, где создавалась база для Сибирской военной флотилии.

Биографы контр-адмирала С. О. Макарова утверждают, что сначала семейство их через Орёл и Тулу перебралось в Москву, оттуда Осип Фёдорович с тремя сыновьями уехал для их определения в морское училище в Петербург. При этом никто словом не обмолвился о том, что семья Макаровых останавливалась в Туле и заезжала в Богородицкий уезд, являвшийся родиной отца и ближайших их предков. Устроить же в Питере якобы в морское училище удалось только старшего Ивана, но дальнейшая его судьба осталась неизвестной. Чернопятав же на основании архивных документов утверждает, что брат Степана Осиповича Иван служил не в морском флоте, а в Тарутинском пехотном № 67 принца Ольденбургского полку. 2 сентября 1869 года, когда Иван Осипович Макаров был уже поручиком этого полка, у него умерла двухмесячная дочь Надежда, которую похоронили на кладбище в селе Ильинском Богородицкого уезда.

В связи со всем вышесказанным контр-адмирала С. О. Макарова В. И. Чернопятав тоже причисляет к нашим землякам и фиксирует его гибель в своём «Некрополе» (См.: Чернопятав В. И. Дворянское сословие Тульской губернии, том VII (XVI), Некрополь, М., 1912, стр. 98).

Из книги П. И. Малицкого видно, что церковный приход Ильинского Маклеца в 1895 году состоял из этого села и деревень Рыбинки, Черной Грязи, Засецкой, Ключевки, Дальнего и Ближнего Пашкова, Александровки и Любовки, Кузьмищевой тож и насчитывал 2198 прихожан, в том числе 1047 мужчин и 1151 женщину. Церковный причт состоял из священника, дьякона и псаломщика, в пользу которых получался банковский процент со вклада в 900 рублей. Вместе с тем за церковью числилось две десятины собственной усадебной земли и 34 десятины полевой и сенокосной.

В селе в ту пору действовала начальная земская школа, а в деревнях Любовка и Чёрная Грязь – школы грамоты, в которых дети учились читать и писать.

Завершая рассказ об Ильинском и Дмитриевском Маклецах, следует отметить, что о первом из них нет почти никакой печатной литературы, а поэтому история его требует изучения в Госархиве Тульской области. Что же касается Дмитриевского Маклеца, то о нём есть статья Софьи Владимировны Бельгардт (урождённой Менгден) в журнале «Столица и усадьба» № 11 за 1916-й год, которой я, к сожалению, не нашёл.

О Менгденах немалую память оставил сын Е. И. Менгден от первого мужа Дмитрий Дмитриевич Оболенский, а также Л. Н. Толстой, который одно время был влюблён в Елизавету Ивановну, урождённую Бибикову. О них рассказывалось в воспоминаниях Раевского, печатавшихся в газете «Тульские известия», в «Хронике» Е. И. Раевской, которые, правда, умалчали о горькой судьбе их детей и многом другом.

С кончиной в 1902 году Елизаветы Ивановны, похороненной возле своей домово́й деревянной церкви, имение её перешло к дочери Ольге Владимировне Фредерикс. С началом же 1-й мировой войны здесь началось строительство

железнодорожной соединительной ветки между Венёвом и Узловой, в 1918-м появилась станция Маклец, в 1930-х – крупнейший по тем временам элеватор и рабочий посёлок. О сёлах же, породивших всё это, совсем забыли.

Приветствуя нынешнюю инициативу Ильинской сельской администрации по восстановлению здешнего полуразрушенного кирпичного храма, именовавшегося первоначально Ильинским, потом Рождественским, мы надеемся на всенародную помощь в этом нужном и благородном деле. Ведь это своего рода памятник мореходам и флотоводцам Макаровым, Рудневым, Сенявиным, Челюскиным, Чичаговым и другим, некогда проживавшим и владевшим поместьями на берегах Иван-озера.

«Сей старец дорог нам:
он блещет среди народа
Священной памятью
двенадцатого года, –

писал в своё время А. С. Пушкин об адмирале Александре Семёновиче Шишкове (1754–1841), тоже связанном через свою жену с нашим краем.

А поэт и переводчик Семён Сергеевич Бобров (ок. 1767-1810), предки которого были связаны с началом истории села Иван-озеро, по поручению А. С. Шишкова занимался изучением истории русского флота, благодаря чему в 1790 году издал «Оду адмиралу В. Я. Чичагову», в 1794 – стихотворение «Слава российских героев», в 1797 – поэму «Таврида», в 1807 – поэму «Россы в буре, или грозная ночь на японских водах», в 1812 – «Древний российский плаватель, или опыт краткого деписания о прежних морских походах россиян», перевёл 2-ю и 3-ю части из семи изданных в 1801–1826 годах частей «Всеобщей истории мореходства».

Так пусть же возрождаемый ныне из небытия, можно сказать, церковный храм в селе Ильинка, как его сейчас называют, будет памятником и памятью всех мореходов, родившихся и живших в наших краях!¹⁶

¹⁶ Бороздинский М. Маклецы, Ильинский и Дмитриевский // Новомосковская правда. 1996. 17, 18, 25 дек.

Осаново

Село Осаново и другие

Почти на крайнем востоке Тульской области, там, где река Проня соединяется северней села Гремячева с границей Рязанской области, притулилось на западном берегу реки, напротив Осановского брода, небольшое старинное село Осаново. «Лежит оно в местности, окружённой горами, – писал в прошлом столетии один историк, – из которых в изобилии текут источники с весьма чистой и здоровой водой, в 80 верстах от Тулы и в 30 от Венёва, на юго-восток от последнего». И действительно, местность здесь гористая, северо-восточный склон Среднерусской возвышенности, высота до 220 метров над уровнем моря, а урез воды в Проне 144 метра. Вот поэтому и выбрали, наверное, наши далёкие славянские предки или их предшественники из угро-финских и других племён эти места для первых своих поселений. Именно о древности свидетельствуют ныне и название села Осанова и расположенное в семи-восьми километрах северо-восточней по реке Проне – Городище, бывшее когда-то селом Аннино, Городище тож.

«Для объяснения происхождения названия села Осаново, – пишет в своей книге «Приходы и церкви Тульской епархии» П. И. Малицкий (Тула, 1895, стр. 255), – не сохранилось никаких данных». Его же современники, между тем, полагали, что «Осаново» – это производное от древнего церковно-еврейского радостного восклицания «Осанна!», т. е. охрани, спаси! А это значит, что оно было связано с первоначальным внедрением в здешних краях христианства. Вот поэтому-то во всех церковных книгах и документах село всегда называлось и писалось Осаново.

Но в народе и в гражданских актах его чаще называли, называют и пишут «Асаново», «Ассаново», что скорее всего от тюркского имени Асан или фамилии Асанов, которые могли появиться в этих краях только в XIII веке, после нашествия Батые. Сохранившийся первоисточник подтверждает именно это предположение.

«За Иваном за Матвеевым сыном да за Посником за Нечаевым сыном за Лаговчиниными да за Иваном за Молчановым

сыном Тяпкина деревня Асаново, на реке на Проне, – записано в писцовой книге Полосенского стана Венёвского уезда 1571 года, – а в ней крестьян 11 дворов, да 4 двора пусты; пашни в поле доброй земли 50 четьи да дикого поля 120 четьи, а в дву по тому ж, сена меж пашни и по дикому полю 350 копен, лесу присады черного по 5 десятин.

Да за ними же дер. Плоская, на реке Проне, а в ней 4 двора княж Ивановских людей (Мстиславского – М. Б.), да 4 двора пусты; пашни в поле доброй земли 29 четьи да дикого поля 101 четьи, а в дву по тому же, сена меж пашни и по оврагам и по дикому полю 350 копен, лесу дубровы пашенные 5 десятин...» Так что для определения преимуществ того или иного предположения потребуются новые поиски и изучение этого вопроса.

Потом же, отмечает П. И. Малицкий, из-за татарских налётов или по другим причинам деревни Асаново не стало, в писцовых книгах начала XVII века на её месте встречается «Маковское селище». В последующее же время оно, как смежное с землёй казаков Беломестной слободы, удалившейся от бывшего города Гремячева на север, переходит в их владение под названием «Маковской пустоши», т. е. места, никем не занятого и не заселённого.

В XVII веке, когда южные границы Московского государства значительно удалились в степные районы, а опасность татарских набегов значительно уменьшилась, под защитой города Гремячева, представлявшего собой деревянную крепость с посадом и внешними укреплениями в виде надолб, валов и рвов, началось новое интенсивное заселение всей местности, прилегающей к реке Проне. Маковскую пустошь захватил некто Семён Федоров Полтев, возможно, наследник или родственник того Григория Полтева, который в 1606 году возглавил Смоленское ополчение и очищал потом Подмоскovie от поляков и других сторонников Лжедмитрия. Он вскоре и заселил её. В 1660-х же годах здесь образовалось село. Во всяком случае, казаки Беломестной слободы именно в ту пору жаловались, что «В той пустоши построили церковь во имя Пресвятой Богородицы с приделы и двор барской, и дворы

крестьянские, и мельница построена на Иваньковском колодце со 172 (т. е. с 1664-го – М. Б.) года».

Вот в это время и изменились, видимо, названия, вместо бывшей деревни Асаново появилось село Осаново, как бы связующее звено с церковным понятием «Осанна!»

В последующие годы село Осаново с прилегающими к нему поселениями возможно не раз переходили из рук одних владельцев в другие, но они, к сожалению, до середины XVIII столетия остаются нам неизвестными. И это потому, что множество имеющихся в архивах документов города Гремячева, Венёвского уезда и других, относящихся к XVII-XVIII столетиям, остаются пока не опубликованными и не изученными.

Во второй половине XVII века в селе Осаново была построена новая, скорее всего деревянная, церковь в честь иконы Казанской Божьей Матери. В связи с изменением названия её можно предполагать, что это было связано с новым владельцем. Однако в здешних местах давно уже существует предание о том, что однажды нашли в Святом колодце икону Казанской Божьей Матери, которая якобы была чудотворной и хранилась в церкви. Возможно, в честь этого события и была построена церковь другого наименования? Над Святым же колодцем была воздвигнута каменная часовня.

С тех пор очень много воды в реке Проне утекло. Давно уже не стало в Осанове ни часовни над Святым колодцем, ни кирпичной пирамиды с венчающим её крестом на месте, оставшемся от Казанской деревянной церкви. Однако предания о Святом колодце и найденной в нём иконе живут.

С XVIII столетия вся примыкающая к селу Осаново округа, в том числе и рязанские деревни Толмачевка, Орловка, Иваньково, были связаны с Загряжскими. А они, как известно, были родней А. С. Пушкина по жене, Наталье Николаевне.

Родня А. С. Пушкина по жене

Ещё в 1902 году известный московский журналист и писатель Вл. Ал. Гиляровский (1853–1935) обратил внимание на письмо Пушкина к жене от 26 августа 1833 года из Яропольца. В нём поэт сообщал: «Пишу тебе продолжение... над прахом

твоего прадедушки Дорошенка, к которому я ходил на поклонение». А 28 января 1903 года, в 66-ю годовщину со дня смерти Пушкина, «дядя Гиляй» вместе с украинским историком, профессором Д. И. Зварницким, выступил в газете «Русское слово» со статьёй «Родственники А. С. Пушкина по жене».

Эта статья была, можно сказать, открытием неведомых ранее родственных связей бывшего гетмана Правобережной Украины Петра Дорофеевича Дорошенко (1627–1698) с Пушкиными, Загряжскими, Гончаровыми, которые входили своими корнями и в нашу венёвско-новомосковскую землю.

Дорошенки

П. Д. Дорошенко, как известно, был в своё время арматным писарем Чигиринского полка, а в 1657 году ездил к шведскому королю с «листом» Богдана Хмельницкого, затем стал полковником Прилуцкого, потом Чигиринского полков, генеральным есаулом от гетмана Павла Тетери в 1663 году, полковником Черкасского полка в 1665-м, а в начале 1666-го избран гетманом на Чигиринской раде.

Проводя политику «самостийной Вкраины», П. Д. Дорошенко вынужден был лавировать во взаимоотношениях со своими соседями, а поэтому нередко выступал то в союзе с Россией против шведов, поляков и турок, а в 1670- годах стал заискивать перед турецким султаном за освобождение Украины от установленного Переяславской радой подчинения России. Это, естественно, вызвало недовольство значительной части украинцев и России, вследствие чего П. Д. Дорошенко в 1676 году вынужден был сложить с себя гетманский уряд и поселиться в городе Соснице.

Однако вынужденный отказ от гетманства не успокоил мятежную душу П. Д. Дорошенко. Проживая в Соснице, он пытался восстановить прерванные связи со своими единомышленниками, а потом появились слухи о готовящемся побеге за границу. В связи с этим в марте 1677 года бывший гетман Украины оказался в Москве, где дал соответствующую клятву на верность, но при этом просил отпустить его к семье или привезти её в Россию. Однако эта просьба не была удовлетворена.

С 1679 по 1682 год П. Д. Дорошенко был воеводой в Вятке и снова просил привезти к нему его семью, однако и на сей раз не получил удовлетворения. В связи с этим он был вынужден вторично жениться на некоей А. Б. Еропкиной, от которой у него появился сын, Александр Петрович, женившийся затем на Прасковье Фёдоровне Пушкиной, дочери известного предка поэта, стольника Фёдора Матвеевича, казнённого в 1697 году по делу Соковнина и Цыклера.

25 июня 1684 года П. Д. Дорошенко вместо ежегодного денежного довольствия было пожаловано в Подмоскovie богатое поместье с селом Ярополчь, посёлками Спасским, Суворовым, Никольским, Бегуновым и деревнями на 1000 дворов. Таким образом, родство П. Д. Дорошенко с Пушкиными и Загряжскими, а, следовательно, и с нашими краями, было установлено ещё в конце XVII-начале XVIII столетия. Но приходился он жене поэта А. С. Пушкина не прадедушкой, а пра-пра-прадедушкой или пращуром.

С тех пор горы бумаг исписаны о древнем родстве Пушкиных, Загряжских, Гончаровых и других с бывшим гетманом Украины П. Д. Дорошенко. В последнее же время появились книги И. М. Ободовской и М. А. Дементьева «Вокруг Пушкина», «После смерти Пушкина», «Наталья Николаевна Пушкина» и др., в которых довольно подробно рассматриваются эти связи. А писательница А. А. Кузнецова выпустила в 1987 году повесть «Моя мадонна» – о Н. Н. Пушкиной, в которой тоже немало уделено этому родству. Однако никто из исследователей жизни и творчества А. С. Пушкина не упоминает о связях его родни с нашими венёвско-новомосковскими землями¹⁷.

¹⁷ Бороздинский М. Село Осаново и другие // Новомосковская правда. 1994. 22 июля. С. 3.

Подхоженские Выселки

Родина революционеров

Стоит на бывшей когда-то Зарайско-Епифанской дороге между сёлами Подхожее Серебряно-Прудского района и Шишлово Новомосковского, в трёх километрах от центральной усадьбы совхоза «Венёвский», несколько крестьянских домиков деревни Подхоженские Выселки¹⁸. Оказавшись в наши дни в стороне от оживлённых автомагистралей и в числе так называемых неперспективных населённых пунктов, деревня эта сама собой под влиянием времени приходит в упадок. В начале же нынешнего века, да и до этого, она далеко славилась садами, различными промыслами, а вместе с тем недовольством населения существовавшими порядками, активными революционерами в борьбе за свободу и счастье трудового народа.

Это здесь, в Подхоженских Выселках бывшего Венёвского уезда, родились и выросли до совершеннолетия известные ученики Н. К. Крупской и В. И. Ленина, члены созданного им Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» братья Филипп и Арсений Бодровы, здесь на родине матери прошла значительная часть детских и юношеских лет их двоюродного брата Бориса Жукова из Красновских Выселок, которого на склоне лет во время болезни посетил на квартире Владимир Ильич, здесь родился известный революционер и политработник Красной Армии Григорий Ястребов, бывший делегатом XII, XIII, XVI и XVII съездов ВКП(б).

Ещё в петровские, видимо, времена полновластным властителем этих мест стал известный русский полководец, генерал-фельдмаршал В. П. Шереметев. Это он ещё в 1706 году был удостоен первого в России графского титула за военные заслуги, а вместе с тем получил обширные имения в различных губерниях, в том числе и Серебрянопрудскую вотчину в Венёвском уезде. А наследник его граф Пётр уже в специально

¹⁸ *Примечание составителя: в настоящее время деревня Подхожие Выселки*

составленной инструкции своим приказчикам в последнем её 95-м пункте наказывал:

«Сверх сево смотреть, чтоб крестьяня в празднестях не были и находились в своих делах неленостно, которые явятся к своей должности нерадетельны, тех понуждать, чтобы всякой в своем звании исправен был».

По четвёртой подушной переписи (ревизии) население Серебрянопрудской вотчины в Серебряных Прудах, селе Красном и Подхожем составляло 2238 человек мужского, 2229 женского пола, которое находилось на издольной барщине, т. е. обрабатывало и убирало на помещика определённую долю его земельных угодий. А к шестой подушной переписи 1811 года за «оберкамергером и разных орденов кавалером» графом Н. П. Шереметевым и его малолетним сыном Дмитрием здесь уже было 5024 крепостных крестьянина. И это, видимо, потому, что Серебрянопрудская вотчина была превращена к этому времени её владельцами в одно из каторжных и ссыльных мест.

Ещё в 1773 году сюда был сослан «за предерзости» на разные работы конюх Евдоким Минин из Москвы, кузнец Иван Головцев с женой за разные худые поступки, а также дворовый человек Яков Нечаев. А из Вожажниковской вотчины Ярославской губернии конюх Ефим Головцев, из Алексеевской слободы мальчик Иван Бухарев.

В 1776 году «за учинённые в доме некоторые предерзости» этой же участи были удостоены подьячие домово́й канцелярии Н. Алабушев, П. Прохаев, Н. Шишов, золотарь А. Щеголев. В 1796 году, когда сюда был переведён из села Условцова Ростовского уезда Ярославской губернии конный завод, ссыльнопоселенцы в Серебрянопрудской вотчине графов стали обычным явлением. Так, в том же 1796 году сюда угодили по «милости графа» дворовые С. Мельников, З. Рязанцев и Б. Корнилов из Москвы, М. Алексинский, А. Королев и Л. Кузнецов из Вожажникова, а также конюх П. Усков «за пьянство, разные распутства и нестарание к своей должности», писарь Цинбалистов и другие.

По повелению Н. П. Шереметева определялись и условия труда ссыльных. Так, подъячий Е. Халдин, например, сосланный «за предрзости в домовый канцелярии», должен был «употребляться в работу скованным», а писарь И. Таут из Москвы «для содержания скованным», Я. Нечаев – «заключённым в колодку».

Но барские строгости не устрашали, а озлобляли крестьян, и поэтому подневольный их труд становился всё более непроизводительным. Только поэтому доверенный Н. П. Шереметева князь Иван Касаткин-Ростовский жаловался графу, что «молотьба зачата очень поздно, работа производилась плохая», а посему «не угодно ли будет предписать, чтобы молотьба была и женщинами, ибо мужья будут возить, а жёны молотить, отчего, конечно, пребудет поспешность и не будет остановки в продаже и привозе хлеба».

При отправке барского добра нередко случались и его пропажи. А это тоже вызывало гнев Шереметевых. Особенно большие недоразумения получались при перевозках хлеба. И это, видимо, потому, что только в Москву приходилось доставлять до 5000 четвертей (четверть 210 литров) зерна, на что требовалось более 1650 подвод. В связи с этим Н. П. Шереметев предписывал делать «исчисление, сколько по умоту будет и мерою и весом хлеба, сколько у каждого на воз будет наложено весом и мерою, почему оный от них и приниматься будет таким образом».

Однако крестьяне и при этой строгости учёта обхитряли графа. При недомерах добавляли в зерно мякину, полову, при недовесах – пыль и песок.

С переходом владения в руки Д. Н. Шереметева были установлены новые взаимоотношения с крестьянами. Новый хозяин лучше, видимо, чем его отец, познал силу и значение денег, а посему перевёл почти всех своих крестьян с барщинного на оброчное положение. Во всяком случае, при подготовке крестьянской реформы 1861 года в «Приложения к трудам редакционных комиссий...» не без ведома графа было записано, что он с 3827 крепостных своих крестьян и 170 дворовых взимал оброк до 7 рублей 80 копеек серебром с

тягла, а вместе с тем по 2 рубля 52 копейки на погашение господских недоимок и по 1 рублю 30 копеек на составление общественного вспомогательного капитала. А если учесть, что стоимость подводы, например, из наших краёв в Москву колебалась в ту пору от 2 до 3 рублей, то есть от 10 до 15 копеек с пуда, а пуд ржи стоил около 40 копеек, то можно понять, с каким трудом приходилось крестьянам добывать эти оброчные деньги для графа.

По приходским спискам 1857 года в дер. Подхоженские Выселки проживало 533 человека. При отмене крепостного права граф перевёл во временно обязанных ему «свободных хлебопашцев» 252 крестьян мужского пола с земельным заделом в 719 десятин. Но при этом он так сумел их обхитрить, что земли отвёл на неудобьях и получил по 50 рублей за каждую десятину, тогда как продажная цена десятины земли колебалась в ту пору в наших краях от 30 до 35 рублей. Вот крестьянам и пришлось потом «выкручиваться» из нелёгкого своего положения, вот поэтому-то вскоре после отмены крепостного права и развились здесь промыслы кузнецов, шерстобитчиков, кожевников, валяльщиков и другие ремёсла.

Однако основная часть подхожевысельских крестьян была отходниками, занималась большую часть года отхожими промыслами в различных городах и промышленных центрах России. В их числе были и названные нами революционеры, рассказ о которых мы надеемся продолжить¹⁹.

Спасское

«Эта новая старая земля»

С большим интересом прочитал как-то статью писателя Алексея Логунова с призывом начать изучение истории сёл и деревень нашего района. Дело это, конечно, очень благородное, но вместе с тем и многотрудное, так как требует длительных архивных изысканий, знакомства с многочисленной

¹⁹ Бороздинский М. Родина революционеров // Красное знамя. 1985. 22 окт. С. 3.

краеведческой литературой, разыскания и бесед со многими разъехавшимися из родных мест и забытыми уже старожилыми.

И, тем не менее, мы предприняли такую попытку в отношении исторического прошлого прославленного ныне села Спасское, тем более, что имели уже о нём некоторые архивные и литературные сведения.

О селе Спасском, как известно, немало уже написано. Нынешнего руководителя здешнего колхоза имени Ленина Василия Александровича Стародубцева хорошо знают не только в различных уголках страны, но и за её пределами. Об этом хозяйстве нередко публикуются статьи в местной, областной прессе, в центральных газетах и журналах, передаются специальные программы по Центральному радио и телевидению, а в 1986-м году издательство «Планета» выпустило замечательный фотоальбом из жизни колхоза имени Ленина под названием «Эта новая старая земля», в 1987 году в Приокском книжном издательстве вышла книжка собственного корреспондента «Известий» Арнольда Игнатьевича Пушкиря «Уроки Стародубцева».

Но вот о прошлом, даже и не таком, казалось бы, далёком, даже старожилы села Спасское или ничего не знают, или имеют очень смутное представление.

Итак, село Спасское...

В дали веков

Расположено село Спасское четырьмя своими слободами по берегам бывших когда-то речек Ольховца и Лома-Ржавца, превратившихся в наше время в небольшие ручьи. Если бы не плотины, образовавшие довольно внушительные для села пруды, то и похвалиться здесь чем-то природным не представлялось бы возможности.

В связи с тем, что месторасположение села низинное, то в далёкой древности здесь господствовали болота. А главным их богатством, как известно, является торф. И это ещё в прошлом столетии было отмечено в книге П. И. Малицкого «Приходы и церкви Тульской епархии».

«Местность, где находится село, – писал он, – богата залежами торфа, который заставил обратить на себя внимание в

последние неурожайные годы». По измерениям того времени от Спасского до уездного города Венёва было 30 вёрст, а до губернской Тулы – 60. И это, видимо, потому, что тогда из Спасского была прямая дорога через Ольховец, Алмазово, Степаново, Подникольское, Ясенки и Гати на Венёв. Более прямым был путь и на Тулу.

Возникновением своим село Спасское, скорее всего, обязано преобразовательской деятельности в наших краях Петра I, так как ни в писцовых книгах Венёвского и Елифанского уездов 1571-1572 года, ни в последующих описаниях XVII века никаких сведений о нём не встречается. Следовательно, его никак нельзя отнести к древнейшим или древним поселениям нашего края. Да это и естественно: ведь в XVII столетии, даже после широко известных восстаний под руководством Хлопка, Ивана Исаевича Болотникова и других событий так называемого «смутного времени», проходивших непосредственно в здешних местах, край наш всё ещё считался Московской окраиной, диким полем.

«Река Упа вытекала из Куликова поля по Муравскому шляху, а на ней против Дедилова брод Костомаров, – свидетельствовал о наших краях первый учебник российской географии «Книга большому чертежу» 1627 года. – И ходят в тот брод татарове как бывает царев ход мимо Тулу в Щеглова ворота. А в тот брод лежит от Перекопи дорога Муравской шлях... А ниже Костомарова броду пала речка Шат, а речка Шат вытекала из Иваня озера, из тово, из которова вытекла река Дон меж Данкова и Дедилова и меж Вeneвы, а пала в Упу выше Тулы верст с 8, а ниже Шиворони верст с 6... И лязят татаровя выше Тулы... реку Шат, а перелезши Шат и речку Шиворонь лязят реку Упу в Костомаров брод против Дедилова, от Тулы 20 верст».

Петровские времена

Деятельность Петра I в наших краях была связана в основном с постройкой Ивановского канала. А для этого здесь ещё в конце XVII столетия началось строительство большой Ивановской дороги.

Несмотря на неимоверные трудности, связанные с преодолением множества речек, ручьёв, болот, дорога к 1701 году была построена. А через шесть лет была осуществлена дерзновенная мечта царя-строителя о соединении через Оку, Упу, Шат и Иван-озеро Волги с Доном. Об этом довольно подробно и документально рассказано в книге бывшего учителя в селе Иван-озеро И. А. Миловидова, изданной в прошлом столетии под названием «Ивановский канал, начатый Петром Великим для соединения Волги с Доном», в статьях и книгах многих современных исследователей уникальнейшего гидротехнического сооружения.

Великий преобразователь боярской Руси несколько раз бывал на строительстве Ивановского канала и Шатских шлюзов.

Бегство Павла Сероглазова

...Мы не знаем, в чьём первоначально владении находилось село Спасское, но вот в Государственном архиве Тульской области хранится в фонде наместнического правления дело о побеге спасского крестьянина Павла Сероглазова от генеральши Анны Семёновны Дашковой в Киев, которое относится к 1782 году. Оно хоть и не раскрывает, к сожалению, полного лица этой помещицы, но некоторые черты души её можно понять.

Род Дашковых, как известно, давно был связан с Венёвским уездом и Тульской губернией. Так, основатель его Александр Святославович, прозванный «Дашек», был родным братом последнего смоленского князя Юрия, похороненного в 1404 году в Венёве монастыре на Осетре. А муж известной княгини Екатерины Романовны – президента Российской академии – Михаил-Кондратий Иванович Дашков (1736-1764) был владельцем родовых имений в Тульской губернии. Дашковой по первому мужу, надворной советнице Анне Ивановне Небольсиной по второму мужу в сельце Ольховцы Венёвского уезда в 1811 году принадлежало 108 душ крепостных мужского пола. А ведь это было соседнее со Спасским владением. Так что можно предположить Дашковых первыми владельцами села Спасского.

Однако упомянутая генеральша Анна Семёновна Дашкова в деле об уходе крепостного её крестьянина Павла Сероглазова в Киев показана далеко не с положительной стороны. Вот, собственно, в чём его суть.

В 1782 году Павлу Сероглазову исполнилось 38 лет, но он сильно заболел. А так как больниц для крестьян в ту пору не существовало, то он по совету односельчан решил избавиться от постигшего недуга богомольем при святых мощах Печерского монастыря в Киеве, свидетельствуют сохранившиеся документы.

В летнюю пору, в разгар полевых работ, не спросив у помещицы разрешения на длительную отлучку, он сел на лошадь верхом и отправился в путь. Но за городом Севском в нынешней Брянской области был задержан в имении киевского наместника Ширкова, доставлен под охраной в Киевское наместническое управление, а оттуда отдан в городовые работы.

Сколько времени Павел отбывал принудилровку – неизвестно. Но 7 октября киевский городничий секунд-майор Круглов рапортом в Тульское наместническое управление просил княгиню А. С. Дашкову прислать поверенного, с которым можно было бы отправить Павла домой. Княгиня же только 2 марта 1783 года распорядилась прислать этого крепостного мужика по этапу с прочими арестантами и преступниками, а все связанные с этим расходы обещала оплатить.

Как в дальнейшем сложилась судьба Павла Сероглазова, неизвестно. Но, конечно же, самовольство бесправного раба не осталось безнаказанным.

Власовы и Багратионы

«В 1912 году, – рассказывает старейшая жительница села Спасского Аграфена Борисовна Мазикина, – отмечалось 100-летие изгнания французов из России и 100-летие нашего сельского храма во имя Спаса Всемилостивого, построенного женой генерала Багратиона. Сначала был большой молебен, а потом – гуляние на площади перед церковью».

Другие старожилы села рассказывают, что храм был построен матерью генерала Багратиона, который якобы утонул в

половодье в речке Ольховце. При этом многие отождествляют этого якобы утонувшего генерала с героем Отечественной войны 1812 года, генералом от инфантерии Петром Ивановичем Багратионом (1765-1812). А это не соответствует действительности.

По данным шестой подушной переписи (ревизии) 1811 года, известно, что помещицей села Спасского в то время была действительная статская советница Варвара Фёдоровна Власова. Здесь ей принадлежало 574 души крепостных мужского пола, а всего, следовательно, более 1200 человек.

Кроме села, В. Ф. Власовой принадлежали две деревни – Яковлевская, или Новая, где в распоряжении помещицы было 184 крепостных мужика, и в Александровке 83 души. Всего же 841 крепостной мужик и не менее того женских крепостных душ гнули в ту пору спины на В. Ф. Власову.

Муж Варвары Фёдоровны – действительный статский советник Сергей Михайлович Власов являлся в это время помещиком сельца Борозденки Венёвского уезда. Ему здесь принадлежал 91 крепостной мужик. А что он представлял собой, какую роль играл в общественной жизни – остаётся неизвестным. Но вот в книге П. И. Малицкого «Приходы и церкви Тульской епархии» именно он, а не Багратионы, называется строителем существующего до наших дней храма в селе Спасском.

«Храм, во имя Всемилоственного Спаса, в селе каменный, – свидетельствует автор, – выстроенный в 1813 г. тщанием и иждивением помещика Сергея Михайловича Власова; при нём два придела – во имя Александра Свирского и Дмитрия Ростовского: первый был выстроен одновременно с самим храмом, а второй устроен Александрой Ивановной Багратион и освящён в 1834 г. На месте прежней церкви стоит часовня».

Таким образом, не мать и не жена известного полководца конца XVIII-начала XIX столетия были строителями храма в селе Спасском, о чём долгие годы сохранялись здесь противоречивые легенды, а довольно заурядный, ничем особенно не прославившийся русский помещик С. М. Власов.

Да и не могло быть, чтобы в 1812-м, а вернее, в 1813 году, жена или мать П. И. Багратиона оказались в селе Спасском. Ведь матерью Петра Ивановича была родственница известных грузинских царей Ираклия II и Вахтанга V, а женат он был на фрейлине Екатерины II Екатерине Павловне Скавронской.

Да и не утонул ведь Пётр Иванович, прославившийся в знаменитых Итальянском и Швейцарском походах А. В. Суворова в войне с французами в 1805–1807 годах, с турками в 1809 году, командуя армией в Отечественной войне против Наполеона, а был ранен в первой половине дня 26 августа 1812 года в героической Бородинской битве и 12 сентября скончался из-за гангрены во Владимирской губернии.

Тем не менее Багратионы действительно были помещиками села Спасского и других владений, принадлежащих ранее В. Ф. Власовой. Приобрела их, неизвестно, правда, когда и как, жена дяди Петра Ивановича – Кирилла Александровича Багратиона (1750–1809) – не генерала, а тайного советника, сенатора, женатого первый раз на княжне Варваре Александровне Хованской, второй раз – на Александре Ивановне Голиковой (умерла 18 февраля 1853 года). Вот она-то, вторая жена князя К. А. Багратиона, и была устроительницей не храма, а церковного придела во имя Дмитрия Ростовского в с. Спасском, освящённого в 1834 году. Возможно, это о князе К. А. Багратионе и сохраняется легенда, что он утонул здесь в половодье?

Из архивных документов и литературных публикаций известно, что у Кирилла Александровича Багратиона был сын Александр Кириллович, женатый на Вере Александровне Сонцовой, а также две дочери, имена которых не установлены. Но одна из них была замужем за неким Альбердинским, а вторая – за генерал-майором Николаем Петровичем Годейном.

В «Книге адресов г. Москвы 1839 г.» значится Александра Ивановна Багратион в «Списке советниц в собственном доме по Ильинской (ныне 2-я Брестская улица) под № 313 в 3-м квартале Яузской части». А в 291-м фонде Государственного архива Тульской области хранится по описи № 9 спорное дело

№ 773 по Венёвскому уезду 1856 года «Об уничтожении межи в дер. Березовке землевладельцев Шаховского и Багратиона», которое относится уже к её сыну Александру.

Отмена крепостного права

Со времени своего возникновения село Спасское являлось центром церковного прихода и здешней волости, а поэтому здесь с давних пор были волостное правление, волостная расправа, переименованная потом в волостной суд, сельские бурмистры и старосты.

По упомянутой книжке П. И. Малицкого известно, что в приход села Спасского входили деревни Александровка, Яковлевская, или Новая деревня, а с 1878 года и Гранские выселки. Во всех этих поселениях насчитывалось 1114 прихожан мужского пола и 1141 женского.

Но вот как выглядела Спасская волость в «Списке волостей и мировых участков Венёвского уезда» 1861 года.

В «Приложениях» к трудам редакционных комиссий для составления положения о крестьянах, выходящих из крепостного права, составленных до реформы 1861 года, за помещицей Годайн Анной Карловной значилось в селе Спасском и двух деревнях 735 крепостных крестьян мужского пола и один дворовый, проживающие в 159 дворах. В их пользовании находилось 52 десятины усадебной и 2000 десятин полевой земли. В распоряжении помещицы оставалось 216 десятин пахотной земли и 204 десятины лесов и кустарников.

За пользование землёй помещица брала с крестьян по 17 рублей 15 копеек денежного оброка с тягла, а также по три четверика ржи и столько же овса. Кроме того, крестьяне отработывали по шесть дней мужских с лошадьми и по шесть дней женских с тягла в год в усадьбе и в извозах. И это для крестьян было более выгодно, чем после освобождения.

И на самом деле. Ведь помещица из бывших в пользовании крестьян 2052 десятин земли оставила по уставным грамотам только 1366; то есть отрезала в свою пользу более 680 десятин. Платить же за меньшее по сравнению с прежним количеством земельных угодий они вынуждены были

значительно больше. Такое закабалительное освобождение, естественно, не встретило одобрения со стороны большинства крестьян. Вот поэтому-то они в апреле-мае 1861 года потребовали выдать им документы о расходовании денег и хлеба. А когда бурмистр помещицы А. К. Годейн отказал им в этом, они самовольно сменили его на всенародно избранного старосту.

Но самовольство крестьян, конечно же, не понравилось помещице. Она тут же пожаловалась местным уездным и губернским властям, а вскоре в Спасском появился венёвский исправник с жандармами. И он путём угроз, арестом зачинщиков смуты, добился покорности. Но ненадолго. Крестьянские волнения в Спасской волости и в самом Спасском вспыхивали затем несколько раз.

Однако отмена крепостного права, личное освобождение крестьян от произвола помещиков являло собой прогрессивное начало в экономическом и духовном развитии общества. Именно с той поры началось интенсивное разложение крестьянства на кулаков и батраков, на богатых и бедных. В это же время впервые в истории России в сёлах и деревнях появились крестьянские школы.

В Спасском первая такая школа была открыта священником Богоявленским в собственном доме в августе 1861 года, в которой обучалось пять мальчиков. А к январю 1862 года появилась школа и в доме церковного пономаря из пяти мальчиков.

Школы эти, естественно, не выходили за рамки церковных потребностей. Обучали в них, в первую очередь, закону божьему, церковному пению, церковному и гражданскому чтению, потом письму и четырём арифметическим действиям. И тем не менее, это был первый, хоть и слабый, но важный толчок к народному просвещению.

Со времени указа св. Синода от 26 июля 1861 года об организации при церквях приходских и сельских школ, духовенство играло ведущую роль в народном образовании, а поэтому оно служило исключительно для церковных нужд. В

конце же столетия, в связи с бурным развитием науки и техники, началась перестройка сельских школ.

В Спасском в 1893 году вместо частных школ открылась школа грамоты Епархиального училищного совета, которая в 1896-97 учебном году размещалась в наёмном здании временного пользования. Школьный учитель имел семинарское образование, а обучалось в школе 40 мальчиков и 18 девочек.

В начале текущего столетия сельская школа в Спасском именовалась одноклассной церковно-приходской. В 1912-13 учебном году в ней обучалось 73 человека, в том числе 41 мальчик и 32 девочки, а в 1913-14 – 38 мальчиков и 40 девочек, то есть на 5 человек больше.

Судя по сохранившимся программам, обучение в церковно-приходских школах и школах грамоты ограничивалось тем же законом божьим, церковным пением, церковно-славянской грамотой, русским языком, арифметикой и чистописанием. И лишь на 3-4 году прибавлялись церковная и отечественная история, на 5-м – география с краткими сведениями о явлениях природы.

Кроме школы, при церкви существовали две богадельни – одна на 12, другая на 6 человек. Вот и все, можно сказать, социально-общественные учреждения.

После отмены крепостного права стал заметно изменяться внешний облик села Спасского. Именно с этого времени здесь начинают появляться первые кирпичные здания. А вместе с тем на строительстве начинает использоваться широко распространённый по оврагам «дикий» камень-известняк.

Для некоторых крестьян добыча камня становится чуть ли не профессиональным занятием. Именно благодаря камнедобыче в 1910-1914 годах здесь были открыты останки мамонта, описанные в четырёх публикациях журнала «Тульский край». Открывателями их были крестьяне Гаранин, Чесилов и местные школьники.

Последний помещик и кулаки

Мы не знаем, к кому перешли после Годейнов их владения в селе Спасском и деревнях Яковлевке и Александровке. Но

последним помещиком в Спасском был Владимир Максимович Александров.

Судя по рассказам старожилых, он довольно лояльно относился к крестьянству. Да и в имеющихся публикациях ничего плохого о нём не встречалось. А вот в отношении его брата, Ефима Максимовича, в газете «Венёвский революционный вестник» за 12 июня 1918 года было опубликовано не очень-то лицеприятное сообщение Венёвской УЧК.

«Кукуйский помещик Е. М. Александров, не имея разрешения, тайно продал своё имение за 15318 рублей, – говорилось в нём. – Но эта сделка Е. М. Александрова была разоблачена. В ЧК (чрезвычайной комиссии) он полностью признался в этом и был оштрафован на 5000 рублей. Что же касается 15318 рублей, полученных за имение, то их предложено взыскать в пользу земельного отдела уездного Совета».

Возможно, эта публикация положительно повлияла на Владимира Максимовича, проживающего рядом. Их имения разделял Кулаковский лес. Во всяком случае, старожилы села Спасского не сообщают ничего предосудительного о последнем помещике. Некоторые же даже хвалят за то, что он вроде бы помогал бедноте, не отказывал в помощи и крестьянам среднего достатка.

Помещичья усадьба В. М. Александрова с домом, садом, другими постройками, находившаяся рядом с церковью, осталась в целости и сохранности до самой коллективизации. При создании же колхоза он вступил в него и работал некоторое время шорником. «Да таким, – отмечает В. С. Валов, – что не уступал самым известным в селе мастерам. Хомут так, бывало, затянет, что лошадь никогда ни плеча не набьёт, ни холку не натрёт».

Но, кроме помещика, в Спасском было немало кулаков и подкулачников, которые выезжали на бедноте хлеще господского. В основном это были отходники, проживающие в Москве и других городах, но имевшие внушительные земельные наделы, обрабатываемые батраками.

«По соседству с нами жили мясник Василий Павлович Трушин и Сергей Осипович Лутиков, – рассказывает 90-летняя Аграфена Борисовна Мазикина. – Первый скупал скот, резал и продавал в Гремячем, Епифани, Венёве и даже в Туле. А по хозяйству у него управлялись работники, наши деревенские батраки. Богатый человек был. А Лутиков всё время жил в Москве, там торговлю имел. Землю же ему обрабатывали тоже работники из бедноты.

Судя по всему, немалые капиталы имели эти люди, а вот для общества от них пользы было мало. Они все, бывало, в стороне оставались, на них ни рекрутчина, ни другие сельские повинности не распространялись.

Помню, девчушкой ещё была, а Лутиковы дом кирпичный строили, да такой, что всем на удивление. Работа у них кипела, так как помогали многие односельчане. А расплачивались за это одним обедом...»

«С семи лет я был работником у Сорокиных, – дополняет А. Б. Мазикину Василий Сергеевич Валов, – скотину стерёг. А потом к Исаевым перешёл. Сам-то хозяин овёс скупал, в Москву на продажу возил, а я за мужика в семье его оставался. С десяти лет пахать, сеять и хлеб убирать приходилось.

В Спасском много было мужиков, постоянно проживавших в Москве. Деревенские же дела батраки за них выполняли. Однако раскулачили в полном смысле этого слова только одного Трушина. У него, помнится, отобрали корову и дали расписку, по которой якобы в месте высылки он мог получить другую. Но это, конечно же, прямой обман был. Выселенцам ничего, как правило, не возвращали. Остальные же богатые мужики, которых тоже стали называть потом кулаками, так и не показались в Спасском. Их дома были распроданы с торгов, а некоторые заняты советскими учреждениями. Так, в доме Лутикова, например, разместился сельсовет, дом Константина Ивановича Сорокина я лично с торгов купил...»

Спасская волость в числе 23 других с давних пор состояла в Венёвском уезде, но в 1921–1922 годах, на первом этапе районирования, здесь были выделены Серебрянопрудский,

Щучьинский, Подхоженский и Холтобинский районы. Село Спасское оказалось в Холтобинском районе.

В 1925 году в Тульской губернии было упразднено уездное деление, и Спасская волость перешла в Епифанский район, а с ликвидацией в 1929 году Тульской губернии – в Кимовский район Московской области. Это время совпало с большими изменениями, связанными с коллективизацией деревни, со строительством Бобриковского энергохимического комбината.

Вместо бывших волостей в сельской местности были образованы сельсоветы. В Спасский сельсовет, кроме села, входили Новая деревня, или Яковлевка, Тростниковка и Ольховка. Председателем сельсовета был коммунист Василий Захарович Старшинов, а помощником у него – Георгий Алексеевич Макеев.

Вместе с тем жил в Чернецкой слободе Фёдор Михайлович Платонов, носивший по своему происхождению из села Гремячева прозвище «Гремяк», а в Залесной слободе – Александр Федотович Лазенцев. Вот они-то и явились организаторами и проводниками коллективизации в селе Спасском.

«В связи с тем, что первые двое стояли за организацию колхоза, а вторые – за товарищество по совместной обработке земли (ТОЗ), – рассказывает один из первых здесь председателей колхоза В. С. Валов, – коллективизация сразу же пошла двумя путями. А в итоге весной 1929 года в Чернецкой и Залесной слободах появилось товарищество во главе с Платоновым и Лазенцевым, а в Никольской и Стулоской слободах – колхоз. Председателем правления стал Г. А. Макеев».

Но объединения эти были небольшие. В колхозе, который по чьей-то подсказке называли в честь Владимира Ильича Ленина «Ильич», – сначала семь, потом 12 и 18 дворов, а в ТОЗе при бывшей у них небольшой конной молотилке, может, немного побольше.

В колхоз и ТОЗ вступали хоть и «добровольно», но под нажимом властей, под угрозой твёрдых заданий и других

принуждений. По решению ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) 1929 года в деревню были посланы 25-тысячники. 5 января 1930 года ЦК ВКП(б) принял постановление «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», которое предусматривало ликвидировать путём сплошной коллективизации деревни кулачество как класс. На территории Московской области это предполагалось завершить к весне 1933 года. Однако бюрократическое стремление некоторых верховных и местных «вождей» скорее выслужиться и отрапортовать о выполнении поставленной задачи привело к тому, что Московский комитет ВКП(б) решением от 8-го февраля 1930 года обязал коммунистов области закончить сплошную коллективизацию весной 1930 года, Тульский окружной комитет партии – к 1 апреля 1930 года, к чему крестьянские массы были не подготовлены. В деревнях начались гонения на единоличников, раскулачивания не только кулаков, но и середняков, непослушных бедняков.

«В сёлах были, конечно, богатые мужики, но они отличались знанием крестьянского дела, трудолюбием, бережливостью в большом и малом, – говорит В. С. Валов, – они же были и поумнее, пограмотнее других. Вот поэтому-то они ещё до коллективизации разобрались, что к чему, и заранее к ней подготовились. Всё лишнее в кулацких хозяйствах до начала этой кампании было продано или надёжно спрятано. Раскулачивание не принесло той пользы, которая от неё ожидалась. Наоборот, она запутала мужика, отбила интерес к сельскому хозяйству, а многих вообще выгнала из деревни. В Спасском же этому помогало начинавшееся строительство Бобриковского энергохимического гиганта».

Коллективизация

– ...Георгий Алексеевич Макеев – первый председатель, хотя и был активистом, но в чём-то, видать, про штрафился, – продолжает В. С. Валов. – Возможно, потому, что вскоре произошла перемена политики в колхозном движении. Короче говоря, после опубликования «Примерного устава сельхозартели» и статьи Сталина «Головокружение от успехов» колхоз наш и ТОЗ сильно залихорадило, начались требования о

самороспуске. В марте же 1930 года появилось постановление о борьбе с искривлениями в колхозном движении. Макеева, вроде как перегибщика, освободили от председательства, а на его место избрали меня, семнадцатилетнего комсомольца. Но дело в колхозе не пошло. Колхоз и ТОЗ вскоре распались, а меня послали на учёбу в Московскую областную колхозную школу.

Проучившись около года и получив специальность зоотехника, я вернулся домой. Председателем возобновлённого колхоза был Пётр Филиппович Соломатин. Но на первом же колхозном собрании решили поставить меня председателем в колхоз, а Соломатина в сельсовет. Однако председательствовать пришлось недолго. Года через два меня освободили. А потом началась очень частая смена колхозного руководства. И это оттого, что сдвигов в колхозной жизни было очень мало. Жили и работали под ежедневную диктовку верховных и местных властей. Всякая самостоятельность пресекалась не только руководством района, но и сельсовета. Вот поэтому-то колхоз всё время и ходил в середнячках...

Потом Василий Сергеевич снова избирался на пост председателя правления колхоза. Было это уже в 1935 году. Но из-за того, что дождливая уборка не дала возможность выполнить в 1936 году план продажи хлеба государству, что зерновые оказались заражёнными клещём, что раздал председатель по колхозникам для просушки колхозное зерно, но полностью его не собрал и оформил решением правления выдачу на трудодни по три килограмма при районной установке 200 граммов, его сняли с работы и осудили на два года тюремного заключения. Вот так и кончилась комсомольская и председательская карьера В. С. Валова. А между тем отзывы о его руководстве колхозом очень хорошие.

– Когда Василий Сергеевич председательствовал, – говорит механизатор-пенсионер Михаил Дмитриевич Галкин, – в колхозе порядок был. Он людей уважал и его уважали. Нам, пацанам, он на пахоту по осени всегда яблок привозил, это воодушевляло в работе.

– На вязке снопов была установлена норма: за четыре копны – один трудодень. А в копне 52 снопа, всего – больше

200. Но их не только связать, а и стаскать надо, в крестцы уложить, – вспоминает В. С. Валов. – Работа очень трудоёмкая. Как же повысить производительность? Мы решили тогда: за пятую начислять дополнительно 30 соток, за шестую 40 и так далее. И дело сразу пошло по-другому. Маруська Лазинцева, например, до 12 копен в день навязывала. А Анна Соломатина с малым сыном – до 10, Груша Мазикина, Лиза Ионкина – по 7-8 копен. А Катя Алешина пудовые снопы вязала, по три-четыре косилочных сброса в один собирала. У неё, конечно, выработка была поменьше, но за добросовестность работы тоже отмечали...

Заключение

Но самым большим и трудным испытанием для всех была, естественно, Великая Отечественная война. В селе Спасском об этом напоминает мемориал с именами погибших в боях за село и прилегающие окрестности. С 23 ноября по 13 декабря 1941 года здесь сложили головы 240 воинов.

Вместе с тем на мраморных плитах перечислены имена павших на различных фронтах земляков. Из села Спасского – 23, из деревни Избищи – 23, из Ольховца и Макшеева – 70, из Солнцева – 5, Тростниковки – 14, из Сокольников – 15, Петровки – 7, Ольховки – 9.

В наши дни на месте бывшего колхоза «Ильич» красуются на берегах Ольховца и Лома-Ржавца многоэтажные жилые дома, Дом культуры, плавательный бассейн... Они заслонили собой бывшую российскую деревню.

...Показалось мне, что очень мало сейчас осталось в селе Спасском коренных жителей. Они почти не встречаются сейчас ни в растениеводческом, ни в животноводческом комплексах, на других производственных участках. Их подменили приезжие люди, которые не имеют никакого представления о далёком и недалёком прошлом села, о привычках и традициях местных жителей²⁰.

²⁰ Бороздинский М. Село Спасское // Новомосковская правда. 1989. 14, 15, 20, 26 сент. ; 3, 4 окт.

Тетяковка

С интересом прочёл в «Новомосковской правде» за 13 февраля статью О. Заидова «О чём бормочет Тетяковка». Археология, конечно же, очень многое даёт для познания истории поселений. Именно по ископаемым останкам материальной культуры познаётся далёкое прошлое человечества.

Однако наука эта не настолько точна, чтобы с уверенностью установить хотя бы приблизительно дату возникновения того или иного археологического памятника и тем более поселения. Расхождения с действительностью могут быть не только в десятилетиях, но и в веках.

Это и естественно: ведь поселения, предметы материальной культуры – как и люди, как вся жизнь, нередко претерпевают такие изменения в своём развитии и местоположении, что порой не раскрывают, а лишь запутывают историю. Так, дворовые места в сёлах и деревнях почти при каждом обновлении, как правило, меняют своё местоположение. Орудия труда и другие предметы перемещаются из одних культурных слоёв в другие. Даже сами поселения по несколько раз перемещаются в историческом своём развитии с одного места на другое.

Тетяковка также не была среди них исключением. Вот поэтому-то археологи, в большинстве своём, прежде чем начать разведку и, тем более, раскопки, довольно подробно знакомятся с историей интересующей их местности.

О. Заидов говорит, что слово «тетяк» в древней Руси означало «бормотун» (человек с шепелявым говором). От этого вроде бы и пошло название Тетяковки – речки и деревни. Не имея под руками словарей древнерусского языка, спорить с автором не приходится, хотя в топонимических трудах нескольких наших исследователей утверждение Заидова подтверждения не находит. Но вот в «Толковом словаре» В. И. Даля есть слова «тети», «тепти», которые он объясняет, как «рубить», «резать», «сечь», «колоть», «тяпать», а также слова «тякать», «тякчить», которые означали «угощать», «потчевать», «чествовать» и «мелко рубить», «крошить». Вот

они-то, мне кажется, более правдоподобны для названия «Тетяковка».

Далее О. Заидов, ведя речь о деревнях Лихачевке и Тетяковке, утверждает, что будто бы собранная на огородах керамика «подтвердила догадку о дате рождения этих деревень – XVII в(ек)». Но это далеко не так. Дело в том, что история их была известна ещё... в XVI веке.

«За Алексеем за Фёдоровым сыном Хотяинцова да за Фёдором да за Иваном за Фёдоровыми детьми Писарева да за Гришею за Ненашего сыном Зубахина с. Тетяково на рчк. на Тетяковке, а в нем церк(овь) Михайло Архангил, поставление и строение в церкви попа Григорья да приходное, – свидетельствуют писцовые книги Ясенецкого стана Венёвского уезда 7080 (1571-1572) года, письма и меры кн. И. В. Мосальского «да Григорья Ярцова с товарищи». – А дворов на церковной земли: во дв. поп да 2 кельи; пашни и поле добр(ой) земли церковные 5 четьи, а в дву(х других полях) потому ж. сена 50 коп(ен), да в том же селе крестьян на Олексеев жеребей Хотяинцова 7 дв(оров), а на Фёдоров да на Иванов жеребей крестьян 10 дв(оров), а на Гришин жеребей Зубахина крестьян 4 дв(ора) и всего 21 дв(ор) крестьянской, а людей в них (т. е. трудоспособных мужиков – М. Б.) тоже: пашни в поле добр. земли 100 четьи да дикого поля 198 четьи, а в дву потомуж, сена по рчк. по Тетяковке и по дикому полю 1000 коп., лесу черного и дубровного в длину на версту, а поперег на полверсты...»

Как видим, даже нашествие Девлет-Гирея в 1571-м году, когда он захватил и сжёг всю Москву, кроме Кремля, вроде бы, обошло Тетяково стороной, хотя в недалёком селе Гремячем тогда осталась лишь церковь «Егорей страстотерпец без пенья» с двумя дворами церковнослужителей, двором «княж Ивановского человека Мстиславского» да четырьмя дворами крестьян. Остальные же, как отметили писцы, «поимали Крымские люди в приход Крымских царевичев, в 78 (т. е. в 1569-м) году».

И не только это село Тетяково существовало в 1570-годах на речке Тетяковке. Здесь ещё находился починок Меньшое

Тетяково, а в нём «двор княж Ивановского человека: пашни в поле добр. земли 2 четьи, а в дву потому ж, сена по дикому полю 70 коп., лесу присады 5 дес(ятин)...»

Починок этот был отдан в общее пользование тем же владельцам.

В связи с тем, что в писцовых книгах указаны давно уже забытые нами меры, то надо иметь в виду, что четь – это площадь земли, на которую высевалось четверть кади или окова семенного зерна, которая из-за качества и местоположения в разных губерниях была не одинакова. Только в 1766 году межведомственной инструкцией было установлено, что это мера в 1200 кв. саженей, т. е. полдесятины.

Указание «а в дву потому ж» свидетельствует о господстве трёхполки, при которой засевалось только одно «поле доброй земли», а два других подразумевались в том же размере. Четверть же дикого поля в большинстве случаев приравнивалась к двум десятинам. Высшей же мерой являлась соха, которая включала в себя от 600 до 1800 десятин земли, а также от трёх до 60 податных крестьянских дворов, с которой и высчитывались все, в том числе и рекрутские, подати, т. е. налоги. Однако в наших писцовых книгах размеры сохи не указаны и её для каждого поселения надо вычислять.

Сенокосные угодья даются в копнах, но в книгах оговорено, что на десятину положено 20 копен. «А сошного писма (т. е. податей на всех указанных владельцев положено – М. Б.) полчеть сохи, – продолжают своё описание указанные писцы, – а на дикое поле на 198 четьи дано им льготы на 4 годы, от лета 7080 до лета 7084 году, а как отойдёт лгота, и Олексею Хотяинцову да Фёдору да Ивану Писаревым да Грише Зубахину государевы подати довати с полусохи без получети сохи».

«А по государеву наказу велено за Олексеем за Хотяинцовым поместья учинити в половину его окладу 100 четьи, а за Фёдором да за Иваном за Писаревыми... по 75 четьи за человеком, а за Гришею за Зубахиным... 50 четьи, – заключали своё повествование писцы, – и... мера их сполна».

Вторую же половину своего оклада новоиспечённые помещики по наказу Ивана Грозного получили где-то в другом

месте. Это был не первый, но, видимо, наиболее замечательный раздел вотчины одного из ближайших бояр и воевод Грозного царя Ивана Фёдоровича Мстиславского между новыми помещиками, «коширянами и тулянами», а за то, что, находясь на обороне южных границ, Мстиславский не уберёг их от нашествия кочевников...

Таким образом, писцовые книги, на которые сделана не совсем точная ссылка О. Заидова, внесли существенную поправку в разыскания археологов. Что же касается последующей истории Тетяковки, то она может быть прослежена в ревизских сказках, например, других документах, хранящихся в центральном и областном архивах.

Для интереса можно сообщить, что в XVIII столетии уже не было села Тетякова, а была деревня Тетяковка, которую нередко именовали Араповкой. Населяли же её казённые крестьяне.

По ревизской сказке 1850 года здесь в 65 дворах проживали 328 мужчин и 306 женщин. Из фамилий преобладали Леневы, Молчановы, Линдины, Кобзевы, Страховы, Шуленины, Мостяевы.

По «Списку городов и селений Тульской губернии» 1857 года значится 750 прихожан Николаевской церкви Староказачьей слободы села Гремячева. В 1890-м году здесь была открыта первая в истории школа грамоты, а вскоре после этого жители Тетяковки начали строить свой собственный деревянный храм, который на законном основании и возвратил ей статус села²¹.

И всё же – XVI век!

Отдавая в «Новомосковскую правду» материал о Тетяковке, я не ожидал многословной и бездоказательной отповеди со стороны начальника отряда Верхнедонской археологической экспедиции О. Заидова. Мне казалось, что он учтёт замечания об известности этой деревушки не с XVII, а с XVI века, а свою археологическую работу будет более тесно связывать с историческими сведениями и документами.

²¹ Бороздинский М. Тетяковка // Новомосковская правда. 1991. 4 апр. С. 3.

Только в тесном единении целого ряда наук и источников, учит нас опыт, можно рассчитывать на тот или иной успех не только в археологии, но и в любом исследовательском деле. Однако Заидов, судя по его публикации «Судьба вещей, ручьёв, посёлков...» в «Новомосковской правде» от 25 апреля с. г., этого вывода не сделал.

Он, правда, пишет, что археологическому исследованию «предшествует изучение всевозможных картографических, гидронимических, топонимических материалов, а также подробное изучение летописей и писцовых книг, желательно в виде фильмокопий», однако в практическом плане конкретно по Тетяковке ничего подобного, видимо, не предпринималось. А ведь если бы покопались в летописях, даже в обычной исторической литературе, то узнали бы, что ещё в татаро-монгольский период был довольно известный хан Тетяк, на Северном Кавказе существовал город Тетяк (см. Очерки истории СССР XIV-XV вв. М., 1953, стр. 379 и др.). И они, конечно же, никакого отношения к древнерусскому якобы слову «тетяк» – «бормотун» не имели.

Да и нет, кстати, в «Материалах к словарю древнерусского языка» И. И. Срезневского (тт. I-III, СПб., 1890-1912) такого определения. «Бутурля» – вот это действительно «бормотун». Оттого и фамилия Бутурлиных от правнука прапращура их «мужа честна» Радши раньше Пушкиных пошла. Заидов, к сожалению, не указывает, из каких же источников взялось его утверждение о «бормотунье Тетяковке».

Он в своей статье упрекает меня в том, что для выяснения названия Тетяковки мною был использован словарь В. И. Даля, подчёркивает, что будто бы «в вышеуказанном словаре приведены те слова, которые бытовали при жизни составителя». А это свидетельствует не только о незнании автором этого всемирно известного труда выдающегося философа и писателя России, но и о явном пренебрежении к нему хотя бы перед написанием обидных памяти В. И. Даля строк.

Сейчас нет ведь, пожалуй, ни одного исторического, в том числе и археологического исследования, где не использовались

бы филологические разыскания В. И. Даля с древнейших времён до наших дней.

Не обоснован упрёк и за то, что археология не настолько точна, чтобы с уверенностью датировать хотя бы приблизительные годы возникновения памятников и поселений. Возьмите, почитайте «Бытовую археологию» В. А. Городнова, труды Б. В. Фармаковского, наших современников А. В. Арциховского, М. Н. Тихомирова, исследователя «Земли рязанской» А. Л. Монгайта, и вы убедитесь, что использование для датировки археологических находок таких наук, как палеонтология, палеография, даже распада радиоактивного углерода даёт расхождение в десятки лет.

У них же можно позаимствовать примеры перемещения кладов, бытовых предметов, берестяных грамот из одного века в другой и из одного места в другое. Вот поэтому-то все почти археологические памятники датируются принадлежностью к тому или иному веку, а не году.

Да и сам-то О. Заидов, он ведь не говорит, что найденная ими на огородах Тетяковки (каких? чьих? где?) керамика относится к 1620 или к 1625 году, а указывает только на XVII век.

В корреспонденции Заидова есть предположение, что «сельцо Тетяково XVI века находилось, вероятнее всего, не совсем там, где Тетяковка XVII столетия». А это как раз подтверждает то перемещение памятников, предметов и поселений во времени и пространстве, которое было высказано мною в заметке о Тетяковке, за что Заидов сделал необоснованный упрёк.

Но нам кажется, что Тетяковка не меняла своего исторического адреса на нашей земле. Во всяком случае архивные документы и литературные источники XVII века таких сведений не дают, а в XVIII и XIX веках она регулярно отмечается в ревизских сказках и других документах на одном и том же месте. Так что предположение Заидова о её перемещении нельзя считать обоснованным.

Пользуясь советом О. Заидова об употреблении в исследованиях не печатных, а микрофильмированных копий с

подлинных писцовых книг, мы остаёмся при том же мнении, что Тетяковка известна с XVI века, и дополнительно сообщаем, что в 1571-1572 годах среди жильцов здесь упоминались: «во дворе поп Григорей Дмитриев да две кельи», крестьяне «на Олексеев жеребий Хотяинцова: во дворе Иванко Бологоцкой, во дв. Иванко Фёдоров, во дв. Гриша Иванов, во дв. Володка Слобо(д)чик, во дв. Тимошка Травин (?), во дв. Ларка Митин, во дв. Фролка Гостев».

На жребий Фёдора и Ивана Фёдоровых детей Писарева выпали крестьяне: «во дв. Иванко Пустух, во дв. Митка Иванов, во дв. Микифорка Матвеев, во дв. Агейко Иванов, во дв. Федка Демин, во дв. Конщица (?) Митин, во дв. Сидорка Иванов, во дв. Гриша Кузнец, во дв. Митка Иванов».

На Гришин жребий Зубахина: «во дв. Тренка Болотов, во дв. Петрушка Степанов, во дв. (имя неразборчиво – М. Б.) Митин, во дв. Титка Бологоцкой». За ними же «починок Меньшое Тетяково, а в нем двор княж Ивановского человека Миши Кузмина...» (ЦГАДА, ф. 137, № 1, лл. 278-282).

В статье О. Заидова много места отведено вопросам, не относящимся к Тетяковке, но довольно спорным в историческом плане. В их числе Карники, древняя Тула, речка и деревня Теребуша, Маклецы и другие наши места, интересные местным краоведам. Но чтобы высказать о них какое-то мнение, нужна особая статья.

А местным археологам хотелось бы посоветовать не кичиться своими находками, а более строго сверять их с историческими публикациями и архивными документами. Только тогда можно быть уверенным, что ошибок, длиною в целый век, не повторится...²².

Урванка

Новомосковцам, да и многим гостям города хорошо известны железнодорожная станция Урванка, Урванский микрорайон. Некоторые люди не подозревают, что названия эти

²² Бороздинский М. И всё же XVI век! // Новомосковская правда. 1991. 23 мая. С. 3.

пошли от небольшой речушки Урванки, начинающейся своими истоками в нынешнем Детском парке и у станции Молодёжная, впадающей у деревни Малое Колодезное правым притоком в Дон, а также от названия расположенной на обоих её берегах деревни Урванки.

В далёкой древности речка эта, протекающая в больших, порою непроходимых лесах, была бурной и полноводной. Именно об этом свидетельствуют широко раздавшиеся и крутые её берега. Но уже в XVIII столетии, когда здешние края познали человеческую силу преобразования природы на строительстве Ивановского канала для соединения через Иван-озеро Волги с Доном, когда большая часть здешних лесов ушла на создание нескольких десятков водоподъёмных судоходных шлюзов и зародившегося в Воронеже и Азове Российского Военно-Морского флота, речка Урванка превратилась в ручей.

Истории не известны ни время, ни причины происхождения этого названия, но оно, скорее всего, возникло тогда, когда здесь по воле Петра Великого велись большие преобразовательные работы, когда были в большом ходу и, может быть, в почёте такие известные русские слова, как «урвать», «урывать», т. е. удосуживать, находить время и способ для исполнения одних и других дел. Вполне возможно, что появлению этого названия способствовала и «урывистая» вода речки, а может, и памятный день «Ирины-урви-берега», отмечавшийся 16 апреля. Однако первые сведения о деревне Урванке встречаются после того, как в 1770 году Екатерина II решила передать свои тульские вотчины побочному от Григория Григорьевича Орлова (6.10.1734-13.04.1783) сыну Алексею Григорьевичу Бобринскому (11.04.1762-20.06.1813).

Этому восьмилетнему отпрыску, не имевшему в ту пору ещё собственной фамилии, было отдано тогда до 20 тысяч душ мужского пола в сорока с лишним поселениях Богородицкого уезда и более десяти тысяч душ в тринадцати поселениях Елифанского уезда, часть из которых входит сейчас в г. Новомосковск и его район. Вот они, эти поселения, записанные за А. Г. Бобринским после того, как мать 2 апреля 1781 года сообщила ему собственноручным письмом о том, что

родился он 11 апреля 1762 года в Санкт-Петербурге, в Зимнем дворце, а следующим письмом от того же числа пожаловала его фамилией и особым гербом: сёла Бобрики, Егорьевское, Ивановское, Каменка, Люторичи, деревни Веньино, Ключевка, Княгинино, Колодезная, Никольская, Смородина, Степановка, Урванка.

Павел I, как известно, через пять дней по восшествии на престол признал А. Г. Бобринского за своего сводного брата и в тот же день, 12 ноября 1796 года, произвёл его в генерал-майоры, возвёл в графское Российской империи достоинство. По ревизской же сказке 1811 года, за ним в дер. Урванке было записано 346 душ мужского пола.

А потом владения новоявленного графа наследовал его сын Василий Алексеевич (1804-1874), женатый сначала на кн. Лидии Алексеевне Горчаковой, умершей во время ареста мужа за причастность к делу декабристов 22 мая 1826 года, бездетной, затем на Софье Прокофьевне Соковниной (1811-1868), а со 2 февраля 1869 года – на Александре Петровне Ушаковой. От В. А. Бобринского владения перешли к его сыну Алексею Васильевичу (1831-1888) – члену Государственного совета и егермейстеру высочайшего двора, потом к внуку декабриста Алексею Алексеевичу (1861-1938), который и явился последним их владельцем.

По местоположению своему дер. Урванка всего лишь в трёх-четырёх километрах от Иван-озера. Поблизости от неё находились и другие селения. Однако церковным приходом жители деревни выбрали для себя, вопреки волеизъявлениям графов Бобринских, село Каменку, Явленское тож, что по соседству с Узловой. И произошло это якобы потому, что именно здесь, в дер. Урванка, была найдена икона Казанской Божьей Матери, которая была передана в село Каменку Явленскую и помещена в здешний деревянный храм иконы Казанской Божьей Матери, построенный в 1767 году вместо сгоревшего от грозы.

Потом, правда, жители Урванки хоть и числились прихожанами села Каменки Явленской, но больше обращались в церковь Рождества Иоанна Предтечи села Иван-озеро. Однако

престольными праздниками своими всегда считали и сейчас считают дни летней (21 июля) и осенней (4 ноября) Казанской Божьей Матери, а также Пресвятую Троицу.

По приходским спискам 1857 года, в дер. Урванка числилось более 670 прихожан обоего пола в 73 дворах, которые находились у Бобринских на издельной и оброчной барщине, т. е. платили за пользование графской землёй деньгами и отработками по заранее установленным нормам и тарифам. С отменой же крепостного права крестьяне из-за небольших наделов, не превышавших двух десятин на мужскую душу, вынуждены были арендовать графскую землю на лично или определённых условиях.

Сами графы в этих случаях старались, правда, остаться в стороне и переложить всё на плечи своих управляющих. Однако крестьянам от этого легче не было. Малоземелье, а порой и безземелье буквально загоняли их в графскую кабалу. Мы не имеем под руками документа, показывающего условия аренды графской земли крестьянами дер. Урванка. Но вот по деревне Бегичевке Богдановской волости того же Епифанского уезда они в 1907 году были, например, такими.

«Я, – писал управляющий имениями, заводами и копиями графов Бобринских Михаил Кондратьевич Названов 21 мая, – отдал, они (т. е. 86 мужиков дер. Бегичевки – М. Б.) сняли в аренду на 4 года, до уборки яри в 1910 г. и озими в 1911 г., 118 десятин 2300 кв. саж. пахотной земли... по 14 руб. 50 коп. за десятину в год... А мы платить обязуемся: вязкой ярового и озимого хлеба по 1 руб. 50 коп. за десятину на Соколовском хуторе или где будет указано, остальное отрабатывать доставкой свеклы на Богородицкий сахарный завод, а к 1 ноября окончательно рассчитываться. А если отработки не хватит, то контора или администрация может высчитывать недоработку из следуемых нам денег...»

Договор, как видим, точно определил арендную плату за землю, а вот отработку за неё почти ни во что не ставит. Надо же связать, а, следовательно, серпом и сжать за рубль 50 копеек целую десятину! Во что же, интересно, оценивалась перевозка

тонны свеклы, например, из Бегичевки в Богородицк, т. е. за 35-40 вёрст?

Но это ещё не всё. В договоре далее определялось, что крестьяне обязуются половину парового поля «унавожить своим навозом не менее 120 возов на десятину, считая воз в 20 пудов», пахоту пара «заканчивать к Петрову дню, т. е. к 29 июня», «сеять сахарную свеклу на четвёртой части арендуемой земли без выдачи задатков и доставлять таковую полностью в указанный свеклосахарный завод», «в лесонасаждениях, прилегающих к арендуемым землям, держать за свой счёт сторожей и отвечать за всякую поправу, порчу, поломку и сруб деревьев».

В заключение же договора указывалось, что «наёмщики не освобождаются от платежей в случае неурожая, градобития и других бедствий», а «в случае суда и спора все издержки ложатся на наёмщиков». И вот, при таких-то условиях, крестьяне вынуждены были арендовать землю, чтобы не умереть.

Тем не менее даже этот, как видим, явно кабальный договор, был Бобринскими, вернее, их присяжным поверенным Б. О. Гольденблатом, расторгнут из-за того, что крестьяне не успели к 1 января 1910 года уплатить графам 1278 рублей 62 копейки. А это наложило на крестьян новые издержки, связанные с судом и следствием, с выплатой значительной неустойки.

В последнее время в нашей прессе, в радио- и телепередачах немало внимания уделяется династии графов Бобринских. В их числе действительно были отдельные незаурядные, как говорят, личности. Однако в основе своей этот род не проявил каких-то особых, выдающихся, полезных услуг во имя экономического, социально-политического расцвета Отчизны и русского народа.

Во всяком случае их заслуги ни в коей мере не могут равняться с заслугами великого русского флотоводца, адмирала Фёдора Фёдоровича Ушакова (1744-1817), например, его сподвижника адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина (1763-1831), генерала Дмитрия Сергеевича Дохтурова (1756-1816) и

многих других, которые тоже, как и Бобринские, были нашими земляками, но которых мы, к большому сожалению, давно уже забыли.

В нынешней дер. Урванка старожилы, по рассказам своих отцов, дедов и прадедов, помнят о графах Бобринских, но они не хотели бы той «благодати», какая была создана для них представителями этой фамилии в дореволюционные годы²³.

Холтобино

Село Холтобино:

от Ивана Грозного до наших дней

Холтобино – одно из древнейших поселений нашего края. Первые сведения о нём как о деревне относятся к 1571-1572 году, когда Иван IV (Грозный) раздавал новым помещикам здешние владения известного боярина и воеводы князя Ивана Фёдоровича Мстиславского за его предательство – «Князем и детем боярским Коширяном и Туляном».

Девять селений, три сельца да 65 деревень и починков было роздано тогда 142-м помещикам в четырёх станах Венёвского уезда. А вот деревню «Холтобина под Сторожевым краем на отвершку речки Белого Колодезя», ряд других поселений «дети боярские поместья не имали», так как стояли «те деревни, починки и слободки – по свидетельству писцов И. В. Мосальского «да Тимофея Борисова сына Ярцова с товарищи» – на поле с приходу от Крымских людей и крепостей у них нет никаких».

В деревне Холтобина, как она именовалась, насчитывалось в ту пору всего лишь четыре крестьянских двора жилых да семь дворов пустых, «а садились те люди и крестьяне, – подчёркивается в писцовой книге, – при князе Иване Фёдоровиче Мстиславском на л(ь)годе, на диком поле».

Исторические события последующих лет и веков во многом изменили жизнь, судьбу и внешний облик этого «дикого» когда-то края. Не прошло и двух десятков лет, как на месте бывшего, например, села Гремячее – вотчины

²³ Бороздинский М. Урванка // Новомосковская правда. 1994. 23 авг. С. 3.

И. Ф. Мстиславского, где стояла убогая деревянная церковь Егорья, два церковных, четыре крестьянских двора, да «двор княж Ивановского человека» Мстиславского, появился город Гремячий, а в деревнях Холтобина, Сторожевой, Прудки, Савинова, Василья да Рудака Яцких и других – родовые и служилые помещики. В начале же XVII века здесь, как и в других местах, разгорелась горячая борьба угнетённых с угнетателями под знамёнами Хлопко, Ивана Исаевича Болотникова, других вождей так называемого «смутного времени». За это в 1613 году воевода Прокофий Ляпунов с землёй сравнял многие поселения края и сжёг город Гремячий.

По мнению некоторых краеведов-исследователей, название села Холтобино произошло оттого, что здешняя местность очень здорово была когда-то изрыта множеством ям и заполненных водой «колдобин», которые с течением времени высохли и сравнялись. Но это, нам кажется, маловероятным для XVI века. Скорее всего, название произошло от фамилии или прозвища первопоселенцев, ибо Холтобиных в ту пору было немало.

Нынешнее село Холтобино на некогда большой Венёвско-Елифанской дороге обосновалось, скорее всего, в эпоху преобразовательской деятельности в этих краях Петра I. Именно в ту пору появился здесь первый, скорее всего, деревянный храм во имя явления иконы смоленской владычицы Одигитрии, который стал основанием для перевода деревни Холтобина в село Холтобино. А в 1774 году по инициативе местного помещика Истленева крестьяне построили новый деревянный храм того же наименования, который простоял до 1860 года.

В далёкой древности вся местность в районе Холтобино изобиловала лесами и лугами... В 1571-1572 годах, например, в пользование четырёх здешних крестьянских дворов было отведено 10 четей (5 десятин) пашни и 115 четей (57,5 десятины) дикого поля в каждом из трёх полей и, кроме того, 250 копен (12,5 десятины) сенокосов по дикому полю и «четыре десятины лесу черного». Но в ходе строительства Ивановского канала, или, так называемых, «Епифанских шлюзов» для соединения через Оку, Упу, Шат и Иван-озеро Волги с Доном,

расширения до города Гремячего и других здешних мест железоделательного производства и всё более плотного заселения края, площадь их быстро сокращалась.

Село Холтобино в XVIII веке являлось помещьем Истленевых, Лопухиных, других дворянских фамилий, а вместе с тем и родовым имением помещиков Сокольниковых, которые оставили заметный и хороший след в истории.

Семья Сокольниковых, по имеющимся сведениям, с давних пор принадлежала к служилым людям Тульского оружейного завода. Так, по состоянию на май 1782 года, например, здесь значились канцелярист Семён Сокольников, который получал жалованье по 80 рублей в год при окладе Казённой палаты в 110 рублей, и копеист Иван Сокольников с жалованьем 12 рублей при окладе в 60.

Характеризуя деятельность первого из них, генерал-губернатор М. Н. Кречетников писал, что «Семён Сокольников, исправляя должность свою... более двадцати лет, оказал особенное рачение и способности при добром своем поведении. Таким похвальным его качествам воздавая должную справедливость, осмеливаюсь испрашивать, не соизволит ли Правительствующий сенат в дальнейшем ему поощрения и, в пример прочим, наградить его, Сокольникова, чином коллежского регистратора...».

Но более значительную известность в истории Тулы и нашего края имеет сын канцеляриста Сокольникова Козьма Семёнович (1751-1831). Отданный шестнадцатилетним пареньком «механики учеником» при Тульском оружейном заводе, он с первых же дней службы проявил незаурядные способности не только в механике, но и во многом другом. О Козьме Семёновиче писали уже в своё время В. Н. Ашурков в книге «Тульские мастера оружейного дела», Н. А. Милонов в книге «Русские писатели и Тульский край», В. Н. Уклеин в последнем своём труде «Тула – каменная летопись» и другие. Однако жизнь и творчество этого талантливого, трудолюбивого и внёсшего очень большой вклад в преобразование родного края самородка изучены очень мало.

В Государственном архиве Тульской области хранится несколько дел, относящихся к родословному древу Сокольниковых. Их родословная была опубликована в известном девятитомном издании «Дворянское сословие Тульской губернии» В. И. Чернопятова. Но они, конечно, ни в какое сравнение не идут с тем, что оставлено одним только К. С. Сокольниковым новым поколениям. Вот хотя бы краткий перечень указаний наместника М. Н. Кречетникова, которые К. С. Сокольникову пришлось выполнить только летом 1782 года.

В письме губернатору И. А. Заборовскому о благоустройстве Тулы от 17 апреля он напоминает, что «господину механику Сокольникову под надзором вашим было приказано сделать план о рве (вокруг кремля – М. Б.) шириной до двух сажень и глубиной 3-4 аршин», но он ещё не сделан. А на следующий день, 18 апреля, он предлагает Оружейной канцелярии немедленно рассмотреть «план и сметы на плотину между Оружейной и Городской частями г. Тулы под руководством правящего должность механика капитана Сокольника».

17 мая 1782 года М. Н. Кречетников поручает Сокольникову «состоящий при Нижней главной заводской плотине, так называемый Никольский, мост... по получении сего немедленно рассмотреть, сколько времени оный в настоящем его виде без повреждений надёжно простоять может определить, по исполнении чего о сём ко мне донести». А на следующий день на К. С. Сокольникова возлагаются обязанности губернского архитектора, хотя официально эта должность по отставке из-за болезни архитектора Салкова и его жалование утверждаются за архитектуры учеником Александром Гелвигом (в других документах – Элвигом, Гелвихом).

26 мая 1782 года наместник М. Н. Кречетников просит Тульскую нижнюю расправу поступить с молотобойцем Петром Латовым, уворовавшим шесть стволов, не пойманным механиком Сокольниковым, по закону. А 9 июня предлагает Казённой палате разобраться, почему, как сообщил

Сокольников, «из заготовленного покойным ассессором Липатиным на казённое строение г. Тулы кирпича большее количество оказалось к потреблению негодно» и рекомендует «без взыскания не оставить».

В краеведческой литературе К. С. Сокольников называется автором двух вариантов неосуществлённого, правда, проекта перестройки Тульского оружейного завода в 1797 году, а вместе с тем ему приписывается создание таких замечательных памятников архитектуры, как Всехсвятская и Рождественско-Богородицкая церкви в Туле, он в 1800 году выдал план на строительство Николаевской церкви в г. Венёве, 75-метровая колокольня которой до сих пор является одной из высочайших вертикалей в области. А вот автор построенного в 1860 году каменного храма в селе Холтобино остаётся неизвестным, хотя строителем его называют сына К. С. Сокольникова – Алексея.

По данным шестой Всероссийской подушной переписи (ревизии) 1811 года за К. С. Сокольниковым в селе Холтобино числились 81 ревизская душа крепостных мужского пола, а, кроме того, им вместе с женой Надеждой Алексеевной – 38 крепостных мужиков принадлежало в деревне Чусовка Бороздинской волости Венёвского уезда. Сыну же их Алексею Козмину во время отмены крепостного права пришлось освободить от своей зависимости 76 мужиков в селе Холтобино с земельным наделом в 288 десятин, 130 в селе Подосинки с наделом в 390 десятин и 43 в деревне Выглядовке Бороздинской волости с наделом в 129 десятин. Всего же по приходским спискам 1858 года в селе Холтобино насчитывалось 170, в Подосинках – 666 и в Выглядовке более 150 прихожан.

Но в ходе отмены крепостного права, которое в Холтобине завершилось в августе 1865 года, не стало бывших владельцев А. К. и А. Г. Сокольниковых. Их имения по наследству перешли к девятнадцатилетнему Гавриилу Александровичу Сокольникову. В связи с его несовершеннолетием, которое прекращалось в 21 год, над Г. А. Сокольниковым было установлено попечительство со стороны близкого родственника по материнской линии

действительного статского советника Бориса Петровича Хрущова.

Этот род тоже был в своё время знаменит. Ведь брат Бориса Петровича С. П. Хрущов был в своё время адмиралом Черноморского флота, начальником штаба выдающегося русского флотоводца М. П. Лазарева, а А. П. Хрущов прославился в севастопольской обороне. Это им, Хрущовым, принадлежали имения в селе Богородицком, сельце Никольском, деревнях Чусовка, Связьма и Малая Связьма в Венёвском уезде.

В 1864 году, в ознаменование вступления в наследство, а также в память об ушедших из жизни родных и близких молодой помещик Гавриил Александрович Сокольников пожертвовал 830 рублей на строительство кирпичной ограды вокруг Холтобинской церкви, а сам уехал в Москву, где ждал его юридический факультет университета. По окончании же его он два года совершенствовал своё образование за границей.

В 1868 году двадцатитрёхлетний Г. А. Сокольников возвратился домой вооружённым различными идеями буржуазных преобразований, а вскоре был избран в предводители дворянства Епифанского уезда. Именно в это время, в связи с переходом к нему значительной части владений Хрущовых, Гавриил Александрович принимает фамилию Хрущова-Сокольников, которая очень скоро становится хорошо известной читателям журналов «Русское богатство», «Свет и тени», «Эхо», «Осколки», «Зритель» и ряда других.

В своих произведениях Г. А. Сокольников отображал реальные события своего времени, а это, естественно, вызывало яростный гнев не со стороны вымышленных правителей Подберезовской губернии, Куликовского, Тавровского, других уездов, а реальных лиц – тульского губернатора С. И. Ушакова, предводителей дворянства В. П. Минина, В. А. Бобринского, П. Ф. Самарина и других. Вот почему Г. А. Сокольников, объявленный епифанским дворянством «изменником», очень скоро вынужден был покинуть эти места.

После отмены крепостного права в связи с капитализацией сельскохозяйственного производства, в селе

Холтобино и окрестностях начинается интенсивное внедрение различных технических культур. Особое же предпочтение здесь было отдано разведению мяты и сахарной свеклы, которые продавались на местный и Матовский свеклосахарный заводы.

Вместе с тем, в это время наблюдается некоторый рост народонаселения, что приводило к дроблению крестьянских хозяйств, их обезземеливанию, росту кулачества, отходничества и крестьянского движения. В Холтобине всё чаще проявляется недовольство существующими порядками, здесь всё чаще появляются становые приставы и судебные исполнители.

Наряду с капитализацией наблюдается и тяга населения к знаниям, самообразованию. В 1895 году в Холтобино по требованию крестьян была открыта частным лицом начальная земская школа IV разряда из трёх отделений при одной классной комнате. Размещалась школа в арендуемом крестьянами кирпичном здании под железной крышей, а обучалось в ней 35 из 37 занимавшихся мальчиков и три девочки.

Через некоторое время, благодаря заботам сельского общества, в Холтобине появилось собственное школьное помещение, однако оно тоже долгое время не могло обеспечить приём всех желающих учиться детей, так как работал здесь после окончания Венёвского городского училища с 1897 года только один учитель И. И. Толкунов и дьячок Н. Г. Липатов.

В декабре 1911 года в Холтобино приехала после окончания Тульской гимназии учительствовать З. В. Родзянко. В 1912-13 учебном году здесь уже обучалось 47 мальчиков и 30 девочек. На 1913-14 учебный год в школе было открыто четвёртое отделение, т. е. по нынешнему понятию четвёртый класс. Однако обучались в этом году только 32 мальчика и 25 девочек. 20 человек, выходит, отсеяла против предыдущего года, не пустила в школу начавшаяся Первая мировая война.

В ходе нового подъёма революционного движения многие холтобинцы оказались на первых рубежах борьбы за свободу и счастье трудового народа, а самые лучшие из них в рядах ленинской партии большевиков. С победой же Великого Октября здесь образовалась самостоятельная волостная ячейка

РКП(б), которая немало сил приложила к установлению и упрочению власти Советов. Особенно стойкость и мужество здешних большевиков проявилась во время контрреволюционного кулацко-эсеровского мятежа в ноябре 1918 года против Советской власти, который был подавлен с небольшими жертвами и в считанные дни.

В связи с указанием ЦК РКП(б) и Тульского губкома партии постановлением Венёвского УК РКП(б) от 12 июля 1921 года с целью более удобного раскрепления местных партийных ячеек, были созданы Венёвский, Васильевский, Серебрянопрудский, Подхоженский и Холтобинский райкомы с включением в последний Холтобинской, Спасской, Юдинской, Бороздинской, Казанской, Новоприборной (Гремячевской) и Урусовской волостных партийных организаций. А в 1924 году, на основании постановления президиума Тульского губисполкома от 22 октября 1923 года, был образован в составе Венёвского уезда и самостоятельный Холтобинский район, который в 1926 году был преобразован в Гремячевский с центром в селе Гремячее.

Вот краткая историческая канва одного из рядовых селений нашего края. Она во многом поучительна и разнообразна. Что же касается села Холтобино в советский период, то эта история ещё поучительней и интересней²⁴.

Выдающиеся люди, отдельные периоды жизни которых связаны с Новомосковском

Бодровы

Родина революционеров

В Подхожих Выселках Венёвского уезда, а ныне Новомосковского района, родились и выросли известные ученики Н. К. Крупской и В. И. Ленина, члены созданного В. И. Лениным Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» братья Филипп и Артемий Бодровы.

²⁴ Бороздинский М. Село Холтобино: от Ивана Грозного до наших дней // Новомосковская правда. 1986. 2, 11, 29 июля.

Большая часть подхожевыселских крестьян была отходниками, занималась отхожими промыслами в различных городах, в промышленных центрах России. В их числе и были названные нами революционеры, рассказ о которых мы продолжим²⁵.

Ученики великого вождя из Венёва

Ирине Ананьевой, ученице одной из московских школ, когда-то отказали в приёме в комсомол: секретарю ячейки показалась странной дата вступления рекомендовавшего её дедушки, Филиппа Ильича Бодрова, в партию – 1894 год.

– Не ошибся ли он? – спросил секретарь. – Ведь первый партийный съезд состоялся в Минске в 1898 году.

Вернулась в тот день Ирина из школы со слезами на глазах, рассказала дедушке о случившемся. Тот внимательно выслушал внучку, успокоил, потом начал искать какие-то бумаги, оделся и ушёл.

На следующий день, как только появилась Ирина в классе, перед ней оказались комсомольский секретарь, классный руководитель, некоторые учителя. И каждый из них с упрёком спрашивал: почему скрывала, что у неё такой замечательный, такой знаменитый дедушка?

Причиной упрёков, как она потом узнала, стала записка Владимира Ильича Ленина, которую долгие годы дедушка хранил в своём архиве.

«Рекомендую издателя товарища Филиппа Ильича Бодрова, – говорилось в этой записке, адресованной руководителям Московского Совдепа, – в партии с 1894 года...»

Цифры «1894» Владимир Ильич специально подчеркнул.

Иру много раз просили потом пригласить дедушку то на общешкольное комсомольское или партийное собрание, то на торжественную встречу с выпускниками. И при каждом посещении школы Филиппу Ильичу приходилось рассказывать о том, как он оказался в Питере, как познакомился с Надеждой Константиновной Крупской, стал известен Владимиру Ильичу.

²⁵ Бороздинский М. Родина революционеров // Новомосковская правда. 1985. 5 нояб. С. 3.

«Родился я 1 октября 1867 года, – писал он в автобиографии, – в дер. Подхоженские Выселки Венёвского уезда Тульской губернии. Родители – крестьяне-бедняки. Семья была многодетная. Только нас, братьев, в живых пять человек – Михаил, Филипп, Тимофей, Артемий, Дмитрий, да сестра Анастасия...

С детства начал помогать отцу в домашних делах. В деревне от отца научился кое-как читать и писать. А к четырнадцати годам, когда подросли младшие братья, родители отправили меня из-за нужды на заработки в Петербург...»

Судьба Филиппа складывалась так, как у многих его сверстников. В Питере в 1881–1882 годах он был мальчиком на побегушках, потом выучился на ткача. Жил сначала у родственницы, а после её смерти – в артельном общежитии.

В 1886 году в Питер приехал его младший, тринадцатилетний брат Артёмка, тоже устроился учеником на ткацкую фабрику. Жить стали вместе, в артельном общежитии. Здесь на Митрофаниевской мануфактуре братья впервые узнали о нелегальной литературе, о забастовках. Именно за чтение брошюр на работе, рассказывал потом Филипп, мастер Козин так однажды ударил его в ухо, что он свалился на пол, а через некоторое время заболел и уехал в деревню.

Но в 1888 году Филипп Ильич снова оказался в Питере, устроился на текстильную фабрику Максвеля, где в ту пору работал брат Артём. А в 1890 году они стали посещать только что открывшуюся вечерне-воскресную школу, где преподавала Надежда Константиновна Крупская, другие социал-демократы. Братья Бодровы оказались в классе Н. К. Крупской. Вступили они и в социал-демократический кружок.

«Три года я учился у Надежды Константиновны, – пишет Ф. И. Бодров в своей «Краткой автобиографии», – и получил то, что искал, стал сознательно бороться за дело освобождения рабочего класса».

В 1892 году, из-за сильного голода в деревне, приехал в Петербург двоюродный брат Бодровых Борис Жуков, тоже из Венёвского уезда, из Красновских Выселок. Устроился на завод. Жить братья стали в небольшой комнатухе квартиры № 19 в

доме № 42 по проспекту села Смоленского. Борис стал ходить в ту же вечерне-воскресную школу.

«Надежда Константиновна, – вспоминал потом Филипп Бодров, – снабжала нас литературой о Французской революции, по истории культуры, другими книгами, а в 1893 году предложила мне и другим революционно настроенным рабочим вступить в новый социал-демократический кружок, куда, кроме меня, вошли Ефим Бойков, мой брат Артемий, Иван Яковлев, двоюродный брат Борис Жуков и другие.

В это время я познакомился с В. А. Шелгуновым, другими честными и верными товарищами. А в 1894 году наш кружок, который собирался у меня на квартире по проспекту села Смоленского, в доме № 42 (ныне проспект Обуховской обороны, дом № 70) стал посещать товарищ Волжанин (Владимир Ильич Ульянов (Ленин))»²⁶.

В книге «Ленин в Петербурге» под адресом № 32 действительно отмечается, что в комнате квартиры № 19, где жили рабочие Б. Жуков и братья Ф. и М. Бодровы²⁷, с осени и до конца 1894 года В. И. Ленин руководил кружком, в котором занимались рабочие-текстильщики и с Семяниновского завода. При этом подчёркивается, что все они учились в вечерней Корниловской школе, где преподавала Н. К. Крупская, которая, приглядываясь к своим ученикам, старалась привлекать наиболее сознательных из них в революционные кружки.

²⁶ Бороздинский М. Ученики из Венёва // Коммунар. 1986. 22 апр. С. 2.

²⁷ В 1936 году брат Ф. И. Бодрова Михаил, которого некоторые почему-то именуют Матвеем, напечатал по рассказам Филиппа Ильича, но от своего имени, в сборнике «Пропагандист» очерк «Товарищ студент». В связи с этим некоторые исследователи жизни и деятельности В. И. Ленина посчитали, что Михаил Ильич сам был слушателем ленинского кружка. Вот поэтому-то в книге «Ленин в Петербурге» (Лениздат, 1957) и указана по адресу № 32 на стр. 33 комната Б. С. Жукова и братьев Ф. и М. Бодровых. Эта же ошибка допущена и на стр. 217 первого тома Истории КПСС в шести томах, в сборнике «В начале пути» (Лениздат, 1975) и др. На самом деле Михаил Ильич в Питере не жил и в кружке у В. И. Ленина не состоял. По свидетельству дочери Ф. И. Бодрова Лидии Филипповны, её отец здорово ругал дядю Михаила за допущенную им вольность, писал опровержения. Но ошибка, тем не менее, до сих пор фигурирует.

А Н. К. Крупская в своих воспоминаниях отмечает, что зимой 1894–1895 годов она познакомилась с Владимиром Ильичом уже довольно близко, так как он занимался в рабочих кружках за Невской заставой, а она там же четвёртый год учительствовала в Смоленской вечерне-воскресной школе.

«Целый ряд рабочих кружков, где занимался Владимир Ильич, – свидетельствует она, – были моими учениками по воскресной школе: Бабушкин, Боровков, Грибакин, Бодровы – Арсений²⁸ и Филипп, Жуков и др. В то время вечерне-воскресная школа была прекрасным средством широкого знакомства с повседневной жизнью, с условиями труда, настроением рабочей массы...»²⁹.

Вспоминая о первом занятии Владимира Ильича, Ф. И. Бодров пишет, что к приходу тов. Волжанина они, трое братьев, позвали ещё рабочего с Семянниковского завода Ефима Прокофьевича Байкова, впоследствии убитого охранкой.

И вот появился Владимир Ильич, поздоровался, окинул взглядом всю более чем скромную обстановку. Поинтересовался, где работают, что получают, другими вопросами жизни. А когда рассказали, что из пятнадцати рублей ежемесячно выплачивают по два рубля и больше штрафов, что продукты – негодные, но вынуждены их брать по дорогой цене в фабричной лавке, о других несправедливостях, Владимир Ильич только головой покачал.

«А семейным-то ещё, должно быть, труднее жить? – спрашивает он.

– Конечно, – отвечаем.

– А ведь положение-то можно и облегчить. – Организоваться нужно как следует всем рабочим, не поодиночке, а всем миром на капиталистов нажимать надо. Вот тогда-то они и почувствуют нашу силу³⁰.

²⁸ В воскресной школе Артемия Бодрова почему-то звали Арсением, в связи с этим Н. К. Крупская так его и называет.

²⁹ Бороздинский М. Ученики великого вождя // Новомосковская правда. 1985. 11 нояб. С. 2.

³⁰ Бороздинский М. Ученики из Венёва // Коммунар. 1986. 22 апр. С. 2.

Рабочим хорошие книжки надо читать, разъяснять, как появились капиталисты и пролетарии, почему кучка фабрикантов обогащается, а пролетарская масса нищает. Когда рабочие поймут это, надо будет предъявить капиталистам требования о сокращении рабочего дня, улучшении условий труда, увеличении зарплаты. А если эти требования не удовлетворяют, объявлять забастовки, бороться за товарищей, подвергнутых аресту.

Наряду с экономическими требованиями надо предъявлять и политические о свободе стачек, союзов, слова, печати, на что царское правительство никогда, конечно, не пойдёт. А это убедит рабочих в том, что главным защитником эксплуататоров является царь, они поймут, что бороться надо не только против капиталистов, но и против царя³¹.

Владимир Ильич учил нас марксизму, разъяснял, как вести агитацию и пропаганду, – отмечал Ф. И. Бодров. – Уверенный голос, незабываемые глаза, речь, зовущая и требующая, – притягивала к себе. Крепла воля. С этого момента каждый из нас понял, что за дело Ильича, за угнетённых мы готовы биться до последней капли крови...

С этого времени, т. е. с 1894 года, я, переходя с завода на завод, начал вести активную революционную работу».

С тех пор прошло много лет. Бывшие члены созданного В. И. Лениным Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» Филипп Ильич Бодров, его братья, другие члены семьи Бодровых немало сделали для победы нового строя. Старшие из них были активными участниками революций 1905–1907 и 1917 годов в Питере, Москве, Венёве и других местах, после победы Великого Октября все силы отдавали на благо и счастье трудового народа.

В 1918 году, пережив несколько арестов,граничную эмиграцию, пал от рук белогвардейцев организатором одной из первых сельскохозяйственных коммун под Мариуполем Артемий Ильич Бодров.

31 Бороздинский М. Ученики великого вождя // Новомосковская правда. 1985. 11 нояб. С. 2.

Дело его продолжил сын Евгений, более двадцати лет после окончания института работавший на Московском автомобильном заводе, носящем имя нашего же земляка И. А. Лихачёва.

Филипп Ильич при аресте В. И. Ленина и членов созданного им «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» сумел уехать из Питера в Москву, потом домой, активно участвовал в установлении Советской власти в Москве, Венёве, несколько раз встречался затем с В. И. Лениным, Н. К. Крупской в Кремле, в лесной школе в Сокольниках, провожал великого учителя в последний путь.

Слесарем на Первом подшипниковом заводе в Москве заканчивал свой трудовой путь Михаил Ильич Бодров.

Сын его, Андрей, член партии большевиков с 1914 года, активно участвовал в революции, был боевым командиром Красной гвардии, затем Красной Армии, а в мирные годы первым директором Первого Московского подшипникового завода.

Хранят добрые традиции новые поколения династии простых тульских тружеников Бодровых.

Ирина, которую Филипп Ильич рекомендовал в своё время в комсомол, давно уже защитила диссертацию, ушла на заслуженный отдых известным врачом.

Нынешние поколения иногда собираются в доме на Старом Арбате, вспоминают своих дедов и отцов. А когда бывают в Центральном музее В. И. Ленина, обязательно собираются в глубине первого зала у экспозиции, посвящённой Петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса». Здесь, рядом с портретом молодого В. И. Ленина, других замечательных партийцев, есть портреты братьев Бодровых, Бориса Жукова.

Молодые, сильные, красивые – они как бы олицетворяют единство серпа и молота³².

³² Бороздинский М. Ученики из Венёва // Коммунар. 1986. 22 апр. С. 2.

Курбатов Георгий Дмитриевич

Торпедный катер возвратился

Шёл 1928 год. В семье Курбатовых было трое ребят. И вдруг они остались без отца, на попечении больной матери. Обеспечить детей она не могла и поэтому отправила старшего Жору и его брата в Москву «искать лучшую долю». Едва успели они появиться на Павелецком вокзале, как оказались в Даниловском детском приёмнике, потом один в Хрусловском, другой в Рязанском детских домах.

– Много чувств и переживаний было тогда в моей детской душе, – вспоминает Георгий Курбатов. – Дом над Осетром, фруктовый сад, огород, детдомовское поле и близлежащий лес стали родными. Наряду с учёбой в школе, учились мы выращивать и убирать зерновые и овощи, ухаживали за лошадьми, коровами, мастерили в столярке разные вещи.

По окончании семилетки Георгий поступил в школу ФЗУ при Сталиногорском химкомбинате, а через два года стал машинистом-компрессорщиком в цехе метанола. Участвовал в художественной самодеятельности, был активистом спортобщества «Азот». Здесь стал членом ВЛКСМ.

В 1939 году Г. Д. Курбатов был призван на военную службу и направлен в Кронштадтскую военно-морскую школу имени А. П. Железнякова, затем на охрану морских рубежей в Северный флот. Великую Отечественную встретил в отряде морских охотников и торпедных катеров, где был мотористом.

Нелегко было в первое время «сухопутному» пареньку осваивать морскую науку, привыкать к беспокойной жизни, однако горячее желание быть хорошим защитником Родины помогло преодолеть все трудности. Этому способствовало и то, что первым командиром оказался замечательный моряк А. О. Шабалин, ставший потом дважды Героем Советского Союза и контрадмиралом.

Во многих морских боях и рейдах пришлось участвовать Георгию Курбатову в годы войны. Уже в августе 1941 года его катер ведёт ночные поиски судов противника, а в ночь на 12 сентября прорвался к охраняемому сторожевиками транспорту противника и потопил его. Корабли вражеской

охраны ринулись искать «охотника», но его расчётливый командир А. О. Шабалин не пошёл в море, а приказал плыть к вражескому берегу. Снижением скорости он ликвидировал демаскирующий корабль белый бурун и ушёл от погони.

В ночь на 6 октября ведомый Г. Д. Курбатовым ТКА-12 лейтенанта А. О. Шабалина и ТКА-15 лейтенанта П. И. Хапилина, искусно маскируясь на фоне скалистого берега, сблизилась с вражеским конвоем в составе транспорта и трёх кораблей охраны и точным торпедным ударом потопили его.

В 1943 году противник повысил активность подводных лодок, морской авиации, надводных судов и вдвое увеличил постановку мин. Моторист Курбатов в это время действовал в составе отряда катерников на охране наших и союзнических конвоев, участвовал в блокировании вражеских бухт и портов, в высадках десантов на побережьях Мотовского залива и Малой Волоховской губы.

21 декабря торпедные катера ТКА-12 и ГКА-13, которыми командовали старшие лейтенанты Г. М. Паламарчук и А. О. Шабалин, обеспечивали разведку мыса Лангбунес. На следующий день был обнаружен вражеский конвой в районе мыса Берленог. На его уничтожение вышли пять катеров. Пробившись на полном ходу сквозь огневую завесу, катер Паламарчука двумя торпедами потопил ближайший сторожевой корабль, а катер Шабалина с дистанции двух кабельтовых пустил на дно два сторожевых корабля. За этот подвиг командиры катеров бы удостоены знаний Героев Советского Союза.

В 1944 году в связи с пополнением торпедных катеров и образованисм боевой единицы – бригады активность их возросла. В июне они успешно взаимодействовали с морской авиацией и артиллерией при блокировании вражеского порта Лиинахамари, 15 июля торпедные катера во взаимодействии с авиацией потопили три транспорта у Бек-фьорда. Вечером 19 августа три группы по четыре катера с участием Г. Д. Курбатова потопили 12 транспортов и кораблей охраны из конвоя противника, в котором было 30 судов.

– Таких боёв, как этот, – вспоминает Георгий Дмитриевич, – я ещё не видал. Десятки, сотни снарядов рвались за бортом, и один пробил обшивку машинного отделения. Через пробоину хлынула вода. Гибель казалась неизбежной. Но я сумел в нужный момент признать на помощь людей. Работая в ледяной воде, мы под обстрелом врага заделали пробоину, а когда вернулись на базу, командующий Северным флотом вручил мне орден Красного Знамени.

Особенно памятны для Георгия Курбатова бои за Петсамо (Печенгу) и Лиинахамари.

Около 9 часов вечера 11 октября торпедные катера ТКА-208 и ТКА-14, на котором воевал теперь Курбатов, ринулись под руководством А. О. Шабалина с десантами на бортах с базы Земляное в Печенгский залив. За ними с небольшими промежутками шли ещё две группы катеров. Надо было в темноте миновать ограждающие сети и пройти более трёх миль по узкому, насквозь простреливаемому проливу, а затем высадить десант в Лиинахамари.

Сначала всё шло хорошо. Но когда катера были в 20–30 кабельтовых (400–500 метров) от входа в залив, фашисты включили прожекторы и начали интенсивный обстрел. Залив вспенился от разрывов. Но не дрогнули руки старшины Курбатова. Заметив крутые западные берега, он немедленно направил свой корабль под их защиту, сбавил ход, а минут через 20–30 оказался у вражеского пирса.

Высадка десанта с ТКА-14 должна была проходить у четвёртого причала, но он оказался разрушенным и под огнём автоматчиков. Среди десантников произошла заминка. И в этот решающий момент на пирсе появился старшина Курбатов, ведя огонь из автомата. Он быстро нашёл в темноте обрывок каната и привязал им катер к бревну, а потом с криком «ура!» кинулся к ближайшему строению. За ним устремились морские пехотинцы. Завязался бой.

Уводить катера пришлось тоже под сильным огнём. Снаряды и пулемётные очереди дыбили всю гавань. И вдруг ТКА-14 потряс сильный удар. Один из снарядов попал в рубку и перебил рулевое управление. Медленно, как хромой на

костылях, двигался ТКА-14. Но не успели пройти и десятка кабельтовых, как в корабль угодил второй снаряд. Пробив обшивку, он ранил Курбатова в руку. Хлынувшая вода грозила гибелью. Однако благодаря мужеству, находчивости и мастерству старшины корабль и экипаж были спасены. Наложив на ходу пластырь на пробоину, умело регулируя обороты двигателей, раненый Г. Д. Курбатов привёл катер на базу. За этот подвиг он был удостоен звания Героя Советского Союза.

Заканчивал войну коммунист Курбатов после госпиталя на Балтике. Здесь тоже немало было схваток с врагом. А потом продолжал службу на флоте до 1949 года. Демобилизовавшись, приехал в Елец и стал трудиться старшим механиком в четвёртой автобазе. Сейчас он на пенсии, но не забывает море и флот, часто встречается с молодёжью, ведёт большую военно-патриотическую работу. Морские традиции Г. Д. Курбатова достойно продолжает его сын Михаил³³.

Маркин Сергей Степанович

Герой Советского Союза С. С. Маркин

Из поступивших в Венёвский райком партии и райвоенкомат сведений стало известно, что бывший командир звена 5-го гвардейского Севастопольского авиаполка гвардии капитан Маркин С. С. 1918 года рождения, русский, из крестьян дер. Белоколодезь нашего Венёвского района. В Красную Армию он был призван в 1938 году, а в 1940 году окончил Балашовскую военно-авиационную школу.

В действующей армии С. С. Маркин находился с 26 июня 1941 года.

С 26 июня 1941 по 24 октября 1943 года экипаж под командованием С. С. Маркина совершил 32 дневных и 282 ночных боевых вылетов. По достоверным данным экипаж С. С. Маркина уже к 24 октября 1943 года уничтожил 18 танков, 36 автомашин с войсками и грузами, 24 вагона, четыре склада с горючим, пять складов с боеприпасами, четыре моста и

³³ Бороздинский М. Торпедный катер возвратился // Бессмертен подвиг их высокий. Тула, 1983. С. 316–318.

переправы, восемь прожекторов, 11 зенитно-артиллерийских и зенитно-пулемётных огневых точек, зажжёт два железнодорожных эшелона, а всего на счету экипажа 118 взрывов и пожаров. В воздушных боях и на аэродромах было уничтожено 17 самолётов противника.

За отличное выполнение боевых заданий С. С. Маркин 23 декабря 1941 года был награждён первым орденом Красного Знамени, 27 апреля 1943 года вторым, а 24 октября того же года – третьим. Вместе с ним трёх боевых орденов был удостоин штурман Мазуров, двух – стрелок-радист Рыжков и одного стрелок Колесник.

После последнего награждения экипаж С. С. Маркина буквально на второй день 25 октября в исключительно сложных условиях разбомбил ночью у г. Херсона переправу на Днестре, а 1 ноября 1943 года, несмотря на 20-батарейный заградогонь и 30-прожекторное освещение нанёс очень удачный удар по Севастопольскому порту, ночью 30 ноября уничтожил два самолёта противника на аэродроме Сарабузы.

В 1944 году С. С. Маркин воевал на северо-западе страны. Так, 7 февраля он дважды участвовал в ночных бомбардировках военно-промышленных объектов в г. Хельсинки, а 19 февраля уничтожил железнодорожный эшелон в г. Пскове. Ночью 27 февраля он опять участвует в бомбардировке г. Хельсинки, потом бомбит по ночам 10 марта порт в г. Таллине, 17 апреля – порт Галац, 17 мая – город Холм. Во время Белорусской операции в июне 1944 года он громил немецко-фашистских захватчиков в районах Орши, Бобруйска. Всего после награждения третьим орденом Красного Знамени С. С. Маркин совершил 62 ночных боевых вылета. За весь же период лётной работы он совершил 376 боевых вылетов, налетал в них на самолётах разных типов 293 часа днём и 1157 часов ночью.

«Гвардии капитан Маркин обладает отличной техникой пилотирования, – писал о нём 5 августа в представлении к присвоению звания Героя Советского Союза командир 5-го гвардейского Севастопольского авиаполка дальнего действия гвардии подполковник Шошин. – Он летает днём и ночью, в

сложных метеоусловиях. Это волевой и решительный офицер-лётчик.

Имея большой опыт в боевой работе, его экипаж способен выполнять самые сложные и ответственные боевые задания. Материальную часть самолёта ИЛ-4 знает отлично и исключительно грамотно её эксплуатирует».

«Достоин присвоения звания Героя Советского Союза», – написал 14 августа на этом представлении командир авиадивизии дальнего действия. «Достоин...» подтвердил 6 сентября командир авиакорпуса. А 5 ноября 1944 года был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении С. С. Маркину высокого звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

После войны С. С. Маркин продолжал служить в Советской Армии, а в 1956 году в звании подполковника ушёл в запас. В настоящее время он живёт в г. Минске и работает там в военкомате Фрунзенского района. Мы надеемся, что учащиеся Юдинской, Правдинской школ, комсомольцы и труженики совхоза «Правда» откликнутся на это сообщение и установят со своими земляками крепкую связь³⁴.

Лётчик Маркин

В Центральном райвоенкомате города-героя Минска до недавнего времени работал Сергей Степанович Маркин. Бывший лётчик, Герой Советского Союза. Наш земляк, уроженец деревни Белый Колодезь Венёвского района. Если вы перелистаете книгу «Туляки – Герои Советского Союза», изданную в Туле в 1967 году, то фамилии его не встретите: о нём автору этих строк стало известно совсем недавно.

После окончания сельской школы Сергей Маркин поступил в аэроклуб, а перед началом войны – в авиашколу. С первых дней сражений он уже в действующей армии, а к 24 октября 1943 года, как свидетельствует наградной лист, совершил 32 дневных и 282 ночных боевых вылета, уничтожил 18 танков, несколько десятков автомашин, поджёг два эшелона,

³⁴ Бороздинский М. Герой Советского Союза С. С. Маркин // Красное знамя. 1975. 22 марта. С. 4.

большое количество складов, переправ, мостов... В воздушных боях и на аэродромах отважный лётчик-штурмовик уничтожил 17 самолётов противника...

За отличное выполнение заданий его наградили тремя орденами Красного Знамени.

В 1944 году полк, в котором служил туляк, действовал на северо-западе. Здесь будущий герой, командир звена, а потом заместитель командира эскадрильи, участвовал в ночных налётах на балтийские порты, потом сражался в Белоруссии...

«Гвардии капитан Маркин обладает отличной техникой пилотирования, – писал в августе 1944 года его командир. – Он летает днём и ночью, в сложных метеоусловиях. Это волевой, решительный офицер-лётчик. Имея большой опыт в боевой работе, его экипаж способен выполнять самые сложные и ответственные боевые задания. Материальную часть самолёта ИЛ-4 знает отлично и исключительно грамотно её эксплуатирует».

«Достоин присвоения звания Героя Советского Союза», – написал на этом представлении командир авиадивизии. 5 ноября 1944 года Указом Верховного Президиума Верховного Совета СССР Сергею Степановичу Маркину было присвоено это высокое звание.

Всего за годы войны С. С. Маркин совершил 376 боевых вылетов. А когда отгремели бои, продолжал служить в авиации.

В 1956 году Сергей Степанович в звании подполковника ушёл в запас. Но не мыслил себя без армии, стал сотрудником военкомата. Не стало его в мае прошлого года. В нынешнем году ветерану и ровеснику Вооружённых Сил исполнилось бы шестьдесят³⁵.

До полной победы

Детство Сергея Маркина было трудным. Отец умер, когда мальчику не было и пяти лет. Мать с четырьмя малолетними детьми на руках кое-как перебивалась. И, естественно, как только кто-нибудь из ребят подрастал, его приучали к труду.

³⁵ Бороздинский М. Лётчик Маркин // Коммунар. 1978. 13 янв. С. 3.

Сергей рано привык работать, научился относиться к любому делу серьёзно, доводить его до конца.

Так случилось и с авиацией. Сергей «заболел» ею и пошёл в аэроклуб, а потом поступил в Балашовскую военно-авиационную школу. Молодым лётчиком встретил неожиданно начавшуюся войну. Сражался на Южном фронте – сперва в составе 81-го бомбардировочного авиаполка дальнего действия, затем в 5-м гвардейском Севастопольском. Вместе со штурманом Мазуровым, стрелком-радистом Рыжковым и воздушным стрелком Колесниковым Маркин несколько раз бомбил войска фашистской группы армии «Юг», рвавшиеся к Одессе, затем в Крыму, в дни героической обороны Севастополя, под Ростовом-на-Дону. В декабре 1941 года получил первую правительственную награду – орден Красного Знамени.

Экипаж под командованием Сергея Маркина сражался на многих фронтах. Завершил же боевые дела доблестный лётчик 316-м боевым вылетом в районе Берлина.

В августе 1944 года, когда Маркин стал капитаном и командиром эскадрильи, командир полка подполковник Шошин писал в характеристике на него, что он обладает отличной техникой пилотирования, способен выполнить самое ответственное боевое задание днём и ночью, в самых сложных метеоусловиях. Характеристика командира подтверждена многочисленными фактами.

25 октября 1943 года экипаж С. С. Маркина участвовал в ночном налёте на вражескую переправу через Днепр. Условия были сложные: моросил дождь, дул ветер, на подходе к Днепру путь преградил плотный зенитный огонь противника. Однако Маркин вышел на цель в заданное время и двумя нападениями разнёс понтонный мост врага. 1 ноября самолёт Маркина пробился к Севастопольскому порту сквозь завесу огня, созданную двадцатью зенитными батареями крупного калибра и тридцатью прожекторами. Результат: три мощных взрыва с последующими продолжительными пожарами. 30 ноября при бомбёжке аэродрома противника в районе Сарабуз экипаж при низкой облачности и сильном зенитном огне противника уничтожил два вражеских самолёта. Успешно бомбил он

корабли фашистов в портах Хельсинки, Таллина, железнодорожные эшелоны в Прибалтике.

К весне 1944 года экипаж С. С. Маркина уничтожил 18 танков, 36 автомашин с войсками и грузами, 24 вагона, 4 склада с горючим, 5 складов с боеприпасами, 4 переправы и моста, 8 прожекторов, 11 зенитных артиллерийских и пулемётных точек, 2 железнодорожных эшелона; уничтожено в воздушных боях и на аэродромах 17 самолётов противника, на местах бомбёжек отмечено 118 взрывов и пожаров.

Блестящие боевые качества экипаж Сергея Маркина показал в дни операции «Багратион», когда наши армии освобождали от фашистских захватчиков Советскую Белоруссию. А затем удары по врагу самолёты его эскадрильи обрушивали в районах Кёнигсберга, Дебrecена, Галаца.

До полной победы успешно действовал экипаж Сергея Маркина. И после войны доблестный офицер не сразу снял одежду воина. Продолжал работать в авиации, готовил молодых лётчиков, которые жадно перенимали боевой опыт ветерана славных побед. А потом Сергей Степанович двадцать лет трудился в военкоматах города Минска. И здесь он отдавал все свои силы и знания укреплению обороноспособности Родины, вёл большую военно-патриотическую работу³⁶.

Петров Фёдор Фёдорович

Дело жизни

В прошлом году в издательстве ДОСААФ вышла книга очерков писателя Н. Н. Мартынчука о жизни и деятельности выдающихся советских конструкторов Ф. Ф. Петрова, В. Г. Грабина, И. И. Иванова, Б. И. Шавырина, А. А. Благоднарова, В. Г. Фёдорова, В. А. Дегтярёва, Ф. В. Токарева и других, кто создал лучшие в мире образцы артиллерийского и стрелкового оружия, танков и самоходных установок.

³⁶ Бороздинский М. До полной победы // Бессмертен подвиг их высокий. Тула, 1983. С. 338-339.

Тулякам хорошо известны имена выдающихся оружейников – Героя Социалистического Труда Фёдора Васильевича Токарева и Василия Алексеевича Дегтярёва, чья жизнь в течение ряда лет была связана с Тулой, с оружейным заводом. Но мало кто знает нашего земляка Фёдора Фёдоровича Петрова, портретом и очерком о деятельности которого открывается книга Николая Мартынчука.

Очерк о Ф. Ф. Петрове «Дело жизни» занимает всего 14 страниц, и автор при всём своём желании не смог рассказать о детстве и отрочестве этого замечательного конструктора, более полно раскрыть детали его жизненного и творческого пути.

Фёдор Фёдорович родился в 1902 году в крестьянской семье, в деревне Докторово Венёвского уезда, которая входит сейчас в совхоз «Правда». В семье у них, как утверждает сестра Ф. Ф. Петрова Анна, родилось восемнадцать детей, но в живых осталось шестеро – она и пять старших братьев.

Жили, как все крестьяне тех лет, небольшим земельным наделом и отхожими промыслами. «Работы на земле, – пишет в одном из своих писем Ф. Ф. Петров, – нам для всех не хватало. По мере подрастания отец отправлял старших на заработки, преимущественно в Москву, и они работали там, кто кузнецом, кто печником, кто столяром. Я же по праву младшего остался у отца последним помощником, а поэтому сразу после окончания трёхлетней сельской школы встал за плуг, работал на лошади, ухаживал за домашней живностью. Но потом свершилась Великая Октябрьская революция, и она перевернула всю нашу жизнь».

При подходе корпуса Мамонтова в 1919 году к границам Тульской губернии Ф. Ф. Петров вступил добровольцем в Красную Армию, но с упрочением военного и международного положения страны был как несовершеннолетний демобилизован. Работал сначала секретарём, потом был избран заместителем председателя Казанского волисполкома Венёвского уезда.

Весной 1924 года его призвали на действительную военную службу в артиллерийский полк. И здесь у Фёдора Петрова, рядового солдата орудийного расчёта, впервые

проявился интерес к техническим знаниям и изобретательству. Командир полка Каргополов поддержал солдата, а потом выхлопотал путёвку на рабфак.

После рабфака, уже демобилизовавшись, учился в Московском высшем техническом училище им. Баумана, потом – на военно-механическом отделении Ленинградского политехнического института. А как же трудны были эти годы учёбы! И не только потому, что за плечами было лишь три класса сельской школы, а и потому, что и кормиться чем-то надо было, и обувать, одевать себя. На всё это приходилось подрабатывать.

В книге Н. Н. Мартынчука более или менее подробно рассказано о том, как Ф. Ф. Петров и руководимые им коллективы создавали различные артиллерийские установки. Об этом уже в 1971 году рассказывалось в трёх номерах журнала «Техника – молодёжи». И упорный, настойчивый труд принёс успех. В 1942 и 1943 годах Ф. Ф. Петров за отличное выполнение заданий партии и правительства был удостоен высоких званий лауреата Государственных премий, а в 1944 году – Героя Социалистического Труда.

Большой и славный путь прошли орудия нашего земляка по дорогам войны на конной и механической тяге, на кораблях и бронепоездах, а, встав на бронированные машины, превратились в самоходки.

В одном из залов Центрального музея Вооружённых Сил СССР стоит 122-миллиметровая гаубица, которая прошла с боями от Оки до Варшавы 2445 километров и выпустила 3935 снарядов. А такая же гаубица, экспонируемая в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи в Ленинграде, прошла с героями-панфиловцами от Москвы 4670 километров и выпустила 6541 снаряд.

На смотровой площадке Центрального музея Вооружённых Сил СССР стоит 152-миллиметровая гаубица-пушка № 3922, из которой расчёт сержанта Я. И. Никифорова первым произвёл огневой залп по гитлеровцам на территории фашистской Германии. В одном из залов музея демонстрируется в 10 раз уменьшенная, но действующая её модель. А надпись

над ней свидетельствует, что за годы войны коллектив завода выпустил 48000 таких орудий.

В 1946 году Ф. Ф. Петров за успехи в совершенствовании и изобретении артвооружения снова был отмечен двумя Государственными премиями, а в 1954 году стал лауреатом Ленинской премии. И это – яркое свидетельство его выдающихся заслуг перед Родиной и советским народом.

Сейчас генерал-лейтенант, доктор технических наук Ф. Ф. Петров продолжает работать. Имя его хорошо известно не только у нас в стране, но и за её пределами.

Учёный большого ума и таланта, истинный коммунист ленинец, обладающий огромной эрудицией, замечательными организаторскими способностями и величайшей скромностью, он снискал горячую любовь и признательность не только тех, с кем вместе работал, но и тех, с кем встречался на службе.

Родина высоко оценила заслуги конструктора Ф. Ф. Петрова. Он награждён тремя орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Кутузова I степени, Отечественной войны I степени, Суворова II степени, Трудового Красного Знамени и многими медалями. Вся жизнь его – яркий пример любви к Матери-Родине и советскому народу³⁷.

Вся его жизнь

Фёдор Фёдорович Петров родился в 1902 году в бедной крестьянской семье в деревне Докторово Венёвского уезда. В семье было девять детей. Старшие братья работали в Москве – один кузнецом, другой печником, третий столяром. А Федя, самый младший, после окончания сельской трёхкласски стал помогать отцу по хозяйству...

Революцию Фёдор встретил с радостью. Вскоре он добровольно ушёл в Красную Армию. Но однажды его вызвали в штаб и объявили, что демобилизуют по малолетству.

Возвратившись в родные края, Фёдор работал в Казанском волисполкоме сначала писарем, потом секретарём, а позже его избрали заместителем председателя волисполкома. Отсюда

³⁷ Бороздинский М. Дело жизни // Молодой коммунар. 1976. 18 мая. С. 3.

весной 1924 года он снова ушёл в Красную Армию на действительную службу.

Служить пришлось в Москве. Здесь он много занимался самообразованием, а когда подошёл срок демобилизации, поступил на вечернее отделение рабфака. Потом – в московское Высшее техническое училище имени Н. Э. Баумана.

– Не могу сказать, как пелось в старой песне, «артиллеристом я родился...», – вспоминает Ф. Ф. Петров. – Не предполагал, что буду когда-либо работать в области артиллерии. Мечтал стать конструктором–станкостроителем...

Однажды его и ещё нескольких студентов неожиданно вызвали в ректорат. Из разговора стало ясно, что стране нужны специалисты для работы над вооружением.

В 1932 году конструкторы Всесоюзного оружейно-арсенального объединения В. Грабин, Н. Комаров и В. Дроздов решили создать мощную 152-миллиметровую корпусную пушку, а в 1934-м она уже поступила на вооружение. Но потом в ней обнаружили существенные недостатки. Решение – модернизировать пушку. Работы возглавил молодой конструктор Ф. Ф. Петров.

По «Системе артиллерийского вооружения на 1929–1932 годы» предусматривалось создать и 122-миллиметровую гаубицу. Но разработанный образец оказался слишком тяжёлым. «В марте 1937 года на совещании в Кремле, – вспоминает генерал Ф. Ф. Петров, – я говорил о реальности создания именно 122-миллиметровой гаубицы. Однако, отвечая на многочисленные вопросы, я выдавал, что называется, векселя. Мой оптимизм питался большим, как мне казалось тогда, успехом нашего коллектива по созданию 152-миллиметровой гаубицы-пушки «МЛ-20» ...

Первые же прикидки, в которых использовались схемы существующих орудий, показали, что задача действительно трудная. Но упорство и энтузиазм конструкторов взяли своё: осенью 1937 года состоялась защита двух проектов... Проект Петрова получил одобрение.

Великая Отечественная война показала все преимущества «М-30». На её перевод из походного в боевое положение и

обратно затрачивалось не более одной-полутора минут. Скорость перевозки по шоссе превышала 50 километров в час.

В одном из залов Центрального музея Вооружённых Сил СССР стоит сейчас 122-миллиметровая гаубица 6-й батареи 969-го артиллерийского полка 60-й Севской Краснознамённой ордена Суворова стрелковой дивизии. Орудие прошло 2445 километров по дорогам войны и произвело 3935 выстрелов. Его огнём было уничтожено 9000 вражеских солдат и офицеров, 9 орудий, 11 танков, 20 автомашин, две миномётные батареи и т. д.

Больше сорока лет отдал Фёдор Фёдорович Петров конструированию и совершенствованию артиллерийского вооружения. Его орудия сыграли большую роль во многих сражениях Великой Отечественной войны. Родина высоко оценила заслуги выдающегося конструктора. Кроме Золотой Звезды Героя Социалистического Труда и медалей лауреата Государственной и Ленинской премий, он награждён тремя орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Кутузова I степени, Суворова II степени, Отечественной войны I степени, Трудового Красного Знамени и одиннадцатью медалями. Ф. Ф. Петров избирался депутатом Верховного Совета СССР.

Учёный большого ума и таланта, настоящий коммунист-ленинец, Ф. Ф. Петров воспитал большую плеяду замечательных конструкторов.

16 марта 1992 года исполняется 90 лет со дня рождения нашего знаменитого земляка. Через десяток лет общественность совхоза «Правда», да и города Новомосковска, будет отмечать 100-летие конструктора. И, конечно же, было бы очень хорошо к тому времени создать в Дохтурове посвящённый ему музей, а в ближайшее время хотя бы установить на его родном доме мемориальную доскузв.

Выдающийся конструктор

Далеко за пределами земли тульской разнеслась слава о замечательных наших оружейниках Я. Т. Батищеве,

М. В. Красильникове, М. В. Данилове, А. М. Сурнине, П. Д. Захаве, С. И. Мосине, Ф. В. Токареве, В. А. Дегтярёве и многих других. К этой плеяде относится и наш земляк Ф. Ф. Петров – изобретатель 152-миллиметровой гаубицы пушки «МЛ-20», 122-миллиметровой гаубицы «М-30», 152-миллиметровой гаубицы «Д-1» и ряда других артиллерийских систем.

Фёдор Фёдорович родился в 1902 году в простой крестьянской семье в селе Дохтурово, что по соседству с центральной усадьбой совхоза «Правда».

Генерал-лейтенант, инженер, доктор технических наук, Герой Социалистического Труда, лауреат четырёх Государственных и Ленинской премий СССР, вспоминая свои детские годы, рассказывал, что отец его Фёдор Устинович и мать, Анна Николаевна всю жизнь занимались крестьянским трудом, но детей своих из-за бедности с ранних лет вынуждены были отправлять в города на заработки, а было в семье девять ребятишек.

«До революции мы хоть и имели небольшой участок земли, – писал он в одном из своих писем, – но работы и хлеба на всех не хватало. Вот поэтому отец, по мере подрастания сыновей, которых было пятеро, отправлял их на заработки.

Старшие Василий, Пётр, Николай и Павел работали преимущественно в Москве, но иногда в Венёве и Туле. Один из них был кузнецом, другой – печник, третий – плотником и столяром, а вообще-то мастерами на все руки. Я же, самый младший, по окончании сельской трёхклассной школы стал отцовским помощником в его нелёгком крестьянском труде...»

Но у Фёдора, как, между прочим, и у других братьев, с раннего детства пробудилась огромная тяга к знаниям. Его сестра, проживавшая до последних дней своих в посёлке Грицовском, несколько раз вспоминала в личных беседах: «Отец как-то послал Фёдора пахать, а тот прихватил с собой какую-то книгу. И так зачитался, что про пахоту забыл. Когда хватился, было уже поздно. Отец, помнится, а он у нас довольно суровый был, очень ругал тогда Фёдора, упрекал, что с голоду

умрёт от этих книжек. А он, видишь, большим человеком стал!».

Возвратившись домой после гражданской войны, будущий создатель «Бога войны» устроился писарем, потом стал секретарём и заместителем председателя Казанского облисполкома Венёвского уезда, а отсюда, уже весной 1924 года, был призван действительную военную службу.

Служить пришлось в Москве, в Сокольниках. В ту пору ему, наряду с военной службой, пришлось очень много заниматься самообразованием. По окончании службы поступил на вечернее отделение рабфака, потом в МВТУ имени Н. Э. Баумана.

Не предполагал, Фёдор, что будет когда-либо работать в области артиллерии. Наоборот, ещё студентом выбрал для себя специальность по холодной обработке металлов, мечтал стать конструктором-станкостроителем. Но после окончания третьего курса его вместе с группой других студентов МВТУ по указанию свыше неожиданно перевели в Ленинградский политехнический институт, закончив который, по направлению оказался на одном из военных заводов Урала...

Работая первое время мастером, потом начальником отделения, Ф. Ф. Петров увлёкся всеокрушающей мощью артиллерии и выбрал орудийно-лафетное направление.

В стране, между тем, гремела слава первых пятилеток. Думающие, талантливые люди тогда действительно ценились на вес золота. Не остался незамеченным среди них и Ф. Ф. Петров.

В 1932 году группа конструкторов в составе В. Грабина, Н. Комарова и В. Дроздова разработала мощную 152-миллиметровую корпусную пушку, которая в 1934-м поступила на вооружение нашей армии. Но для тогдашних тягачей она оказалась довольна тяжела и не столь манёвренна, – рассказывал Ф. Петров. – Поэтому её тогда же решили модернизировать. Работы по модернизации поручили возглавить мне. Вместе со мной работали А. Булашев, С. Гуренко, М. Бурнышев, А. Ильин и ряд других товарищей. Впервые в мире мы создали орудие со свойствами пушки и гаубицы. И названа была эта 152-миллиметровая гаубица пушка «МЛ-20». Пройдя

государственные испытания, она в начале 1937 года была принята на вооружения и пущена в серийное производство.

Это было для главного конструктора одним из важнейших творческих и физических испытаний. Потом, уже со 122-миллиметровыми орудиями, с железнодорожными, самоходными, береговыми и морскими установками, было значительно легче. Но спать в военные годы приходилось не более четырёх часов ночью и час другой, по возможности, днём. Те, кто бывал в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи в Петербурге, на смотровой площадке Центрального музея Вооружённых Сил, не могли не обратить внимания на выставленные здесь характеристики орудий Ф. Ф. Петрова. Вот 152-миллиметровая гаубица-пушка № 3922, из которой расчёт сержанта Я. И. Никифорова сделал 2 августа 1944 года первый огневой налёт по фашистам на их территории.

Более сорока лет отдал Ф. Ф. Петров конструированию артиллерийского вооружения. И, конечно же, были жизненные, духовные взлёты и падения. Об этом немало ярких примеров в его личных воспоминаниях и в мемуарах товарищей по работе.

Учёный большого ума и таланта, обладавший природными организаторскими способностями и величайшей скромностью, он был награждён тремя орденами Ленина, Октябрьской Революции, Кутузова 1-й степени, Суворова 2-й степени, Отечественной войны 1-й степени, Трудового Красного Знамени и одиннадцатью медалями. Фёдор Фёдорович беззаветно любил свою Родину, а поэтому все силы, знания и опыт отдавал укреплению ее обороноспособности. Не забывал он и свои родные места. Несмотря на чрезмерную занятость, он нет-нет да и приезжал изредка в Венёв, где жил брат Пётр, возможно, и в деревню. Надеялся посетить родные края и летом 1978 года, о чём сообщал родным и близким. Но тяжёлый недуг свёл его 19 августа в могилу.

О жизни и делах Ф. Ф. Петрова написано много статей, рассказов, воспоминаний, а его друг Ф. М. Назаров издал о нём замечательную книгу. В г. Венёве 6 мая 1985 года перед зданием школы ему был открыт памятник скульптора

А. В. Чуйкова, а школе совхоза «Правда» ещё до этого было присвоено имя Ф. Ф. Петрова. Но вот стоит в деревне Докторово небольшой кирпичный домик, где прошли детство и юность замечательного конструктора. А весь домик этот, если за ним не присматривать, может кануть в Лету³⁹.

Память

16 марта 1997 года исполнилось бы 95 лет нашему замечательному земляку, выдающемуся конструктору-изобретателю 122- и 152-миллиметровых артиллерийских орудий, лауреату Ленинских и Государственных премий, Герою Социалистического Труда, доктору технических наук Фёдор Фёдоровичу Петрову. Впервые встретился я с ним, оставшимся для меня тогда неизвестным инженер-генерал-лейтенантом, случайно на венёвском вокзале в первые послевоенные годы. Он приезжал тогда, чтобы проводить в последний путь своего старшего брата Петра, работавшего кузнецом на Венёвской машинно-тракторной станции (МТС).

После демобилизации мне довелось работать в редакции венёвской районной газеты «Красное знамя», и вот тогда я многое узнал о Фёдоре Фёдоровиче, познакомился с его сестрой Анной Фёдоровной Яшиной, её сыном Владимиром и его женой Антониной Васильевной, проживавшими в посёлке Грицовском, стал писать статьи о генерале – создателе русского «бога войны».

Однако статьи и очерки мои из-за «секретности» не печатали. Лишь в 1977 году я напечатал всё-таки в «Красном знамени» статью о генерале под заголовком «Всегда есть место подвигу», после чего плотина запрета была прорвана.

Ещё до этого завязалась у меня личная переписка с Фёдором Фёдоровичем на краеведческой почве. Статьи о нём стали печатать не только в венёвской районке, но и в областных газетах «Коммунар» и «Молодой коммунар», которые я пересылал ему. Он отвечал мне.

Человек большого ума и таланта, Ф. Ф. Петров, к сожалению, очень мало писал о себе. Вместе с письмами он

³⁹ Выдающийся конструктор // Новомосковская правда. 1992. 22 февр. С. 3.

иногда присылал по моей просьбе газеты, журналы со статьями о нём и созданных им артиллерийских системах, в том числе и книгу с биографическим очерком о нём «Дело жизни», свои фотографии, часть которых была передана мною в Венёвский краеведческий музей.

«Приятно было узнать, что моему родному Венёву уже перевалило за 600 лет, – писал он в ответе на одно из моих писем. – Я не знал, что он возник ещё в средневековье. Приятной для меня была и новость, что В. И. Чуйков и И. А. Лихачев, с которыми мне приходилось встречаться, хотя и без должного взаимопонимания с последним, являются моими земляками».

«Проработав на Урале около 43 лет на инженерных должностях, – сообщал он, – меня на склоне лет потянуло в Москву, в которой я жил, учился и работал последние 6-7 лет перед отъездом на Урал. Да и домашние на этот шаг меня с ещё большей энергией подталкивают.

Моё желание московским начальством, если так можно выразиться, было встречено благосклонно, я уже имею назначение на работу (это в возрасте 72 лет – М. Б.), разрешение на прописку от Моссовета...»

С 1974 года до последнего своего дня 19 августа 1978 года он трудился в Москве, в Министерстве обороны, внося определённую лепту уже в разработку по ракетной технике.

В своих письмах Ф. Ф. Петров указывал на неточности в моих статьях, которые я высылал ему. Так, в ответ на напечатанную мною по рассказам его земляков из дер. Докторово статью, в которой я писал, что у них в семье было 18 детей, он в письме от 4 августа 1974 года уточнял: «В нашей семье (у наших родителей) было не 18 человек детей, а только 9». Семья наша до революции имела и заседала определённый и постоянный участок земли, – вспоминал он в одном из своих писем, – однако работы на нём для всех не хватало, поэтому отец, по мере подрастания своих сыновей (которых было пятеро), отправлял их на заработки, преимущественно в Москву, в которой они работали... один кузнецом, другой печником, третий столяром, а себе оставлял в

помощники младшего. Последним таким помощником был я, самый младший из сыновей, сразу же после окончания 3-годичной школы...».

22 февраля 1992 года в «Новомосковской правде», а 14 марта в венёвском «Красном знамени» была напечатана моя статья «Выдающийся конструктор», в которой довольно подробно было рассказано о трудовом и творческом пути генерала Ф. Ф. Петрова.

6 мая 1984 года мне довелось присутствовать в Венёве на открытии памятника Ф. Ф. Петрову.

В связи с тем, что к тому времени не стало уже ни сестры Ф. Ф. Петрова Анны Фёдоровны, ни его жены Варвары Акимовны, а сын, кажется, сильно болел, то самым близким из его родни на этом митинге был внук Игорь – курсант Суворовского училища из г. Екатеринбурга, который сердечно поблагодарил коллектив Тульского машиностроительного завода имени В. М. Рябикова, изготовивший и установивший памятник, всех венёвцев и земляков за добрую память о его незабвенном дедушке.

Сегодня же, в год 52-летия Победы в Великой Отечественной войне, мы низко склоняем головы перед этим простым, добрым, исключительно трудолюбивым человеком, отдавшим всю свою жизнь на благо людей, за свободу и независимость Родины⁴⁰.

Романов Александр Иванович

Таланты надо беречь

Сотни машин и пешеходов проходят ежедневно из Грицовского посёлка над тихоструйным Шатом на шахту «Подмосковная» и в Новомосковск. Сотни глаз глядят на второй от края кирпичный домик в деревне Старая Уваровка, где живёт замечательный человек, гордость здешней округи Александр Иванович Романов.

На первый взгляд, ничего интересного в этом домике, построенном ещё дедом Александра Ивановича, Анисимом

⁴⁰ Бороздинский М. Память // Новомосковская правда. 1997. 12 мая. С. 3.

Никифоровичем, вроде и нет. Ни красотой, ни высотой не выделяется он среди других. А вот зайдёшь в него, и сразу почувствуешь какой-то особый колорит, какую-то захватывающую «былинность» во всём, что здесь находится.

Сам Александр Иванович немолодой уже человек, в нынешнем году 65-летие своё отмечает, а вот в делах его не только старина, история видится, но и молодость, наш завтрашний день.

С истинным крестьянским теплом и радушием принимает он людей. А гостей у него бывает немало. И для каждого из них, будь то школьник из Грицова или спецкор «Сельской жизни», открыто буквально всё – многочисленные скульптуры, немногие картины, душа и мечты. А он ведь не только скульптор, художник, но и музыкант!

– Ещё учась в школе в родной деревне, а потом в Сталиногорске (нынешний Новомосковск), – говорит он, – «заболел» я любовью к искусству. Тогда же и стал пробовать свои силы сначала в оформлении стенных газет, потом в карандашных рисунках с натуры, в неказистых акварелях. Это моё увлечение скоро заметили, и учительница рисования по окончании десятилетки посоветовала пойти в художественную школу.

Но у нас, мальчишек, под впечатлением тревожных мировых событий, появилось тогда горячее увлечение военной службой. Мы с товарищем отправили ещё из девятого класса заявление в одно из ленинградских училищ. Через некоторое время нам прислали условия приёма в училище, расписание экзаменов, а в конце документа значилось, что общежитием для иногородних училище не располагает. Для нас же это было всё.

После десятилетки по совету учительницы написал заявление в Академию художеств в Ленинград и опять получил отказ. А из Московского художественного института сообщили, что там на текущий год объявлен только закрытый приём выпускников художественных школ и техникумов. Вот поэтому-то и пришлось ограничиться поступлением в Московский химико-технологический институт. К сожалению, окончить его помешала война.

Двадцатитрёхлетний студент А. И. Романов вскоре оказался на фронте, да ещё в давно полюбившейся артиллерии.

– Мне до самого города Сумы на Украине благополучно пришлось дойти, – вспоминает он. – А тут как резанул осколок вражеский по позвоночнику, и оказался я в госпитале.

Очень много сил и времени пришлось потратить, чтобы поставить молодого парня хоть мало-мальски на ноги. Да и от самого больного потребовалось большое напряжение воли. Перед его глазами стоял живой пример Алексея Маресьева, рассказ о котором Романов тогда услышал.

Не покидала мысль о художественном творчестве. Ведь в институте, да и на фронте не расставался он с карандашом, блокнотом. О своём увлечении рассказал госпитальной библиотечарше Нине Васильевне Мокроусовой, которая принесла ему карандаши, краски, глину. Делал наброски, зарисовки. Потом начал лепить фигурки людей, зверей. Трудно всё это давалось больному, недвижимому человеку. Но он не сдавался, упорно работал. Буквально глотал одну книгу за другой. И в перерывах между чтением лепил. Шёл от простого к сложному.

Появились довольно интересные композиции «Разведчик», «Медсестра», «В засаде», «Десантники», «Партизан с трубкой». Две последние были позже представлены на областной выставке.

В 1950-х годах, попав в родную деревню, А. И. Романов с жаром принялся изучать её жизнь. Часто его можно было видеть на фермах, где он наблюдал людей. А вскоре из-под его резца и удивительно гибких пальцев появляются деревянные и гипсовые скульптуры: «Колхозный сторож», «Свинарка», «Конюх», «Кузнец». С настроением выполнены работы «Голова девушки», «На уборке урожая», «Матрос с «Авроры», пейзажные зарисовки окрестностей Уваровки, речек Шата и Шатца.

Александр Иванович ощущает помощь местных органов власти, правления колхоза, а также областного научно-методического центра народного творчества.

– Их поддержка окрыляла, – говорит он. – Мне не только специальную литературу присылали, но и гипс, пластилин, краски. Не менее ценны были советы – не только профессиональные, но ещё и тёплые, душевные.

Он создаёт выразительные скульптуры «Косарь», «Молодая телятница», «Непокорённые» и другие, которые с успехом демонстрировались на областных, а потом и на Всесоюзной художественной выставках.

В 1956 году Александр Иванович отдыхал и лечился в Крыму. Благодаря заботам и искусству врачей он тогда очень поправился, в хорошем настроении возвращался в родную Уваровку. А здесь ждала новая радость: его работы на Всесоюзной выставке были удостоены Почётной грамоты и премии. С. Коненков рекомендовал талантливого скульптора-самоучку для вступления в Союз художников. Вторая рекомендация была от Мотовилова. Для него это стало новым импульсом творчества.

Рано встаёт Александр Иванович. Внимательно наблюдает деревенские будни. Вот пропылило колхозное стадо, за околицей в поле гудят тракторы, снуют наполненные зерном автомобили. И всё это он отражает в этюдах, фрагментах, набросках.

Одним из любимых своих произведений А. И. Романов считает «Левшу». Узкий ремешок на лбу, лямка фартука на жилистой шее, хитрый прищур умных глаз и ювелирный молоточек в чуткой руке. По первым фотографиям самодельный художник создал образ вождя Кубинской революции Фиделя Кастро, а позже на рабочем столе ваятеля появился гипсовый бюст Луиса Корвалана.

У Александра Ивановича большие творческие планы. Мечтает, в частности, создать композицию, посвящённую уборке урожая, он уже несколько лет работает над этим произведением.

Есть у него большое желание сделать скульптурный портрет доярки Клавдии Соколовой, которая вот уже около двух десятков лет ходит мимо, за несколько километров, на ферму, а

оторваться от дел хоть на несколько сеансов для позирования не может.

Однако, хотелось в заключение сказать и несколько горьких слов. О талантливом человеке, инвалиде войны, в последние годы, к сожалению, совсем забыли те, кто обязан о таких людях заботиться. Не появляются у него больше представители областного научно-методического центра народного творчества. Нуждается он и в том, чтобы ему помогли в доставке материалов для работы и лепки. В Венёве вот уже несколько лет существует районный музей. Для него у Романова есть немало экспонатов, которые он мог бы передать за умеренное вознаграждение. Но помочь сделать это пока никто «не догадался». Романов мог бы участвовать в различных выставках. К сожалению, на них его никто не приглашает⁴¹.

Рудневы

Родина контр-адмирала

Очень скромно и неприметно разбросала между сёлами Гремячее и Савино на восточной окраине Тульской области свои строения небольшая деревушка Яцкое. По окружившим её грунтовыми дорогам и асфальтированными автомагистралями днями и ночами мчатся легковые и грузовые машины, автобусы, но очень мало кто из пассажиров обращает внимание на эту деревню. А она, между прочим, имеет богатую историю, интересна тем, что здесь 31 августа (19-го по старому стилю) 1855 года родился знаменитый герой русско-японской войны, командир легендарного крейсера «Варяг» контр-адмирал Руднев Всеволод Фёдорович.

Ещё в писцовых книгах Ясенецкого стана Венёвского уезда 1571–1572 годов упоминается здесь «деревня Василья да Рудака Яцких, а в ней двор княж Ивановского (Мстиславского – М. Б.) человека, четыре двора крестьян, да 16 дворов пустых; пашни в поле добрые, земли 25 четьи да дикого поля 250 четьи... сена по дикому полю 500 копен, лесу присады черного пять десятин, да дубрового лесу 12 десятин». Однако из-за того,

⁴¹ Бороздинский М. Таланты надо беречь? // Коммунар. 1983. 4 дек. С. 4.

что стояло Яцкое с соседними деревнями и починками «на диком поле с приходу крымских воинских людей», а «крепостей и острогов у них нет», как свидетельствовали писцы, то «дети боярские, коширяне и туляне, в вотчины их не брали».

Но вот после «смутного времени» начала XVII века, в 1616 году, в самом начале царствования династии Романовых, здесь появляются представители служилых дворян Рудневых. Кто основатель рода, сейчас установить трудно. Но известно, что многие из Рудневых были моряками, военными сухопутных войск и не раз отличались в боях с врагами.

В воспоминаниях Всеволода Фёдоровича, опубликованных в 1908–1912 годах в журнале «Русская старина», в книге его сына Ивана Всеволодовича об отце и других материалах утверждается, что морское поколение Рудневых началось с матроса Семёна Руднева, отличившегося при штурме крепости Азов в 1699 году, за что он был пожалован Петром I в офицерский чин. Но вот по данным шестой подушной переписи населения (ревизии) 1811 года в Венёвском уезде были Рудневы не только моряки, но и другие чины военного и гражданского ведомств.

Прадедам Всеволода Фёдоровича в то время принадлежали здесь небольшие имения в сельце Никольское, Домнино тож, а также в деревне Рудяевке и сёлах Прудки и Мижоновка. Один из них, подпоручик Владимир Иванович Руднев, имел шесть душ крепостных в сельце Прудки, а его жена Фиона Ивановна – единственного крепостного мужика в сельце Никольское.

Что же касается деда Всеволода Фёдоровича, Николая Владимировича Руднева, который в 1811 году был подполковником, то его имение в 15 душ крепостных находилось тогда в деревне Комельково.

Как видим, Яцкое в начале XIX века нельзя было считать родовым имением Рудневых. Здесь в то время главным владельцем был действительный статский советник и действительный камергер князь Урусов Александр Михайлович, которому вкупе с сельцом Савино принадлежало 386 душ крепостных мужиков.

Что же касается отца командира «Варяга» Фёдора Николаевича, то он в 1811 году был в «ревизских сказках» обозначен вместе с братом Александром в числе малолетних дворян, за которыми было записано по пять душ крепостных в деревне Комельково.

К 1855 году, когда появился первый ребёнок Всеволод, Фёдор Николаевич прошёл большую школу сражений на Чёрном и Средиземном морях в русско-турецкой войне 1828–1829 годов, а в 1857 году в звании капитана I ранга он вышел с правом ношения мундира на пенсию.

Но утверждение, что Рудневы поселились после этого в деревне Яцкое, вызывает сомнение. Дело в том, что по «Приложениям к трудам редакционных комиссий для составления приложений о крестьянах, выходящих из крепостного права», деревня Яцкое в Холтобинской волости Венёвского уезда опять-таки числится с селцом Савино во владении Урусовых, которым здесь принадлежало 354 души крепостных и 964 десятины земли. Рудневы же уставную грамоту на переход крестьян из крепостной зависимости во временнообязанное состояние составляли только по деревне Комельково Урусовской волости.

По этой грамоте ими было в 1891 году переведено во временнообязанных 34 крепостных мужика с земельным наделом в 99 десятин, а с ноября 1864 года эти крестьяне стали, как тогда именовали, «вольными хлебопашцами».

По приходским спискам 1857 года в деревне «Яцкое на пруду» значились один прихожанин военного ведомства, 34 казённых и 84 помещичьих крестьян. Но вот как эти 34 бывших крепостных оказались в числе казённых крестьян остаётся загадкой. Не Рудневы ли освободили их, не дождавшись общегосударственной реформы об отмене крепостного права?

В 1864 году не стало отца – контр-адмирала Фёдора Николаевича. А вскоре после этого выехала в г. Любань под Петербург и его жена Александра Петровна с семьёй. Но связи Рудневых с родной землёй не прекращались.

После увольнения в отставку за потворство матросским митингам в 1905 году Всеволод Фёдорович Руднев поселился в

селе Никольском Алексинского уезда, где 20 (7) июля 1913 года и был похоронен.

На родине же его многих поселений, связанных с фамилией Рудневых, не стало. Но сохранилась и до сих пор здравствует деревня Яцкое. Она входит сейчас в состав Новомосковского района. И здесь, нам кажется, надо бы поставить памятный знак о бесстрашном русском моряке Всеволоде Фёдоровиче Руднев⁴².

Из родословной контр-адмирала

Рудневы. Кто не знает, кому не известна ныне эта широко распространённая в народе русская фамилия? Но, к сожалению, мало кто знает, что зародилась она в наших, тульских и рязанских местах.

В исследованиях старинных русских родословцев почти ничего нет по истории этой фамилии. Не раскрывается она и в изданиях современных этимологов, таких, например, как популярный этимологический словарь Ю. А. Федосюка «Русские фамилии» 1972 года издания, «Из истории русских имён и фамилий» Е. Н. Поляковой 1975 года, «Русские фамилии тюркского происхождения» Н. А. Баскакова 1979 года, «Современные русские фамилии» А. В. Суперанской и А. В. Суслова 1981 года и других.

А в Государственном архиве Тульской области (ГАТО) хранятся между тем до трёх десятков дел о внесении Рудневых в родословные книги тульского дворянства.

В словаре Юрия Федосюка происхождение фамилии Рудневых, как и Рудаковых, предполагается от русских слов «рудак», «рудень» – «рудой», то есть рыжий. В наших же краях на основе рода Рудневых были три ветви, одна из которых начиналась Замятней (Филиппом) Ивановичем Рудневым, получившем в 7124 (1615) году ввозную грамоту на пустошь Ятцкую в Венёвском уезде, вторая – Савелием Рудневым, пожалованным поместьем по писцовой книге Венёвского уезда 7180 (1671) года, третья – Афанасием Рудневым в XVII веке.

⁴² Бороздинский М. Родина контр-адмирала // Новомосковская правда. 1984. 18 авг. С. 2.

Выписки об этом до сих пор хранятся в делах Рудневых по фонду № 39 тульского губернского дворянского собрания. А вот кто из них был рыжим, остаётся загадкой. Возможно, тот самый Замятня Иванович, который называется «рязанец»? Он, как родоначальник Рудневых, и представляет определённый интерес.

В дошедших до нас сведениях ничего не упоминается ни о семейном его положении, ни о служебных делах. Однако по времени его появления в наших краях можно предположить, что он внёс определённую лепту в ликвидацию последствий так называемого «смутного времени», за что и удостоился ввозной награды.

У Замятни было два сына – Семён и Анисим, первый из которых в 7155 (1646) году тоже назывался рязанцем. А вот Семёнов сын, Евдоким, родившийся после 1657-го года, был записан рейтаром, т. е. конным всадником в рейтузах с лампасами и кожанной обшивкой, по городу Туле. Женат он был на Авдотье Исаевой, дочери Марковой.

У Евдокима Семёновича и Евдокии Исаевны было шесть сыновей и дочь Марфа. Старшим был Митрофан, за ним Никита, около 1712 года родился Алексей, потом Афанасий, около 1717-го Иван и младший Аксентий. Для нас же интересен прапорщик Иван Евдокимович, женатый на Матрёне Павловой неизвестной фамилии.

Иван Евдокимович имел единственного сына Владимира, который в 1771-м году известен как армейский подпоручик и венёвский помещик, а также дочь Устинью, в замужестве за Варламом Григорьевым. Однако помещиком он был очень мелкопоместным. По ревизским сказкам 3-й Всероссийской подушной переписи Венёвского уезда 1763-го года известно, что за ним в сельце Прудки, Межоновка тож было всего лишь пять душ мужского пола и столько же женского, т. е. один или два крестьянских двора.

Но вот у Владимира Ивановича, женатого на Марии Прокофьевой Межениновой, был целый выводок Рудневых. Старший его сын, секунд-майор Антон был венёвским земским исправником, за ним шёл поручик Яков, Николай же,

родившийся в 1759-м году, дослужился до полковника, женат он был на Марфе Егоровне Янковской. Затем был подпоручик Никита, женатый на Аграфене Семёновне Соболевой, потом Данила Владимирович – капитан-лейтенант, дочь Дарья, капитан Иосиф, женатый на Анне Платоновне Гришенской по второму браку, и Григорий Владимирович.

Это были деды командора В. Ф. Руднева, которых, скорее всего, можно назвать не помещиками, а дворянами-однодворцами. Родным же дедом из них был Николай Владимирович, который явился с Марфой Егоровной достойным продолжателем рода Рудневых.

По ревизским сказкам 4-й Всероссийской подушной переписи 1782-го года за Владимиром Ивановичем значилось в селце Прудки только три мужчины и пять женщин.

Что же касается селца Яцкого, то в нём по 3-й ревизии 1763 года 51 крестьянин и 56 крестьянок принадлежали Богдану Васильевичу Умскому, а в 1780-м пошли в приданое его дочери Александры, выходявшей за надворного советника Якова Осиповича Ковтерева. В 1782-м году за нею здесь уже было 68 мужчин и 77 женщин.

Здесь же, рядом с селцом, находилась деревня Яцкая, в которой в 1763-м году проживало 26 душ мужского и 24 женского пола экономических крестьян, в основном Рудневых, а в 1782-м году их соответственно насчитывалось 25 и 28 душ.

В этой же деревне 41 крестьянин и 32 крестьянки в 1763-м году принадлежали статскому советнику и камергеру Петру Ивановичу Вырубову с сыном Александром, а к 1782-му году их число возросло соответственно до 51 и 49 человек.

Старший сын Николая Владимировича и Марфы Егоровны был назван Александром. Он дослужился до штабс-капитана. А за ним родился Фёдор Николаевич, будущий капитан 1-го ранга и отец знаменитого командира крейсера «Варяг» Всеволода Фёдоровича Руднева. Женат он был на Александре Петровне Капустиной.

Были у Николая Владимировича и ещё два сына: коллежский советник Андрей, женатый на Любове Васильевне Романус, и младший Илья, о котором очень мало известий.

Кроме того, были дочери: Мария, Елизавета, Екатерина, Авдотья и Варвара. Так что дядей и тёток у будущего контр-адмирала было предостаточно. Но вот богатыми их тоже не назовёшь...

В ревизских сказках шестой подушной переписи 1811-го года за подпоручиком Владимиром Ивановичем значилось в сельце Прудки, Межоновка тож шесть крепостных мужиков, за подполковником Николаем Владимировичем 15 мужиков в деревне Комельково, за малолетними Александром и Фёдором Николаевичами по пять мужиков в той же деревне.

У капитана 1-го ранга Ф. Н. Руднева и его жены Александры Петровны старшим был Николай Фёдорович (1845-1895), женатый на Людмиле Яковлевне Процианко, который дослужился до полковника. Но более известным стал его младший брат Всеволод Фёдорович (1855-1913), о котором написано немало биографических статей и книг. Родословная же его, к большому сожалению, до сих пор мало кому известна.

По свидетельству биографов, в том числе и родного его сына Николая Всеволодовича, будущий контр-адмирал родился в сельце Яцкое Венёвского уезда, т. е. в том самом месте, которое ещё в 1615-м году было пожаловано его прапращуру, основателю рода Рудневых. И это, конечно же, символично. Вот отсюда-то, из самого, можно сказать, центра Средне-Русской возвышенности, и пошла морская слава Рудневых, которой нам, их землякам, нельзя не гордиться!

Однако по ревизским сказкам 7-й подушной переписи 1816-го года известно, что имение Николая Владимировича Руднева и его сыновей Александра и Фёдора оставалось в сельце Комельково Троицкого прихода села Шишлова. Отцу здесь принадлежала одна семья дворовых людей в числе одного мужчины и трёх женщин, а также 15 крепостных крестьян и 14 крестьянок, старшему сыну Александру – пять мужиков и шесть женщин, младшему Фёдору – семь мужиков и семь женщин.

В деревне же Яцкой, объединившейся, скорее всего, с селцом Яцким, в пяти дворах проживали 18 мужчин и 12 женщин государственных крестьян Рудневых, а также пять мужчин и четыре женщины в двух дворах, принадлежащих

коллежскому регистратору Гавриле Ивановичу Полунину, 33 мужчины и 26 женщин в восьми дворах, принадлежащих обер-гофмейстеру и сенатору князю Александру Михайловичу Урусову, дворový человек Антон Александрович с женой Натальей Дмитриевной, принадлежавшие Прасковье Семёновне Фон-Нортштерн.

В связи с этим надо полагать, что Всеволод Фёдорович Руднев родился в сельце Яцком не в родительском доме, а у кого-то из родственников, обратившихся в государственных крестьян. Ведь отец-то его больше находился на море, чем на земле! А это даёт возможность предполагать, что здесь, в сельце Яцком, прошли не только первые месяцы, но и первые годы жизни будущего адмирала.

В 1876-м году В. Ф. Руднев окончил в Петербурге Морское училище, а в 1877-м, после заграничного плавания на фрегате «Петропавловск», он был произведён в мичманы. В 1880-1883 годах Всеволод Фёдорович совершил кругосветное плавание на крейсере «Африка», а в дальнейшем плавал на кораблях почти всех классов и занимал должности от вахтенного начальника до командира броненосцев береговой обороны «Адмирал Грейг» и «Чародейка».

В конце 1880-х годов, когда о В. Ф. Рудневе пошла слава по всему флоту и он почувствовал твёрдую почву под ногами, он женился на Марии Николаевне Шван, а в 1890-м году у них родился сын Николай, в 1896-м – Георгий, в 1905-м – Пантелеймон.

У Всеволода Фёдоровича, кроме старшего брата Николая, были сёстры: Ольга, родившаяся в 1847-м году, которая находилась в замужестве за Павлом Павловичем Муфель, Мария, 1848-го – за Иваном Петровичем Покровским, Александра с 1851 года – за Александром Андреевичем Гейзот. Он очень доброжелательно относился к своим родным и близким, не раз оказывал в нужде не только моральную, но и материальную помощь.

В 1900-м году В. Ф. Руднева назначили помощником командира военного порта в Порт-Артуре, а в 1901-м произвели в капитаны 1-го ранга, в 1902-м он стал командиром лучшего

русского крейсера «Варяг», который 27 января (9 февраля) 1904 года вступил вместе с канонерской лодкой «Кореец» в неравный бой с японской эскадрой около корейского порта Чемульпо (Инчхон)...

Этот бой навсегда остался в песнях и душах русского народа.

В нынешнем году 19(31) августа исполнилось 145 лет со дня рождения знаменитого нашего земляка. Совсем немного остаётся и до его 150-летия. И это обязывает нас к тому, чтобы воздать на родине прославленного контр-адмирала В. Ф. Руднева достойно заслуженную им память⁴³.

О мореходах Рудневых

1. О месте рождения В. Ф. Руднева

Ещё 27 августа 1993 года в «Новомосковской правде» была напечатана моя статья «Из родословной контр-адмирала», посвящённая 138-й годовщине со дня рождения известного нашего земляка, командира легендарного крейсера «Варяг» Всеволода Фёдоровича Руднева. Именно тогда же появилось и сомнение о рождении его 19 (31) августа 1855 года в дер. Яцкой бывшего Венёвского уезда, а ныне Новомосковского района. И это потому, что с 1833 года ни дед В. Ф. Руднева подполковник Николай Владимирович, ни отец капитан морского флота 1-го ранга Фёдор Николаевич, ни сам контр-адмирал не имели к Яцкому никакого отношения.

«В связи с этим надо полагать, – говорилось в статье, – что Всеволод Фёдорович Руднев родился в селце Яцком не в родительском доме, а у кого-то из родственников...», ибо нельзя было не верить родному его сыну Николаю Всеволодовичу, издавшему в 1960 году в Туле книгу о своём отце «Командир легендарного крейсера», биографическим статьям о нём в «Больших Советских Энциклопедиях», надписи на стеле за памятником В. Ф. Рудневу у входа в парк культуры и отдыха на Октябрьской улице в Туле, где единодушно утверждалось, что родился в селце или деревне Яцкой Венёвского уезда. На деле

⁴³ Бороздинский М. Из родословной контр-адмирала // Новомосковская правда. 1990. 22, 23 нояб. ; 1993. 27 авг.

же оказалось, что это неправда. Туляков, выходит, да и всю общественность страны, сначала по незнанию, а потом, когда издавалась книга, скорее всего умышленно, обманули.

Сомнения о рождении В. Ф. Руднева в сельце или деревне Яцкой, объединявшихся в одном поселении, высказал 10 февраля 1994 года в газете «Тульские известия» № 27 и бывший директор Тульского областного краеведческого музея В. И. Боть в статье «Во славу Российского флага», посвящённой 90-летию героического сражения русских моряков крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» 27 января (9 февраля) 1904 года против японской эскадры у корейского порта Чемульпо (ныне Инчхон).

«Выходец из дворян Тульской губернии, Всеволод Фёдорович родился 19 августа 1855 года, – писал он, – когда отец его, капитан второго ранга Фёдор Николаевич Руднев состоял командиром Рижской брандвахты, т. е. где-то в районе Риги. Однако это требует дальнейшего изучения», хотя сомнение это ещё в 1904 году было развеяно первым биографом В. Ф. Руднева в газете «Тульские епархиальные ведомости» № 10 от 15 мая и в журнале «Тульская старина» № 15.

Именно тогда ещё однофамилец или родственник командира крейсера «Варяг» М. Н. Руднев писал в своей статье «Герой Чемульпо, флигель-адъютант Всеволод Фёдорович Руднев», что родился он «19 августа 1855 года, когда отец его состоял при Рижском порте командиром брандвахты. Это записано в метрической книге Динаминдской церкви. Мать Всеволода Фёдоровича звали Александрой Петровной».

Кроме этой биографической статьи, факт рождения В. Ф. Руднева не в сельце или деревне Яцкой бывшего Венёвского уезда, а именно на Рижском взморье, подтверждается целым рядом документов, хранящихся в госархиве Тульской области, в том числе свидетельством о рождении.

«При Динаминдской крепостной Спасопреображенской церкви в метрической книге, в первой части о родившихся 1855 года, – сказано в нём, – в графе мужеска пола под № 6 (записано) рождение и крещение Всеволода, сына командира

Рижской Брандвахты, капитана 2 ранга Фёдора Николаевича Руднева так:

Тысяча восемьсот пятьдесят пятого года, августа девятнадцатого дня родился и того же года третьего сентября крещён Всеволод, коего родители: командир Рижской Брандвахты, 21 флотского экипажа капитан 2 ранга Фёдор Николаев Руднев и законная его жена Александра Петрова, оба православного вероисповедания.

Восприемниками его при святом крещении были: 23-го флотского экипажа лейтенант Георгий Иванов Костенко и того же экипажа лейтенанта Анастасия Николаевна Стафополо жена Олимпиада Николаева.

Крещение совершил священник Иоанн Стефанов Тихомиров с причетником Петром Сперенским.

Крепость Динамид, июля 9 дня 1856 года». (ГАТО, ф. 39, оп. 2, д. 1971, л. 77).

Так что же это такое – крепость Динаминд? В. И. Боть, бывавший на Рижском взморье, пытался отыскать её, но, однако, даже коренные рижане, по его словам, не могли помочь ему. Забыли, оказывается, тот форпост, который на протяжении веков охранял Ригу, как Кронштадт город Петра Великого, от непрошенных морских гостей. Ещё при Петре Алексеевиче она явилась яблоком раздора между Россией и Швецией из-за того, что здесь, вернее в Риге, крайне недоброжелательно было встречено Великое посольство за границу. А потом здесь находилась в заточении правительница России при малолетнем царе Иване VI Автоновиче, его мать Анна Леопольдовна с мужем и семьёй. В середине же XIX столетия она стала местом рождения В. Ф. Руднева и смерти его отца.

Так что же, В. Ф. Руднев, выходит, не является нашим земляком? Сооружение и открытие памятника ему в Туле было ошибочным и незаконным? Именно эти вопросы, нам кажется, с открытием подлинного места рождения командира легендарного крейсера «Варяг» должны быть наиболее волнительными для нас, туляков и всё же его земляков. Да-да, именно так, В. Ф. Руднев хоть и родился в Латвии, в крепости Динаминд, но он всё-таки был и остаётся нашим земляком.

Именно это подтверждают хранящиеся в ГАТО документы и личные письма, всё поведение, отношение В. Ф. Руднева к Тульскому краю, к нашей земле.

II. Родная земля

Ещё до того, как последний из помещиков Рудневых, Семён Миронович, продал в сельце Яцком своё имение из пяти мужских и пяти женских душ крепостных подпоручику корпуса жандармов Дмитрию Андриановичу Лихачёву, дед В. Ф. Руднева, Николай Владимирович, купил в 1810 году у коллежского регистратора Василия Семёновича Максимова небольшое имение в деревне Комельково, находившееся у села Шишлово, а в ревизию 1811 года за ним здесь было записано двое дворовых мужского пола и тринадцать крестьян в шести дворах, не считая женщин, которые на сей раз не учитывались.

Вместе с тем по пяти мужских душ, как родительское награждение, были записаны в эту ревизию за его малолетними сыновьями – Фёдором и Александром. Вон, следовательно, когда, ещё в 1811-м отец будущего командира крейсера «Варяг» стал помещиком Венёвского уезда. Тогда же, в малолетстве, он был записан здесь и в VI часть, самую древнюю, Дворянской родословной книги Тульской губернии.

«Деревни Комельковой малолетнего дворянина Фёдора Николаева сына Руднева крестьяне: Сергей 57 лет, Павел 44-х, Филипп 33 лет, Ивановы дети, – свидетельствует ревизская сказка № 52 Венёвского уезда 1811 года, – Сергея Иванова внук незаконнорождённый от дочери ево девки Аграфены Ефим, по крёстному отцу Петров, трёх лет». (ГАТО, ф. 380, оп. 1, д. 1, лл. 229-232). Так разве же это не говорит о связях деда и отца В. Руднева с нашим краем не по сельцу Яцкову, а по деревне Комельковой?

Именно отсюда, из дер. Комельковой, в 1817 или 1818 годах Ф. Н. Руднев уехал на учёбу в Морской корпус, где в 1822-м стал гардемаринном, в 1825-м – унтер-офицером, в 1826-м – мичманом, а в 1831-м – лейтенантом.

На год позднее после него вступил в тот же Шляхетский Петербургский Морской корпус младший его брат, Андрей Николаевич, который тоже дослужился до лейтенанта, вместе с

ним участвовал в морских походах, в русско-турецкой войне 1828-1829 годов, но в 1831-м, в связи со смертью отца, он вышел в отставку, став венёвским помещиком, потом и уездным судьёй. Фёдор же Николаевич неизвестно как лишился своего Комельковского имения.

Хранящийся в ГАТО формулярный список Ф. Н. Руднева от 28 августа 1857 года свидетельствует, что только 6 декабря 1841 года он был произведён в капитан-лейтенанты, а 16 октября 1846-го стал командиром транспорта «Або», 16-го же марта 1849-го по собственному прошению уволен от службы «за болезнью» капитаном 2-го ранга. И это сильнейший и непоправимый удар по здоровью, самолюбию и всей его жизни.

В чём же дело, почему Ф. Н. Руднев вынужден был уйти со службы? Одной из причин, конечно же, была болезнь, но больше того непризнание его в офицерской среде потомственным дворянином. Ведь он, будучи женатым на Александре Петровне Капустиной и имея детей, не имел никакого поместного владения. В связи с этим ему и податься то с семьёй некуда было.

Неизвестно как, но целый год Ф. Н. Руднев был не у дел. А потом, взвесив сложившиеся обстоятельства, вынужден был подать начальству рапорт о возвращении на службу. Просьбу его удовлетворили. 29 марта 1850-го его приняли, но не на флот, а ассессором в Комиссию Санкт-Петербургского Военного суда с состоянием на учёте и довольствии майором по ластовым экипажам.

Не по душе, конечно, была опытному моряку, избородившему на разных судах многие моря и океаны, эта судебная должность, он мечтал о море. А 31-го октября 1851-го был назначен в 21 флотский экипаж, базировавшийся в Рижском порту, с переименованием в прежние же капитан-лейтенанты, на должность командира брандвахтенной шхуны «Снег». И дело у него, казалось бы, пошло хорошо.

За отличия в боях и по службе Ф. Н. Руднев был награждён орденами св. Станислава 3-й степени, св. Анны 3-й степени, Кавалерийским Крестом Франциска 1-го, пожалованным по высочайшему разрешению королём Обеих

Сицилий за доставление в 1846 году двух знаменитых бронзовых конных фигур П. К. Клодта в Неаполь, орденом св. Георгия Победоносца, наконец, и многими медалями. 6-го же декабря 1853 года он стал капитаном 2-го ранга и командиром Рижской брандвахты, содействовал более успешному ходу со стороны России так называемой Восточной, или Крымской, войны.

Несомненно, радостным событием для отца было и появление за старшими детьми Николаем, Ольгой, Марией и Александрой последнего сына Всеволода. Однако радость эта оказалась короткой. 25 марта 1857 года Ф. Н. Руднев высочайшим приказом № 136 был уволен от службы «за болезнью» с мундиром, пенсионом половинного оклада жалования по двести пятнадцати рублей серебром в год и с присвоением очередного звания капитана 1-го ранга. Однако 24 ноября того же, 1857 года, он «волею Божьей от болезни чахотки лёгких скончался», а 27-го погребён на Тентелевском православном кладбище.

III. Переезд семьи в Венёв

Овдовевшая Александра Петровна, естественно, оставаться с пятью малолетними детьми в латышской крепости не могла и рассчитывала на помощь со стороны младшего брата своего мужа Андрея Николаевича, владевшего в Комелькове наследственным имением. Именно поэтому она получила 4-го января 1858 года бессрочный паспорт с детьми и выехала в Венёв.

В связи с тем, что старшие дети её подошли к определению на службу и учёбу, здесь встал вопрос о записи их в потомственное дворянство. И дядя их, Андрей Николаевич, тут же принял соответствующие меры.

«Покойный родитель мой, подполковник Николай Владимирович Руднев, состоит записанным в Дворянскую родословную Тульской губернии книгу, в 6-ю часть, – написал он в «Прошении дворянскому собранию», – а ныне желаю и я так же быть записанным с семейством своим и малолетними племянниками моими, для чего прилагаю у сего копию с формулярного списка о службе моей, указ об отставке умершего

брата моего, капитана 1 ранга Фёдора Николаевича Руднева, четыре метрических свидетельства и копии с них о рождении детей его...» Однако добиться скорого решения не сумел. Да это и естественно. Ведь для записи в потомственное древнее дворянство 6-й части требовались доказательства о непрерывном наследственном владении именьями со времён отмены местничества в 1682 году. У Рудневых же таких доказательств не было.

Дети Ф. Н. Руднева, тем не менее, пользовались привилегиями, предусмотренными для служилого дворянства. На основании их старший его сын Николай был определён на учёбу и в военную службу, которую закончил подполковником. В привилегированных заведениях для дворян учились дочери, потом и младший сын Всеволод.

Из-за того, что отец венёвского судьи А. Н. Руднева и дед по Тульской губернии значились потомственными дворянами VI части, 14-го июля 1860 года Тульским депутатским дворянским собранием было принято решение под № 4690, по которому семья Андрея Николаевича тоже была принята в дворянство с записью в VI часть Дворянской родословной книги. Но при проверке этого решения в Департаменте герольдии Правительствующего сената оно было отменено из-за отсутствия доказательств потомственного перехода имений от Семёна Замятнина к Евдокиму Рудневу ещё в XVII веке и потом, а также из-за того, что Рудневы представили в Герольдию единственный патент о пожаловании в 1772 году Фирса Галактионова в прапорщики. О племянниках же его даже не упоминалось. Они, скорее всего, к этому времени выехали вместе с матерью из Венёва в г. Любань, где проживал её брат. Вот оттуда-то, видимо, младший сын Всеволод и был потом определён в бывший Морской кадетский корпус, переименованный в Морское училище.

Встав в 1872 году по примеру отца на морской путь, Всеволод Фёдорович, как и он, прошёл большие испытания, о которых рассказано в статье М. Н. Руднева в 1904 году, а в возрасте 33 лет женился на дочери капитана 1-го ранга Марии Николаевне Шван, которая в 1890-м году родила сына Николая,

а в 1896-м – Георгия. И это тогда же натолкнуло их отца, уже капитана 2-го ранга, на мысль позаботиться об их потомственном дворянстве.

IV. Дворянские мытарства

«Желая приписать своих детей к дворянству Тульской губернии (не Питерской и никакой другой, как видим, а именно Тульской, которую он считал своей потомственной родиной – М. Б.), – писал он 22 октября 1897 года на типографском бланке командира броненосца береговой обороны «Адмирал Грейг» в Тулу, – обращаюсь с покорнейшей просьбой к Депутатскому собранию не оставить меня уведомлением, куда я должен направить о том прошение и какие документы следует приложить.

По формулярному списку я числюсь потомственным дворянином Тульской губернии: отец мой флота капитан 1-го ранга, сам состою также во флоте, капитан 2-го ранга. В случае, ежели покойный отец мой не озаботился внесением меня в дворянские книги, то я желал бы обратиться с просьбой сделать это в настоящее время.

Детей имею двух сыновей: 1. Николая (8 лет), крестник Его императорского величества Государя императора (Александра III – М. Б.); 2. Георгия (1 года), крестник Её величества королевы Эллинов (т. е. Ольги Константиновны – дочери вел. кн. Константина Николаевича (1827-1892), генерал-адмирала, управлявшего Российским флотом и морским ведомством – М. Б.).

Адрес для ответа при сём прилагаю.

Капитан 2-го ранга Руднев». (ГАТО, ф. 39, оп. 2, д. 1977, л. 149).

Здесь же, на отдельном листочке бумаги, и адрес: «Санкт-Петербургской губернии г. Кронштадт. 11-й флотский экипаж. Командиру броненосца «Адмирал Грейг» капитану 2-го ранга Всеволоду Фёдоровичу Рудневу».

Однако ответ из Тулы последовал только в феврале 1898 года, в котором сообщалось, что к запросу от 22 октября 1897-го «необходимо доставить сведения об имениях и чинах деда и прадеда Ваших, без каковых сведений (дворянское) собрание не

может быть положительного ответа...» (Там же, лл. 150-151.). А так как этот ответ В. Ф. Руднева в Кронштадте не застал, то в Тулу вместо него пришлось писать жене.

«Довожу до сведения Тульского дворянского собрания, что мой муж с января месяца за границей, – сообщала она, – в Тихом океане, и, хотя я переслала ему копию запроса Собрания, но ответа пока нет. А я, хотя и наводила справки, но ничего не узнала по поводу вопросов, изложенных в бумаге от 18 февраля за № 196.

Единственное, что мне известно о ближайших родственниках мужа со стороны отца, – это деда его звали Николай и что родной дядя мужа, Андрей Николаевич Руднев, помещик Тульской губернии; мне кажется, что он мог бы дать нужные справки.

Жена капитана 2-го ранга М. Руднева.

20 апреля 1898 г., г. Кронштадт, Княжеская ул., дом Бодылева». (Там же, л. 152).

Отвечал на эту бумагу из Тулы сам В. Ф. Руднев, но в делах о дворянстве такого не нашлось. Но зато сохранился ответ на него из Дворянского собрания В. Ф. Рудневу от 18 августа 1898 года, в котором сказано:

«...Род Рудневых, в том числе и отец Ваш, капитан 1-го ранга Фёдор Николаевич Руднев, будучи малолетним, хоть и внесён в 6-ю часть дворянской родословной книги Тульской губернии, но Правительствующим сенатом в древнем дворянстве не утверждён за неимением в деле доказательств о переходе у предков Ваших недвижимого наследственного крестьянского имения при деревне Яцкой Венёвского уезда, вследствие чего Дворянское депутатское собрание лишается возможности внести Вас с сыновьями Николаем и Георгием в 6-ю часть Дворянской родословной книги Тульской губернии. Но ввиду того, что покойный отец Ваш, Фёдор Николаевич Руднев, по полученному им согласию статьи 19 ПЗС (том IX) от 27 февраля 1826 года чину мичмана приобрёл сим личное право на потомственное дворянство со внесением во вторую часть родословной книги, то Вы на основании статьи 19 тома IX Свода Законов можете быть записанными с семейством Вашим

в означенную 2-ю часть родословной книги, для чего Собранию необходимо будет: а) Прощение Ваше б) Удостоверение Главного Морского штаба о (динамическом, кажется, написано неразборчиво – М. Б.) производстве родителя Вашего, Фёдора Николаевича Руднева, в чин мичмана в) Метрические свидетельства, заверенные высшим духовным начальством, о браках, Вашем и отца Вашего Фёдора Николаевича Руднева с Александрой Петровной, о рождении у Вас сыновей Николая и Георгия г) Заверенная Вашим начальством копия послужного Вашего списка д) Удостоверение градоначальника о несудимости и нелишении прав состояния Вашей супруги е) Приблизительно 12 марок 80-ти копеечных достаточно для оплаты гербовым сборам бумаг по Вашему делу и е) Шестьдесят (60) копеек канцелярских пошлин» (ГАТО, ф. 39, оп. 2, д. 1977, лл. 153-154.).

Однако эта бумага опять опоздала прибыть по назначению, так как В. Ф. Руднев с 1 марта 1898 года был переведён на должность командира мореходной канонерской лодки «Гремящий» и отправился на ней в кругосветное плавание.

«Уведомляя Дворянское депутатское собрание о получении отношения за № 995 от 18 августа с. г., – отвечал он уже 13-го ноября на типографском бланке командира канонерки «Гремящий» в Тулу, – вместе с тем имею честь сообщить, что находясь в кругосветном плавании на Дальнем Востоке, не могу представить требуемые документы.

По возвращении из плавания и получения необходимых бумаг обращаюсь с покорнейшей просьбой о внесении меня с детьми в родословную книгу дворянства Тульской губернии...» (Там же, л. 159). Так не ясно ли из этой переписки кого В. Ф. Руднев считал земляками и какую землю признавал потомственно родной?

V. Триумф или опала?

Но возвратиться в Кронштадт и Питер В. Ф. Рудневу не удалось, так как в 1900 году он был назначен помощником командира порта в Порт-Артуре, в 1901-м произведён в

капитаны 1-го ранга, а в 1902-м стал командиром крейсера «Варяг», на котором и застала его в 1904-м война с Японией.

В 1901-м, тем не менее, В. Ф. Рудневу какое-то короткое время удалось провести в родных тульских местах. Об этом свидетельствует подача им прошения в Тульское депутатское дворянское собрание и внесение его в реестр рассмотрения на 21-е декабря 1901 года под № 20. Однако рассмотрение по неизвестным причинам не состоялось (ГАТО, ф. 39, оп. 1, д. 1358, л. 10-об., № 20).

А потом, как известно, был героический бой «Варяга» и канонерской лодки «Кореец» с японской эскадрой у корейского порта Чемульпо (Инчхон) 27 января (9 февраля) 1904 года, затопление крейсера в этом порту, триумфальное возвращение варяжцев на родину и их всенародное чествование.

За беспримерный военно-морской подвиг, совершённый матросами и офицерами крейсера «Варяг» и канонерки «Кореец», которые возглавлял и всем своим поведением вдохновлял капитан 1-го ранга В. Ф. Руднев, он был удостоен самой популярной в те времена награды – ордена св. Георгия Победоносца почти со всем подчинённым ему личным составом. А вместе с тем император Николай II выразил соизволение произвести его в генерал-адъютанты, что очень недоброжелательно было встречено придворной знатью.

Судя по тому, что старших сыновей В. Ф. Руднева крестил отец Николая II и его родная тётка Ольга Константиновна, в 1890 годах он был в большом уважении и почёте при царском дворе. Только этим и можно объяснить те милости, которые посыпались на него в начале войны. Но В. Ф. Рудневу, выходящу из простой моряцкой семьи, не по душе оказались придворные этикеты, которые обязан был выполнять генерал-адъютант.

Не прельщали, а отталкивали его от высочайшего двора и те брезгливо-приторные взгляды царедворцев, которые считали нового генерал-адъютанта царя выскочкой из какого-то неизвестного и захудалого дворянского рода, не имеющего ни кола, ни двора.

В 1904 году, тем не менее, в Тульском дворянском собрании, конечно же по прошению В. Ф. Руднева, был намечен

срок нового рассмотрения его дела о вступлении в дворянство. Но оно опять по неизвестным причинам было сорвано. Возможно, даже потому, что уже 10 июня 1904 года, т. е. через несколько дней после награждения, бывший командир легендарного крейсера «Варяг» был удалён от царского двора и назначен командиром 14-го флотского экипажа и строящегося броненосца «Андрей Первозванный».

Но особенно недоброжелательно было оценено поведение В. Ф. Руднева, сочувствовавшего революционно настроенным матросам, выступавшим против самодержавия, в 1905 году. Именно тогда он отказался помогать жандармам при аресте наиболее активных зачинщиков смуты своего 14-го флотского экипажа и других, в чём морской министр А. А. Бирилев увидел «преступное отношение к части, находившейся под его командованием...»

Именно за невыполнение жандармских функций, не предусмотренных Уставом военно-морской службы, министр предложил царю уволить героя сражения у Чесмы со службы. При этом он подчёркивал, что «в настоящее время общей беспорядочности такой пример был бы полезен».

Николай II, конечно же, поддержал министра. В тот же день доклада, 28-го ноября 1905 года, он подписал высочайший приказ об увольнении своего генерал-адъютанта В. Ф. Руднева от службы с производством в контр-адмиралы.

VI. Ошибка или умысел?

Оказавшись не у дел, пятидесятилетний контр-адмирал, естественно, решил побывать на своей потомственной родине, где всё ещё продолжал жить в Венёве и Комелькове родной его дядя, Андрей Николаевич. Как знать, может, в этот приезд В. Ф. Руднев надеялся получить от дяди часть имения, составлявшую наследственную долю его отца? А может, потянуло его сюда любопытство узнать, чем и как живёт земля его далёких и близких предков? Но Андрей Николаевич оказался в это время в очень затруднительном положении. Дело в том, что сын его, Владимир Андреевич, женатый на Вере Дмитриевне Злобиной, ещё в 1880-х годах был уличён в краже трёх лошадей, за что осуждён и выслан на четыре года в

Тобольскую губернию. Андрей же Николаевич, будучи уездным судьёй, прилагал все силы и средства, чтобы избавиться от позора. Именно поэтому и пришло в непоправимый упадок его имение, которое в 1889-м году он с помощью Депутатского дворянского собрания пытался перезаложить в каком-нибудь банке.

Ко времени приезда В. Ф. Руднева в Венёв и, конечно же, в Комельково, в положении отца оказался сын, Всеволод Владимирович, который тоже был арестован за кражу лошадей на сумму, превышающую 300 рублей, и содержался под стражей в Зарайском тюремном замке. Это, естественно, очень раздражало Всеволода Фёдоровича, который не стал упоминать об отцовском наследстве, а в 1907-м году купил подвергнувшуюся небольшой усадьбу при деревне Мышенки в Алексинском уезде, куда и переехал с семьёй на постоянное место жительства.

Старшему сыну Всеволода Фёдоровича Николаю было в это время 17 лет, и он, скорее всего, находился уже где-то на учёбе или службе, деревенской жизни своих родителей не знал. Об отце же своём, проводившем большую часть времени на морской службе, он вообще имел очень смутное, нам кажется, представление. А 7 (20) июля 1913 года его не стало. В 1918-м же Рудневы оказались за границей, в эмиграции. И, конечно же, статьи М. Н. Руднева 1904 года об отце он там не читал. В госархиве Тульской области и других работать не мог. И вдруг в 1950-х получает в Париже из Советского Союза приглашение принять участие в праздновании 50-летия со дня героического подвига варяжцев в русско-японской войне.

По приезде в СССР Н. В. Руднев вместе с женой, Марией Дмитриевной, урождённой Чумаковой, поселились сначала в г. Ульяновске, где сразу же оказались в центре внимания писателей и журналистов. О них стали много писать, а вместе с тем печатать и его воспоминания об отце, места рождения которого он не знал. Об этом свидетельствует тот факт, что в первоначальных своих статьях Н. В. Руднев вообще не указывал места рождения отца, потом он стал называть Венёвский уезд

Тульской губернии, потом село Руднево Венёвского уезда, какового здесь никогда не существовало.

К 50-летию подвига варяжцев, между тем, было принято правительственное постановление об установке памятника на могиле контр-адмирала в селе Савино Заокского района. Готовили проект постановления с помощью историков тульские областные власти. И вот они-то допустили ошибку, указав, что родовым именем Рудневых в Венёвском уезде с XVII века было Яцкое, где, следовательно, и родился Всеволод Фёдорович.

Потом у туляков появилось желание поставить прославленному контр-адмиралу памятник непосредственно в Туле. А для этого снова требовался проект постановления правительства, который был составлен, скорее всего, теми же людьми со старыми ошибками. Тем не менее, памятник был сооружён и открыт в сентябре 1956 года.

К тому времени в газетах и журналах, в том числе «Советский воин», было напечатано немало статей Н. В. Руднева об отце, которые, естественно, интересовали туляков. И вот тогда-то они решили перетянуть сына контр-адмирала, задумавшего написать книгу об отце, из Ульяновска в Тулу, где ему с женой была предоставлена хорошая квартира в центре города. Нашлись здесь консультанты и помощники, убедившие Николая Всеволодовича в том, что отец его родился, как указывалось в проектах постановлений о памятниках, в сельце или деревне Яцкой.

Но ко времени издания книги «Командир легендарного крейсера» в Приокском книжном издательстве в 1960 году автор неожиданно для помощников и консультантов узнал, что отец его родился в крепости Динаминд. Он запасся фотокопией его свидетельства о рождении, которую намеревался опубликовать в книге. Но ему в издательстве этого не разрешили. В итоге же книга «Командир легендарного крейсера» оказалась со многими неточностями, извращениями и ошибками.

Тем не менее, выход новой книги о знаменитом земляке заинтересовал многих читателей. Начались авторские встречи с народом, читательские конференции. И на них Н. В. Руднев

прямо говорил, что в издательстве его принудили много неправды сказать в книге о своём отце. На встрече же с работниками Тульского областного краеведческого музея он показал присутствующим фотокопию свидетельства о рождении отца и заявил: «Раз этот документ не разрешили напечатать в книге, то передаю его на хранение в ваш музей!»

И он, нам кажется, до сих пор хранится в небольшом музейном фонде контр-адмирала В. Ф. Руднева, скрывая от народа истинное место его рождения⁴⁴.

Сидоров Дмитрий Степанович

Герой Советского Союза Дмитрий Сидоров

О нём, Дмитрие Сидорове, не раз печатались большие и короткие очерки в нашей районной газете. Ещё в ноябре 1963 года писал о нём тульский журналист А. Михайлов и в «Молодом коммунаре», а в 1967 году и в книге «Туляки – Герои Советского Союза».

Но, к сожалению, до сих пор оставалось много белых пятен и неточностей в боевой биографии нашего отважного земляка. Мало того, не было даже известно место, где совершил он свой подвиг и где похоронен.

В большинстве публикаций о Герое Сидорове не указывалась и воинская часть, в которой он воевал, каков был его путь. А в книге о героях-туляках вообще была допущена ошибка, утверждающая, что погиб Дмитрий Сидоров «29 января 1944 года у местечка Судилков в Польше», тогда как в Польшу наши войска вошли только через год.

И вот совсем недавно нам удалось установить более детальные и правдивые факты из жизни и боевой службы земляка. Новый очерк о нём будет напечатан в новом издании книги о Героях Советского Союза Тульской области, которая готовится сейчас большой группой авторов. В связи с этим желательно бы было получить от читателей, знавших Дмитрия

⁴⁴ Бороздинский М. О мореходах Рудневых // Новомосковская правда. 1995. 31 авг. ; 2 сент.

Сидорова, а также его родных и близких, замечания и отклики по данному очерку.

Родился Дмитрий Степанови в 1925 году в деревне Старая Уваровка у железнодорожной станции Грицово в крестьянской семье. Учился в сельской начальной, затем в 12-й средней школе г. Сталиногорска (ныне – Новомосковск). После окончания горного ремесленного училища работал врубмашинистом на 26-й шахте треста «Сталиногорскуголь». В феврале 1943 года был призван Венёвским райвоенкоматом в Советскую Армию, а через год погиб в бою за Родину. Звание Героя Советского Союза присвоено 23 сентября 1944 года.

Ещё будучи учеником средней школы, Митя Сидоров узнал от своей любимой учительницы Пелагеи Анисимовны Поляковой о героических подвигах главного героя книги Н. А. Островского «Как закалялась сталь» Павке Корчагине и тогда дал себе слово во всём брать с него пример. А через некоторое время действительно проявил большое мужество и находчивость, спасая младшего товарища по школе из разбушевавшегося в половодье Шатца.

В детские годы Митя стал хорошим помощником и в семье. Ведь в ней до войны было более десяти человек, в том числе восемь детей. Но двое старших вскоре умерли. Митя стал старшим среди оставшихся шестерых. Когда мать Александра Трофимовна уходила в колхоз на работу, а больной отец начинал управляться по хозяйству, он и на дворе убирался, и за водой ходил, и о топливе заботился.

Но вот 22 июня 1941 года объявили о начале войны с Германией. Митя буквально через неделю убежал из ремесленного и направился в райвоенкомат, стал проситься добровольцем на фронт. Ему отказали. А когда в ноябре гитлеровцы оказались в родной деревне, он по своей мальчишеской смекалке всеми силами старался им напакостить. Именно за это они и сожгли при отступлении большой деревянный дом Степана Сидорова.

После освобождения Венёвского района от фашистской оккупации, Дмитрий Степанович ещё несколько раз пытался уйти добровольцем на фронт, но из этого ничего не получалось.

Родине очень были нужны тогда и шахтёры. Именно здесь, на 26-й шахте, он ещё раз почувствовал величие трудового подвига Павки Корчагина и в 1942 году вступил в комсомол. Только в феврале будущего года ему вместе с другими сверстниками было предоставлено право защищать Родину с оружием в руках.

После призыва на службу, райвоенкомат направил его в артиллерийскую учебную часть в г. Тулу, а несколько месяцев спустя, он оказался в учебно-запасном полку 60-й армии генерала И. Д. Черняховского, потом в 1646-м артиллерийском истребительно-противотанковом артполку (АИПТАП) в самом центре знаменитого выступления на Курской дуге. Именно отсюда и начался его боевой путь.

В августе 1943-го боевой расчёт 85-миллиметрового орудия, где Дмитрий Сидоров был наводчиком, активно участвовал в прорыве вражеской обороны и освобождении городов Глухова, потом Конотопа, а в сентябре обеспечивал форсирование войсками армии Днепра в районе Дымер севернее Киева и занятие плацдарма на его правом берегу между устьем Припяти и рекой Тетерев.

После освобождения столицы Украины 1646-й АИПТАП действовал на стыке левого фланга 60-й и правого первой гвардейской армии в направлении на Малин, и здесь наводчику Дмитрию Сидорову несколько раз приходилось вступать в жаркие бои с рвавшими снова в Киев из районов Черняхова и Коростеня танками врага. Здесь, в районе Малина, Дмитрий Сидоров и начал их боевой счёт, подбив одну среднюю машину. А 17 ноября он вместе с расчётом и орудием победно вошёл в Коростень.

Но в первых числах декабря противник вновь начал наступление с целью прорыва к Киеву и Днепру. Советские войска получили приказ перейти к жёсткой обороне, измотать врага, а затем разгромить и выйти на Южный Буг. 60-й армии поручался в этой операции вспомогательный удар на Шепетовском направлении. А 25-28 декабря её части начали наступление.

На пути наступающих шли настоящие полесские места. Им очень часто приходилось пересекать большие сосновые и

сосново-дубовые леса и обширные массивы песков и болот. А вместе с тем, по сообщению разведки украинских партизан, противник успел в январе сосредоточить в районе Шепетовки большое количество войск и создать мощный оборонительный рубеж по реке Горынь. В связи с этим продвижение было медленное.

В конце января 1944 года, одновременно с Корсунь-Шевченковской операцией, войска правого крыла Первого Украинского фронта начали Ростово-Луцкую. 60-я армия генерал-лейтенанта И. Д. Черняховского получила задачу – овладеть рубежом Острог-Славута-Шепетовка. 27 января 1944 года её войска начали наступление. Орудие Дмитрия Сидорова уверенно прокладывало им своим огнём и колёсами путь. А 29-го расчёт поставил пушку на огневую позицию в четырёх километрах восточнее Шепетовки на южной окраине местечка Судилков близ железнодорожного разъезда Судилково и принял здесь последний бой.

Город Шепетовка был важным в военном отношении железнодорожным узлом на пересечении стальных магистралей Ковель-Киев, Львов-Киев и Хмельницкий-Коростень, а также стратегическим пунктом. Противник сосредоточил здесь большие силы танков, артиллерии и пехоты. В связи с этим, здесь сразу же завязались очень сильные и кровопролитные бои.

Рано утром 29 января на огневые позиции потрёпанной в предшествующих боях батареи 1646-го АИПТАП, расположившейся южнее Судилкова, вышло до трёх десятков танков, а на пушку Дмитрия Сидорова их приходилось ровно десять. Но он не испугался многочисленности фашистских стальных громад и проявил большое мужество и выдержку, огонь открыл только с расстояния 300-400 метров.

Но после трёх выстрелов, сообщает в своём представлении на присвоение Д. С. Сидорову звания Героя Советского Союза командир 1646-го АИПТАП майор Прусов, шесть танков развернулись и открыли по пушке ураганный огонь из всех видов вооружения. Начался неравный и ожесточённый бой.

«Наводчик Сидоров, несмотря ни на что, – говорится далее в его наградном листе, – всё время оставался на своём

боевом посту и метко разил врага. А после 20-минутного боя им было подбито два средних танка. Остальные, встретив достойный отпор, ушли в укрытие».

Дмитрий, по рассказам родных, не особенно баловал их весточками с фронта. Писал довольно редко и коротко. Но возможно в этот самый короткий перерыв и написал он им своё последнее письмо. А рассказывал в нём о том же Павке Корчагине, о своих товарищах по оружию, которые свято выполняют боевые традиции комсомола.

Возможно, именно в этот момент вспомнилось ему о том, как корчагинцы строили возможно вот эту самую железную дорогу Шепетовка-Полонное, ставшую боевым рубежом между артиллеристами 1646-го АИПТАП и фашистскими танками.

Однако передышка оказалась короткой. Через некоторое время, – сообщает командир полка, – на орудие Сидорова вновь вышли восемь оставшихся танков и среди них четыре типа «тигр». Бой закипел с новой силой. На этот раз наводчик Сидоров ещё подбил две вражеские машины. Однако прорывавшиеся гитлеровцы решили уничтожить храбрецов вместе с орудием. Именно с этой целью один танк типа «тигр» незаметно вышел из укрытия на расстояние 100 метров от орудия и начал вести по нему ураганный огонь.

Первый вражеский снаряд попал в орудийный окоп, а следующий разорвался рядом с пушкой. Наводчику Сидорову взрывом оторвало ногу и выбросило на бруствер окопа, но он в горячах сумел добраться до заряженного орудия и выстрелить. От этого выстрела загорелся ещё один танк.

Но это был последний боевой выстрел героя-артиллериста. В результате прямого попадания очередного вражеского снаряда в орудие наводчика Сидорова не стало. Он погиб вместе со своей пушкой.

«Всего на личном счету погибшего героя семь уничтоженных вражеских танков, – свидетельствует в заключение указанного документа майор Прусов. – Представляю рядового Сидорова Дмитрия Степановича к высшей правительственной награде – званию Героя Советского Союза». А через некоторое время он сообщит родным о том, что

это звание с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» присвоено их сыну и брату Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 сентября 1944 года посмертно.

Но герои не умирают. Память о них навсегда сохранится в сердцах живущих. Имя Дмитрия Сидорова, не пожалевшего жизни на благо грядущих поколений, носит сейчас средняя школа в Грицовском шахтёрском посёлке. Его бессмертным подвигом гордятся тысячи его соотечественников⁴⁵.

Слова любви и благодарности

После опубликования в «Красном знамени» № 65-66 от 31 мая сего года очерка о Герое Советского Союза Дмитрие Степановиче Сидорове в редакцию поступил целый ряд устных и письменных сообщений, уточняющих жизненную и боевую биографию нашего славного земляка. Так, бывший односельчанин Дмитрия Иван Степанович Поляков, работающий сейчас в ШСПМК-1, рассказывает, что он хоть и постарше земляка на пять лет, но в юности считал его хорошим своим другом.

– Ещё в первые годы становления образовавшегося в Старой Уваровке колхоза «День урожая», – отмечает И. С. Поляков, – я по праву старшинства учил его запрягать лошадь, ходить за плугом, а по вечерам мы нередко вместе бывали на вечеринках в Пашкове, Сторожевом, в своей деревне.

Сам по себе Митя был небольшого роста, но широкоплечий и сильный, а вместе с тем обладал большой подвижностью. Именно поэтому он и являлся у нас одним из лучших плясунов.

Был у Дмитрия и хороший голос, он знал очень много частушек. И вот, как только, бывало, Алёша Кудрявцев растянет свою гармошку, Дмитрий выходит в круг, и начинается всеобщее веселье.

Особенно хорошо проводила время наша деревенская молодёжь после того, как колхоз за успешное выполнение и перевыполнение планов по продаже сельхозпродукции

⁴⁵ Бороздинский М. Герой Советского Союза Дмитрий Сидоров // Красное Знамя. 1980. 31 мая. С. 3-4.

государству был премирован граммофоном и мотоциклом с коляской. А собирались мы всегда у Сидоровых, так как у них был самый большой в деревне дом, да к тому же в нём некоторое время размещалась сельская школа...

Из г. Алексина, где сейчас проживают сёстры Дмитрия Раиса и Зинаида, а также мать Александра Трофимовна, сообщают, что Дмитрий ещё в детстве отличался смелостью, настойчивостью и упорством. Однажды это проявилось в половодье, когда он вытаскивал из разбушевавшегося Шатца различный инвентарь, а потом попавшего в беду мальчишку; а во время оккупации деревни гитлеровцами подстраивал им различные неприятности. Особенно же его ненависть к врагу проявилась после того, как фашисты сожгли при отступлении всю нашу деревню, в том числе и наш большой и светлый деревянный дом.

«Митя тогда прямо заявил, – пишет Раиса Степановна, – что пойдёт воевать и будет бить врага до последних своих сил, до полного разгрома».

В становлении же характера Дмитрия большую роль сыграла мать. Это она в первую очередь научила его трудолюбию, добросовестности в выполнении любого дела, уважению старших и младших, преодолению жизненных трудностей. Вот поэтому-то уже в юности его отважность проявлялась в любом деле. Об этом хорошо помнят жители Старой Уваровки.

С большой теплотой и уважением рассказывает о Дмитрие Сидорове его товарищ по совместной учёбе в горно-промышленном училище бывшего треста «Донскойуголь» Александр Сергеевич Рыбаков, проживающий ныне в г. Донецке на Украине.

В это училище, сообщает он, нас призвал и направил в конце июля или начале августа 1942-го Венёвский военкомат, а учились мы в группе проходчиков. Мастером производственного обучения был Горбатов, который проводил с нами практические занятия на восьмой шахте треста. А начальником участка здесь был кавалер ордена Ленина Алексей

Михайлович Волченков. Они очень уважали Дмитрия за его увлечённость и настойчивость в учёбе и работе.

С конца 1942 года, говорит А. С. Рыбаков, мы стали работать проходчиками самостоятельно. Но шахтёрский труд оказался недолгим, всего два или три месяца, так как Дмитрий, да и ряд других товарищей очень надоедали шахтёрскому начальству и работникам райвоенкоматов с просьбами об отправке на фронт. С той поры я и расстался с Дмитрием.

Но особенно тёплые и душевные воспоминания о земляке сохранились у односельчанина Дмитрия Сидорова, Алексея Васильевича Кудрявцева, бывшего гармониста. Да это и понятно, ведь они были самыми близкими и неразлучными друзьями, вместе в феврале 1943 года были призваны на военную службу и вместе учились на артиллеристов в одном из районов Подмосковья, только один в 1645-м, а второй в 1646-м арtpолках.

Мне вот уже скоро шесть десятков исполнится – говорит А. В. Кудрявцев, – но веселей, смелей, находчивей и шустрей Дмитрия я человека не встречал. А до чего же он был весел и общителен, как уважали его не только ровесники, но и старшие, как любили его звонкие и злободневные частушки, залихватские пляски. И девушки Дмитрия очень любили. Я, бывало, играю, а он с ними танцует и пляшет, и поёт. И до того-то всем с ним было весело и уютно, что без него вечеринки казались потерянными.

После учёбы война разлучила друзей. Дмитрий оказался со своим полком в 60-й армии генерала И. Д. Черняховского, а Алексей Кудрявцев попал в танковую часть.

Прислали отклики на публикацию очерка о Дмитрие Сидорове и из Хмельницкой области, где он совершил героический подвиг. Так, бывший старший лейтенант, партизан Великой Отечественной войны, а ныне инвалид Николай Никитович Константинов из г. Хмельницкого пишет, что жители Подолии горячо чтут и гордятся героическим подвигом Дмитрия Сидорова, что они никогда не забудут о том, какой великий вклад внесли народы нашей страны в дело её

освобождения от немецко-фашистских захватчиков и укрепления мира во всём мире.

Он настоятельно просит передать слова большой благодарности и низкий поклон всем тем, кто вырастил и воспитал в Дмитрие Степановиче замечательные черты величайшего патриотизма, беспредельной верности матери-Родине и советскому народу.

И особенно дороги письма, фотографии, книга «Из когорты мужественных», полученные из села Судилков Шепетовского района, где сейчас находится могила Героя Советского Союза Дмитрия Сидорова с мраморным памятником и соответствующей надписью.

«О подвиге Дмитрия Степановича мы знаем по публикациям в нашей областной молодёжной газете «Корчагинец» и книге «Из когорты мужественных», – сообщает из Судилковской школы организатор внеклассной и внешкольной работы Татьяна Николаевна Мартынова. – Это побудило нас начать сбор материала о нём. Написали письма на родину героя, но председатель сельсовета ответил, что родные Дмитрия в селе Старая Уваровка не проживают. И лишь Тульский облвоенкомат выслал нам копию очерка о Д. С. Сидорове, опубликованного в книге «Туляки – Герои Советского Союза».

А село наше большое. В нём 5500 жителей. Из Шепетовки через каждые 5-10 минут курсируют автобусы. Раньше здесь было три школы, а сейчас начальная и средняя. В нашей средней 800 учащихся. Нам кажется, что в недалёком будущем мы установим хорошую связь с Грицовской школой, носящей имя Дмитрия Сидорова.

В память о том незабываемом дне 29 января 1944 года, когда шёл непрерывный бой за наше село и пал геройской смертью Дмитрий Сидоров, у нас в селе создан мемориал. Здесь ежегодно проходят в День Победы многолюдные митинги. А в школе у нас создан хороший стенд «Герой Советского Союза Дмитрий Сидоров». В ближайшее время одна из улиц Судилкова будет названа его именем. Поднимается вопрос о присвоении его имени и нашей школе...»

Но, к сожалению, отмечают судилковцы, мы не знаем родных и близких Дмитрия, хотя на братскую могилу к ним приезжают из самых отдалённых уголков страны. Однако они выражают надежду, что встреча такая у них всё же состоится.

На присланных из Судилкова photographиях запечатлены мемориальный памятник со скульптурой советского воина на братской могиле и мраморный памятник Дмитрию с надписью на украинском языке: «На цьому місці загинув у лютому 1944 р. в боях за визволення с. Судилків Герой Радянського Союзу Сидоров Дмитро Степанович»⁴⁶.

А чуть пониже годы его жизни: «1925-1944».

Недавно в редакции побывал двоюродный брат Дмитрия Сидорова Алексей Иванович Сидоров, проживающий в г. Новомосковске. Он собирается в ближайшее время съездить в Судилков. Думаем, что найдут такую возможность и другие родные и близкие. Хочется надеяться и на установление связей между Грицовской и Судилковской школами. И пусть это будет знаком вечной, нерушимой дружбы наших народов, вечной памятью Героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины⁴⁷.

Верность военной присяге

В школьные годы любимой книгой Мити Сидорова был роман Николая Островского «Как закалялась сталь», а любимым героем – Павка Корчагин. Образ Корчагина вёл Митю через всю недолгую, но славную жизнь юноши. Рос Митя любознательным, во все дела вторгался активно и, когда фашистская Германия напала на нашу Родину, поспешил в военкомат, стал проситься в действующую армию. Ему отказали: «Подрости ещё, положение позволяет».

Осенью 1941 года Венёвский район оккупировали немецкие войска. Были они там недолго, но бед причинили

⁴⁶ *Примечание составителя: перевод надписи на русский язык: «На этом месте погиб в феврале 1944 г. в боях за освобождение с. Судилков Герой Советского Союза Сидоров Дмитрий Степанович».*

⁴⁷ Бороздинский М. Слова любви и благодарности // Красное знамя. 1980. 28 окт. С. 3.

много. Тогда познал Митя Сидоров, что такое ненависть. Как только врага прогнали, он разыскал военкомат и опять стал проситься в армию. И ему опять отказали. Пришлось пойти на шахту. Там труд тоже был фронтовым, тяжёлым и героическим. И Митя показал, на что он способен. Передового рабочего приняли в комсомол. А заветное желание – бить фашистов на фронте – сбылось в начале 1943 года. Сидоров оказался в 60-й армии, которой командовал генерал И. Д. Черняховский. Боевое крещение получил в ожесточённом сражении на Курской дуге. Орудие, при котором Сидоров был наводчиком, с честью выполнило все боевые задачи при прорыве вражеской обороны, а затем при освобождении городов Глухова и Конотопа, при форсировании Днепра. После освобождения от врага столицы Украины Киева орудийный расчёт несколько раз вступал в бои с противником, пытавшимся снова овладеть славным городом на Днепре. Артиллеристы подбили несколько вражеских танков, истребили немало живой силы врага.

Далее Сидоров с товарищами участвовал в наступлении 60-й армии на Шепетовском направлении. В январе 1944 года армия получила боевую задачу: овладеть рубежом Острог – Славути – Шепетовка. В наступательных боях орудие Сидорова, громя врага метким огнём, прокладывало путь следовавшим с ним подразделениям пехоты. 29 января расчёт занял позицию неподалёку от окраины местечка Судилков. Рядом была Шепетовка. Здесь, как нигде пронзительно, Сидоров припомнил героическую жизнь Павла Корчагина. Образ отважного героя гражданской войны вдохновил его, прибавил сил. И когда орудие атаковали десять вражеских танков, Дмитрий не испугался. Он уверенно и метко разил вражеские машины.

Позже, уже после того, как Дмитрий погиб в этом неравном бою, командование представило его к самой высшей награде – званию Героя Советского Союза. В наградном листе написано: «Наводчик Сидоров, несмотря ни на что, всё время оставался на боевом посту и метко разил врага. После 20-минутного боя им было подбито два средних танка. Остальные, встретив достойный отпор, ушли в укрытие... Через некоторое время танки снова ринулись на позицию советских

артиллеристов. Сидоров ещё подбил две вражеские машины. Но в этот момент одному из «тигров» удалось зайти во фланг орудию Сидорова и сделать несколько выстрелов почти в упор. Сидорову оторвало ногу, но он ещё нашёл в себе силы, чтобы подползти к орудию и выстрелить по врагу. Загорелся ещё один фашистский танк. Следующий вражеский снаряд оказался роковым: Дмитрий Сидоров погиб вместе со своим оружием».

Имя Д. С. Сидорова присвоено средней школе посёлка Грицовский Венёвского района⁴⁸.

Ушаков Фёдор Фёдорович

Боярин Российского флота

Многие десятки книг, сотни статей написаны о замечательном нашем флотоводце Фёдоре Фёдоровиче Ушакове, создан двухсерийный фильм, в его честь в годы Великой Отечественной войны были учреждены военноморские орден и медаль за боевые заслуги во имя свободы и независимости Родины.

Но, к сожалению, до последнего времени оставались неизвестными отдельные факты его биографии.

И вот недавно в архиве Ростова Ярославской области обнаружены «Книги Ростовской епархии Романовского уезда Богоявленского Островского монастыря белого попа Дмитрия Исапова, причетника, о приходских того же монастыря людех, ...кто имянно когда родились, браком сочетались и померли 1745 года генваря с 1 числа». В них записано: «В феврале... 13. Лейб-гвардии Семёновского полку у солдата Фёдора Игнатева сына Ушакова сельца Бурнакова (родился – М. Б.) сын Фёдор».

Из родословной росписи, составленной самим Ф. Ф. Ушаковым и хранящейся ныне в Ростовском историческом архиве известно, что дед адмирала Игнатий Васильевич (1660-1752/53) был женат дважды, сначала на Ирине Васильевне, неизвестной фамилии, затем на Прасковье Ивановне, тоже неизвестной фамилии.

⁴⁸ Бороздинский М. Верность военной присяге // Бессмертен подвиг их высокий. Тула, 1983. С. 487–488.

От первой жены он имел детей: Силу – подпоручика л.-гв. Преображенского полка, Фёдора – солдата Преображенского полка, отставленного сержантом, Ивана – настоятеля Санаксарского монастыря Фёдора в Тамбовской губернии и дочь Анну.

С кончиной же первой жены, скорее всего, при родах дочери, дед адмирала женился на Прасковье Ивановне, от которой было трое детей – Василий, Марфа и Иван меньшой. Так что Фёдор Игнатьевич оказался в первой, более старшей ветви потомства своего деда.

Родители адмирала Ф. Ф. Ушакова Фёдор Игнатьевич и Прасковья Никитична даже по тем временам оказались людьми довольно многодетными, так как имели семерых детей, а именно: Василия – не оставившего известной памяти, Гаврилу – капитана, тоже особо не известного, Степана – подпоручика, который пытался с младшим братом Фёдором одновременно поступить в Морской кадетский корпус, но из этого ничего не получилось, Фёдора – будущего адмирала, Андрея, единственную дочь Дарью и младшего сына Ивана – в будущем адъютанта своего старшего брата вице-адмирала Ф. Ф. Ушакова.

До 16 лет, свидетельствует один из первых биографов нашего героя Р. Скаловский, жил он в деревне отца своего, а вот в какой, не указывает. Из-за этого давно уже между ярославцами, где родился адмирал, и жителями Мордовии, где он умер, идёт перепалка по этому вопросу, которая и привела в своё время биографов в заблуждение о месте рождения.

Несмотря на то, что родители Ф. Ф. Ушакова были обедневшими дворянами, принадлежали они к одному из древнейших родов, который происходил, по утверждению старинных «Родословцев», от «князя Косогския Орды Редеги». Вот поэтому-то, скорее всего, в 1761 году шестнадцатилетний Фёдор Ушаков и был принят в Морской шляхетский кадетский корпус.

Судя по родословным росписям Ушаковых предки будущего адмирала давно уже были связаны с российским военно-морским флотом. Так, один из них, сын боярский Семён Ушаков, был в 1697 году ещё уполномоченным митрополита на

кораблестроении в Воронеже. А Андрей Иванович Ушаков (1672-1747), сын бедного дворянина, самим Петром Великим был возведён в тайные фискалы для наблюдения за постройкой кораблей, а потом, при последующих правителях России, превратился в сенатора, графа, возглавлявшего тайную разыскную канцелярию.

В «Алфавитном указателе личных имён к «Истории русского флота в период Азовский», к «Материалам для истории русского флота», к «Извлечениям из газет и журналов для истории флота» С. И. Елагина, например, дано более десятка поименованных и безымянных Ушаковых, принимавших активное участие в создании и использовании этого флота. И среди них, несомненно, были предки Фёдора Ушакова.

...Через два года, буквально накануне дня своего рождения, Фёдор Ушаков был произведён в гардемарины, затем в капралы. В плаваниях на практических эскадрах он ежегодно совершал многомесячные и более длительные походы в отдалённые места Балтийского и Немецкого морей. В 21 же год он стал мичманом. Плавая по Чёрному и Азовскому морям, Фёдор Фёдорович неоднократно участвовал в отражении турецких судов, пытавшихся высадить десанты на берега Крыма, за что в 1769 году был произведён в лейтенанты и возвращён на Балтику.

Но не успел 24-летний лейтенант освоиться на своём прежнем месте, как третья уже по счёту в XVIII столетии русско-турецкая война вновь позвала его на Чёрное море. И он до самого его окончания в 1774 году принимал самое активное в ней участие. Лишь после заключения мирного договора, по которому Россия получила выход к Чёрному морю, Ф. Ф. Ушаков вернулся на Балтику, где был произведён в капитан-лейтенанты и назначен в Санкт-Петербургскую корабельную команду.

Именно в это, скорее всего, время и уговаривали Ушакова принять командование императорской яхтой, но он не согласился, предпочитая стезе пышного царедворца нелёгкую судьбу военного моряка.

После того, как Г. А. Потёмкин назначил его, уже контр-адмирала, в 1790 году командующим Черноморским флотом, он проявил поистине выдающиеся способности великого флотоводца. Вопреки оборонительной тактике, применявшейся тогда, Ф. Ф. Ушаков немедленно направился к берегам Турции и усиленной бомбардировкой, умелым маневрированием нанёс большой урон многим городам, истребил более 26 вражеских судов, затем отразил нападение турецкого флота на Керченский пролив, а у Гаджибея разбил его. За эту победу Ушаков был награждён орденом Св. Георгия 2-й степени, вскоре его назначили старшим членом Черноморского адмиралтейства.

В 1791 году Ф. Ф. Ушаков одержал большую победу над турецким флотом у мыса Калиакрия, чем вынудил турецкую сторону пойти на перемирие. После же этого он как командующий флотом уделил большое внимание строительству Севастопольского порта, мастерских, складов, казарм и госпиталей.

Спустя два года Фёдор Фёдорович стал вице-адмиралом, после чего руководит ремонтом и строительством новых судов, проверяет их манёвренные и мореходные качества, организует практические плавания по обучению личного состава, стрельбы и манёвры. И это очень скоро пригодилось, ибо в 1798 году Павел I приказал отправиться с эскадрой к Босфору на соединение с Турецким флотом для совместных действий против французов, оккупировавших под руководством Наполеона Грецию, Ионические острова и другие территории Восточного Средиземноморья.

Так называемая «Архипелагская экспедиция» российского флота под руководством Ушакова была поистине миротворческой для всех стран мира. В ходе её проведения получили свободу от наполеоновской кабалы десятки народов европейских стран. Вот поэтому-то память о Ф. Ф. Ушакове, А. В. Суворове и других славных российских военачальниках тех лет сохраняется здесь до нашего времени.

Однако адмирал Ф. Ф. Ушаков был не только моряком, флотоводцем, легендарным защитником морских рубежей России. Вместе с тем он был ещё и помещиком, причём не

только ярославским и тамбовским, как мы сейчас знаем, но и тульским, а конкретней – венёвским. Именно здесь, в селцах Стрельцы, Высокое и Холтобино, Кикино тож, купил он в 1810 году, уже по выходе в отставку, с аукционного торга у капитана Рязанского пехотного полка Ивана Андреевича Фенина небольшие имения, насчитывавшие в двух первых по полтора десятка, а в последнем девять душ крепостных крестьян.

И вот подумалось мне: «Что же потянуло прославленного адмирала на венёвскую землю? Не связаны ли были с нею его далёкие, а может, и близкие предки?» Но ответа на это пока не нашлось.

Однако не один, оказывается, адмирал Ушаков потянулся с выходом в отставку к берегам легендарного Иван-озера. Здесь по соседству с его имением в селце Холтобино находилось родовое имение Ольховец, принадлежавшее генерал-адъютанту Николаю Фёдоровичу Сенявину и его сыновьям капитану II ранга Сергею с вице-адмиралом Дмитрием Николаевичами.

Как раз в ту же пору появилось небольшое имение из восьми крестьянских дворов в соседнем же, можно сказать, с Ушаковыми и Сенявиными деревне Комельково близ Шишлова. У подполковника Николая Фёдоровича Руднева. А ведь Н. Ф. Руднев – это в молодости ученик одного из создателей российского флота адмирала Алексея Наумыча Сенявина, отец известнейшего в своё время морехода Фёдора Николаевича и дед знаменитого командира крейсера «Варяг» Всеволода Фёдоровича.

Вот ведь для каких выдающихся людей Иван-озеро было вроде бы морской колыбелью!

Но в 1817 году Ф. Ф. Ушакова не стало. Венёвские имения его перешли по наследству к двоюродной внучке Прасковье Алексеевне.

Судя по ревизским сказкам, Ф. Ф. Ушаков, а потом и его наследники не выделялись какими-то особенностями среди других помещиков, но крестьян своих за это время они не ссылали, не направляли в смиренный дом, не обменивали ни на лошадей, ни на собак. С кончиной же Ф. Ф. Ушакова двое крестьян, возможно с женской половиной, были отпущены на

волю. А по обещанию Прасковьи Алексеевны получили свободу от крепостничества две девушки.

В следующем году, как известно, исполнится 300 лет со времени создания российского флота. Ф. Ф. Ушаков, которому на днях исполнилось 250 лет, а также Сенявины и Рудневы, имели к этому непосредственное отношение. И хотелось бы верить, что в честь этих знаменательных дат, а также в честь приближающегося 140-летия со дня рождения В. Ф. Руднева на берегах бывшего Иван-озера, а ныне Шатского водохранилища, будет оставлена какая-то незабываемая память⁴⁹.

А. С. Пушкин и Тульский край

Потомки Пушкина – наши земляки

Многие жители района знают о том, что с нашим краем была связана жизнь и общественная деятельность некоторых потомков великого русского поэта А. С. Пушкина. Здесь, в деревне Малое Останкино совхоза «Темп», нередко бывал и жил сын поэта Александр Александрович Пушкин, а также его старшая сестра Мария Александровна и младший брат Григорий Александрович.

В Останкине и Марыгине проводили летние месяцы и многие из тринадцати детей Александра Александровича – внуки поэта, а двенадцатый его сын Николай даже работал начальником пятого земского участка Венёвского уезда и членом уездного училищного совета от земства.

Будучи человеком высоконравственным и благовоспитанным, Н. А. Пушкин отдавал много сил и знаний для того, чтобы повысить роль и значение школ в обучении и воспитании подрастающих поколений. До наших дней сохранились некоторые материалы, характеризующие деятельность внука поэта в бывшем Венёвском уезде на поприще народного образования.

⁴⁹ Бороздинский М. Боярин Российского флота // Коммунар. 1995. 21 марта. С. 3.

«Согласно поручению училищного совета, – говорил он в докладе Венёвскому уездному земскому собранию в 1913 году, – 8 мая с. г. мною были произведены... экзамены в Урусовской и Талызинской земских школах.

Всего было представлено к экзамену: Урусовской школы 16 учеников – 7 мальчиков и 9 девочек; и Талызинской 4 ученика – 2 мальчика и 2 девочки.

Здания, в которых помещаются школы, – холодные, тёмные, ветхие и совершенно не соответствуют своему назначению. Нельзя не обратить внимание и на почти полное отсутствие наглядных учебных пособий, даже самых необходимых, что не могло не отразиться на общем развитии учащихся.

Ответы учеников по программным предметам и их письменные работы надлежит признать вполне удовлетворительными, а по арифметике прямо хорошими. К сожалению, наряду с этим приходится констатировать крайне слабое представление у детей, ...об отечественной истории и географии.

В заключение должен сказать, что внешняя опрятность самих детей и порядок в школах произвели на меня прекрасное впечатление.

Член училищного совета Н. Пушкин».

Из этого доклада видно, что Н. А. Пушкин проявлял большую заботу не только об успеваемости, но и о состоянии школ.

Говоря о знании отечественной истории и географии, Н. А. Пушкин возмущался тем, что ни от кого не мог получить «верного ответа на вопрос: с кем произошла Куликовская битва?» «Это, – утверждал он, совершенно ненормальное явление». Он требовал, чтобы в земских школах не только учили детей грамоте, но и воспитывали в них чувство национальной гордости и патриотизма.

В 1913-1914 учебном году Н. А. Пушкин присутствовал на выпускных экзаменах в Городенской, Озеренской, Урусовской и Княжевской земских школах.

«Учительницей, как и в предыдущем году, – писал он о Городенской школе, – состоит А. А. Кодексова... К экзамену явились 3 мальчика и девочка. Ответы двоих были вполне удовлетворительны, хорошо отвечали и по истории с географией...»

А в Княжеской школе, продолжал он далее, «учительницей состоит М. Пастухова... На экзамены явились 4 мальчика. Двое отвечали весьма удовлетворительно по вопросам программы, но мало познаний обнаружили в отечественной истории и географии...

Остальных двух учеников ответы значительно слабее. Изложение с орфографической стороны и по слогу желает много лучшего...

Член училищного совета Н. Пушкин».

Через некоторое время после этих экзаменов в семье Пушкиных не стало сына поэта Александра Александровича. Он умер 19 июля 1914 года после прочтения в газетах известия о начале первой мировой войны.

Похоронили его очень скромно, в сопровождении эскорта казаков, в склепе Марыгинской церкви. А его младший сын Николай Александрович уехал в 1918 году с родными и семьёй за границу и в 1964 году умер в Брюсселе.

В селе Марыгино колхоза «Россия» в настоящее время проживает старенькая уже, скромная, всем своим обликом напоминающая няню А. С. Пушкина Арину Родионовну, женщина. Это Аграфена Иосифовна Баранова.

В течение 20 с лишним лет, с 1897 по 1980 год жила она в семье Пушкиных в Москве, Лопасне (теперь г. Чехов) и Останкине, которые оставили неизгладимый след в её душе и массу воспоминаний.

– В семью Пушкиных, – рассказывает она, – привела меня мать десятилетней девочкой. Сначала я играла с ребятишками, помогала убирать в комнатах, а потом и по хозяйству.

Я хорошо знала всех детей Александра Сергеевича и его внуков от старшего сына. Всего их было вроде тринадцать человек, но двое – Софья и Пётр – умерли в младенчестве. А у меня в памяти хорошо остались Надежда, Анна, Вера и Наталья,

Александр, Григорий и Сергей, а также Николай и Елена, родившиеся от второй жены А. А. Пушкина М. А. Павловой.

Аграфене Иосифовне сейчас 87 лет, но она многое помнит о потомках А. С. Пушкина. Лет десять тому назад она даже переписывалась с Пушкиными, проживающими в Брюсселе.

«Милая, хорошая Груша, – писала ей в одном из писем в 1962 году жена внука поэта Н. А. Пушкина. – Спасибо тебе за поклон, который мне передала Наталья Сергеевна. Я была очень, очень рада, что ты помнишь обо мне и о нас всех.

Как ты живёшь и где? Всё в Марыгине или где-нибудь в другом месте?

Саша, мой сын, ты помнишь его, шаловливый мальчик... женат и у него есть сын, тоже Саша. Ему 19 лет. Он ещё учится. Целую тебя за привет.

Надежда Александровна Пушкина.

Николай Александрович тебе кланяется».

«Здравствуй милая и дорогая Груша. Спасибо тебе за твоё хорошее письмо, – писала в 1962 году Н. А. Пушкина Барановой. Я ему очень обрадовалась.

Николай Александрович очень благодарит тебя за твою заботу о его отце. Ты добрая и хорошая, желаю тебе всякого благополучия...

Приехать, конечно, мы не можем, хотя имя Пушкина очень почитается в Советской России и нам много оттуда пишут.

Посылаю тебе фотографию – это наша столовая, а вдали спальня, – и мою фотографию лет 20 тому назад, тебе на память...

Целую тебя, дорогая Груша, очень крепко. Я стала очень старой и всё тоже болею. Будь здорова и благополучна. Николай Александрович тебе кланяется.

Н. Пушкина».

Сейчас, когда мировая общественность отмечает 175-летие со дня рождения А. С. Пушкина, у А. И. Барановой бывает много гостей. В основном это школьники.

Аграфена Иосифовна с радостью рассказывает им о своей жизни у потомков великого поэта, о традициях этой семьи, о том, как дорожили здесь именем Александра Сергеевича⁵⁰.

Родные А. С. Пушкина в Венёвском уезде

Читатели «Красного знамени» хорошо знают, что в бывшем Венёвском уезде неоднократно бывали и продолжительное время жили сын А. С. Пушкина Александр Александрович, который в 1914 году здесь, в селе Марыгино, и умер, дочь поэта Мария Александровна (в замужестве – Гартунг), сын Александра Александровича Николай, т. е. внук поэта, несколько лет работал здесь членом земского училищного совета.

Но не только, оказывается, эти близкие родственники поэта бывали и жили в Венёвском уезде. Не так давно смотрителю Венёвского районного краеведческого музея Василию Николаевичу Любомудрому удалось обнаружить в метрической книге Марыгинской церкви за 1901 год следующую запись:

«1 марта родился, а 18-го окрещён Львом сын штабс-ротмистра села Марыгино Александра Александровича Павлова и законной жены его Екатерины Андреевой...

Восприемниками были камер-юнкер двора е. и. в. Александр Александрович Пушкин и дочь генерал-майора Наталья Ивановна Гончарова...»

Первоначально мы полагали, что в книге речь идёт о сыне А. С. Пушкина Александре и какой-то родственнице жены поэта Натальи Николаевны. Но Александр Александрович, оказывается, камер-юнкером никогда не был. А вот его сын Александр, т. е. внук поэта, был удостоен этого звания в 1899 году, к 100-летию со дня рождения великого деда.

Александр Александрович был четвёртым ребёнком из тринадцати в семье старшего сына А. С. Пушкина. Родился он в 1863 году, а в 1883 году окончил по второму разряду пажеский

⁵⁰ Бороздинский М. Потомки Пушкина – наши земляки // Красное знамя. 1974. 6 июня.

корпус и был выпущен корнетом в 44-й драгунский Нижегородский полк. Но через год он вышел по слабости здоровья в отставку и поселился в доставшемся ему после смерти матери Софьи Александровны (до замужества – Ланской) имении Ивановском Бронницкого уезда.

В 1890 году А. А. Пушкин был назначен на должность земского начальника Бронницкого уезда, потом стал уездным предводителем дворянства, а в 1897 году его избрали председателем уездной земской управы. Здесь, в Бронницах под Москвой, он и оставался во главе уездного земства, за исключением четырёхлетнего перерыва, до самой своей смерти в 1916 году.

После смерти матери Софьи Александровны, дети старшего сына поэта воспитывались, в основном, у её двоюродной сестры Анны Николаевны Васильчиковой в Лопасне. Но в 1883 году А. А. Пушкин женился на двоюродной племяннице своей первой жены Марии Александровне Павловой. А её отцу принадлежали сельцо Останкино и село Марыгино в Венёвском уезде. Вот поэтому-то внук поэта и оказался в марте 1901 года в Марыгине на крестинах.

Что же касается Натальи Ивановны Гончаровой, то это была родная племянница Натальи Николаевны, жены А. С. Пушкина. Её отец, Иван Николаевич, т. е. брат Натальи Николаевны, действительно, в 1901 году был генерал-майором. Жена же его Екатерина Николаевна (до замужества Васильчикова) и их дети жили в Лопасне. Вот так племянница жены А. С. Пушкина и оказалась вместе с внуком поэта в Марыгине⁵¹.

Сонцовы (Сонцевы, Солнцовы, Солнцева, Сонцовы-Засекины) и Пушкины

С незапамятных времён стоят друг против друга на берегах Журавни, впадающей в речку Березно, или Березину, как её ещё называют (приток Осетра), село Тютюково и сельцо

⁵¹ Бороздинский М. Родные А. С. Пушкина в Венёвском уезде // Красное знамя. 1978. 23 дек. С. 4.

Каровино. Последнее сейчас переименовано в Коровино. И мало кто знает, что эти тихие места бывшей Малыньской, потом Косяевской волости Венёвского уезда (ныне Серебрянопрудского района Московской области) связаны с родом А. С. Пушкина, а, возможно, и с пребыванием там его самого. Да и как знать, если Коровино, бывшее владение помещиков Сонцевых, было одним из пушкинистов отнесено к Зарайскому уезду Рязанской губернии? Кто помнит, что это были тульские края?

По родословной известного тульского генеалога В. И. Чернопятава, прародитель Сонцовых – Иван Иванович ещё в 1614 году значился помещиком Венёвского уезда, а с 1624 года стал помещиком и Борис Сонцов. В том же году Иван и Яков Ивановы, дети Сонцовых, были жалованы царём Михаилом Фёдоровичем, а в 1670-м – Алексеем Михайловичем за службы несколькими поместьями. В 1629 году по жалованной грамоте получил здесь поместье и Борис Сонцов, который до того владел писцовыми (т. е. закреплёнными в писцовой книге) землями.

В поколенной росписи бывших князей, а потом просто служилых дворян Сонцовых, именовавшихся также Солнцовыми, Сонцевыми и Солнцевыми, сказано, что Иван Иванович в 1627-29 годах был каширским городским дворянином, в 1634-м – воеводой в Лебедяни. Его брат Яков Иванович в 1658 году – воевода в Епифани, в 1670-м – каширский и венёвский помещик. Сын последнего, Иван, в 1679 году был стряпчим, в 1682, 1686, 1696 годах значился как стольник. А вот уже его сын, Евдоким Иванович, и внук, Алексей Евдокимович, в службах не бывали и значились только помещиками.

У Алексея Евдокимовича было два сына – подполковник Семён, женатый на Дарье Яковлевне, роду которой принадлежало село Должиково в той же Малыньской волости, и Михаил, подпоручик, помещик Венёвского уезда, владелец имения в Коровине, женатый на Прасковье Матвеевне.

Из приходских книг видно, что Коровино с 1774 года входило в Николаевский приход села Тютьково, Никольское

тож. В приходе было всего 40 дворов. Но в связи с тем, что холодный деревянный храм, построенный в конце XVII – начале XVIII веков, часто ремонтировался, приход нередко приписывался к Казанской церкви села Малынь.

По данным шестой подушной ревизии 1811 года, за Михаилом Сонцовым в Коровине числились 92 крепостные души мужского пола и за женой его – 51 душа. А за вдовствующей подполковницей Дарьей Яковлевной и её детьми Владимиром и Анной Семёновыми Сонцовыми – 63 мужские души в Должикове. Их совладельцами были майор Дмитрий Иванович Залыгин и коллежский советник Дмитрий Степанович Нечаев, которым соответственно принадлежало 20 и 24 крепостных мужика.

Тютюково же принадлежало полковнику лейб-гусарского полка, а затем организатору Московского драгунского полка Евграфу Владимировичу Давыдову, знаменитый портрет которого, написанный О. А. Кипренским, долгое время считали изображением его племянника, поэта-партизана Дениса Давыдова. Возможно, именно в Тютюково, а не в Аксиньино Венёвского района, как считают сейчас исследователи, приезжал Кипренский для работы над портретом. За него он, как известно, был в 1812 году удостоен звания академика; полком же, созданным Е. Давыдовым на свой счёт, командовал его брат, владелец имений в сёлах Большом, Бельночках и Хмелевом Венёвского уезда Николай Владимирович Давыдов.

Из других соседей Сонцовых отметим гвардии подпоручика Фёдора Алексеевича Ладыженского, имевшего 197 мужиков в Малыни и 37 – в Семенкове, его совладелицу по этим имениям майоршу Анну Ивановну Ракитину, которой принадлежало соответственно 51 и 15 душ.

В Косяеве помещиками были князь Пётр Сергеевич Выдбольский, подпоручик Пётр Петрович Дурново, коллежская регистраторша Надежда Ивановна Филиппова и прапорщица Екатерина Ларионовна Философова. В селе Накопалово – коллежский советник Фёдор Фёдорович Павлов с дочерьми Екатериной и Варварой, а также Александр Степанович и Иван

Семёнович Дурново. В Степановке – бригадир Иван Степанович Шишковский.

В то же время помещиками уезда были и другие Сонцовы. В их числе капитан Василий Данилович и его жена Прасковья Андреевна в Алитове, Сонцеве и Нижних Заломах, поручик Василий Васильевич, майор Александр Васильевич, капитан Андрей Васильевич, девица Надежда Васильевна в Больших Заломах, штабс-капитан Павел Васильевич в Курмышках, Малые Залома тож; канцелярист Лев Васильевич, неслужилый дворянин Владимир Васильевич, девица Мария Васильевна в Нижних Заломах.

У Михаила Сонцова были сыновья Алексей, имевший чин сержанта и не оставивший о себе памяти, и Матвей (1779-1847) – действительный статский советник и камергер, муж рано осиротевшей после смерти отца Льва Александровича (1723-1790) и матери Ольги Васильевны (1737-1802) Елизаветы Львовны Пушкиной – родной тётки великого русского поэта. Он и наследовал имение отца в Коровине.

Матвей Михайлович был довольно известной фигурой эпохи. Работая переводчиком в Коллегии иностранных дел, он рано познакомился со многими литературными светилами. В числе его друзей были И. И. Дмитриев, К. Н. Батюшков, В. В. Измайлов, В. Л. Пушкин, А. М. Пушкин, П. А. Вяземский, дипломат и меценат Н. Б. Юсупов. Сам М. М. Сонцов тоже не был чужд литературной деятельности. Но наиболее привлекало в нём умение сходитьсь с людьми, находить удовлетворение даже в неинтересных, порой навязчивых и никчемных беседах и встречах. Это высоко ценил И. И. Дмитриев.

В большой, даже неразлучной дружбе М. М. Сонцов был с Василием Львовичем Пушкиным. Это убедительно доказывают письма последнего. Эта дружба и способствовала тому, что Матвей Сонцов в начале 1800- годов стал мужем младшей сестры Василия Львовича – Елизаветы Пушкиной.

Сохранившаяся переписка и литературные свидетельства скупо отражают семейные связи Сонцовых и Пушкиных. А потому нельзя наверняка говорить о пребывании новобрачных в Коровине. Но имевшаяся народная молва и русский свадебный

обычай почти не оставляют в этом сомнений. Учтём, что здесь, в сёлах Щучье, Харино, деревне Ключево, находились и имения их близкого друга и родственника Алексея Михайловича Пушкина.

По свидетельству современников, Матвей и Елизавета Сонцовы были людьми приветливыми и добродушными. Они с вниманием относились не только к родным и близким, но и к общинным крестьянским делам. Так, в ознаменование своего супружеского счастья Матвей Михайлович подарил церковному причту села Тютково 8 десятин 1412 саженьей земли из своего коровинского имения. В наши дни эта местность носит название церковного, или приходского поля. И, конечно, добродушием Сонцовых пользовались знакомые, в том числе и Пушкины.

В письме к Д. В. Дашкову от 9 августа 1812 года К. Н. Батюшков сожалел:

«Я увижу... весь Парнас, весь сумасшедших дом... кроме нашего милого, доброго и любезного Василия Львовича, который пишет мне, что какой-то Венёв, город вовсе не известный на лице земном, будет обладать его особою...»

Следовательно, за несколько дней до Бородинской битвы В. Л. Пушкин находился в Венёве. Скорее всего – у своей сестры Елизаветы Львовны и её мужа Матвея Михайловича Сонцовых. Сюда, к родной сестре, он привёз, судя по письму того же Батюшкова, сына Льва, которого он будто бы в спешке «вместе с книгами забыл в Москве, но слуга вынес его на руках».

Но у В. Л. Пушкина, кроме новорождённого сына Льва, была ещё двухлетняя дочь Маргарита (как и её брат, признанная незаконнорождённой). Она-то куда с матерью Анной Николаевной Ворожейкиной делась? Почему сам В. Л. Пушкин в письме к П. А. Вяземскому от 14 декабря 1812 года сообщает лишь, что потерял в Москве «всё движимое моё имение», но ничего не говорит о сыне? Потому, нам кажется, что ещё до сдачи Москвы Наполеону он успел вывезти всю семью в Венёв!

Но у В. Л. Пушкина было и другое, более безопасное укрытие – Болдино в Нижегородской губернии. Вот туда-то он и

отправился из Венёва вместе с семьёй и прибыл в Болдино лишь глубокой осенью.

Возможно даже, что Василий Львович вывез семью в Венёв вместе с Алексеем Михайловичем Пушкиным. Мать последнего, Наталья Абрамовна Пушкина (1747-1819), рождённая Волконская, имела владения по соседству: в Щучьем, Харине и Ключеве. Оттуда они вместе отправились в Нижний Новгород. Только этим, кажется, можно объяснить тот факт, что К. Н. Батюшков в письме от 3 октября говорит не в отдельности о каждом, а об общем горе Пушкиных:

«Алексей Пушкин плачет неутешно: он всё потерял, кроме жены и детей. Василий Пушкин забыл в Москве книги и сына: книги сожжены, а сына вынес на руках его слуга. От печали Пушкин лишился памяти и насилу вчера мог прочесть Архаровым басню о соловье. Вот до чего он и мы дожили! У Архаровых собирается вся Москва или, лучше сказать, все бедняки...»

А в 1814-м, вступая с победой в Париж, Батюшков писал Вяземскому:

«Это письмо отдай Пушкиной, обними за меня Василия Львовича, скажи мой душевный поклон его сестрице и Солнцеву и скажи Алексею Михайловичу, что он дурной пророк: он это теперь и сам чувствует...»

Летом 1820 года Василий Львович отправился к сестре в Венёв, а затем к тётушке Чичериной в Козельск. Время не оставило подробностей об этом путешествии «парнасского отца» А. С. Пушкина, но, возможно, он ехал не один.

«На этих днях, любезнейший мой, – писал В. Л. Пушкин 23 сентября Вяземскому, – я возвратился в Москву, прожив два месяца в Венёве и Козельске». До появления послания А. С. Пушкина «К вельможе» родные и близкие поэта, да и он сам были в дружеских отношениях с князем Н. Б. Юсуповым. Мало того, родители поэта некоторое время жили в его доме. Пушкины не раз бывали в подмосковном имении Архангельском, превращённом в богатейший музей. А так как Юсупов был непосредственным начальником Матвея Сонцова и помещиком Венёвского уезда, где владел деревнями Настасьино

и Белоколодезь, Кукуй тож, то это способствовало укреплению их отношений. Об этом свидетельствует и Вяземский:

«Солнцев был представлен Юсуповым в камергеры. В Петербурге нашли, что по чину его достаточно ему и звания камер-юнкера. Но Солнцев, кроме того, что был уже в степенных летах, пользовался ещё вдоль и поперёк таким объёмистым туловищем, что юношеское звание камер-юнкерства никак не подходило ни к лицу его, ни к росту. NN говорил, что он не только сановит, но и слоновит.

Князь Юсупов сделал новое представление на основании физических уважений, которое и было утверждено: Солнцев наконец пожалован ключом. Но вся эта проделка не могла ускользнуть от летописца, подобно С. А. Неелову. Он записал в свой Московский Временник следующее четверостишие:

Чрез брата, дядю
или друга
Иной по службе даст
скачок:
Другого вывезет сестра
или супруга,
Но он стал камергер
через собственный пупок.

Нередко Матвей Михайлович Сонцов выступал примирителем близких ему людей. Об этом свидетельствуют его усилия в примирении А. С. Пушкина с отцом и близкой роднёй, участие в смотринах и устройство свадьбы поэта с Натальей Николаевной Гончаровой, в успокоении родных и близких поэта, потрясённых в 1836 году смертью его матери – Надежды Осиповны, а в 1837 году – его самого.

«Сегодня везу к моей невесте Солнцева, – писал А. С. Пушкин 2 мая 1830 года Вяземскому. – Жаль, что представляю его не в прежнем его виде, доставившем ему камергерство. Она более благоволила бы перед родственным его брюхом...»

В мае 1836 года Пушкин писал жене: «Был у Солнцевой. Его (т. е. Матвея Михайловича – М. Б.) здесь нет, он в деревне. Она зовёт отца к себе в деревню на лето. Кузинки (т. е. двоюродные сёстры поэта Ольга и Екатерина Сонцовы – М. Б.) пишат, как галочки». 13 июля 1836 года поэт сообщал

И. М. Пеньковскому, что его отец «уехал из Петербурга 1-го июля – и я не получил об нём известий. Письмо сестры перешло к нему, коль скоро узнаю, куда к нему писать».

Сергей Львович находился в ту пору в Коровине у Сонцовых. Сюда А. С. Пушкин и переслал ему письмо Ольги Сергеевны. В ответ получил из Коровина следующее:

«Дорогой Александр. Я получил только что несколько строк от Оленьки. Она опасно больна, а в письме г-на Павлищева он мне так прямо и говорит, что осталась одна надежда на Божье милосердие. Я в отчаянии. Письмо г-на Павлищева, наполненное подробностями об управлении Михайловским и о разделе жениного наследства, растерзало мне душу и разбило сердце – я провёл бессонную ночь. Оно так неприлично и написано так (даже) чрезвычайно невежливо, без малейшего внимания ни к моему положению, ни к тому, что так мало времени прошло с моего несчастья. – Это человек очень жадный, очень корыстный и весьма мало понимающий то, что берёт на себя.

Не можешь ли ты сообщить мне более тщательные вести об Оленьке? Она тебе писала, она мне говорит даже, что вложила туда письмо для тебя. Получил ли ты моё и 100 руб. для горничной?

Прощай, дорогой друг, обнимаю вас обоих, а также деток. Я теряю голову. С.

Подумав, я посылаю тебе письмо г-на Павлищева в подлиннике. Имей терпение прочесть его. Ты увидишь, как он жаден, как он преувеличивает ценность Михайловского и как мало понимает в управлении имением. Счёты с управляющим тоже преувеличены, потом – какая холодность. Он говорит о болезни Оленьки только вскользь и при том так, точно он сообщает о здоровье лица, ему постороннего, человеку, которому ещё более чуждо».

Таким образом, в Коровине, судя по этому письму, а также по письму со ста рублями для горничной произошло полное соединение чувств и мыслей отца и сына в семейных делах.

В семье Сонцовых не было сыновей. Поэтому после смерти владельца Коровино наследовала его жена, но через год и её не стало. Наследницей стала дочь Елизавета. В 1857 году здесь насчитывалось более 450 прихожан Казанской церкви села Малынь, в том числе 252 мужского пола. А через год за помещицей Екатериной Матвеевной Сонцовой здесь значилось (цифра неразборчива) крепостных крестьянина мужского пола и 16 дворовых.

В пользовании этих крестьян находилось 240 десятин пашни и 15 – сенокосов. Кроме того, 41,54 десятины земли находились в руках крестьян-собственников, число которых не указано. За помещицей оставалось 329 десятин. Освободила Е. М. Сонцова от крепостной зависимости сто мужиков с наделом в 300 десятин. Это был наивысший надел в Венёвском уезде.

Сравнивая приходские списки 1857 года с документами об освобождении крестьян, можно заметить, что в Коровине ещё до реформы добрую половину населения составляли вольные хлебопашцы.

Кроме Екатерины, у Сонцовых была ещё дочь Ольга, о которой сохранилось мало известий. В числе помещиц уезда она не упоминается, а в 1880 году умерла незамужней. Похоронена вместе с родителями и сестрой в Донском монастыре в Москве. На этом, можно сказать, и прекратились связи Сонцовых, а значит, и Пушкиных с Коровином.

С тех пор многое что изменилось. Если ранее это был глухой северо-восточный угол Венёвского уезда, куда полицейские наведывались в особых случаях, то ныне рядом с селом, ставшим центром отделения совхоза, пролегла широкая автомагистраль, а близко протянулась железная дорога, по которой ходят электрички. Жители села не только забыли о крепостном праве, что утверждают, будто помещиков у них никогда не было. Но всё же обнесённый рвом и валом участок земли в несколько гектаров на южной окраине села называют барским садом. Далее за ним в таком обвалованном прямоугольнике видны бугорки бывших строений. Их старожилы зовут барской усадьбой.

– Из древностей на моей памяти здесь стояла большая полузасохшая сосна – говорит старожил села Пётр Васильевич Захаров. – Но она свалилась, остался только кустарник ... Многие помнят деревянную церковь в селе Тютково, но она обветшала и тоже развалилась. Сохранилось лишь кладбище, общее для двух сёл...

Однако старинных надгробий найти там не удалось. Сохранились частично сады усадьбы Давыдовых, но ещё хуже, чем в Коровине.

Большинство пушкинистов утверждают, что летние месяцы в детстве А. С. Пушкин проводил в подмосковном Захарьине. Но так как это имение было куплено его бабушкой лишь в 1806 году, то нам кажется, ранее, да и потом он вместе с родителями и сестрой в имении своей родной тётки Елизаветы Львовны, то есть в Коровине, встречался здесь с двоюродными сёстрами Сонцовыми. Это может раскрыться в следующих исследованиях, особенно в Тульском госархиве⁵².

Пушкин и Тульский край

В связи с тем, что многие предки, родные и близкие поэта, а потом и его потомки были связаны с нашим Тульским краем, мне более двух десятков лет пришлось раскрывать эти связи. А сейчас с уверенностью могу сказать, что очень многое мы ещё не знаем не только о родных и близких Александра Сергеевича, но и, к сожалению, о нём самом. А ведь он скорее всего бывал в наших краях, может, и не раз, у родной своей тётки Елизаветы Львовны в сельце Коровино Венёвского уезда. Здесь во время наполеоновского нашествия в 1812 году спасалась семья его дяди Василия Львовича, с 1836 года, после смерти Надежды Осиповны, неоднократно жил в летние месяцы отец поэта Сергей Львович.

Вот это-то и обязывает нас хотя бы в преддверии 200-летия поэта отдать дань памяти и уважения роду Пушкиных.

⁵² Бороздинский М. Сонцовы и Пушкины // Молодой коммунар. 1990. 20 янв. С. 2.

Род Пушкиных по свидетельству самого поэта, а также известных родословцев Петра Долгорукова, В. Л. Модзолевского, В. И. Чернопятава и других, начинался с «прусского выходца Радши или Рачи» ещё в первобытной Руси, а поэтому мы не знаем, были ли его основатели связаны с нашими землями. Но вот в XV колене от Радши был Пётр Петрович Пушкин, который в 1646 году служил есаулом в Большом полку, располагавшемся по Осетру, затем находился на службе у засек в наших же краях, а кончил жизнь в 1661 году товарищем воеводы в Туле.

Ещё до этого «во 123 и во 124 году», что соответствует 1614-1615 годам, стольник и воевода Иван Пушкин отделял пашню и дикое поле стрельцам города Гремячева (на нынешней новомосковской земле). В 1626 году Фёдор Пушкин и подъячий Дружина Фёдоров «писали и мерили гремячевские и венёвские земли» на новых помещиков. Так что связи наши с Пушкиными очень давние и, к сожалению, из-за наше небрежности и нелюбознательности давно забытые.

Да и только ли об этом речь! К стыду нашему, мы до сих пор не знаем не только детства поэта, у кого из родных и когда он бывал, но и где он родился. До 1927 года, как известно, все считали, что поэт родился в Москве на Бауманской (ныне Немецкой) улице в доме 57, принадлежавшем графине Е. А. Головкиной. В 1880 году, перед открытием памятника, здесь была установлена мемориальная доска. Но из-за ошибки, допущенной в метрической записи при крещении поэта, тогда же начались споры. Противники первооткрывателя А. А. Мартынова стали доказывать, что рождение произошло во дворе Рованда, купленном через 50 дней после этого домоправителем Головкиной Скворцовым И. В. Однако, пока были живы дети поэта, мемориальная доска нерушимо оставалась на доме № 57.

После же кончины в 1919 году старшей дочери поэта нашлись в Москве люди, которые возобновили спор. Лидером в нём выступил заместитель председателя секции «Старая Москва» Л. А. Виноградов. Он, не имея достаточного опыта в пушкинистике (да и вообще в литературе), путём различных

подлогов, извращения фактов и документов необоснованно обвинил покойного Мартынова в дилетантстве, спешке, других грехах и добился всё-таки перенесения мемориальной доски с дома № 57 на дом № 40 по той же улице.

В последнее же время «доказательства» Л. А. Виноградова, изложенные в книге 1930 года «Пушкин в Москве», подверглись сомнениям. На этой почве в 1980-х годах появилось «доказательство» инженера С. К. Романюка о том, что Пушкин якобы родился в доме И. В. Скворцова на углу Малой Почтовой (бывшей Хапиловской) улицы и Госпитального переулка. После опубликования в 1983 году его материала в альманахе «Куранты» здесь появилась новая мемориальная доска о рождении Пушкина. Здесь стали проводиться в памятные и юбилейные дни пушкинские чтения, экскурсии. Однако к 150-летию со дня гибели поэта лжеутверждения С. К. Романюка были мной разоблачены. Бауманский райисполком столицы убрал незаконную доску со школьной базовой столовой № 25.

В одном из давних изданий мне как-то довелось увидеть доклад члена училищного совета Венёвского уезда Н. А. Пушкина (внука поэта), в котором говорилось, что «в текущем, 1914 году, я произвёл экзамены в Городенской, Озеренской, Урусовской и Княжевской земских школах.

Городенская школа

Учительницей, как и в предыдущем году, состоит Л. А. Кодексова... К экзамену явились... 3 мальчика и девочка. Ответы двух... были вполне удовлетворительны. Хорошо отвечали по истории и географии. Что же касается двух остальных, то недостаточность их познаний объясняется, по словам учащихся, болезнью манкировкой одного и неспособностью другого.

Княжеская школа

Учительницей состоит М. Пастухова... На экзамен явилось 4 мальчика. Двое... отвечали весьма удовлетворительно по вопросам программы, но обнаружили весьма мало познаний о отечественной истории и географии. Вообще дети мало развиты. Остальных двух учеников ответы значительно слабее.

Изложения с орфографической стороны и стороны слога оставляют желать много лучшего...»

А в метрической книге Марыгинской церкви за 1901 год прочитал, что 1 марта родился, а 18-го окрещён Львом сын штаб-ротмистра Александра Александровича Павлова и законной жены его Екатерины Андреевой. Восприемниками же младенца от купели были Александр Александрович Пушкин и Наталья Ивановна Гончарова. Это речь уже о потомках поэта.

В настоящее время Пушкинский дом в Ленинграде и музей А. С. Пушкина в Москве ознакомлены с несостоятельностью доводов Л. А. Виноградова, на основании которых в 1927 году было пересмотрено место рождения поэта. Внимательным исследованием метрических книг, исповедных ведомостей за 1793-1800 годы, указателей Москвы XVIII-XIX столетий и других документов удалось доказать его неправоту и защитить честь выдающегося историка и исследователя Москвы А. А. Мартынова. Положительные же отзывы из Пушкинского дома, из Центрального Московского управления охраны памятников истории и культуры дают надежду на восстановление первородного дома поэта и открытие в нём семейного Пушкинского музея.

На днях появилось сообщение о том, что в Москве прошло совещание по воссозданию ликвидированного в своё время волевым решением Пушкинского общества. Это, считаю, очень гуманное и благородное дело. Вынесение же памятника поэту со двора Новомосковского авторемзавода в центр города, что предлагает Т. Быкова, на всеобщее обозрение новомосковцев было бы не только большим вкладом в увековечивание памяти поэта, всего знаменитого рода Пушкиных, но и в историю Новомосковска⁵³.

Пушкины и Тульский край

1990-й год, должен быть особенным в пушкинской истории, так как именно нынешней весной зародилось движение

⁵³ Бороздинский М. Пушкин и Тульский край // Новомосковская правда. 1990. 25 мая. С. 3.

за воссоздание ликвидированного в своё время волевым решением Пушкинского общества. А это особенно важно для нас, жителей Тульской области, с которой очень тесно был связан с древнейших времён род Пушкиных.

По свидетельству самого поэта, а также известных российских родословцев П. В. Долгорукова, Б. Л. Модзалевского, нашего земляка В. И. Чернопятава и других, начинался этот род от «прусского выходца Радши или Рачи, мужа честна», но Пушкины появились только в седьмом колене, от Григория Ивановича Морхини, имевшего прозвище «Пушка».

Мы не знаем, были ли основатели рода Пушкиных связаны с нашей, Тульской землёй, но можно предположить, что они не раз бывали здесь. Не зря же писцовые книги свидетельствуют, что «во 123 и во 124 году», что соответствует 1614-1615 годам, стольник и воевода Иван Пушкин отделил пашню и дикое поле стрельцам города Гремячева в нынешнем Новомосковском районе. А в 1626 году Фёдор Пушкин и подъячий Дружина Федотов «писали и мерили гремячевские и венёвские земли».

Настоящая же связь Пушкиных с Тульским краем известна с представителем этого рода в XV колене от Радши. Это был прапрапрадед великого поэта – Пётр Петрович Пушкин.

Время очень немного сохранило нам об этом человеке, но известно, что отец его, Пётр Тимофеевич, по прозвищу «Черной»⁵⁴, и мать Елена Григорьевна Сунбулова, были связаны

⁵⁴ Примечание редактора: Пётр Тимофеевич Пушкин, также Черной, Толстой – прямой предок А. С. Пушкина. Родился в семье Тимофея Семёновича Пушкина (год рождения неизвестен), в 1610 году получил чин жильца (низший чин Москвы), через восемь лет – дворянина московского. В 1619 году Пётр Пушкин женился на Елене Сунбуловой, которая родила ему сына Петра. Пётр Пушкин был пронским (1624) и тюменским (1625–1628) воеводой, затем – объезжим головой (исполнял полицейские функции) в Белом городе (от Неглинной улицы до Покровки). По состоянию на 1631–1632 годы имел поместья в Галицком, Московском и Рязанском уездах, а также две вотчины, обе в Рязанском уезде: одна была получена Петром за службу, вторая, в селе Екимовском (Макееве), – как приданое. 27 июля 1633 года Пётр

с Рязанским, Пронским, Московским, и, возможно, с Венёвским и другими Тульскими уездами. Сын же их, Пётр Петрович, в 1646 году значится есаулом в Большом полку в Белгороде, в 1652-м – он стольник, в 1654-м – рында, т. е. царский телохранитель⁵⁵, в 1659-м на службе у засек, а в 1660-м – московский дворянин и товарищ воеводы в Туле.

Пётр Петрович был довольно крупным землевладельцем по тем временам. За ним в Рязанском уезде значилось поместье в 140 четвертей в поле, да вотчина – село Мокеево с 727-ю четвертями земли в поле. А кроме того, он получил в Чигиринскую службу 113 четвертей земли в поле. А если всё это утроить согласно трёхпольному севообороту, то получится делянка почти в три тысячи четвертей, или около двух тысяч десяти⁵⁶.

Пётр Петрович был дважды женат. Первой женой была Пелагея Фёдоровна Феофилаьева, сведений о которой не сохранилось. А вот вторая, Анастасия Афанасьевна Желябужская, оставила о себе довольно забавную память.

Между прочим, и брат её, ясельничий Иван Афанасьевич, остаётся до сих пор известным автором замечательных «Записок Желябужского с 1682 по 2 июля 1709 года», изданных Д. И. Языковым в 1840 году и И. П. Сахаровым в 1841-м. Племянник же, Михаил Желябужский, в 1770-х годах был городничим в г. Венёве.

Ну, а в чём же состоит память второй жены П. П. Пушкина? Да в том, что она после кончины мужа в 1661

Пушкин был назначен сотником в Москве у Покровских ворот «для приходу крымских людей». Скончался не ранее 27 июля 1633 года. По данным Николая Лернера, около 1642 года. Источник: Наумов О. Н. Пушкины: генеалогическая энциклопедия (М., 2020. 592 с.).

⁵⁵ *Примечание редактора: в 1654 г. П. П. Пушкин не был рындой, правильная дата – 1645 г.: «Краткий послужной список П. П. Пушкина: рында, есаул в полку, стольник, «воевода у засек» в Туле» (Черкашин А. А., Черкашина Л. А. Тысячелетнее древо А. С. Пушкина: корни и крона. М., 1998. С. 89).*

⁵⁶ *Примечание редактора: трудно согласиться с доводами автора по утроению площади пахотной земли, в трудах О. Н. Наумова «Пушкины: генеалогическая энциклопедия» (М., 2020. 592 с.) и С. Б. Веселовского «Род и предки Пушкина в истории» (М., 1990. 336 с.) авторы этого не делают.*

году, вопреки всяким запретам, невенчанной стала жить со своим дядей – князем Иваном Петровичем Козловским. Об этом, естественно, стало известно Пушкиным, потом дошло до церкви и царя.

При разборе дела в 1675 году Анастасия Афанасьевна призналась, что действительно «лет с десять и больше жила с дядею своим со стольником Иваном Козловским». А «он, князь Иван, великому государю вину свою во всём том принёс». Царь же, Алексей Михайлович, указал: «Князя Ивана Козловского отдать за пристава», а А. А. Пушкину «послать под начал до своего, великого государя, указу, в монастырь за Тверские ворота Пречистые Богородицы Страстные к игуменье Домне с подъячим тайных дел, и велено её игуменье держать под крепким начальством».

Но «крепостное начальство» через некоторое время освободило Анастасию Пушкину от заточения в Страстном монастыре, отправив в ссылку в одну из деревень Алексинской вотчины. Уже отсюда, из Алексинского уезда, А. А. Пушкина вела потом переписку с царевной Прасковьей Ивановной (1694-1731), что, по всей видимости, и способствовало полному её оправданию. Одно из писем А. А. Пушкиной в 1884 году было напечатано в 44-м томе журнала «Русская старина».

В родословных росписях А. А. Пушкина часто упоминается под фамилией Козловской. Умерла она уже после 1680 года. Однако после неё остался наследник, названный опять же Петром Петровичем Пушкиным.

Прапрадед поэта, или Пётр Петрович Пушкин II, родился в 1644 году, а в 1671-м был уже стряпчим, в 1677-м стольником и вместе с боярином и князем М. А. Голицыным управлял Владимирским судным приказом.

А кроме того, он в 1673 году воевал с турками, принудившими Польшу к кабальному договору, а в 1680-м женился на Федосье Юрьевне Есиповой, владения которых находились в селе Алябьево Чернского уезда, и в селе Есипово Венёвского уезда.

Её сестра Ульяна Юрьевна (умерла 12 февраля 1740 г.) была замужем за стольником и бригадиром Василием

Ивановичем Приклонским (умер 1 мая 1726 г.)⁵⁷, потерпевшим известное поражение от Юрия Богдановича Хмельницкого под Бужином.

Однако женитьба П. П. Пушкина оказалась неудачной, ибо жена его страдала падучей болезнью. В её владении находились имения в Дмитровском, Московском, Арзамасском (с. Болдино), Рязанском (с. Мокуево) уездах, а в 1690-м году он выменял дер. Латыгорь в Зарайском уезде.

Упомянем ещё несколько вех судьбы П. П. Пушкина: в 1681 году он участвовал в войне с крымцами, в 1682 – в Земском соборе об уничтожении местничества. В его владения входили имения в Дмитровском, Московском, Арзамасском уездах (в последнем – знаменитое Болдино), в Рязанском (Мокуево), а в 1690 году он выменял деревню Латыгорь в Зарайском уезде. Умер он 12 февраля 1699 года⁵⁸ и похоронен вместе с отцом под галереей Вознесенского собора Варсонофьевского монастыря. В память об этом здесь до 1890-х годов сохранялась на стене надпись:

«Род Пушкиных. Лета 7168 году преставился раб Божий стольник Пётр Петрович Пушкин, а в двусотом году февраля 12 числа представился сын его, раб Божий, стольник Пётр Петрович Пушкин, от рождения жития его было 48 лет»⁵⁹.

После Петра Петровича остались сыновья Иван, Леонтий, Александр и Фёдор, а также дочь Василиса, в замужестве Собакина⁶⁰. Александр Петрович оказался прадедом

⁵⁷ *Примечание редактора: полагаем, что в работе допущена ошибка. Речь идет, вероятно, о Приклонском Михаиле Васильевиче (стольнике), скончавшемся в 1682 году (Русский биографический словарь: в 25 т. СПб.: М., 1896–1918). Воинское звание бригадир появилось в 1705 г.*

⁵⁸ *Примечание редактора: полагаем, что допущена ошибка в датах. Пётр Петрович Пушкин (1644–1692) (Черкашин А. А., Черкашина Л. А. Тысячелетнее древо А. С. Пушкина: корни и крона. М., 1998. С. 90).*

⁵⁹ *Примечание составителя: даты рождения и смерти даны по старому летоисчислению.*

⁶⁰ *Примечание редактора: «Пётр Петрович младший стал отцом шестерых детей: сыновей Ивана, Леонтия (Льва), Ильи, Александра, Фёдора и дочери Аграфены» (Черкашин А. А., Черкашина Л. А. Тысячелетнее древо А. С. Пушкина: корни и крона. М., 1998. С. 90).*

А. С. Пушкина, а Фёдор Петрович – прадедом его матери Надежды Осиповны. Их связей с тульским краем не прослеживается. Тем не менее род Пушкиных как таковой этих связей не терял. Во всяком случае сельцо Троицкое, Козловка тож в Ефремовском уезде, сёла Большое Грызлово и Волхово, деревня Трухачево в Каширском, сельцо Нечаево в Алексинском, а с 1804 года село Щучье и деревня Ключевая в Венёвском уездах длительное время принадлежали Пушкиным.

Непосредственная же связь семьи Пушкиных с Тульским краем возобновилась после того, как тётя поэта Елизавета Львовна, вышла замуж за сына венёвского помещика, переводчика коллегии иностранных дел и камергера Матвея Михайловича Сонцова (1779–1847).

Бывший когда-то княжеским, а потом обедневшим дворянским, род Сонцовых ещё в начале XVII столетия стал землевладельцем в Венёвском уезде. Его представителям здесь принадлежало более десятка поселений, в том числе и сельцо Коровино, которым владел Михаил Алексеевич Сонцов. По данным IV-й подушной переписи (ревизии) 1782 года ему, а вернее, его матери, Марии Яковлевне, в 1763-м году принадлежали здесь 61 крепостной мужик и 45 женщин, а к 1782-му году М. А. Сонцов наследовал соответственно, 82 и 74 души крепостных.

Мы не знаем, бывали ли родные и близкие поэта, а также и сам он в детские годы в сельце Коровино, но родственные обычаи предполагают такие посещения в ходе свадебных торжеств и в последующие годы. А, кроме того, сельцо Коровино до покупки сельца Захарова, или Захарьина, бабушкой поэта, Марией Алексеевной, было единственным местом в Подмоскovie, где семья Пушкиных могла проводить летние месяцы. А так как Захарьино, по свидетельству двоюродного брата матери поэта Надежды Осиповны, Александра Юрьевича Пушкина, было куплено только в 1806-м году, то вполне возможно, что будущий поэт бывал в Коровино со своими родителями в раннем детстве.

Родные поэта в Коровине, несомненно, бывали. Так, поэт К. Н. Батюшков писал в одном из писем от 9 августа 1812 года,

отправляясь в Москву: «Я увижу и Каченовского, и Мерзлякова, и весь Парнас, весь сумасшедший дом, кроме нашего милого, доброго и любезного Василия Львовича (Пушкина, дяди поэта – М. Б.), который пишет мне, что какой-то Венёв, город вовсе неизвестный на лице земном, будет обладать его особою».

Так незадолго до Бородинской битвы дядя поэта оказался у своей сестры Елизаветы Львовны Сонцовой. Скорее всего, он приехал сюда не один, а со своей гражданской женой Анной Николаевной Ворожейкиной и детьми Маргаритой и Львом, которые и нашли здесь временное убежище.

Сонцовы немало способствовали примирению поэта с его отцом после того, как отец по настоянию опочечского предводителя дворянства Пещурова согласился контролировать переписку сына и принимать меры к благонадёжному поведению его в отношении правительства. Благодаря этому у отца поэта Сергея Львовича установились тёплые отношения с хозяевами Коровина. После кончины жены он нашёл здесь душевное успокоение.

Летом 1836 года Сергей Львович оказался в Коровине, откуда 7 августа послал письмо сыну.

С тульской землёй тесно связаны и потомки поэта. Старшая дочь Пушкина, Мария Александровна, в течение пятнадцати лет прожила здесь с мужем Леонидом Николаевичем Гартунгом – начальником коннозаводского округа Тульской губернии. Это здесь, в Туле, она познакомилась в начале 1868 года с Толстым, обесмертившим её в образе Анны Карениной. Сельцо Федяшево – родовое имение Гартунгов – до сих пор напоминает некоторыми постройками о причастности к роду Пушкиных.

В Венёвском уезде не раз бывал и жил старший сын поэта Александр Александрович. Здесь, в имении своей второй жены Марии Александровны Павловой Малом Останкине, он и скончался 19 июля 1914 года. Похоронили его в селе Марыгине, а в 1963 году прах перенесли в Чехов Московской области.

В Останкине не раз собирались многие потомки и близкие поэта. Об этом свидетельствовала крестница и воспитанница М. А. Пушкиной (Павловой) Аграфена Иосифовна Баранова. А

мне в метрической книге Марыгинской церкви за 1801 год пришлось однажды прочитать, что «марта 1-го родился, 18-го окрещён Львом сын штаб-ротмистра Александра Александровича Павлова и законной жены его Екатерины Андреевой. Восприемниками были Александр Александрович Пушкин и Наталья Ивановна Гончарова». Это уже внук поэта и племянница его жены.

В одном из давних изданий довелось прочитать несколько докладов члена училищного совета Венёвского уезда Николая Александровича Пушкина, внука поэта, где говорилось, что «В текущем, 1914 году я произвёл экзамены в Городенской, Озеренской, Урусовской и Княжеской земских школах.

Городенская школа. Учительницей, как и в предыдущем году, состоит Л. А. Кодексова... К экзаменам явились... 3 мальчика и девочка. Ответы двух... были вполне удовлетворительны. Хорошо отвечали по истории и географии. Что же касается двух остальных, то недостаточность их познаний объясняется, по словам учащихся (то есть учительницы и законоучителя – М. Б.), болезнью и манкировкой одного и неспособностью другого.

Княжеская школа. Учительницей состоит М. Пастухова... На экзамен явились 4 мальчика. Двое... отвечали весьма удовлетворительно по вопросам программы, но обнаружили весьма мало познаний в отечественной истории и географии. Вообще дети мало развиты. Остальных двух учеников ответы значительно слабее. Изложения с орфографической стороны и стороны слога оставляют желать много лучшего...»

У бывшей крестницы и воспитанницы М. А. Пушкиной (Павловой) А. И. Барановой довелось мне читать письма и рассматривать фотографии потомков поэта из Брюсселя. Н. А. Пушкин и его жена Надежда Алексеевна, рождённая Петунникова, с горечью рассказывали в них о своих злоключениях, очень благодарили «милую, хорошую Грушу» за внимательное отношение к могиле родителя в Марыгине, а вместе с тем сожалели, что покинули Россию в революционные годы и не могут уже вернуться. Но потом А. И. Баранова отослала эти пять писем и три фотографии кому-то в Москву, и

это помешало назначению ей пенсии. Памятью о ней остались многочисленные рассказы, записанные в ходе бесед о Пушкиных, да копии писем, снятые в спешке не очень удачно...⁶¹.

Может, старожилы знают?..

Род Пушкиных, как известно, был связан в своё время и с нашим родным краем. Об этом было как-то рассказано в статье «Пушкины и Тульский край». Но вот некоторые из Пушкиных до того загадочны, что до сих пор остаются нераскрытыми. И в первую очередь к ним относится муж помещицы села Шишлово Елизаветы Ивановны Пушкиной, урождённой Змиевой.

По «Родословному сборнику» В. В. Румвеля и В. В. Голубцова известно, что Елизавета Ивановна была дочерью венёвского уездного судьи, в 1812-1822 годах подпоручика Ивана Квинтилионовича Змиева и его жены Екатерины Ивановны, урождённой Нудольской. А «ревизские сказки» 6-й подушной переписи 1811 года свидетельствуют, что имение Змиевых в ту пору находилось в сельце Колодезном из 40 крепостных мужского пола, владения же Нудольских охватывали село Симаково, деревни Андреевку, Прудки, Акулышино, сельцо Новое, или Альхов колодезь тож.

Елизавета Ивановна Пушкина, которая именуется в «ревизских сказках» 1850-го года мещанкой, наследовала Шишловское имение по разделу с братьями и сёстрами в 1837-м году, после смерти отца. Ей досталось тогда 10 человек дворовых, а также 41 душа мужского и 42 женского пола крепостных крестьян в 9 дворах. Но кто из Пушкиных был её мужем, ни в «Российских родословных книгах» Петра Долгорукова, ни в «Родословной росписи Пушкиных», составленной Б. Л. Модзалевским и М. В. Муравьевым, ни в «ревизских сказках» не упоминается.

⁶¹ Бороздинский М. Пушкин и Тульский край // Красное знамя. 1990. 9, 19, 28 июня. См. также: Бороздинский М. Пушкины и Тульский край // Молодой коммунар. 1990. 18 окт. С. 3.

При отмене крепостного права Пушкина тоже являлась вместе с Волковой, Григоровой и Титовой одной из помещиц села Шишлово. По Уставным грамотам о переходе крестьян из крепостного во временно-обязанное состояние, хранящимся в Госархиве Тульской области в фонде 74 по описи 3/12 под №№ 131-135, они соответственно освободили здесь 34, 132, 32 и 31 мужика с земельными наделами в 102, 396, 96 и 93 десятины. И опять-таки в «Уставной грамоте» Пушкиной о муже не упоминается.

Может, из старожилов кто-то слышал что-нибудь о помещице Пушкиной в селе Шишлово и её муже? Или это кому-то известно из других источников, о которых здесь не упоминалось? Мы очень просили бы этих товарищей раскрыть загадочную тайну. Ведь она тоже будет способствовать более глубокому познанию великого Пушкина к его 200-летию!

Род А. С. Пушкина и наш край

Думаю, читателям будет интересно узнать о связях Пушкинского рода с нашим краем.

По родословной Пушкиных известно, что ещё прапрапрадед поэта Пётр Петрович Пушкин был в 1660-х годах товарищем (т. е. заместителем) воеводы в Туле. Потомки же его, в том числе и сын⁶² Фёдор Петрович, владели поместьями в Венёвском, Епифанском, Рязанском и других соседних уездах. Этот Фёдор Петрович был дедом бабушки поэта, Марии Алексеевны Пушкиной-Ганнибал.

В архивах Москвы и Тулы до сих пор хранятся десятки документов, подписанных Фёдором Пушкиным, в том числе «Гремячевские писцовые книги, письма и меры Фёдора Пушкина и Дружины Федотова во 132 (1623) году». А до этого, ещё «во 123 и во 124 году», т. е. в 1614-1615 годах, «стольник и воевода Иван Пушкин да Фёдор Кошкин» гремячевским стрельцам «отделяли всем с ряду с одного не расписывая за

⁶² *Примечание редактора: полагаем, что допущена ошибка. Фёдор Петрович Пушкин является внуком Петра Петровича Пушкина, который был в 1660-х годах товарищем (т. е. заместителем) воеводы в Туле (Черкашин А. А., Черкашина Л. А. Тысячелетнее древо А. С. Пушкина: корни и крона. М., 1998.).*

ними пашни порознь». Ещё раньше, в 1589 году, «Остафей Пушкин да подъячей Алексей Михайлов» переписывали деревню Отскоки из вотчинны Венёва монастыря «к посадку венёвским казаком».

Давняя, очень давняя, выходит, у нас связь с Пушкинским родом.

4 января 1803 года, выйдя замуж за сына венёвского помещика Матвея Михайловича Сонцова, связала свою судьбу с нашим краем тётя поэта Елизавета Львовна Пушкина. Их имение в сельце Коровино нынешнего Серебряно-Прудского района до сих пор напоминает прямоугольными обваловками обширного сада и усадьбы тот старосветский уголок, известный нам по описаниям Н. В. Гоголя.

Старожилы Коровина ничего не знают и не помнят о своих помещиках, так как с 1861 года стали вольными хлебопашцами. А вот ревизские сказки, описание церковного прихода соседнего села Тютюкова П. И. Малицким, многочисленные публикации И. И. Дмитриева, его племянника М. А. Дмитриева, князя П. А. Вяземского, самого А. С. Пушкина довольно разносторонне характеризуют Сонцовых и наводят на мысль, что до покупки Марией Алексеевной в 1806 году сельца Захарова под Москвой, сельцо Коровино было первой деревенской колыбелью поэта.

Сватовство и свадьба – это события, конечно же, в первую очередь семейные. А у Елизаветы Львовны самыми близкими оставались братья Василий и Сергей Львовичи. И они непременно принимали участие в этом деле. А вместе с ними не могли не быть дети Сергея Львовича – Ольга и Александр.

В последние годы по признакам близкого родства Пушкины тоже могли и должны бывать у Сонцовых. После же Отечественной войны 1812 года Василий Львович и Сергей Львович не только бывали, но и жили в сельце Коровино у Сонцовых целыми месяцами.

Вполне возможно, что здесь мог бывать и сам поэт, особенно при возвращении с В. А. Дуровым из Арзрума в 1829 году и во время переезда с 4 по 12 марта 1830 года из Петербурга в Москву, когда некоторые подумали, что он

заезжал в Болдино. Ведь это время было связано с женитьбой поэта и, скорее всего, Сонцовы по его просьбе принимали в подготовке к ней самое активное участие.

После смерти поэта связь Пушкиных с нашим краем продолжалась. Ещё в 1830-х годах кто-то из мещан Пушкиных (предположительно, сын Василия Львовича Лев Васильевич, по решению Синода воспитывающийся под фамилией Васильева), женился на дочери венёвского уездного судьи И. К. Змеева Елизавете Ивановне, которая в 1837 году наследовала по разделу с братьями и сёстрами 10 душ дворовых и 83 души крестьян мужского и женского пола в селе Шишлово Венёвского уезда (ныне Новомосковский район). А в 1883 году старший сын поэта, Александр Александрович, вторично женился на венёвской помещице Марии Александровне Павловой и этим как бы навсегда соединил великого Пушкина с нашими местами.

Младший сын А. А. Пушкина, Николай Александрович (внук поэта), долгое время работал в Венёвском уездном училищном совете и оставил на память много выступлений, протокольных актов о проверке училищ и экзаменовке их учеников. В метрических книгах приходской церкви села Марыгино Венёвского уезда сохранилось много записей об участии Пушкиных, Гончаровых и другой родни поэта в крестинах помещичьих и крестьянских детей. А в 1914 году, в день начала первой мировой войны, была зарегистрирована кончина генерала А. А. Пушкина.

Здесь же, в сельце Марыгино, до 1980 года жила и смотрела за могилой старшего сына поэта крестница и воспитанница второй его жены Аграфена Иосифовна Баранова. Проживая в семье Пушкиных с 1880-х годов и воспитываясь с младшими их детьми Николаем и Еленой, она сердечно полюбила их, потом много рассказывала об отношении родных и близких поэта к памяти поэта.

Мне удалось скопировать несколько их писем, познакомиться с фотографиями, полученными А. И. Барановой из Брюсселя. И всё это подтверждает близкую связь Пушкиных с родным нашим краем.

Отмечая сегодня 192-ю годовщину со дня рождения А. С. Пушкина и приближающееся 155-летие со дня его кончины, мы вроде и не ощущаем, что он ушёл от нас. И пусть же вечно сияет немеркнущая его Звезда, Солнце поэзии российской!⁶³

Будем же уважаемы за память

«Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно: не уважать оной есть постыдное малодушие, – писал А. С. Пушкин. – ...Греки в самом своём унижении помнили славное происхождение своё и тем самым уже были достойны своего освобождения... Бескорыстная мысль, что внуки будут уважаемы за имя, нами им переданное, не есть ли благодарнейшая надежда человеческого сердца? Мои правнуки будут мне обязаны этой сенью!»

Да, Пушкин был велик! Вот поэтому-то он нередко является к нам светлым и противоречивым, не всегда понятным. Сколько уже копий переломано, сколько чернил исписано о его стихах и отдельных словах, а они стоят несокрушимыми утёсами в истории нашей и всё ярче освещают путь грядущим поколениям.

К Пушкину у каждого своя дорога, он для каждого сугубо личен. Немаловажную роль к тому же играет и веянье времени, так сказать, мода сегодняшнего дня. Именно это, нам кажется, и отражено В. Я. Брюсовым и В. С. Непомнящим в характеристиках поэта. Но, несмотря ни на что, он всегда представляется большим патриотом России, великим раскрывателем и провозвестником её истории, хотя здесь у него тоже немало неясностей и противоречий.

Считается, что «гроза 12 года», а потом «История государства Российского» Н. М. Карамзина взволновали и потрясли душу Пушкина. Но немаловажную роль сыграли и «свидетели екатерининского века», живые «памятники 12 года», декабристы. Пушкин никогда не упускал случая, чтобы в

⁶³ Бороздинский М. Род А. С. Пушкина и наш край // Куликово поле. 1991. Июнь (№ 6). С. 3.

личных беседах с ними понять историю, восполнить её живыми воспоминаниями. Подумать только: старый Н. Н. Раевский, Н. Б. Юсупов, Н. С. Мордвинов, фрейлина Н. К. Загряжская, разговоры с которой он тщательно записывал, многие другие выдающиеся личности были его живыми просветителями.

И что особенно важно, многие из них были непосредственно связаны с нашим краем...

По имеющимся сведениям, Н. Н. Раевскому в наших краях принадлежало село Якимовское, которое затем отошло в качестве приданого за дочерью Екатериной к такому же «свидетелю екатерининского века» и «памятнику 12 года» декабристу М. Ф. Орлову. Владения Н. Б. Юсупова размещались в деревнях Белоколодезь, Кукуй и Настасьино. И это всё живая история, которую не забыть, как первую любовь, и из сердца не вырвать.

Наталья Кирилловна (1747-1837) была дочерью небезызвестного генерал-фельдмаршала, не знавшего ни строя, ни военной службы, гетмана Малороссии и президента Академии Наук К. Г. Разумовского, а вместе с тем фрейлиной императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II. Мужем же её с 1772 по 1821 год был действительный тайный советник и действительный камергер обер-шенк Николай Александрович Загряжский, наследовавший после отца, генерал-поручика и разных орденов кавалера Александра Артемьевича, значительные имения в селе Осаново, деревнях Иванькове, Боярской, Прудках Ясенецкого и дер. Власовке Окологороднего станов Венёвского уезда. Сейчас это на территории нынешних Новомосковского и Венёвского районов.

Наталья Кирилловна – это была та самая знаменитая тётушка Натальи Николаевны Гончаровой (1812-1863), которой представлялся великий А. С. Пушкин по поводу сватовства к её внучатой племяннице.

Довольно хорошо знал А. С. Пушкин и племянницу Николая Александровича – Екатерину Александровну Загряжскую (1798-1881) – известную в своё время поэтессу, замечательную московскую красавицу, выданную осенью 1815 года в Дорогобуже за Егора Николаевича Тимашева. Это о ней

ещё во время свадьбы наш же земляк по имениям отец декабриста Г. С. Волконский говорил, что она, по сравнению с мужем, кажется более «достойной и наилучше воспитанной», а познакомившись более близко в начале 1816 года уже в Оренбурге, называл её «добронравной и прекрасной».

Вращаясь в кругу большого московского света, красавица Е. А. Загряжская, естественно, была знакома и близка со многими знаменитостями, а её альбомные стихи читали П. А. Вяземский и А. С. Пушкин, Н. М. Языков и Е. А. Баратынский, многие другие. Вместе с тем писали и ей. Так, А. С. Пушкин, например, за несколько дней до отъезда из Москвы записал у неё в альбоме 20 октября 1826 года: «Я видел вас, я их читал. Сии прелестные создания. Где ваши томные мечтанья Боготворят свой идеал. Я пил отраву в вашем взоре. В душой исполненных чертах. И в вашем милом разговоре, и в ваших пламенных стихах. Соперница Запретной Розы, Блажен бессмертный идеал... Стократ блажен, кто вам внушал. И много рифм, и много прозы!»

Некоторые же стихотворения Е. А. Загряжская печатала. Так, в «Северных цветах» за 1831-й год ею был опубликован стихотворный «Ответ» на «Святочную шутку» П. А. Вяземского, ей посвящённую. А в «Литературной газете» № 12 за тот же год было помещено её стихотворение «К портрету...» Ей же приписывается и известный романс: «Я счастлив, как с тобой бываю», с припевом: «Ты не поверишь, как ты мила!».

Муж её, служивший ротмистром в лейб-гвардии Гусарском полку, с 1822 года стал наказным атаманом Оренбургского казачьего войска, с 1833 по 1844 был предводителем дворян Оренбургской губернии. И, конечно же, он был очень далёк от московских привязанностей жены.

Что же касается «Запретной Розы», о которой упоминает А. С. Пушкин в альбомном стихотворении к Е. А. Загряжской, то это была её племянница, не менее красивая и талантливая, Е. П. Киндякова. Ей в 1826 году П. А. Вяземский посвятил стихотворение «Запретная Роза», которое в марте было опубликовано в «Московском телеграфе». Это о них, о

Е. П. Киндяковой и Е. А. Тимашевой, Пушкин в письме к Вяземскому из Михайловского от 9 ноября 1826-го спрашивал: «Что наши? Что запретная Роза, что Тимашова? Как жаль, что я не успел с нею завести благородную интригу! Но и это не ушло».

11 ноября 1834 г. Е. П. Киндякова вышла за Александра Николаевича Раевского (1789-1868), родила дочь, а в 1839 году умерла.

У мужа Натальи Кирилловны Загряжской, более двадцати лет прожившей в одиночестве, а в 1821 овдовевшей, был брат – Иван Александрович Загряжский (умер в 1807 году) – богатый помещик, владелец многих имений, в том числе подмосковного села Ярополец. Он имел несколько сыновей, а также дочерей. Но однажды уехал за границу и женился в Париже на француженке. Там у него родилась дочь, которую назвали Натальей. Через некоторое время И. А. Загряжский возвращается с новой женой и дочерью в Россию – и прямо в деревню, к прежней жене и детям. Ожидался, конечно, большой скандал. Однако, к удивлению, всё обошлось благополучно. Жёны его очень между собой подружились и не отличали детей своих и чужих. А когда Наталью Ивановну чуть ли не одновременно со смертью отца выдали 27 января 1807 года за Николая Афанасьевича Гончарова, то приёмная мать выделила ей долю в наследстве.

По данным седьмой Всероссийской подушной переписи 1816 года, за Н. А. Загряжским в селе Осаново значилось 28 муж. и 33 жен. душ дворовых и 166/171 крепостных крестьян, в дер. Ивановкой, соответственно, 96/91, в дер. Боярковой – 103/93, в дер. Прудки – 35/35, в дер. Малой Ивановкой – 9/10 и в дер. Власовка 111/108 душ крепостных крестьян.

За его племянником, т. е. сводным братом Н. И. Гончаровой, Петром Ивановичем Загряжским в сельце Барсуки 13/6 дворовых и 55/61 крестьян в дворах. Другие же 19 дворов с 76/81 душами крепостных в Барсуках принадлежали княжне Екатерине Андреевне Оболенской.

Жизнь Натальи Ивановны Загряжской-Гончаровой сложилась, как известно, несчастливо, так как муж её, Николай

Афанасьевич, оказался в полной зависимости от деспотичного отца и изнывал от бездействия. Находясь недолгое время на службе в коллегии иностранных дел, он, правда, чувствовал себя хозяином в своей семье, но после того, как стал жить вместе с отцом, Афанасием Николаевичем, в Москве в известном Полотняном заводе, превратился в безвольного раба. Немаловажную роль в этом сыграло и то, что после падения с лошади в 1814 году он стал впадать в меланхолию, а в 1823-м наследственно, видимо, от матери, сошёл с ума.

Мы не знаем, бывали ли Гончаровы у своей родни Загряжских в наших краях, но они обязательно проезжали здесь из Москвы в тамбовскую деревню Знаменку, где в 1812-м году родилась будущая жена великого русского поэта Наталья Николаевна, а до этого в принадлежавшую им деревню Латыгорь Зарайского уезда.

После же свадьбы у Загряжских, естественно, не один раз велись разговоры о жизни и творчестве Пушкина, о судьбе его семьи.

«Ей было уже более 80 лет, – вспоминал в своё время о Наталье Кирилловне Загряжской В. И. Сафонович, – но она сохранила и умственные способности, и всю теплоту сердца, за что её все любили. Каждый вечер собиралось к ней множество посетителей для составления ей партии в бостон или просто посидеть и встретиться со знакомыми... На вечера являлся по временам поэт Пушкин... Загряжская любила рассказывать про старину и часто повторяла одно и то же. Пушкин записывал некоторые из её анекдотов и языком, каким она рассказывала...»

В 1848-м году после отца, генерал-лейтенанта Петра Петровича, наследовала дер. Барсуки 15 дворов с 74/73 душами крепостных девица Елизавета Петровна Загряжская. А в 1883 году соседская помещица из села Марыгино Мария Александровна Павлова стала второй женой старшего сына поэта Александра Александровича. И это вроде бы приблизило, закрепило Александра Сергеевича на нашей земле.

В селе Марыгино, где в 1914 году был похоронен А. А. Пушкин, до 1880 года жила крестница и воспитанница

второй жены генерала Аграфена Иосифовна Баранова. Она с детских лет жила и воспитывалась с младшими внуками поэта Николаем (1885-1964) и Еленой (1889-1942) Александровичами Пушкиными, потом переписывалась с Пушкиными, жившими в Брюсселе.

– Все Пушкины и Гончаровы, – рассказывала она, – очень любили и дорожили именем своего великого предка. Старший сын его, Александр Александрович, ежегодно в день рождения и в горестный день кончины отца заказывал молебны о нём в приходских церквях и устраивал поминки, на которые съезжалась вся родня...

Так будем же и мы уважаемы за нашу к нему память!⁶⁴

Родственники А. С. Пушкина по жене

Ещё в 1902 году известный московский журналист В. А. Гиляровский (1853-1935) обратил внимание на письмо А. С. Пушкина к жене от 26 августа 1833 года из Яропольца. В нём поэт сообщал, что «...пишу тебе продолжение... над прахом твоего прадедушки Дорошенка, к которому я ходил на поклонение». А 29 января 1903 года, в 66-ю годовщину со дня смерти поэта «дядя Гиляй» вместе с украинским историком, профессором Д. И. Зварницким выступил в газете «Русское слово» со статьёй «Родственники А. С. Пушкина по жене».

Эта статья была, можно сказать, открытием неведомых до этого родственных связей бывшего гетмана Правобережной Украины П. Д. Дорошенко, Загряжских, Пушкиных и Гончаровых, которые корнями своими уходили и в нашу венёвскую землю.

Будучи задержанным в России за происки перед турецким султаном, Дорошенко вынужден был вторично жениться здесь на А. Б. Еропкиной, а сын их, Александр Петрович, взял в жёны Прасковью Фёдоровну Пушкину, дочь известного предка поэта, стольника Фёдора Матвеевича, казнённого в 1697 году по делу Соковнина и Цыклера. Дочь же,

⁶⁴ Бороздинский М. Будем же уважаемы за память // Новомосковская правда. 1991. 20 сент. С. 3.

Екатерина Петровна, стала женой генерал-поручика и разных орденов кавалера Александра Артемьевича Загряжского, владевшего имениями в селе Асаново, деревнях Ивановкой, Боярковой, Прудки и Власовка Венёвского уезда.

С тех пор горы бумаг исписаны об этом родстве поэта, в последнее же время появились книги И. М. Ободовской и М. А. Дементьева «Вокруг Пушкина», «После смерти Пушкина», «Наталья Николаевна Пушкина», в которых довольно подробно рассматривается родство. А. А. Кузнецова в 1987 году издала повесть «Моя мадонна», посвящённую этому же родству. Однако никто из исследователей и словом не упомянул о связях родственников Пушкина с нашими краями.

По ревизским сказкам 1763 года известно, что за А. А. Загряжским в имениях Венёвского уезда было 447 мужских и 422 женских душ крепостных.

В конце столетия имения перешли по наследству к сыну А. А. Загряжского действительному тайному советнику, камергеру и обер-шенку Николаю Александровичу, женатому на дочери бывшего гетмана Украины и президента Академии наук Наталье Кирилловне Разумовской. Однако семейной жизни у них, можно сказать, не получилось.

Помните «Разговоры Н. К. Загряжской» у Пушкина? Это о ней писал поэт. К ней первой явился он и на поклонение перед женьбой на племяннице её Наталье Николаевне.

Н. А. Загряжский немало заботился, судя по всему, о благополучии своих венёвских имений, а поэтому в начале XIX столетия явился инициатором строительства каменного храма в селе Асаново, которое в церковных бумагах всё время именуется Осаново.

Н. А. Загряжский скончался в 1821 году, не оставив после себя законных наследников. Но ещё в 1807-м умер его брат Иван, бывший суворовский генерал и близкий родственник Г. А. Потёмкина, служивший в его штабе. А у него оказалось немало законных и незаконных наследников, которые сразу же вцепились в имения родного дяди и начали их рвать на части. В числе их оказалась и будущая тёща поэта Наталья Ивановна Гончарова.

Более полутора лет венёвские и тульские власти занимались наследными имениями Н. А. Загряжского и только в 1823 году решили, что наиболее законными владельцами их могут быть «её сиятельство генерал-майорша Софья Ивановна де-Местр и родная сестра её императорского величества фрейлина Екатерина Ивановна». Наталья же Ивановна Гончарова довольствовалась селом Ярополец.

Но Н. И. Гончарова разделом, видимо, осталась недовольна и на протяжении ряда лет добивалась справедливости. Её раздельное дело тянулось до 1834 года и только 18 мая было решено опять-таки в пользу Софьи Ивановны де-Местр.

Вопреки имевшимся установкам в ревизских сказках 1834 года по имениям С. И. Местр впервые указаны фамилии дворовых и крестьян, что позволяет старожилам установить свои родословные. Однако само по себе женское барство не принесло счастья и благополучия в эти имения. Многие жители их были проданы, переведены в деревни Толмачевку и Орловку Михайловского уезда, в другие места, некоторые же пустились в бега или были отправлены в арестантские роты, сосланы в Сибирь на поселение.

Вот поэтому-то к 1850 году в селе Асаново осталось только 187 крестьян и 188 крестьянок, дер. Иваньковой соответственно 104 и 85, Боярковой 102 и 85, Прудках 30 и 28, Власовке 95 и 77 душ.

Особенно равнодушной С. И. Местр, которая хозяйничала уже одна, без сестры Екатерины, умершей в 1824 году, была к женскому полу, который в её имениях всегда оставался в значительном меньшинстве. И если бы А. А. Кузнецова прочитала эти ревизские сказки, она, конечно же, не стала бы восхищаться ни Загряжскими, ни Строгановыми, потомок которых генерал-адъютант и генерал от кавалерии, сенатор и разных орденов кавалер, граф Сергей Григорьевич стал после графини де Местр наследником её имений.

На первых порах С. Г. Строганов проявил, правда, довольно демократический жест и в 1854 году освободил за

немалый, конечно же, выкуп, от крепостной зависимости Михаила Ивановича Козлова в селе Асаново, а в 1857 году Петра Ильича Голубева, Прокофия Ивановича Кузнецова с племянником Петром Михайловым, Петра Сергеевича Тычкова с братом Яковом, в 1859 году Николая Ивановича Извекова с женой Настасьей Дмитриевной и некоторых других. Но вместе с тем, он многих крестьян перевёл в доставшееся ему же село Знаменское, Корсан тож, Тамбовского уезда, в деревни Толмачевку и Орловку Михайловского уезда и в другие.

У С. Г. Строганова вообще была какая-то, можно сказать, мания к переселению крестьян, в том числе из деревни в деревню Венёвского уезда.

По переписи населения 1895-1897 годов помещиком в указанных имениях значится сын С. Г. Строганова Павел Сергеевич, на владельческой усадьбе которого в селе Асаново значатся пять жилых домов, 14 мужчин и 17 женщин. В самом же селе было 58 дворов с населением в 451 человек.

Вот такая-то была история пушкинской родни в наших краях, которая, мне кажется, должна быть памятна местным жителям⁶⁵.

Из пушкинской плеяды

23 июля исполнилось 200 лет со дня рождения русского поэта, писателя, литературного критика, близкого друга и наставника великого А. С. Пушкина Петра Андреевича Вяземского (1792-1878). А давно ли, кажется, ещё будто вчера, великий поэт сказал:

«Судьба свои дары явилась желать в нём,
В счастливом баловне, соединив ошибкой
Богатство, знатный род с возвышенным умом
И простодушие с язвительной улыбкой».

Да, Пётр Андреевич действительно принадлежал к богатому, старинному княжескому роду, восходящему к начальной истории Древней Руси. Причём богатства эти некогда распространялись и на наши края.

⁶⁵ Бороздинский М. Родственники А. С. Пушкина по жене // Красное знамя. 1992. 28 янв. С. 3.

Ещё в 1770-х годах, с кончиной прапорщика Данилы Михайловича Похвиснева, жена двоюродного деда П. А. Вяземского, коллежского советника Николая Андреевича, Фекла Андреевна наследовала здесь, в существующем до наших дней селе Подлубное, Ясенки тож, небольшое имение из 55 мужских и 44 женских душ крепостных крестьян. А 13 марта 1788 года купил неподалёку от них небольшое имение из 103 мужских и 106 женских душ у вдовствующей майорши Александры Николаевны и дочери её Екатерины Николаевны Матовых родной дед будущего поэта, генерал-аншеф кавалер ордена св. Александра Невского, Иван Андреевич Вяземский (1722-1786). Находилось оно в сельце Высоком, того же Ясенецкого стана, на дороге из Венёва через Холтобино на Ново-Яковлевку и Епифань, которое потом получило название по своим прежним владельцам Матова.

Это о нём, об Иване Андреевиче, писал потом внук в своём «Московском семействе старого быта», что «дед был, кажется, нрава довольно крутого и повелительного; сын его (т. е. отец Петра, Андрей Иванович (1754-1807) находил при матери своей (т. е. Марии Сергеевне 1719-1786), рождённой Долгоруковой и при тётке своей (т. е. Екатерине Андреевне 1741-1811 Оболенской), рождённой Вяземской, тёплый приют, а иногда и защиту от холодного и сурового обращения родителя своего».

А они, Оболенские, тоже ведь по имениям своим находились рядом. В 1780-х годах первая жена камер-юнкера Андрея Петровича Оболенского (1769-1852), т. е. сына упомянутой тётки Екатерины, Марфа Андреевна (1768-1796), рождённая Маслова, наследовала по смерти отца, бригадира Андрея Николаевича имения в деревнях Кормовое и Малое Городище, а в сельце Барсуки, Юрьевская тож, от дяди, полковника Ивана Яковлевича Маслова. В 1797-м году они перешли во владение их дочери, названной по бабушке Екатериной Андреевной.

С кончиной генерал-аншефа И. А. Вяземского, ставшего в гражданской службе действительным тайным советником, владение в сельце Высоком, Матово тож, перешло в 1790 году к

его сыну, генерал-поручику Андрею Ивановичу, ставшему тоже кавалером ордена св. Александра Невского, а в гражданской службе действительным тайным советником. Причём, совпало это с недавним возвращением А. И. Вяземского из пятилетних странствий по Европе вместе с увезённой им от живого и здорового мужа ирландской Кивин (рождённой О'Рейлли), последующим её крещением под именем Екатерины Ивановны (1762-1802) в православную веру и законным бракосочетанием. А 12(23) июля 1792 года у них родился сын Пётр Андреевич, будущий поэт и писатель.

Вспоминая отца своего, П. А. Вяземский писал:

«Отец мой, светлый ум вольтеровской эпохи,
Не полагал, что все поэты скоморохи,
Но мало он ценил – сказать им не во гнев –
Уменья чувствовать и мыслить нараспев.
Из детства он меня наукам точным прочил,
Не тайно ль голос в нём родительский пророчил,
Что случай – злой колдун, что случай – пёстрый шут.
Пегас мой запряжет в финансовый хомут...
Но не могли меня скроить на свой аршин
Ни умный мой отец, ни умный граф Канкрин...».

«Вообще, в детстве моём учился я лениво и рассеянно... В уме моём нет свойства устойчивости, – свидетельствовал поэт в своём «Биографическом введении». – Мой отец, вероятно, заметивший этот умственный недостаток, хотел одолеть его и подчинить дисциплине математического учения... Но усилия его были напрасны...».

В 1807-м году, когда сыну было 15 лет, отца не стало. Имение в сельце Высоком, Матово тож, перешло в наследство юному Петру.

После смерти отца будущий поэт, по его собственным признаниям, с таким рвением стал расточать свои богатства, что к 1811 году, когда состоялось бракосочетание с княжной Верой Фёдоровной Гагариной (1790-1896), от них мало что осталось.

Но зато для Вяземского, как отмечает современная исследовательница его творчества Л. В. Дерюгина, «никогда не существовало проблем вхождения в литературу», так как «всю или почти всю русскую литературу он нашёл в собственном доме ещё мальчиком, можно сказать, получил её в наследство».

А знакомство с такими светилами того времени, как Н. М. Карамзин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский, плеядой литераторов Пушкиных, естественно, втянуло на литературное поприще.

В своих воспоминаниях он, правда, отмечал, что «был, так сказать, подавлен дарованиями и успехами двух друзей моих, мало того, я не смел сравнивать себя и с второстепенными дарованиями», а поэтому «никогда и не думал сделаться писателем: я писал потому, что писалось». Вот поэтому, может быть, его литературное наследие за 86 с лишним прожитых лет нельзя назвать внушительным или громадным. Однако, «журнальная деятельность, – подчёркивал он, – была по мне... Я стоял на боевой стене, стрелял из всех орудий, партизанил, наездничал и под собственным именем и под разными заимствованными именами и буквами...»

Рассматривая творчество П. А. Вяземского в контексте сегодняшнего дня, читатели не могут не удивляться смелому, открытому утверждению истиной правоты и правды в его стихотворных и прозаических произведениях, любви к Отечеству и ненависти к её врагам. Именно на его знаменитых «Записных книжках», «Воспоминаниях», непревзойдённой по глубине и объёму переписке, многом другом учились, учатся и будут учиться жизни многие поколения единой и неделимой России.

В 1816 году, по окончании 7-й подушной переписи П. А. Вяземский продал своё имение в сельце Высоком, Матово тож, представителю менее знатного княжеского рода майору Алексею Леонтьевичу Шаховскому⁶⁶.

Царица муз и красоты

Каждый раз, когда случается побывать в селе Урусово Венёвского района, что на пути из Новомосковска и Сокольников к шахте «Прогресс» и г. Венёву, с тихой грустью

⁶⁶ Бороздинский М. Из пушкинской плеяды // Красное знамя. 1992. 4 авг. С. 3-4.

останавливаюсь у полуразрушенного двухэтажного дворца классической архитектуры и вспоминаю далёкое прошлое.

С не меньшим душевным волнением несколько раз приходилось мне осматривать, фотографировать и перестроенное купцом Елисеевым здание нынешнего гастрономического магазина № 1 на Тверской улице Москвы, в котором во времена великого А. С. Пушкина собирался в салон владелицы села Урусова княгини Зинаиды Александровны Волконской весь литературно-музыкальный и художественный цвет первопрестольной столицы.

«Царица муз и красоты» – так в своё время назвал З. А. Волконскую великий поэт. Именно здесь, на Тверской улице, 14, бывали у неё Александр Пушкин и Адам Мицкевич, Дмитрий Веневитинов и братья Киреевские, Пётр Вяземский и десятки других знаменитостей, оставивших о себе немеркнущую память. Ей, З. А. Волконской – артистке, писательнице, поэтессе, композитору и певице, посвящали свои стихи, романсы, статьи десятки выдающихся людей. Здесь, в её салоне, проходили горячие обсуждения идей декабристов и прощания с их жёнами, уезжавшими за своими мужьями в Сибирь.

З. А. Волконская происходила из старинного и известного рода князей Белосельских-Белозерских. Отец её, камер-юнкер царского двора Александр Михайлович Белосельский, ещё по Третьей Всероссийской подушной переписи (ревизии) 1763 года значился владельцем имений в селе Урусово и дер. Княжевой Венёвского уезда (ныне принадлежащей совхозу «Коммунар» Новомосковского района), где имел соответственно 322/264 и 22/24 душ крепостных обоего пола. Однако дочь Зинаида родилась 3(14) декабря 1792 года в Турине, в Италии, где Александр Михайлович был посланником. А в 1810 году она вышла замуж за князя Никиту Григорьевича Волконского, брата известного декабриста.

В связи с тем, что З. А. Волконская не помнила своей матери Варвары Яковлевны, рождённой Татищевой, которая умерла вскоре после её рождения, а отец женился на Анне

Григорьевне Козицкой, детство её, конечно же, было не из лёгких.

Зинаида по богатству мужа, по своему уму и красоте сразу завоевала большой авторитет в придворной свите и уже в 1811 году носила титул флигель-адъютантши и действительной камергерши. В это время, в связи со смертью отца, в её владение перешли село Урусово, в котором по Седьмой ревизии насчитывалось 15/12 душ дворовых в 13 семьях и 401/432 крепостных крестьян в 120 дворах, а также дер. Княжево со 132/100 душами крестьян в 27 дворах.

Но придворный свет не привлекал Волконскую своей напыщенной чопорностью и бездельем, так как сама она по натуре была человеком очень живым и увлекающимся всем новым и изящным. Особенно же, её, не знавшую русского языка, привлекали именно он и русская история. И она быстро освоилась, стала писать прозаические и поэтические повести из древней русской истории.

Вместе с тем З. А. Волконская не могла жить без музыки, сама сочиняла и пела кантаты, романсы, песни. А это не только не одобрялось, но и не почиталось, пренебрегалось придворной знатью. Вот почему её всё время тянуло из Петербурга на свободу.

После разгрома Наполеона Волконская несколько лет провела за границей. Обладая замечательным контральто, она с успехом выступала здесь в мужских и женских оперных ролях. А в 1821 году сочинила и поставила в Риме музыкальную драму «Джиованна д'Арк» и играла в ней главную роль.

Возвратившись в Россию, она ещё больше увлеклась её историей, народным искусством и начала писать роман «Ольга», где намеревалась показать причины победы в IX–X столетиях славянских элементов над варяжскими и языческими. Но это тоже вызвало недовольство придворных кругов. Против неё пошли интриги и сплетни, которые вынудили отвернуться от высшего света и уехать в Москву.

В Москве З. А. Волконская поселилась в указанном выше особняке на Тверской, недалеко от Страстной (ныне Пушкинская) площади, построенном ещё при Екатерине II по

проекту М. Ф. Казакова её статс-секретарём Григорием Козицким для своей красавицы-жены, сибирячки-золотопромышленницы Е. И. Козицкой. Это был один из лучших в ту пору дворцов Москвы. Его классический стиль, огромный герб на фронте и два стильных балкона внушали москвичам чувство уважения и подобострастия к его владельцам.

По имеющимся сведениям, З. А. Волконская неоднократно бывала в своём Урусовском имении и очень любила его. Об этом свидетельствуют многие вещи и предметы, взятые здесь бывшим Центроархивом в 1919–1920 годах, а также недавно присланные её потомками из Италии в Тульский областной художественный музей.

Возможно, именно здесь зародились в ней мысли, осуждающие грубость и праздность просвещённых дворян по отношению к крестьянам, хотя в её имениях тоже наблюдались принудительные их переселения, продажа, наказание плетью, а в 1838 году, во время своего приезда из Италии, она продала село Княжево флота капитан-лейтенанту Павлу Дмитриевичу Емельянову.

В октябре 1826 года, возможно у Соболевского или Вяземского состоялось знакомство А. С. Пушкина с Мицкевичем и Волконской, которая при первой же встрече преподнесла неожиданный сюрприз, исполнив его элегию: «Погасло дневное светило, на море синее вечерний пал туман...», положенную композитором Геништой на музыку.

Пушкин, как свидетельствуют современники, очень тронут был этим приятным и неожиданным обольщением. С этого дня они стали друзьями.

В мае 1827 года, когда вышла из печати поэма «Цыганы», Пушкин, посылая её Волконской, в качестве посвящения написал ей послание:

Среди рассеянной Москвы,
При толках виста и бостона,
При бальном лепете молвы
Ты любишь игры Аполлона.
Царица муз и красоты,
Рукою нежной держишь ты

Волшебный скипетр вдохновений,
И над задумчивым челом,
Двойным увенчанным венком,
И вьётся, и пылает гений.
Певца, пленённого тобой,
Не отвергай смиренной дани,
Внемли с улыбкой голос мой,
Как мимоездом Каталани
Цыганке внемлет кочевой.

З. А. Волконская и сама писала стихи. Одно из них, «Моей звезде», было напечатано в «Северных Цветах» и её сочинениях, изданных сыном в Париже и Карлсруэ в 1865 году. Вот его окончание:

Звезда моя! Молю мольбой завета!
Когда в очах померкнувших, любя,
Зовущий луч уж не найдёт ответа.
Молю, чтоб ты, приняв мой жар в себя,
Светя на тех, кого я здесь любила.
Хранящий взор собою заменила.

О своих литературных и музыкальных планах З. А. Волконская не раз советовалась с Пушкиным. Так, в октябре 1827 года, когда поэт был в Петербурге, она писала ему: «Вот уже несколько дней, как я отложила для вас эту пару строк, любезный Пушкин. Я всё забываю передать их вам, а всё оттого, что когда вижу вас, то становлюсь мачехой относительно своих собственных чад (т. е. произведений – М. Б.). «Иоанна» была написана для моего театра. Я исполняла эту роль и хотела переделать её в оперу; пришлось кончить на половине Шиллеровской пьесы. Вот получите литографию с моего (головного) портрета в виде Джиованны, писаного Бруни, приложите его к первой странице и вспоминайте меня.

Возвращайтесь! Московский воздух как будто полегче. Великому русскому поэту подобает писать или среди раздолья степей, или под сенью Кремля; творец «Бориса Годунова» принадлежит городу царей...».

Но скорой встречи не получилось. Пушкин приехал в 1828 году в Москву только в декабре, да и то затем, чтобы познакомиться на балу у танцмейстера Иогеля с Натальей Гончаровой и на ней потом жениться.

Дальнейшая судьба З. А. Волконской была связана с Италией, куда она уехала вместе с мужем, сестрой Марией, сыном Александром в сопровождении С. П. Шевырева, который был его учителем и воспитателем.

Здесь она тоже принимала и боготворила многих русских знаменитостей, среди которых были Н. В. Гоголь, М. И. Глинка, В. А. Жуковский, почти все русские художники, совершенствующие мастерство, и другие. Скончалась она в Риме 5 февраля 1862 года по новому стилю⁶⁷.

О «милой созвучнице» М. И. Глинки

Помещики Сенявины

Ещё в сентябре-октябре 1989 года в ряде номеров «Новомосковской правды» публиковалась моя статья по истории села Спасского. Судя по визитам сельских работников культуры и поступившим письмам, она вызвала определённый интерес. Однако газетная полоса ограничена в объёме, и на ней, естественно, всю историю не расскажешь. А так как в Спасском ещё к 60-летию колхоза намечали издание книги, отложенное до более благоприятных времён, хотелось бы сделать некоторые дополнения и уточнения к прежней публикации.

По ревизским сказкам 1763 года известно, что помещицей здесь была статская советница Анна Семёновна Дашкова. Её приказчик Фёдор Александрович Сысоев показал тогда, что в селе Спасском в наличности 403 мужские и 348 женских душ, в дер. Александровке, соответственно, – 61 и 68, в дер. Яковлевке – 73 и 51.

К следующей же четвёртой подушной переписи 1782 года население села увеличилось до 580 мужских и 492 женских душ, дер. Александровки – соответственно до 99 и 83, дер. Яковлевки – до 128 и 103 душ. Вот, одним-то из них был тот 38-летний Павел Сероглазов, который сбежал от своей барыни лечиться в Киев да возвращён к генеральше по этапу. Но в сказках

⁶⁷ Бороздинский М. Царица муз и красоты // Новомосковская правда. 1993. 19 марта. С. 3.

фамилий не указано. Их мужикам не полагалось даже в документах о рождении и смерти.

В сельце же Ольховец, которое входит сейчас в колхоз им. Ленина, помещиком был наряду с тремя другими генерал-адъютант Николай Фёдорович Сенявин, т. е. отец знаменитого русского адмирала и флотоводца Дмитрия Николаевича (1763–1831), прославившегося в Калиакрийском сражении в ходе русско-турецкой войны 1787–1791 годов, в Средиземноморском походе под руководством нашего же земляка адмирала и флотоводца Фёдора Фёдоровича Ушакова (1798–1800 годов), в Афонском сражении 1807 года и других. Ему, т. е. отцу флотоводца, в 1763 году принадлежало лишь 52 мужские и 35 женских душ, а к 1782 году их уменьшилось до 47 и 29. Тем не менее Сенявины, а потом их потомки, до конца XIX столетия оставались помещиками этого сельца.

А в селе Спасском и деревнях Александровке и Яковлевке уже в 1790-х годах владельцы сменились. К 1795 году здесь стал помещиком полковник, потом действительный статский советник Сергей Михайлович Власов, которому ранее в Венёвском уезде принадлежало небольшое имение в сельце Борозденки.

Для сопоставления с современностью небезынтересно, нам кажется, отметить, что за период от четвёртой до пятой ревизии, т. е. с 1782 по 1795 год, в селе Спасском родилось 163 мальчика, а умерло 99 человек мужского пола. За это же время здесь было поселено девять душ мужского пола, купленных в других местах, а двое переведены сюда из Яковлевки. Вместе с тем 88 душ мужского пола были переведены из села в Тамбовский уезд, шесть – в Рязанское наместничество, пять – в Московский уезд, 28 мужчин – в дер. Яковлевку, четверо – в дер. Александровку, четверо бежали, 25 человек сданы в рекруты, шестеро отправлены в московский дом.

Московский дом Власовых

В ревизской сказке упоминается московский дом Власовых, куда были отправлены из Спасского шесть мужиков. Он, кстати, существует до сих пор, кирпичный, двухэтажный, на правой стороне Мерзляковского переулка от Арбатской

площади под № 10, в створе против Хлебного и Скатерного переулков. И здесь, конечно же, не думали о том, во что обходится крестьянам каждый их переезд из одной деревни в другую или в дальнюю губернию. А ведь это можно сравнить разве только с пожаром или другим стихийным бедствием.

В числе предков С. М. Власова упоминаются Иван Евстафьевич, пожалованный в 1677 году в стольники, служивший затем воеводой в Селенгинске, Иркутске и Нерчинске, а с 1686 года послом в Китае, сын которого, Пётр Иванович, был стольником и членом комиссии по урегулированию русско-китайской границы при Петре I. А вот об отце С. М. Власова, Михаиле Петровиче, и о нём самом никаких заслуживающих внимание сведений почти нет.

Но, слава Богу, хозяева, подобные С. М. Власову, долго, как правило, не удерживаются. Из-за того, что он не мог мирно ужиться с крестьянами, а также по ряду семейных соображений, связанных с женитьбой сына, владелицей села Спасского, деревень Александровки и Яковлевки уже в 1805 году стала их жена и мать действительная статская советница Варвара Фёдоровна Власова. За мужем же осталось 13 дворовых и 78 крестьян в 13 дворах сельца Борозденки.

Доподлинно нам не известно, что представляла собой семья Власовых в конце XVIII – начале XIX столетий, но вот сын их, Александр Сергеевич (1777-1825), служивший в л.-гв. Семёновском полку, по выходе в отставку стал действительным камергером 4-го класса и кавалером ряда орденов. В 1805 же году он задумал жениться на старшей дочери соседа по имениям известного дипломата, литератора, музыкального писателя и коллекционера, члена Российской и Болонской академий князя Александра Михайловича Белосельского-Белозерского, которую звали Марией-Магдаленой, т. е. на сестре З. А. Волконской, о которой рассказывалось в «Новомосковской правде».

Сын вице-адмирала кн. Михаила Андреевича, управляющего адмиралтейств-коллегией, а вместе с тем просвещённый меценат, знаток французской и вообще западной литературы, страстный любитель и ценитель музыки, выступивший одним из первых русских музыкальных писателей

за рубежом, А. М. Белосельский ещё в 1760-х годах наследовал от отца село Михайловское, Брежнево тож в Венёвском уезде, которое расположено на одной и той же Астраханской, как она именовалась, дороге, что и владения Власовых. Оно называется сейчас село Урусово.

Вдобавок в селу, Белоцерковский создал в 1770-х годах из купленных и переселённых из Урусова крестьян деревню Княжево, что на Венёвско-Епифанском большаке. А кроме того, он имел владения в Княгининском, Пошехонском, Скопинском, Московском и других уездах. Вот поэтому-то, скорее всего, князь не пожалел средств на приданое старшей дочери, которое, по свидетельствам современников, составило 4000 душ крепостных и 165 тысяч рублей деньгами.

В связи с этим не замедлили сказаться изменения и во владениях Власовых. Если раньше в селе Спасском было лишь 10 дворовых мужиков и 475 крестьян, то в 1811 году стало 70 дворовых в 5 семьях и 504 крестьянина в 75 дворах.

Александр Сергеевич Власов, между тем, ещё будучи в Семёновском полку, начал коллекционировать уникальные книги, картины и другие произведения искусства. Но познакомившись с редчайшими собраниями книг, произведений скульптуры и живописи своего тестя, подержав в руках бесценные изделия из серебра, фарфора, хрусталя, заполнявшие петербургский, московский, урусовский дома Белосельских, Александр Власов до того увлёкся коллекционированием, что привычка превратилась в настоящую болезнь. Жена же, Мария, привыкшая с детства к довольству и роскоши, да к тому же крепко полюбившая мужа, ни в чём ему не перечила.

В 1809 году не стало кн. А. М. Белосельского, и его венёвские имения в Урусове и Княжеве перешли ко второй дочери Зинаиде Александровне. А в 1815 году скончался С. М. Власов, оставивший своё имение в Борозденках сыну Александру Сергеевичу. И это ещё больше подхлестнуло Александра к коллекционированию всяких редкостей.

Село Спасское, в котором в 1816 году насчитывалось 47 семей дворовых людей из 34/31 душ и 106 дворов, населённых 493 крестьянами и 469 крестьянками, хоть и находилось с

деревнями Александровкой и Яковлевкой во владении вдовствующей матери Варвары Фёдоровны, но она тоже не могла противостоять чрезмерному увлечению сына, в распоряжении которого было всего лишь 9/6 душ дворовых в восьми семьях и 67/69 крестьян в 11 дворах.

Мария-Магдалина

По характеру своему, как пишут современники, Мария-Магдалина была очень учтива и добросердечна. Несмотря на большой ум и достойную свою красоту, она с детских лет из-за сиротства привыкла к тому, чтобы больше заботиться не о себе, а о других. Именно так относилась она к рано умершему брату Ипполиту, к сёстрам Зинаиде и Наталье, бывшей за генералом Василием Даниловичем Лаптевым, но умершей в 1815 году. Именно так относилась она и к мужу.

Между тем библиотека Александра Сергеевича превратилась тем временем в одну из лучших в России, и это льстило любящей жене. В его картинной галерее рядом с произведениями выдающихся русских художников появились картины Рафаэля, Леонардо да Винчи, Микельанджело, Рубенса и других светил мирового искусства. И вдруг такой удар, перенести который стоило многих сил.

Когда и как заболел Александр Сергеевич, мы не знаем, но 28 января 1825 года его не стало. На владениях Власовых буквально, как снег на голову, навалились кредиторы, а в наличности у Александра оставалось лишь 113 рублей 40 копеек, долгов же 1810 тысяч. Марии всякими правдами и неправдами в 1826 году удалось продать сельцо Борозденки действительному статскому советнику Григорию Михайловичу Безобразову и заплатить некоторые долги. Но вскоре на всё был наложен запрет, создана специальная государственная комиссия, которая на протяжении нескольких лет распродала богатства Власовых и расплачивалась с долгами.

О богатстве собраний С. А. Власова свидетельствует изданный ещё при жизни его «Каталог редких и ценных книг из библиотеки г-на Власова», а также «Каталог гравюр, эстампов, книг и т. п. из кабинета покойного камергера Власова», изданный в 1826 году на французском языке уже при

распродаже коллекций. А известный библиограф и журналист Г. Н. Геннади свидетельствовал:

«Есть библиотеки, почти исключительно состоящие из редких книг. В Москве существовало собрание А. С. Власова, распроданное с публичного торга, где было много редких книг, замечательных по цене, красоте и объёму, и особенно богат был отдел изданий роскошных, относящихся к искусствам».

Однако распродажа богатств Власовых шла довольно медленно. В «Московских ведомостях», например, ещё 21 ноября 1831 года сообщалось, что «аукционная продажа (вещей, принадлежащих г-ну Власову), по средам и субботам отменяется, а производиться будет по воскресеньям с 11 ч. утра впредь до уведомления. Продаваться будут оригинальные картины разных мастеров, бриллиант шести каратов, разные фарфоровые вещи, бронзовая машина, называемая оракул, разные другие вещи. Контора на Лубянской площади в доме кн. Долгорукова. Московский купец В. Бутлер».

Эту распродажу неоднократно посещал А. С. Пушкин, который хорошо знал Марию-Магдалину по проживанию после катастрофы в доме с сестрой З. А. Волконской на Тверской улице. 10 декабря 1931 года он писал жене: «Вчера обедал в Английском клубе, поутру был на аукционе Власова», где ещё продавались картины Франса Миериса⁶⁸. 4-го же февраля 1832 года он, отвечая В. И. Киреевскому⁶⁹, писал, что сравнение стихов Баратынского с миниатюрами Миериса «удивительно ярко и точно».

М. А. Власова после смерти мужа поселилась в 1826 году вместе с сестрой Зинаидой в доме мачехи Анны Григорьевны на Тверской у Козицкого переулка, который официально принадлежал уже их сводному брату Эсперу Александровичу Белосельскому-Белозёрскому (1802–1846). Здесь она была полновластной хозяйкой, главная обязанность которой состояла в том, чтобы приятно встретить, хорошо угостить и достойно

⁶⁸ *Примечание составителя: Франс ван Мирус (нидерл. Frans van Mieris).*

⁶⁹ *Примечание составителя: вероятно опечатка, имеется в виду И. В. Киреевский – русский религиозный философ, литературный критик и публицист.*

проводить часто собиравшихся у них гостей, а вместе с тем умело подготовить к каждому приёму свою талантливую сестру.

Не испытав, как и сестра, полного семейного счастья, Мария всецело отдавала себя служению другим, чем снискала уважение и славу в лице многих выдающихся знаменитостей. Имея хороший голос и сочиняя собственные романсы, она не раз восхищала их исполнением Михаила Ивановича Глинку, который называл её «милой созвучницей». Её боготворил за очарования Николай Васильевич Гоголь, другие знаменитости, знавшие по Москве и Италии, где она жила с сестрой и скончалась.

Что же касается села Спасского, деревень Александровки и Яковлевки, то они были куплены в 1830 году с аукционного торгового совета княгиней Александрой Ивановной Багратион, рождённой Голиковой, которая была второй женой родного дяди известного героя Отечественной войны 1812 года Петра Ивановича Багратиона (1763–1812), сенатора Кирилла Александровича.

В сельце же Ольховец к тому времени в числе других помещиков хозяйствовали «корабельного флота капитан 2-го ранга Сергей и того же флота вице-адмирал Дмитрий Николаевич Сенявины», имевшие 82 души мужского пола⁷⁰.

Урусовы. Неразделённая любовь поэта

В «Донжуановском списке» А. С. Пушкина из 37-и запечатлённых женских имён на 22-м месте стоит «Софья». Кто она такая? Когда Пушкин полюбил её? Ответы на эти вопросы остались в голове поэта. Исследователи же его жизни и творчества полагают, что это была Софья Фёдоровна Пушкина, к которой сватался поэт, но получил отказ. Другие, Н. О. Лернер, например, а также автор книги «Донжуановский список Пушкина» П. К. Губер, подразумевают «героиню его детского романа» Софью Николаевну Сушкову. Нам же почему-

⁷⁰ Бороздинский М. О милой созвучнице М. И. Глинки // Новомосковская правда. 1993. 5 июня. С. 3.

то кажется, что это была Софья Александровна Урусова, связанная с нашим краем и неразделённая любовь поэта.

Урусовы – старинный княжеский род, вышедший из нагайских владетелей, связанных с русскими происхождением или образом жизни. Их имена стали известными при государе, царе и великом князе Иване Васильевиче, а Пётр Урусов при Фёдоре Ивановиче стоял в борьбе за власть с Борисом Годуновым на стороне Василия Шуйского, крещённый князь Иван Урусов в 1618 году был одним из известных защитников Москвы от поляков.

Мы не знаем, имел какие-то боевые заслуги князь Михаил Васильевич Урусов, полковник, владевший в Третью подушную ревизию 1763 года 275 мужскими и 297 женскими душами крепостных в сельце Савино бывшего Венёвского уезда.

В 1794 году это сельцо перешло по наследству к его сыновьям, майору Дмитрию, прапорщику Александру и гв. сержанту Владимиру, и по разделу досталось среднему брату.

Однако, в 1802 году А. М. Урусов прикупил у тайного советника, сенатора и кавалера Петра Ивановича Вырубова и его сына майора Алексея деревню Яцкую из шестнадцати дворов, где по ревизии 1811 года значился 31 крепостной мужик. Вместе с тем, по соседству четыре семьи дворовых с восемью мужиками в сельце Яцком принадлежали подпоручику Семёну Мироновичу Рудневу, а двое дворовых в одной семье поручику Якову Владимировичу Рудневу.

В сельце же Савино к 1811 году во владении А. М. Урусова стало 28 семей дворовых с 57-ю мужиками, да в 88-и крестьянских дворах насчитывалось 280 мужиков. Здесь же, особняком, значилось владение его жены, Екатерины Павловны (1775–1855), рождённой Татищевой, состоявшее из единственного дворового мужика Григория Борисова, которому было тридцать лет.

К 1816 году, когда состоялась Седьмая ревизия, Александр Михайлович Урусов был уже действительным статским советником и камергером царского двора. Может поэтому и число дворовых у него в Савино возросло до 59-и

мужских и 52-х женских душ, крестьян же уменьшилось до 239-и мужских и 238-и женских душ. За супругой его, в особом её владении, оставался тот же Григорий Борисов.

В деревне Яцкой за А. М. Урусовым (1767–1853) по-прежнему оставались те же 31 крепостной мужик и 28 женщин. А из Рудневых остался один поручик Яков Владимирович с двумя дворовыми мужиками.

По свидетельству современников супруги Урусовы славились в ту пору своим радушием и гостеприимством. Их московский дом, писал М. И. Семевский, чуть ли не каждый день был открыт для всех желающих знаться с ними сановников и представителей интеллигенции. И это не только потому, отмечает он, что они были знатны и богаты, а больше из-за того, что у них было семь сыновей и четыре, если не больше, дочери.

О сыновьях известно, правда, немного. Старший сын Михаил (1802–1883), будущий генерал-лейтенант и сенатор, женатый на Екатерине Павловне Энгельгардт. За ним по старшинству следует Павел (1807–1886), будущий генерал от инфантерии и генерал-адъютант, женой которого была Александра Сергеевна Уварова. Потом идёт Николай (1808–1843), бывший капитан гвардейского Измайловского полка и адъютант великого князя Михаила Павловича. Женат он был на дочери генерала от кавалерии и генерал-адъютанта Николая Михайловича Бороздина (1777–1830) Анастасии Николаевне (1809–1877).

Это были, так сказать, представители старшего поколения. Сюда же следует приписать и дочь Александру Александровну, вышедшую за Алексея Степановича Мельгунова, а также Марию, ставшую в 1822 году женой графа Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина, потом лицейского товарища Пушкина князя Александра Михайловича Горчакова (1798–1833), будущего канцлера.

Кроме этих в семье Урусовых были сыновья: Андрей (1809–1839), о которых других сведений не имеем, Пётр (1810–1890), женившийся на Екатерине Николаевне Сипягиной, Иван (1812–1871), бывший затем полковником, и последний, Григорий (1818–1888) – майором.

Из дочерей остались неупомянутыми Софья Александровна (1806–1889) и Наталья (1812 или 1813–1882). Вот они-то и были притягательной силой для московской молодёжи, которая стремилась побывать в доме Урусовых.

Хозяйка дома, Екатерина Павловна, отмечает Семевский, родная сестра знаменитого русского посла в Вене Дмитрия Павловича Татищева, была женщина весьма образованная, знала иностранные языки, особенно английский. Она создавала все условия для хорошего отдыха и времяпровождения. Однако, «не одно только радушие и образованность хозяев влекли в этот дом тогдашнюю молодёжь – и туземскую, и приезжую, – подчёркивал Семевский. – В доме этом были три грации, дочери князя Урусова, справедливо считавшиеся украшением московского общества того времени». И, конечно же, этот дом не мог обойти А. С. Пушкин.

История умалчивает, как и когда великий поэт познакомился с семьёй бывшего венёвского помещика Урусова, но, скорее всего, после возвращения из Михайловской ссылки в 1826 году. И он, конечно, нашёл здесь сердечный, дружеский приём, а вскоре увлёкся сначала княжной Марией Александровной, потом Софьей.

Знакомство могло произойти и в Петербурге, где в двадцатые годы, писал В. А. Соллогуб, «празднества менялись празднествами и обличались, как водится в этом случае, необходимым великолепием».

«В те времена, – отмечает он, – имена светских красавиц не были ещё достоянием газетчиков..., но у всех на устах были слышны имена графини Завадовской, Фикельмон, фрейлины княжны Урусовой и девицы Нарышкиной. Все четыре были красавицы писанные, все четыре звёзды первой величины...». Однако, это знакомство принесло поэту не только радость, но и огорчение.

«Почти каждый день у него (кн. Урусова) собирался тесный кружок друзей и знакомых, преимущественно молодых людей, – свидетельствует М. И. Семевский. – Таким образом, здесь бывал Муханов Павел Александрович (1797–1871), брат знакомого Пушкина декабриста Петра, бывший тогда штабс-

капитан л.-гв. Драгуновского полка (М. Б.), блестящий адъютант знаменитого графа Петра Александровича Толстого. Сюда же постоянно являлся родственник княгини Урусовой, артиллерийский офицер Соломирский Владимир Дмитриевич, – второй из побочных сыновей её брата Дмитрия Павловича Татищева и вдовы обер-бергмейстерши Натальи Алексеевны Колтовской, рождённой Турчаниновой, владелицы богатых Пермских металлургических заводов (М. Б.)».

Так вот, этот самый Соломирский, несмотря на дружеское отношение Пушкина, подарившего ему с дружеской надписью сочинения Байрона, приревновал поэта к сёстрам Урусовым. Чем лучше Пушкина принимали и обожали в доме Урусовых за его рассказы, шутки и стихи, тем нелюдмее и грозней становился Соломирский.

Однажды Пушкин рассказывал что-то смешное о графине Анне Владимировне Бобринской, рождённой Унгерн-Штернберг. Все присутствующие слушали его с интересом и вниманием. Соломирского же что-то в это время прорвало, он придрался к поэту за какое-то сказанное слово и потребовал удовлетворения, т. е. вызвал на дуэль. Секундантом своим выбрал адъютанта гр. П. А. Толстого, Алексея Васильевича Шереметева.

Пушкин, естественно, принял вызов, но тут за него вступились все Урусовы и находившиеся гости. Соломирский вынужден был уступить их уговорам. Однако рано утром он прислал поэту новый, теперь письменный вызов на дуэль, который был безоговорочно принят. Секундантом своим Пушкин попросил быть Муханова. Муханов же, встретившись с Шереметевым, рассказал, видимо, причину раздора и попросил его уладить дело мирным путём. И это удалось.

«В то же утро, – свидетельствует один из современников, – Шереметев привёл Соломирского к Сергею Александровичу Соболевскому, на Собачью площадку, где жил в это время Пушкин. Сюда же пришёл и Муханов, и при дружеских усилиях... примирение состоялось. Подан был роскошный завтрак и, с бокалами шампанского, противники, безо всяких извинений и объяснений, протянули друг другу руки».

После этого грустного, но мирно кончившегося события, Пушкин перестал, по всем видам, бывать в семье Урусовых, о которой у него остались тёплые воспоминания. Но и Соломирский не добился удовлетворения своих желаний. Софья Александровна была зачислена после этого во фрейлины царского двора, а потом вышла замуж за князя Леонида Людвиговича Радзивилла. Наталья же Александровна тоже в 1831–1834 годах была фрейлиной, а затем вышла замуж за внука пленённого когда-то в Кутаиси кавказца Ивана Павловича, окрещённого и сосватанного Павлом I с Анной Петровной Резвой. Это был граф Ипполит Павлович Кутайсов (1808–1849).

Оказавшись в Петербурге, С. А. Урусова продолжала блистать своей красотой. Н. В. Гоголь, сообщая 2 ноября 1831 г. А. С. Данилевскому о поисках нужных ему нот, писал: «Я обращался к здешним артисткам указать мне лучшее: но Сильфида Урусова и Ласточка Розетти (т. е. Софья и А. О. Росетти – М. Б.), требовали непременно, что (бы) я поименовал Великодушную Смертную (вероятно Эмилию Александровну Клингенберг (1815–1891), для которой так хлопочу».

П. А. Вяземский тоже называл С. А. Урусову одной из первых петербургских красавиц. У Пушкина же никаких упоминаний о Софье Александровне пока не известно.

«На днях я был на бале (у кн. Вяз.; следственно, я прав), – писал он в конце сентября 1832 г. из Москвы жене. – Тут была графиня Салагуб, гр. Пушкин, (Владимир), Аврора, ея сестра и Наталия Урусова. Я вёл себя прекрасно...».

В другом письме, в начале сентября, он опять сообщал: «Кн. Урусов влюблён в Машу Вяземскую (не говори Отцу, он станет беспокоиться). Другой Урусов, говорят, женится на Бороздиной – соловейке».

На этом, можно сказать, и закончилась неразделённая любовь поэта к Софье Урусовой. Что же касается имения Урусовых в сельце Савино, то оно долгие годы служило приютом отдохновения в летние месяцы для всей этой большой семьи.

Накануне освобождения крестьян от крепостного права, а, точнее, в 1857 году, оно перешло к генерал-лейтенанту и сенатору Михаилу Александровичу. В его распоряжении в сельце Савино оказалось 320 мужских и 318 женских душ крепостных в 49 дворах, а в дер. Яцкой, соответственно, 40 и 36 душ в семи дворах.

По «Спискам помещичьих владений» 1857 года за Михаилом Александровичем Урусовым значилось в сельце Савино 830 десятин земли.

В сельце Савино у Урусовых была богатая, уютная и хорошо обустроенная усадьба, наспигованная, можно сказать, множеством замечательных русских и иностранных книг и картин. После же революции часть из них была реквизирована и отправлена в Москву и Тулу, а часть пополнила образованный в 1918 году в усадьбе пушкинской «царицы муз и красоты» З. А. Волконской в селе Урусове Венёвского района литературно-художественный музей. Однако, в 1919–1920 годах музей этот был закрыт, а ценности его частично оказались в Туле, но большая часть в Центроархиве в Москве⁷¹.

К открытию памятника А. С. Пушкину в г. Новомосковске 11 декабря 1993 года

Пока накануне открытия кооператоры Сергей и Геннадий Леонтьевичи Белевцевы, Анатолий Николаевич Тоболев и Александр Иванович Юшков во главе с Игорем Ивановичем Родиным оформляли пьедестал этого памятника, десятки проходивших мимо новомосковцев с удивлением спрашивали: какое же отношение имеет он к нам, к нашей земле?

В нашей великой России нет, пожалуй, такого уголка, с которым не был бы связан Александр Сергеевич. Не составляет в этом отношении исключения и наша новомосковская, а также соседних районов земля. Ещё четырёхлетним ребёнком он вместе со своими родителями мог быть на свадьбе своей тётушки Елизаветы Львовны в 1803 году в венёвском сельце

⁷¹ Бороздинский М. Урусовы. Неразделённая любовь поэта // Красное знамя. 1993. 29 июля. С. 3-4.

Коровино, принадлежащем родителям её мужа подпоручику Михаилу Алексеевичу и Екатерине Матвеевне Сонцовым.

Вполне возможно, что поэт посещал сельцо Коровино и в более поздние годы, так как сюда неоднократно приезжали его дядя Василий Львович, отец Сергей Львович и жили здесь в летнее время не днями и неделями, а месяцами. Именно отсюда, из Коровина, в 1836 году отец, Сергей Львович, написал последнее и очень тёплое письмо своему великому сыну.

На восточной же границе Новомосковского района до сих пор сохраняются село Осаново и деревня Иванькова. В пушкинские же времена это были владения действительного тайного советника и камергера Николая Александровича Загряжского – мужа известной Натальи Кирилловны, рождённой Разумовской (1747–1837), которой в июле 1830 года при сватовстве представился поэт, как свояченице Натальи Николаевны, а потом оставил на память потомкам известные «Разговоры с Н. К. Загряжской».

С кончиной Н. А. Загряжского в 1821 году его владения в селе Осаново, деревнях Иваньковой, Малой Иваньковой, Прудках, дер. Боярковой и Власовке бывшего Венёвского уезда наследовали племянницы, родные сёстры, фрейлина царского двора Екатерина Ивановна Загряжская, графиня Софья Ивановна Местр и будущая тёща поэта Наталья Ивановна Гончарова, которая, правда, в 1823 году предпочла этим имениям подмосковное село Ярополец.

Здесь же по соседству с селом Осаново на левобережье р. Прони находилось сельцо Осаново, теперь Фустово, которое наследовал в 1811 году от матери, статской советницы Анны Семёновны, тайный советник Алексей Николаевич Оленин – известный президент Академии художеств и директор публичной библиотеки, дочерью которого, Анной Алексеевной, как известно, был увлечён А. С. Пушкин, писал ей стихи, даже сделал в 1828 году предложение, однако на сговор не явился.

До этого же, в 1827 году, поэт был увлечён прославленной красавицей Софьей Александровной Урусовой, которой писал: «Не веровал я троице доньне:

Мне бог тройной казался все мудрен.

Но вижу вас и, верой озарен,

Молюсь трём грациям в одной богине».

А ведь родители её, действительный статский советник и камергер Александр Михайлович и Екатерина Павловна Урусовы, были владельцы имения в нынешних новомосковских сельце Савино и деревне Яцкой.

Так можем ли мы, исходя из сказанного, не считать себя людьми, причастными к имени великого А. С. Пушкина?

А там, на Осетре, по соседству с турбазой производственного объединения «Азот», лежит село Потетино – бывшее владение Грибоедовых и Веневитиновых, с которыми у Пушкиных были не только дружеские, но и родственные отношения.

Ниже по Осетру, в селе Щучье, а также в селе Харино и деревне Ключевой были имения коллежской советницы Натальи Авдамовны Пушкиной⁷², перешедшее затем к её сыну, действительному статскому советнику и камергеру Алексею Михайловичу, дальнему родственнику и другу семьи Пушкиных.

Из Новомосковска несколькими автобусными рейсами ежедневно совершают поездки шахтёры на шахту «Берёзовая», «Прогресс», а также на новостройку «Бельцевской», но мало кто из них знает, что в нынешнем сельце Матово между Яковлевкой и Холтобино когда-то было имение ближайшего друга А. С. Пушкина Петра Андреевича Вяземского, купленное ещё 13 марта 1788 года у вдовствующей матери Александры Николаевны Матовой его отцом генерал-поручиком Андреем Ивановичем.

А чуть подальше на этой же дороге, при повороте на Венёв, находится село Урусово – бывшее владение воспетой поэтом «царицы муз и красоты» Зинаиды Александровны Волконской. Так что пушкинские связи с нашим краем прочны и многообразны. В связи с этим мне от всей души хотелось бы поблагодарить руководство города Новомосковска за то, что оно откликнулось на ходатайство нашего пушкинского общества и решило вопрос о выносе памятника А. С. Пушкину со двора

⁷² *Примечание составителя: вероятно Волконская (в замужестве Пушкина) Наталья Абрамовна (1746–1819).*

автором завода на всеобщее обозрение в этот чудесный и всегда оживлённый сквер.

Но память о А. С. Пушкине на новомосковской земле заслуживает не только этого памятника, а повседневного внимания со стороны проживающих здесь горожан и сельчан. Сейчас, когда приближается 200-летие великого поэта, наши учебные заведения, экскурсбюро и другие заинтересованные организации вполне могли бы организовать экскурсии по нашим пушкинским местам. И этому, нам кажется, будет способствовать «Путеводитель по земле новомосковской», который готовится сейчас по инициативе местной администрации⁷³.

Тульские корни поэта

10 февраля (29 января по старому стилю) 1837 года, как писали газеты и журналы, не стало величайшего и гениальнейшего человека – Александра Сергеевича Пушкина, родившегося в Москве 26 мая 1799 года и прожившего всего лишь 37 лет 9 месяцев и 4 дня. В связи с этим широкая общественность страны считает его москвичом. Сам же он в знаменитом своём «Евгении Онегине» писал:

«Я был рождён для жизни мирной,
Для деревенской тишины;
В глуши звучнее голос лирный,
Живее творческие сны...»

«Приверженность Пушкина к деревне, к сельской жизни не была «поэтической фикцией», как сказал бы новейший любитель терминологических завитков», – пишет о нём один из современных пушкинистов. Через одиннадцать лет после выхода в свет первой главы «Евгения Онегина» он вновь мечтал: «О, скоро ли перенесу я свои пенаты в деревню, где поля, сад, крестьяне, книги, труды поэтические – семья, любовь и т. д. – религия, смерть». И это потому, что именно в деревенской глуши зарождались, росли и процветали боярские родословные корни поэта, в том числе и в нашем тульском крае.

⁷³ Бороздинский М. К открытию памятника А. С. Пушкину в г. Новомосковске 1 декабря 1993 года // Новости. 1993. 17 дек. С. 2 : ил., фото.

Ещё в 1589 году, свидетельствует писцовая книга Тульского уезда, один из пращуров Пушкина Евстафий (Остафей) Михайлович «взял по указу великого государя из вотчины Венёва Николы Чудотворца монастыря деревню Отскоки» (находившуюся у нынешнего села Гати под Венёвом – М. Б.) в Веркошском стане к посаду венёвским казакам, а вместо неё отделял и мерил причисленные взамен к Венёву монастырю из вотчины Василия Михайлова Горюшкина в стане Старое Городище «полпустыря, что было село Старое Тульское городище, полпустыря, что была деревня Верховая, полпустыря, что была слободка на Волынских полях».

Затем же, в 1611 году, сразу «после того, как Прокопий Ляпунов город Гремячий жог», стольник и воевода Иван Семёнов Пушкин «мерил и отделял» пашню гремячевским пушкарям «с ряду одного, не расписывая порознь». В 1614 и 1615 годах он же мерил и отделял пашню здешним стрельцам уже при отстроенном Андреем Чернышевым да Иваном Косачевым городе. В 1626 и 1627 годах стольник и воевода Фёдор Иванович Пушкин был межевщиком в Стрелецкой, Казачьей, Пушкарской и Воротниковской (Затинной) слободах города Гремячева.

В дальнейшем с нашим краем были связаны прапрапрадед А. С. Пушкина стольник и воевода при Картосеновской засеке, потом товарищ воеводы в Туле Пётр Петрович Пушкин, его сын и прапрадед поэта Пётр Петрович, прадед Александр Петрович, зарезавший при родах в припадке ярости жену свою Евдокию Ивановну – дочь генерала-кригскомиссара Ивана Михайловича Головина и жены его Марии Богдановны, рождённой Глебовой. Дед же, Лев Александрович (1723–1790) писал поэт

«...когда мятеж поднялся
Средь петергофского двора,
Как Миних, верен оставался
Паденью третьего Петра.
Попали в честь тогда Орловы,
А дед мой в крепость, в карантин,
И присмирел наш род суровый,
И я родился мещанин...»

Через два года Лев Александрович, правда, был помилован Екатериной II, уволен со службы в чине

подполковника артиллерии, однако это далеко не восполняло полученных потерь.

С 1803 года с нашим краем была связана тётка поэта Елизавета Львовна, ставшая женой помещика венёвского сельца Коровино Матвея Михайловича Сонцова. С 1804 года в сельцах Щучье на Осетре, Харине и дер. Ключеве находились имения коллежской советницы Натальи Абрамовны Пушкиной, потом её сына Алексея Михайловича, внука Ивана Алексеевича и правнучки Александры Ивановны, ставшей затем матерью известной большевички Софьи Николаевны Черносвитовой-Луначарской-Смидович.

С 1883 года, когда женился на дочери помещика венёвского села Марыгино гв. полковника Александра Ивановича⁷⁴ и жены его Марьи Николаевны, в приданом сельце её Малом Останкине почти ежегодно в летние месяцы жил со своими детьми от первой жены и с новорожденными от второй сын поэта Александр Александрович Пушкин, который умер здесь при начале первой мировой войны.

Вместе с тем в наших краях находились имения близкой родни жены Александра Сергеевича. Из них известна двоюродная прапрабабка Натальи Николаевны Варвара Афанасьевна Бибикова (рождённая Гончарова), во владении которой находились село Мильшино, деревни Ильинская, Лямзино тож, Ивашково, Боярково и Улыбушего северней нынешней турбазы НАК «Азот» по Осетру. Затем же, в 1817 году они по разделу перешли к её племянникам Афанасию Николаевичу Гончарову, т. е. деду Н. Н. Пушкиной, Аркадию Ивановичу Гончарову – жиздринскому помещику и подполковнику Афанасию Нестерову.

На другом краю бывшего Венёвского уезда у реки Прони, в селе Асанове, деревнях Иваньковой, Власовке под Венёвом, Боярковой, ставшей затем Сергеевкой, и Прудках, Меженовке тож, находились имения двоюродного деда Натальи Николаевны Николая Александровича Загрязского, которые после него наследовали племянницы Софья Ивановна де-Местр,

⁷⁴ *Примечание составителя: вероятно Александра Ивановича Павлова.*

фрейлина Екатерина Ивановна Загряжская и Наталья Ивановна Гончарова, т. е. тёща поэта. Так не из этой ли деревенской глуши черпал он те вдохновенные слова и мысли, которые сделали его не только выдающимся певцом русского народа, нашим национальным поэтом, создателем русского литературного языка, но и кладом для многих иноязычных, зарубежных культур?⁷⁵

День лица

Несмотря ни на плохую дождливую погоду, ни на отсутствие широковещательных объявлений, новомосковские пушкинисты торжественно и радостно отметили 185-летие со времени открытия Царскосельского лицея и поступления в него на учёбу нашего великого российского поэта А. С. Пушкина. Многие десятки искренних его любителей и почитателей, несмотря ни на что, под зонтами и накидками собрались в проливной дождь к 14 часам в Пушкинский сквер и вдохновенно, чистосердечно исполнили перед памятником поэту свой священный долг памяти, читали ему и всем присутствующим его стихи, пели написанные многими композиторами замечательные песни на его слова, фотографировались на память.

Вместе с новомосковцами на торжествах в честь Дня лицея присутствовал совсем ещё молодой, но подающий большие надежды потомок А. С. Пушкина в шестом колене, а также Н. В. Гоголя Александр Георгиевич Галин, являющийся студентом исторического факультета Московского государственного университета. И это потому, что сестра Н. В. Гоголя Елизавета Васильевна была замужем за Владимиром Ивановичем Быковым, а их сын Николай Владимирович с 1881 года был женат на внучке А. С. Пушкина Марии Александровне (1862–1939), дочь которых Татьяна Николаевна (1894–1984) с 1926 года была в замужестве за дедом Александра Георгиевича Александром Владимировичем

⁷⁵ Бороздинский М. Тульские корни поэта // Новомосковская правда. 1996. 14 февр. С. 4.

Галиным (1900–1953). Вот они, пушкинские и гоголевские истоки, дошедшие до нашего города Новомосковска!

До начала торжеств потомок двух великих знаменитостей России успел побывать в одной из городских школ, а также в гимназии, где рассказал о пушкинской родне, с которой они, Галины, поддерживают родственные связи. А это нелегко, ибо потомки Александра Сергеевича живут сейчас не только в России, но и во многих странах Европы, Азии, Америки и даже в Австралии. Потом же за чашкой горячего чая в помещении Пушкинского общества шёл интересный, непринуждённый разговор об А. С. Пушкине и его потомках, их роли и значении в жизни и истории русской мировой культуры.

Уезжая в 1811 году из дома священника в Борисоглебском переулке в сопровождении дяди, Василия Львовича, и слуги Игнатия Хитрова в Царскосельский лицей, А. С. Пушкин, конечно же, не подозревал, что через 185 лет его новомосковские почитатели вспомнят о том, как родная тётка Анна Львовна будет собирать ему подорожные гостинцы, а двоюродная бабка Варвара Васильевна Чичерина (1743–1825) подарит ему 100 рублей, которые тут же, по дороге в Питер, перезаймёт у будущего поэта дядя Василий да и совсем забудет про них, чтобы не отдавать.

Новомосковцы, однако, вспомнили и об этом.

В памяти же о 185-летнем Дне лица остались стихи поэта и песни на его слова. Пушкин был, есть и будет вечно живым и немеркнущим кумиром настоящих русских, беспредельно любящих свою Родину, не разменивающих её таланты и славу на золотого тельца⁷⁶.

⁷⁶ Бороздинский М. День лица // Новомосковская правда. 1996. 29 окт. С. 1 : ил, фото.

Общества краеведов и пушкинистов

Возрождается общество краеведов

В Тульской областной библиотеке им. В. И. Ленина состоялась организационная конференция по воссозданию существовавшего в 1920–1930-х годах областного общества краеведов. Старшее поколение новомосковцев и сельских жителей хорошо помнит издававшийся в ту пору этим обществом журнал «Тульский край», другие благие деяния его по исследованию, изучению и пропаганде истории культуры, природных богатств тульской земли. А они, можно сказать, поистине неисчислимы.

Но главной задачей краеведов является воспитание любви соотечественников через познание «малой родины» ко всей Стране Советов, их гордости за свой город, деревню, за колхоз и завод, за школу и трудовой коллектив, которые непременно выливаются в животворный патриотизм, способный переродить к лучшему всю натуру человека. Вот поэтому-то в «Положении о краеведческих обществах и организациях в СССР», разработанном в 1988 году, записано, что они должны организовать поисковую работу в архивах и библиотеках, проводить экспедиционные исследования, поддерживать существующие и создавать новые музеи, библиотеки, изучать историю, культуру, природу, деятельность трудовых коллективов родного края и формировать через дискуссии, семинары, конференции, средства информации и пропаганды научно-методическую базу краеведческого движения.

Нам, новомосковцам, тоже есть чем гордиться и что любить. Территория района с древнейших времён славилась природными богатствами, замечательными событиями и людьми, памятниками истории и культуры. Но что удивительно – многое прошлое, да и настоящее, нередко остаётся неизвестным и разрушается.

Ну что замечательного знаем, например, мы о наших сёлах и деревнях Ольховец, Высокое, Стрельцы, Яцкое и других? Да почти ничего. А ведь в них в своё время жили и хозяйствовали такие российские флотоводцы, как Сенявин,

Ушаков, Хрущов, Руднев, и другие. О них до сих пор нетронутыми остаются в госархиве Тульской области десятки различных дел, отдельных документов, которые могли бы бесценно украсить военно-морской музей на нашей сухопутной новомосковской земле.

А разве не интересно знать, что в селе Холтобино рядом с Ф. Ф. Ушаковым и начальником штаба выдающегося русского флотоводца М. П. Лазарева Хрущовым жили замечательный строитель и архитектор К. С. Сокольников, известный писатель Г. А. Хрущов-Сокольников? В сельце же Высоком, по соседству с тем же Ф. Ф. Ушаковым, было имение известного писателя и друга А. С. Пушкина Петра Андреевича Вяземского. Сельцо Дубровка на территории нынешнего Правдинского сельсовета было пристанищем известного архитектора Карла Ивановича Бланка, потом его сына Петра и внучки Гликерии Петровны. Сельцо Дохторово в том же сельсовете – родина известного изобретателя «бога войны» Фёдора Фёдоровича Петрова, который внёс своими тяжёлыми орудиями большой вклад в победу над фашизмом. А сельцо Подникольское в совхозе «Коммунар» было первым после освобождения из неволи имением декабриста Михаила Михайловича Нарышкина.

На конференции, которую кратким вступительным словом открыла председатель областного фонда культуры, шёл большой и интересный разговор о задачах и проблемах краеведения. Затем директор Тульского областного краеведческого музея В. И. Боть рассказал об истории тульского краеведения, о причинах, побуждающих к возрождению разогнанного в застойное время общества. И главная из них состоит в том, что в стране и у нас в области в короткий срок из-за отсутствия общества были ликвидированы многие малые города и так называемые «неперспективные» сёла и деревни, самовластной рукой местных правителей бездумно перекроены границы районов, сельсоветов, колхозов, совхозов, переименованы миллионы поселений, улиц, учреждений. А это, как и следовало ожидать, подчеркнул архитектор Куликов, явилось мощным ударом по краеведению, по народному

патриотизму, который превратил миллионы граждан в Иванов, не помнящих родства.

В ходе прений много споров разгорелось по организационным формам и структуре воссоздаваемого общества. Дело в том, что одни (Н. А. Милонов, В. И. Боть, Т. В. Белозерова и другие) предлагали сделать его структурным объединением в составе Советского фонда культуры, другие же (В. В. Пилипенко, С. В. Михалева, А. Н. Куприянов) настаивали на самостоятельности краеведов. По здравому же рассуждению выигрышным оказалось первое предложение, а поэтому в принятое решение записали: «Создать координационный совет краеведов Тульской области при фонде культуры с целью последующего возрождения его в самостоятельное краеведческое общество».

Был организован координационный совет в составе 20 с лишним человек, а также правление под руководством доктора филологических наук Н. А. Милонова при ответственном секретаре Букриной из пяти человек. Конференция избрала также трёх делегатов на организационную конференцию краеведов РСФСР, которая должна пройти в г. Челябинске.

В связи с тем, что в Новомосковске, как мне сказали, нет ни фонда культуры, почему он в немалой степени и страдает, ни краеведческого общества, которое могло бы оказать существенное влияние на патриотическое воспитание жителей города и района, было бы очень желательно, мне кажется, создать и воссоздать у нас эти организации. Да и неудобно просто, что в Киреевске или Белёве эти организации есть, а у нас в Новомосковске – втором по величине городе в области – их почему-то нет?..⁷⁷

Конференция краеведов

В первый день участники конференции с большим интересом прослушали выступления представителей литературно-краеведческой общественности городов Москвы и Костромы, перешагнувшей 800-летний рубеж своего

⁷⁷ Бороздинский М. Возрождается общество краеведов // Новомосковская правда. 1990. 11 мая. С. 3.

существования, которые рассказали об опыте краеведческой работы в своих регионах, об организации изучения, охраны, реставрации и пропаганды памятников истории и культуры. Однако особое внимание делегатов, естественно, привлекли доклады и выступления местных, тульских и областных краеведов.

«Тульский просвещённый круг конца XVII века» – такой была тема выступления старшего научного сотрудника Тульского областного краеведческого музея В. М. Рудневой, которая открыла, можно сказать, глаза присутствующим на многих наших учёных и просветителей, религиозных деятелей, о которых мы, в большинстве своём, имели очень смутное представление, а некоторые вообще не знали.

А старший преподаватель Тульского пединститута, кандидат исторических наук О. Е. Глаголева сделала экскурс в дворянские усадьбы прошлого века, которые являлись культурными центрами во многих сёлах и деревнях, но, к сожалению, в большинстве своём были разорены после революции и особенно при коллективизации деревни.

К числу таких центров относились и располагавшиеся в наших краях усадьбы «царицы муз и красоты» З. А. Волконской в селе Урусово, князей Урусовых в Савино, родни А. С. Пушкина по жене князей Загряжских и Строгановых в селе Асаново⁷⁸, учёных Цингеров в Мелеховке, общественных деятелей Хомяковых в Слободке, Мекков в Хрусловке и другие.

О музыкальной культуре и её аспектах в Тульской губернии и области, о певческих дарованиях нашего края поведала ст. преподаватель пединститута М. Е. Лаврова.

А следующий день был посвящён памяти творческой деятельности таких заслуженных, но уже забытых и полузабытых наших земляков, как историк и энциклопедист И. П. Сахаров, провинциальный философ П. С. Батурин, философ, поэт и один из идеологов раннего славянофильства А. С. Хомяков, библиофил и меценат Н. М. Горбов, шкафы и

⁷⁸ *Примечание составителя: в настоящее время село называется Осаново, входит в состав МО г. Новомосковск.*

книги которого до сих пор служат людям и украшают конференц-зал областной библиотеки, крестьянский поэт В. Д. Ляпунов, мотивы которого, по мнению некоторых исследователей, отразились в творчестве Н. А. Некрасова, А. В. Кольцова и других.

Особо следует отметить выступления сотрудника областного краеведческого музея И. Н. Юркина, рассказавшего о народности традиций в жизни и деятельности Абрама Булыгина, а также доклад кандидата филологических наук И. Е. Гриневой, поведавшей о книгах декабриста К. Ф. Рылеева, хранящихся в фондах областной библиотеки, выставка которых поистине явилась украшением зала заседаний конференции.

И совсем необычным до сих пор, но очень интересным и поучительным было выступление архимандрита издательства Московской патриархии отца Иннокентия (Анатолия Ивановича Просвирина), который рассказал о значении книг в его личной судьбе, но при этом обратил внимание на более серьезный подход к чтению художественной и другой литературы, в которой всё большее значение приобретает конъюнктурный процесс, не только не укрепляющий, а развращающий веру и души народа.

От имени Московской патриархии и от себя лично он одарил делегатов конференции некоторыми недавними её изданиями.

В заключение директор облбиблиотеки проинформировала присутствующих о работе коллектива и предстоящих перспективах, отметила ценное начинание по микрофильмированию старинных словарей и книг, выразила надежду на дальнейшее укрепление связей библиотек области с краеведами и наоборот.

Профессор Н. А. Милонов в заключительном слове отметил положительную роль краеведческих конференций в деле духовной перестройки общества.

Хочется надеяться, что связь краеведов наладится, и годовичные краеведческие конференции станут более влиятельны на широкую общественность периферийных районов области⁷⁹.

О пятилетке новомосковских пушкинистов

Кажется, недавно, будто вчера, месяц, а может, год назад, состоялось оно, первое организационное собрание любителей великого нашего поэта А. С. Пушкина в читальном зале центральной библиотеки города Новомосковска. Присутствовало немного: может, два, но не больше трёх десятков человек.

«Не любят, оказывается, у нас Пушкина, – подумалось тогда большинству его почитателей. – А это значит, что не знают его». При обмене же мнениями выяснилось, что большинство прибывших на собрание немало сделали для того, чтобы поэт был любимцем наших горожан. Ведь он, как и новомосковцы, беззаветно любил свою родину, самоотверженно защищал её от всякой скверны, «глаголом жёг сердца людей», чтобы люди были честными, свободолюбивыми, дружелюбными. Вот потому-то и решили создать Пушкинское общество, которое было потом вместе с нашим «Уставом» принято и утверждено вышестоящими руководящими инстанциями.

С тех пор прошло пять лет. Срок, конечно, небольшой, но председатель правления Тамара Александровна Быкова очень правильно сделала, что подвела некоторые итоги нашей работы и напечатала их в «Новомосковской правде». И это потому, что, вопреки утверждениям некоего Б. Просвирияка в газете «Наш выбор», похвалиться нам есть чем. Об этом свидетельствуют многочисленные пушкинские вечера и концерты, проводимые для жителей города бесплатно, лекции и выставки, посвящённые поэту, его родным, близким, современникам. А какое восхищение вызывает у новомосковцев и наших гостей памятник Александру Сергеевичу, выдворенный из захолустья Новомосковского авторемзавода в один из центральных скверов города, называемый ныне Пушкинским!

⁷⁹ Бороздинский М. Конференция краеведов // Красное знамя. 1991. 3 дек. С. 3.

Да, конечно, без помощи нашей городской администрации и здесь не обошлось. Однако прежняя, в лице председателя горисполкома Соколова, других начальников, к нашему голосу не прислушивалась. Вот поэтому-то мне лично и всем, мне кажется, активистам Пушкинского общества г. Новомосковска от души хочется сказать большое спасибо Станиславу Алексеевичу Шеденкову за наше взаимопонимание.

Но в деятельности нашего Пушкинского общества не только указанные выше мероприятия. Оно вместе с тем ведёт большую научно-исследовательскую работу, которая, к сожалению, не по нашей вине остаётся многим жителям г. Новомосковска и района неизвестной. А ведь именно она, эта исследовательская работа, и вынудила нас ставить перед руководством вопросы о создании общества, о переносе в центр города памятника поэту и многие другие.

А в чём же состоят они, эти наши научные исследования, над которыми вроде бы насмехается Б. Просвирия? Да в том, прежде всего, что мы, путём тщательного изучения и переписки некоторых ревизских сказок бывшего Венёвского уезда, в который входила и новомосковская земля, установили связи этого края если не с самим А. С. Пушкиным, то с многочисленной его роднёй, близкими ему людьми и товарищами.

Например, тётка поэта, Елизавета Львовна (1776–1848), вышла в 1803 году замуж не за зарайского помещика, а за венёвского, Матвея Михайловича Сонцова (1779–1847)! Не из зарайского, оказывается, села Коровина писали письма отец и родной дядя поэта Василий Львович к родным и близким, когда проживали у сестры своей целыми месяцами, а из венёвского сельца Коровина. А это, естественно, предполагает пребывание здесь и самого Александра Сергеевича, хотя бы в детстве, на свадьбе тётки.

А в селе Осаново на Проне, в деревнях Боярковой, называемой ныне Сергеевкой, Ивановкой, исчезнувших с лица земли Меженовских Прудках и Власовке ещё в середине XVIII столетия, были имения генерал-поручика и разных орденов кавалера Александра Артемьевича Загряжского, потом его сына,

действительного статского советника и камергера Николая Александровича, к жене которого Наталье Кирилловне, рождённой Разумовской, Александр Сергеевич ходит перед женитьбой на поклонение.

Это по инициативе Н. А. Загряжского и в основном на его средства в селе Осаново в начале XIX столетия был выстроен вместо деревянного до сих пор существующий каменный храм во имя иконы Казанской Божьей Матери с приделами во имя святителя Николая и Александра – патриарха цареградского.

В 1821 году, с кончиной действительного тайного советника и обер-шенка Н. А. Загряжского, оказавшегося бездетным, имения его перешли к племянницам: генерал-майорше Софье Ивановне Местр, фрейлине Екатерине Ивановне Загряжской, проживавшей затем в семье А. С. Пушкина, и к будущей теще поэта Наталье Ивановне Гончаровой, которая, правда, к 1824 году отделилась от сестёр и стала полновластной хозяйкой подмосковного Яропольца, а также других имений.

С кончиной же сестёр Загряжских – дочерей брата Николая Александровича Ивана⁸⁰ (1750–1807) – имения перешли к генерал-адъютанту и генералу от кавалерии, к сенатору и кавалеру Сергею Григорьевичу Строганову (1794–1882), сыну главы опекунского совета Григория Александровича (1770–1857), учреждённого над детьми А. С. Пушкина.

По соседству же с имениями Загряжских и Строгановых находились в сельце Осаново, Фустово тож, а также в селе Есипово и деревне Причаль имения тайного советника Алексея Николаевича Оленина, президента Академии Художеств и директора Публичной библиотеки Петербурга, за дочь которого, Анну Алексеевну (1808–1888), в 1828 году сватался А. С. Пушкин, посвятил ей стихи «Город пышный, город бедный...», «Ты и вы». В доме Олениных в конце января или начале февраля 1819 года произошло знакомство с Анной Петровной Керн, оставившей глубокий след в жизни и творчестве поэта.

⁸⁰ *Примечание составителя: Ивана Александровича Загряжского.*

Здесь же, ещё ближе, чем к Новомосковску, в сельце Савино, ещё в середине XVIII века находилось имение полковника, князя Михаила Васильевича Урусова, а с 1794 года его сына, лейб-гвардии прапорщика Александра Михайловича, прикупившего в 1802 году имение действительного камергера Петра Ивановича Вырубова и сына его, майора Алексея, в деревне Яцкой. А это ведь были те самые Урусовы, из-за любви к дочерям которых А. С. Пушкин был вызван в 1827 году их родственником В. Д. Соломирским на дуэль, расстроенную с помощью П. А. Муханова и А. В. Шереметева закадычным другом поэта Сергеем Александровичем Соболевским.

Ещё же ближе, в сельце Высоком, что на дороге между Яковлевкой и Холтобиным на г. Венёв, 13 марта 1788 года купил у вдовствующей майорши Александры Николаевны Матовой и её дочери, девицы Екатерины Николаевны, имение генерал-аншеф Иван Андреевич Вяземский. По смерти же последнего в 1790 году⁸¹ оно перешло к его сыну, генерал-поручику Андрею Ивановичу Вяземскому, а от него в 1807 году тоже к сыну, но не к генералу, а к камер-юнкеру Петру Андреевичу Вяземскому, известному поэту и писателю, одному из ближайших друзей А. С. Пушкина.

Так не хватит ли только этих перечислений для того, чтобы убедиться в неслучайности открытия памятника в г. Новомосковске нашему великому российскому поэту?

А давайте-ка теперь переместимся в западную зону нынешней земли венёвской, к легендарным берегам летописного Осетра, в зону химкомбинатовской турбазы «Осётр». Здесь, оказывается, тоже жил когда-то пушкинский дух, благодаря его родным и знакомым.

Глядя вниз по течению Осетра от турбазы и Осетровского лестничества с наивысшей точки, здесь можно рассмотреть на правом берегу деревни Бурдуково и Лямзино, а далее за лесом – село Мильшино. На левой же стороне – Потетино, Ивашково, Улыбышево, в верховьях Осетра – Квашнино и другие деревни.

⁸¹ *Примечание составителя: годы жизни Ивана Андреевича Вяземского (1722–после 1798), ряд источников указывает год смерти – 1786 и 1789.*

И всё это, надо заметить, ещё в 1771 году было куплено двоюродной прабабкой жены А. С. Пушкина Натальи Николаевны Варварой Афанасьевной, вышедшей замуж за генерал-майора Илью Богдановича Бибикова, родного племянника жены М. И. Кутузова.

Однако семейная жизнь дочери одного из главных основателей Полотняного завода и бумажных фабрик, владельца 75 имений Афанасия Абрамовича Гончарова Варвары Афанасьевны и правителя Новгород-Северского наместничества И. Б. Бибикова сложилась не так складно, как им хотелось. Проживая большую часть времени в разъезде, они так и не сумели обзавестись собственными детьми. Исполняя данный Всевышнему зарок, Илья Богданович даже на новый каменный храм во имя Рождества Пресвятой Богородицы с приделами во имя святителя Николая Чудотворца и пророка Ильи, построенный в селе Мильшино в 1801 году, денег не пожалел. Однако умер в 1805-м бездетным. А в апреле 1816-го не стало и его жены. Похоронены они были в селе Мильшино. В округе же до сих пор существуют легенды, будто в Мильшине не один раз бывал М. И. Кутузов и подарил в здешний храм какую-то особенную икону. Но об этом, к сожалению, никаких письменных источников найти не удалось.

С кончиной же В. А. Бибиковой разразился большой скандал по разделу её имений между племянниками: надворным советником Афанасием Николаевичем Гончаровым, т. е. дедом жены А. С. Пушкина, подполковником Афанасием Александровичем Нестеровым и жиздринским помещиком, коллежским архивариусом Аркадием Ивановичем Гончаровым, от которого первые утаили завещание тётки, составленное с помощью троюродного брата венёвского уездного судьи коллежского секретаря Андрея Назаровича Терехова, купившего затем у А. Н. Гончарова за бесценок в 1817 году все доставшиеся ему имения.

Однако другие родственники не согласились с этим разделом и спор продолжался до 1820 года, пока имения в селе Мильшино, деревнях Ильинской, Лямзино тож, Ивашковой и Боярковой не перешли во владение действительной статской

советницы Любви Ивановны Голынской, рождённой, скорее всего, Гончаровой, но являвшейся воспитанницей покойной В. А. Бибиковой.

Бывшее село Потетино с середины XVIII столетия подразделялось на сельцо Потетино, где помещицей была вдовствующая коллежская прокурорша Анна Алексеевна Волынская, тётка Алексея Фёдоровича Грибоедова, изображённая его племянником в образе известного Фамусова. Он в 1800 году и наследовал после её кончины это имение. Возможно, именно здесь и родился в тогдашней лесной глуши знаменитый наш поэт и драматург Александр Сергеевич Грибоедов, но у исследователей руки до этого ещё не дошли.

Другая же часть этого поселения именовалась полусельцом, потом деревней Потетино, Незамаево тож. Здесь помещицей была прапорщица Екатерина Ивановна Кривцова, потом её сыновья Алексей и Иван Петровичи, внук Николай Иванович, от которого к 1805 году оно перешло к указанной генеральше Варваре Афанасьевне Бибиковой, потом к А. Н. Гончарову, а от него в 1817 году к подполковнице Екатерине Павловне Трегубовой. Из всех перечисленных здесь владельцев для пушкинистов представляет интерес приятель А. С. Пушкина Николай Иванович Кривцов (1791–1843), участник Отечественной войны 1812 года.

В сельце же Потетино после А. Ф. Грибоедова помещицей стала его дочь, штабс-капитантша Софья Алексеевна Римская-Корсакова, а от неё в 1846 году имение перешло к поручице Ольге Александровне Веневитиновой, а после её кончины к мужу Алексею Александровичу и их дочерям, девицам Елизавете и Надежде. Вот ведь сколько знакомых и близких А. С. Пушкину людей находилось когда-то в одном этом небольшом поселении!

Ниже по Осетру в селе Щучье и дер. Ключово в XVIII столетии были имения князя Аврама Михайловича Волконского (1710–1760), женатого на Евдокии Михайловне Самариной (1713–1774), которые имели семерых детей, в том числе Екатерину (1731–1804), Марию (1736–1794), Наталью (1746–1819), Сергея (1748–1788), Михаила, Александра (1755–1793) и

Елизавету. Но мать их, овдовев, вышла замуж за действительного тайного советника князя Ивана Васильевича Одоевского. В связи с этим владельцами имений в селе Щучье и дер. Ключевой стали полковник Сергей, секунд-майор Александр, девицы Екатерина и Мария Аврамовы Волконские. Однако к 1795 году братья и сестра княжны Екатерины Аврамовны умерли и она стала единовластной хозяйкой в указанных поселениях. Что же касается младших её сестёр, то Наталья Аврамовна была в замужестве за Михаилом Алексеевичем Пушкиным, а Елизавета – за Стальбергом.

Ещё будучи в кадетском корпусе, М. А. Пушкин сблизился с организатором кадетских спектаклей в 1749–1751 годах Петром Ивановичем Мелиссино, потом с его братом Иваном Ивановичем (1718–1795), с женой его Прасковьей Владимировной, рождённой Долгоруковой. А в 1762 году, когда был офицером лейб-гвардии Преображенского полка, он принял участие в дворцовом перевороте, приведшем Екатерину II на российский престол. Это в его мундире Е. Р. Дашкова сопровождала Екатерину во время её похода в Петергоф.

Благодаря этому участию и помощи Дашковых, Григория Орлова М. А. Пушкин был назначен на должность советника Мануфактур-коллегии в Москве при президенте Д. В. Волкове и вице-президенте Ф. И. Сукине. Но в феврале 1772 года его брат Сергей был задержан в Риге с фальшивым клише для печатания поддельных вместо вышедших в 1769 году ассигнаций. В этом была установлена и вина старшего Михаила. А 25 октября 1772 года он был арестован и именным указом императрицы лишён всех чинов, дворянства, наград и сослан в Сибирь.

Наталья же Аврамовна между тем незадолго до этого родила сына, которого называли Алексеем, но она, тем не менее, тоже собралась вместе с ним в сибирскую ссылку. Однако на помощь Пушкиным явились Мелиссино. Они по добру по здорову проводили молодых супругов в Сибирь, а ребёнка их взяли к себе на воспитание. Повзрослев, он будто бы однажды навестил своих родителей в Сибирской ссылке, но большой любовной пылкости к ним не проявил. А потом отец умер, мать вернулась в Москву, купила дом на Большой Тверской улице,

недалеко от Страстной (ныне Пушкинской) площади и стала жить в нём вместе с сыном Алексеем Михайловичем, одним из близких друзей Василия Львовича и всей семьи Пушкиных.

В 1804 году умерла сестра Натальи Аврамовны Екатерина Волконская, владевшая имениями в селе Щучье и дер. Ключевой. По наследству они перешли к Наталье. А потом её сын А. М. Пушкин женился на Елене Григорьевне, урождённой Воейковой (1778–1833), и с кончиной матери в 1819 году стал полновластным наследником её венёвских имений, распространившихся, кроме Щучья и Ключевой, на село Харино.

В 1829 году, в связи с кончиной действительного тайного советника, камергера и кавалера А. М. Пушкина, владельцем имений стал его сын, титулярный советник Иван Алексеевич, за которым в ревизию 1834 года в селе Щучье было записано 240 мужских и 236 женских душ в 43 крестьянских дворах, в селе Харино, соответственно, 39 и 36 душ в 8 дворах, в дер. Ключевой 125 и 129 душ в 28 дворах. К 1850 же году, в связи со второй женитьбой, его владения оказались и в новопоселенных деревнях Пироговой и Софьиной. А при ликвидации крепостной зависимости крестьян он в селе Щучье освободил 108 душ крепостных мужского пола с земельным наделом в 330 десятин, в Ключеве 112 с 296 десятинами, в Харино 37 со 117 десятинами, в Пирогове Аксиньинской волости 17 с 50 десятинами, в Софьине 29 с 87 десятинами.

У коллежского асессора И. А. Пушкина, женатого сначала на Татьяне Ефимовне Ренкевич, потом на Софье Владимировне Васильевой-Шиловской, было четыре дочери и сын Александр, однако наследницей его венёвских имений стала младшая из них, Александра Ивановна, которая вышла замуж за Николая Петровича Черносвитова, ставшего в 1873 году правителем канцелярии тульского губернатора, потом депутатом губернского дворянского собрания от Венёвского уезда. В семье у них были сыновья Николай 1870 г. рождения, Владимир 1873-го и Алексей 1875-го, а также единственная дочь – Софья Николаевна. И, как ни странно, все их дети, несмотря на то, что за матерью по переписи 1897 года в селе Щучье числилось до

тысячи десятин земли, за отцом – первостатейный по тем временам спиртзавод в г. Венёве, оказались причастными к революционному движению. Так, Софья Николаевна, ставшая потом женой Платона Васильевича Луначарского, а с 1906 года, после кончины последнего, Петра Гермогеновича Смидовича, превратилась в убеждённую большевичку, а её младший брат Алексей утонул в 1905 году в реке Венёвке, спасаясь от преследования жандармов.

Как знать, не сказался ли во всём этом бунтарский, вольнолюбивый дух, присущий многим представителям дворянского рода Пушкиных?!

А сколько ещё раскрыто нами имён на нашей бывшей венёвской, а ныне новомосковской и серебрянопрудской землях, связанных с именем великого Пушкина. Из них воспетая им «царица муз и красоты» Зинаида Александровна Волконская, владевшая имениями в селе Урусово и дер. Княжево, Голицыны и Всевожские в Шишлове, дед, бабка и мать С. А. Соболевского Игнатьевы в селе Исаково и дер. Ивановской, Власовы в селе Спасском, Бобринские, владевшие всей округой у нынешнего Новомосковска, Шереметевы в Серебряных Прудах, селе Подхожем с выселками, селе Красном с выселками и др. Так разве же это не заслуживает накануне 200-летия поэта достойной памяти?!

Но нашим обществом раскрыты и некоторые необоснованно установленные погрешности в биографии самого поэта. Так, бездоказательно и документально необоснованно считается, например, что первая квартира семьи Сергея Львовича в Москве по выходе его в отставку с военной службы находилась в доме княжён Щербатовых в Аптекарском переулке, ибо там на протяжении долгих лет проживала только одна княжна, старая дева Екатерина Петровна, племянница историка М. М. Щербатова, сначала в составе семьи, потом с родственниками совершенно других фамилий. В связи с этим здесь никак не мог быть дом княжён Щербатовых. А вот в «Указателе Москвы 1793 года» на улице Петровке действительно показан на 444-й странице дом княжён Дарьи и Настасьи Щербатовых под № 91, где и поселились Пушкины по

приезде из Питера. Именно здесь, и нигде иначе, состоялся их сговор с графом Артемием Ивановичем Воронцовым, владевшим здесь же, начиная от угла Петровки и Кузнецкого моста на другой стороне, тремя стоявшими подряд домами, о том, чтобы он стал крестным отцом ожидавшегося у Пушкиных ребёнка. Именно это потом и случилось.

Мы далее категорически отвергаем утверждения лжепушкинистов о том, что якобы поэт родился не во дворе графини Екатерины Александровны Головкиной, а у её домоправителя Ивана Васильевича Скворцова, как записано в метрической книге Богоявленской в Елохове церкви. Мы считаем, что поэт родился 26 мая 1799 года именно в сохранившемся до наших дней в полуразрушенном состоянии кирпичном двухэтажном доме Е. А. Головкиной на Немецкой (ныне Бауманской) улице, где жили Пушкины и где 5-го мая, т. е. за три недели до рождения Александра Сергеевича, умер дворовый их человек Михаил Степанов в возрасте 48 лет. Этот факт дважды зафиксирован в той же метрической книге под №№ 58 и 64, где через страницу 27-го мая отмечено рождение и 8-го июня крещение А. С. Пушкина.

Ошибки же, допущенные в записи о рождении и крещении поэта, мы объясняем тем, что ни крёстный отец его А. И. Воронцов, ни крёстная мать в лице родной бабки Ольги Васильевны Пушкиной до 8-го июня не бывали на новой, уже третьей после приезда из Питера, квартире Пушкиных, а поэтому и не знали, кому принадлежат стоявшие рядом два кирпичных двухэтажных дома. Но так как при въезде между этими домами их первым, естественно, встретил вездесущий домоправитель И. В. Скворцов, который и по ошибке и сообщил о рождении младенца не 26-го, а 27-го мая, то восприемники и решили, что хозяином здесь является именно он. Вот поэтому то в метрической книге и появилась именно с их слов, восприемников младенца от святой купели, запись о том, что «мая 27 во дворе коллежского регистратора Ивана Васильевича Скворцова у жильца ево Моэора Сергия Львовича Пушкина родился сын Александр, крещён июня 8 дня, восприемник граф

Артеми́й Ива́нович Воро́нцов, кума – мать означенного Сергея Пушкина вдова Ольга Васильевна Пушкина».

Из сказанного видно, что за минувшие пять лет Пушкинским обществом г. Новомосковска проделана на общественных началах, а, следовательно, бесплатно немалая не только культурно-массовая, но также и публицистическая, архивно-исследовательская работа, которая, к сожалению, вызывает зависть и неодобрение у того же Б. П. Просви́рняка из газеты «Наш выбор» и ему подобных. Однако мы, отбрасывая грязные пасквилы вроде «Поскромнее бы, а?», ещё настойчивей и уверенней пойдём к намеченной нашим «уставом» цели.

Зеркалом кристальной чести и неподкупной совести считаем мы, члены Пушкинского общества, нашего великого и незабвенного поэта Александра Сергеевича Пушкина. И мы сделаем всё зависящее от нас, чтобы имя его накануне 200-летнего юбилея засияло яркой путеводной звездой не только для нас, но и для всех жителей города Новомосковска и района⁸².

82 Бороздинский М. О пятилетке новомосковских пушкинистов // Новомосковская правда. 1995. 9 сент. С. 2.

Краевед Михаил Георгиевич Бороздинский: библиографический указатель литературы

Отдельные издания М. Г. Бороздинского

1. Бороздинский, М. Г. Венёв : путеводитель / М. Г. Бороздинский, В. Н. Уклеин. – Тула : Изд-во Приокское, 1974. – 22 с. : ил.

2. Бороздинский, М. Так где же родился А. С. Пушкин? / М. Бороздинский. – Новомосковск : РЕКОМ, Лтд, 1999. – 128 с. : ил., фото.

Публикации М. Г. Бороздинского в сборниках, альманахах и периодических изданиях

Тульский край

3. Бороздинский, М. О древней Туле / М. Бороздинский // Тульские известия. – 1993. – 6, 7 окт.

Вопрос о дате основания Тулы.

4. Праздник не удастся отменить // Коммунар. – 1994. – 22 нояб.

Отклик на статью Н. К. Фомина «Угрожает ли Туле 850-летний юбилей?» (Тульские известия. 1994. 23 июня), посвящённой вопросу о первом упоминании Тулы в летописях.

5. С чего начинается Тула // Молодой коммунар. – 1969. – 21 марта.

История города.

Венёвский край

6. Бороздинский, М. История одной поездки / М. Бороздинский // Красное знамя. – 1984. – 4, 6 окт.

О поездке **Белинского В. Г.** в город Венёв летом 1838 г. к уездному врачу **Клюшникову П. П.**

7. Они сражались за Венёв // Красное знамя. – 1965. – 9, 11 мая.

О защитниках города в годы Великой Отечественной войны, в том числе о Герое СССР **Терешкове** и генерал-майоре **Серёгине**.

8. Рядом с декабристами // Красное знамя. – 1984. – 14 апр.

О связях декабриста **Басаргина Н. В.** и его слуги **Киселёва В.** с Венёвским уездом.

9. Экспонат номер один. Правдисты – наши земляки // Красное знамя. – 1976. – 20 нояб.

О сотрудниках газеты «Правда», уроженцах Веневского уезда **Ганьшине С., Рябовском П., Садофьеве И.**

10. Иванов, А. Учёные, изобретатели – наши земляки / А. Иванов, М. Бороздинский // Красное знамя. – 1974. – 9 февр.

О **Данилове М. В.** и **Гедеонове Д. Д.**

11. Кавалер орденов трудовой славы // Красное знамя. – 1973. – 11 янв.

О механизаторе совхоза «Коммунар» Венёвского района **Аверине В. Г.**, награждённом за трудовые успехи орденами Ленина и «Знак Почёта».

12. Загадки **Баженовых** // Молодой коммунар. – 1990. – 1 дек.

13. К увековечению памяти зодчего // Красное знамя. – 1984. – 25 дек.

О месте захоронения русского архитектора Баженова В. И. в Венёвском районе.

14. Память о великом зодчем // Коммунар. – 1978. – 17 марта.

О пребывании Баженова В. И. в 1780–1790 годах в деревне Глазово Каширского уезда, в настоящее время Венёвского района.

15. Поэт классического зодчества // Коммунар. – 1988. – 10 апр. – См. также: То же // Красное знамя. – 1987. – 12 марта.

О Баженове В. И.

16. Документы рассказывают // Коммунар. – 1988. – 18 окт. – С. 3.

О помещиках **Басаргинных.**

17. Из родословной декабриста // Молодой коммунар. – 1990. – 2 июня.

О связях **Басаргина Н. В.** с Венёвским уездом.

18. Революцией призванный // Красное знамя. – 1966. – 5, 8 февр. – См. также: То же // Красное знамя. – 1980. – 6, 11, 13, 15 марта.

О **Бочарове Г. А.** – одном из активнейших участников революционного движения и установления Советской власти в городе Венёве и Венёвском уезде.

19. Отважный разведчик // Красное знамя. – 1977. – 8 мая.

О Герое Советского Союза, уроженце Венёвского района
Гуляеве А. И.

20. Единорог Данилова // Коммунар. – 1974. – 7 февр.

Об одном из создателей нового вида артиллерийского оружия **Данилове М. В.**, уроженце деревни Харино под Венёвом (род. в 1722 г.).

21. Возвращение Бориса // Коммунар. – 1990. – 17 февр. – См. также: Возвращение // Красное знамя. – 1989. – 20 июля.

О русском писателе **Зайцеве Б. К.**, который жил и работал в деревне Притыкино Каширского уезда Тульской губернии, в настоящее время Венёвского района.

22. Повторивший подвиг Сусанина // Коммунар. – 1980. – 9 мая.

О подвиге, совершённом в 1941 г. колхозником **Ивановым И. П.** из деревни Лишняги Венёвского района.

23. Сохраним на память потомкам нашим // Красное знамя. – 1994. – 22 марта.

Об усадьбе маркизов **Кампанари** в селе Урусово.

24. Еще раз об **А. Д. Кившенко** // Новомосковская правда. – 1992. – 13 февр.

Об уточнении места рождения художника – селе Серебряные Пруды Венёвского уезда.

25. Учёный из Хавок // Красное знамя. – 1977. – 2 июля.

О **Кортукове Е. В.**, докторе биологических наук, профессоре, уроженце села Хавки Венёвского района.

26. Крестьянский комиссар // Красное знамя. – 1967. – 1, 3, 6, 8, 10 июня.

О венёвском партийном деятеле **Кубышкине П. С.**

27. Владимир Николаевич Лихарев // Красное знамя. – 1975. – 18, 20, 23 дек.

О **Лихареве В. Н.**, члене Южного общества декабристов, подпоручике, уроженце села Коншинка Каширского уезда, в настоящее время Кончинка Венёвского района.

28. Директор из Венёва // Коммунар. – 1986. – 29 июня.

О первом директоре Московского автозавода **Лихачёве И. А.**, уроженце деревни Озерцы Венёвского уезда.

29. У руля автомобилестроения // Красное знамя. – 1986. – 14 июня.

О Лихачёве И. А.

30. Жизнь, отданная людям // Красное знамя. – 1971. – 4 сент.

О военном деятеле **Ловягине П. Е.**

31. Дворец **Мекков** // Красное знамя. – 1994. – 3 марта.

О «дворце Мекков» в селе Хрусловка Венёвского уезда, усадьбе М. К. фон Мекка.

32. Подвиг комиссара // Красное знамя. – 1969. – 22, 24, 27 мая.

О подвиге политрука второй батареи 702-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка **Налетова Г.** в боях за город Венёв в ноябре 1941 года.

33. Декабрист **Нарышкин М. М.** // Красное знамя. – 1975 – 29 нояб., 25 дек.

34. Дирижёр артиллерии // Бессмертен подвиг их высокий. – Тула, 1983. – С. 412–414.

О венёвце-Герое СССР **Пожарском Н. М.**

35. В честь славного земляка // Коммунар. – 1974. – 29 марта.

О Н. М. Пожарском.

36. Генерал Пожарский // Коммунар. – 1972. – 1 дек. – См. также: То же // Заветы Ленина. – 1978. – 9 мая.

О Н. М. Пожарском.

37. Океанов, П. Замечательный командующий / П. Океанов ; литературная запись М. Бороздинского // Красное знамя. – 1975. – 19, 22, 24 июля.

О Н. М. Пожарском.

38. Годы борьбы // Красное знамя. – 1985. – 7 нояб.

О председателе Венёвской уездной ЧК **Рогожине И. М.**

39. Исследователь Венёвской флоры // Красное знамя. – 1975. – 12 июля.

О **Розене В. В.**

40. Песни поэта-земляка // Красное знамя». – 1966. – 15 янв.

О творчестве советского поэта, уроженца Венёвского района **Садофьева И. И.** (1889–1965).

41. Славная большевичка // Красное знамя. – 1972. – 16 марта.

О **Смидович С. Н.**, члене РСДРП с 1898 г., уроженке деревни Щучье Венёвского уезда.

42. Увековечить имя большевички // Красное знамя. – 1977. – 23 июля.

О **Смидович С. Н.**

43. В семье **Ульяновых-Елизаровых** // Красное знамя. – 1967. – 19, 24, 28, 31 окт. ; 4, 7 нояб.

44. Хранительница лесов венёвских // Красное знамя. – 1972. – 7 нояб.

О **Шаминой А. Н.**

45. Маршрут: СССР–Румыния–Югославия // Бессмертен подвиг их высокий. – Тула, 1983. – С. 595-596.

О Герое Советского Союза, уроженце села Озорники Венёвского района **Шишове Л. М.**

46. Лётчик Л. М. Шишов // Красное знамя. – 1978. – 9 мая.

47. Бороздинский, М. Арсенал закалки поколений / М. Бороздинский // Красное знамя. – 1973. – 22 марта.

О выдающихся людях Венёвского края.

48. Архитектурное диво // Красное знамя. – 1978. – 24 авг.

О колокольне бывшей Николаевской церкви в Венёве.

49. В боях за Венёв // Венёвская правда. – 1958. – 9 мая.

О событиях в ноябре 1941 года.

50. В боях за Мордвес, Марыгино, Мартемьяново // Красное знамя. – 1970. – 24 февр. – (Навстречу 25-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне).

51. В боях мужал и креп. Из истории Венёвской комсомольской организации // Красное знамя. – 1968. – 26, 28 сент. ; 1, 3 окт.

52. Вдали веков // Венёвская правда. – 1959. – 20 авг. – (К 600-летию основания Венёва).

53. Великое испытание // Венёвская правда. – 1961. – 12, 18 дек. – (К 20-летию освобождения г. Венёва и района от немецко-фашистских захватчиков).

54. Венёвский угольный район // Красное знамя. – 1965. – 23 сент.

55. Венёвцы и Ленин // Красное знамя. – 1980. – 22 апр. – См. также: Ленин и венёвцы // Красное знамя. – 1982. – 22 апр.

56. Во главе трудящихся масс // Красное знамя. – 1982. – 25 марта.

Об истории создания и деятельности Венёвской партийной организации.

57. Город Городенск // Венёвская правда. – 1959. – 22 сент. ; 1 окт. ; 19 нояб.

58. Двенадцать братьев // Молодой коммунар. – 1990. – 28 авг. – См. также: То же // Красное знамя. – 1990. – 8 сент.

О «Сказании о сынах Свиридовых и двенадцати ключах».

59. Заслуживают бережного отношения // Красное знамя. – 1993. – 10 авг.

О памятниках архитектуры Венёвского района.

60. Здесь ли стоял древний Венёв? // Красное знамя. – 1968. – 30 мая.

61. Из родословной венёвцев // Красное знамя. – 1993. – 4 июля ; 1998. – 29 сент.

Выписка из «Списка дворов и усадебных мест г. Венёва».

62. История села Гати // Красное знамя. – 1969. – 27 сент.

63. К 600-летию Венёва // Красное знамя. – 1971. – 29 июля.

64. Как возникла венёвская партийная организация // Красное знамя. – 1967. – 11, 16, 18 февр.

65. Каким быть гербу нашего города // Красное знамя. – 1972. – 23 марта.

66. Когда основан Венёв? // Красное знамя. – 1968. – 6 апр.

67. Коллективизация Венёвской деревни // Красное знамя. – 1967. – 30 нояб. ; 2, 5, 9 дек.

Охвачен период 1917–1937 гг.

68. Монумент «Пушка» // Красное знамя. – 1982. – 23 марта.

Об истории установления в городе Венёве памятника Великой Отечественной войны.

69. На венёвском направлении // Блокнот агитатора. – 1971. – № 23. – С. 17–26. – (К 30-летию обороны Тулы).

70. На древнем Осетре // Красное знамя. – 2000. – 16 февр. ; 28 июня.

О реке Осётр.

71. На страже народных завоеваний // Красное знамя. – 1968. – 1, 4 июня.

О Венёвской уездной чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем, спекуляцией и злоупотреблениями по службе.

72. Наш первый паровоз // Красное знамя. – 1985. – 28 февр. ; 2, 14 марта ; 5 мая ; 18 июня ; 13, 15 авг. – (К 85-летию Венёвской железнодорожной ветки).

73. Немые свидетели : очерки истории Венёвской революционной печати // Венёвская правда. – 1962. – 27 февр. ; 1, 3, 6 марта.

74. Ноябрь в Венёве // Красное знамя. – 1966. – 29 нояб. – (К 50-летию Советской власти).

75. О памятниках В. И. Ленину в Венёве // Красное знамя. – 1978. – 25 апр.

76. О 620-летию города Венёва: страница в летопись района // Красное знамя. – 1991. – 4 июля.

77. Ошибка требует исправления // Красное знамя. – 1990. – 30 янв.

О дате основания Венёва.

78. Памятникам истории и культуры всеобщее внимание // Красное знамя. – 1968. – 21 марта.

79. Память // Красное знамя. – 1994. – 1 дек.

Об истории венёвской Воскресенской соборной церкви.

80. Первый Октябрь // Красное знамя. – 1969. – 7 нояб.

О праздновании в Венёве первой годовщины Октябрьской революции.

81. Первый портрет Ильича // Красное знамя. – 1969. – 19 апр.

82. По ратному пути далёких предков // Красное знамя. – 1990. – 10 янв. – См. также: То же // Красное знамя. – 1999. – 8 сент.

О событиях периода Куликовской битвы, о легенде «12 ключей» (о погибших 12 братьях из деревни Свиридово под Венёвом), о возможном месте переправы и стоянки войск Дмитрия Донского в районе современного села Березова неподалёку от Венёва.

83. Почему Венёв и Венёва // Красное знамя. – 1993. – 11 янв.

84. Почему Мордвес? // Красное знамя. – 1976. – 24 февр.

О происхождении названия посёлка.

85. «Прошу дать удостоверение...» // Коммунар. – 1984. – 23 июня.

Об истории записки В. И. Ленина с просьбой выдать удостоверение А. Е. Кузнецовой на провоз хлеба в Москву от братьев Дворецких, проживавших в деревне Озерки Венёвского уезда Тульской губернии (1918).

86. Свято хранить памятники истории и культуры // Красное знамя. – 1966. – 15 марта.

87. Сорвали замыслы врага: к 28-й годовщине освобождения г. Венёва и района от немецко-фашистских захватчиков // Красное знамя. – 1969. – 5 дек.

88. Старая фотография // Красное знамя. – 1969. – 25 дек.

О фото делегатов IV Венёвского уездного съезда Советов.

89. Тридцать три года спустя // Красное знамя. – 1974. – 17 дек.

Об освобождении г. Венёва и района от немецко-фашистских захватчиков.

90. Туристскими тропами по родному краю // Красное знамя. – 1967. – 13, 15, 17 июня.

Об истории и достопримечательных местах Венёвского района.

91. Уроки прошлого свидетельствуют // Красное знамя. – 1989. – 5, 12, 19, 28 дек.

Из истории Венёвского района (период культа личности Сталина).

92. Уходили комсомольцы на гражданскую войну // Красное знамя. – 1968. – 17, 19, 22, 24 окт.

Об истории Венёвского комсомола 1918–1921 гг.

93. Хорошо отметить юбилей // Красное знамя. – 1972. – 23 нояб.

О праздновании 600-летия со дня основания Венёва.

94. Хорошо подготовиться к юбилею своего города // Венёвская правда. – 1960. – 13 окт. – (К 600-летию со дня основания г. Венёва).

95. Экспонаты для музея // Красное знамя. – 1978. – 15 июля.

96. Гренадеров, В. Леса венёвские / В. Гренадеров, М. Бороздинский // Красное знамя. – 1974. – 25 июня.

97. Фомин, Н. Докопаться до истины: пытается ученый-историк, но городские власти предпочитают решить научный спор голосованием / Н. Фомин // Молодой коммунар. – 1991. – 28 дек. – См. также: Бороздинский, М. О статье Н. Фомина : [опровержение] / М. Бороздинский // Красное знамя. – 1992. – 31 марта ; Фомин, Н. Ещё раз попытаемся «докопаться до истины» / Н. Фомин // Красное знамя. – 1992. – 14, 21 нояб.

К вопросу об основании г. Венёва.

Земля Новомосковская

98. Бороздинский, М. 1. Родина революционеров ; 2. Ученики великого вождя / М. Бороздинский // Новомосковская правда. – 1985. – 5 нояб. – С. 3 ; 11 нояб. – С. 2.

О венёвских революционерах **Бодровых А. И. и Ф. И.**, уроженцах деревни Подхоженские Выселки Венёвского уезда, в настоящее время Новомосковского района.

99. Ученики из Венёва // Коммунар. – 1986. – 22 апр. – С. 2.

О революционерах, членах петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» братьях **Бодровых Ф. И., А. И. и Жукове Б.**, уроженцах Венёвского уезда.

100. Торпедный катер возвратился // Бессмертен подвиг их высокий. – Тула, 1983. – С. 316–318.

О новомосковце-Герое СССР **Курбатове Г. Д.**

101. До полной победы // Бессмертен подвиг их высокий. – Тула, 1983. – С. 338–339.

О новомосковце-Герое СССР **Маркине С. С.**

102. Герой Советского Союза С. С. Маркин // Красное знамя. – 1975. – 22 марта. – С. 4.

103. Лётчик Маркин // Коммунар. – 1978. – 13 янв. – С. 3.

104. Вся его жизнь // Коммунар. – 1976. – 29 мая. – С. 3.

О новомосковце-оружейнике **Петрове Ф. Ф.**

105. Выдающийся конструктор // Новомосковская правда. – 1992. – 22 февр. – С. 3. – См также: То же // Красное знамя. – 1992. – 14 марта.

О Петрове Ф. Ф.

106. Дело жизни // Молодой коммунар. – 1976. – 18 мая. – С. 3.

О Петрове Ф. Ф.

107. Память // Новомосковская правда. – 1997. – 12 мая. – С. 3.

О Петрове Ф. Ф.

108. Таланты надо беречь // Коммунар. – 1983. – 4 дек. – С. 4.

О жизненном и творческом пути скульптора из деревни Старая Уваровка Венёвского района, в настоящее время Новомосковского района, **Романове А. И.**

109. Из родословной контр-адмирала // Новомосковская правда. – 1990. – 22 нояб. – С. 3 ; 23 нояб. – С. 2 ; 1993. – 27 авг. – С. 3.

О **Рудневе В. Ф.**, герое русско-японской войны, контр-адмирал Российского Императорского Флота, командире крейсера «Варяг».

110. Новое и неизвестное о мореходах Рудневых : к 140-летию со дня рождения В. Руднева и 300-летию Российского флота // Заокский вестник. – 1995. – 24 авг. – С. 4 ; 26 авг. – С. 2 ; 29 авг. – С. 4 ; 31 авг. – С. 4 ; 2 сент. – С. 2 ; 5 сент. – С. 4.

111. О мореходах Рудневых // Новомосковская правда. – 1995. – 31 авг. – С. 2 ; 2 сент. – С. 2.

112. Родина контр-адмирала // Новомосковская правда. – 1984. – 18 авг. – С. 2.

113. Верность военной присяге // Бессмертен подвиг их высокий. – Тула, 1983. – С. 487–488.

О Герое Советского Союза, уроженце деревни Старая Уваровка Венёвского района, в настоящее время Новомосковского района **Д. С. Сидорове**.

114. Герой Советского Союза Дмитрий Сидоров // Красное Знамя. – 1980. – 31 мая. – С. 3–4.

115. Слова любви и благодарности // Красное знамя. – 1980. – 28 окт. – С. 3.

О Д. С. Сидорове.

116. Боярин Российского флота // Коммунар. – 1995. – 21 марта. – С. 3.

Об **Ушакове Ф. Ф.**, русском адмирале; о связях его предков с Тульским краем, где они владели небольшим имением близ Иван-озера.

117. Гремячее // Новомосковская правда. – 1987. – 31 янв. – С. 3 ; 20 марта. – С. 4 ; 23 мая. – С. 3 ; 4 авг. – С. 3 ; 5 авг. – С. 3.

118. Иван-озеро // Новомосковская правда. – 1994. – 3 янв. – С. 2.

119. Иван-озеро – колыбель мореходов и флотоводцев // Новомосковская правда. – 1994. – 21 сент. – С. 3 ; 22 сент. – С. 3 ; 27 сент. – С. 3.

120. Иван-озёрские ярмарки // Новомосковская правда. – 1994. – 5 янв. – С. 2.

121. Маклецы, Ильинский и Дмитриевский // Новомосковская правда. – 1996. – 17 дек. – С. 3 ; 18 дек. – С. 3 ; 25 дек. – С. 3.

122. О дне рождения города // Новомосковская правда. – 1995. – 10 авг. – С. 3.

123. О рождении города Бобрики // Новомосковская правда. – 1995. – 2 авг. – С. 2 ; 3 авг. – С. 2 ; 4 авг. – С. 2 ; 5 авг. – С. 2.

124. Объединение «Азот»: начало биографии // Новомосковская правда. – 1986. – 24 мая. – С. 2–3.

125. Первая наша газета // Новомосковская правда. – 1990. – 5 мая. – С. 1 ; 24 мая. – С. 3.

Из истории городской газеты «Подмосковный гигант» (в настоящее время «Новомосковская правда») в 1930-е гг.

126. Предыстория города Новомосковска // Новомосковская правда. – 1995. – 26 окт. – С. 2 ; 1 нояб. – С. 2 ; 2 нояб. – С. 2 ; 17 нояб. – С. 3 ; 1 дек. – С. 3 ; 7 дек. – С. 3.

127. Родина революционеров // Красное знамя. – 1985. – 22 окт. – С. 3.

История деревни Подхоженские Выселки Венёвского уезда, в настоящее время Новомосковского района.

128. Село Ильинское, «Маклецы тож» // Новомосковская правда. – 1996. – 27 авг. – С. 2.

129. Село Осаново и другие // Новомосковская правда. – 1994. – 22 июля. – С. 3.

130. Село Спасское // Новомосковская правда. – 1989. – 14 сент. – С. 3 ; 15 сент. – С. 3 ; 20 сент. – С. 3 ; 26 сент. – С. 3 ; 3 окт. – С. 3 ; 4 окт. – С. 3.

131. Село Холтобино: от Ивана Грозного до наших дней // Новомосковская правда. – 1986. – 2 июля. – С. 3 ; 11 июля. – С. 4 ; 29 июля. – С. 3.

132. Тетяковка // Новомосковская правда. – 1991. – 4 апр. – С. 3. – См. также: И всё же XVI век! // Новомосковская правда. – 1991. – 23 мая. – С. 3.

133. Урванка // Новомосковская правда. – 1994. – 23 авг. – С. 3.

134. Шебанин, Г. О чём рассказали монеты / Г. Шебанин // Новомосковская правда. – 1994. – 22 марта. – С. 4. – См. также: Бороздинский, М. Село Бороздино – не Бороздёнки! // Новомосковская правда. – 1994. – 14 мая. – С. 2 ; Шебанин, Г. Кто найдёт солдатку Филипову? // Новомосковская правда. – 1994. – 22 июня. – С. 3 ; Бороздинский, М. Ещё раз об истории клада арабских монет // Новомосковская правда. – 1994. – 23 июня. – С. 2 ; Бороздинский, М. Нашлась солдатка Филиппова // Новомосковская правда. – 1994. – 16 авг. – С. 3.

История сёл Бороздино и Бороздёнки.

А. С. Пушкин и Тульский край

135. Бороздинский, М. Будем же уважены за память / М. Бороздинский // Новомосковская правда. – 1991. – 20 сент. – С. 3.

О декабристах, связанных с Тульским краем, об их отношениях с А. С. Пушкиным.

136. День лица // Новомосковская правда. – 1996. – 29 окт. – С. 1 : ил, фото.

137. Из пушкинской плеяды // Красное знамя. – 1992. – 4 авг. – С. 3-4.

О тульских владениях П. А. Вяземского.

138. К открытию памятника А. С. Пушкину в г. Новомосковске 1 декабря 1993 года // Новости. – 1993. – 17 дек. – С. 2 : ил., фото.

139. О милой созвучнице М. И. Глинки // Новомосковская правда. – 1993. – 5 июня. – С. 3.

140. Потомки Пушкина – наши земляки // Красное знамя. – 1974. – 6 июня.

141. Пушкин и Тульский край // Новомосковская правда. – 1990. – 25 мая. – С. 3. – См. также: То же // Красное знамя. – 1990 – 9 июня. – С. 4 ; 19 июня. – С. 4 ; 28 июня. – С. 4.

142. Пушкины и Тульский край // Молодой коммунар. – 1990. – 18 окт. – С. 3.

143. Род А. С. Пушкина и наш край // Куликово поле. – 1991. – Июнь (№ 6). – С. 3.

144. Родные А. С. Пушкина в Венёвском уезде // Красное знамя. – 1978. – 23 дек. – С. 4.

145. Родовое гнездо // Новомосковская правда. – 1997. – 8 февр. – С. 2. – См. также: То же // Новомосковское Пушкинское общество: вчера, сегодня, завтра / Новомосковская Тульская областная районная общественная организация «Пушкинское общество»; редколлегия: Гришин В. С., Люкшинова В. Д., Топчий А. В., Польшина А. В. – Новомосковск, 2014. – С. 114–117.

146. Родственники А. С. Пушкина по жене // Красное знамя. – 1992. – 28 янв. – С. 3.

147. Сонцовы и Пушкины // Молодой коммунар. – 1990. – 20 янв. – С. 2.

148. Тульские корни поэта // Новомосковская правда. – 1996. – 14 февр. – С. 4. – См. также: То же // Новомосковский пушкинист / под редакцией В. С. Гришина. – Новомосковск,

2009. – Вып. 2. – С. 6–8 ; То же // Новомосковское Пушкинское общество: вчера, сегодня, завтра. – Новомосковск, 2014. – С. 109–113.

149. У памятника // Красное знамя. – 1962. – 10 февр.

150. Урусовы. Неразделённая любовь поэта // Красное знамя. – 1993. – 29 июля. – С. 3–4.

151. Царица муз и красоты // Новомосковская правда. – 1993. – 19 марта. С. 3.

О Пушкине А. С. и Волконской З. А., княгине, владевшей селом Урусово Венёвского уезда.

Общества краеведов и пушкинистов

152. Бороздинский, М. Возрождается общество краеведов / М. Бороздинский // Новомосковская правда. – 1990. – 11 мая. – С. 3.

153. Конференция краеведов // Красное знамя. – 1991. – 3 дек. – С. 3.

О конференции «Духовная культура Тульского края», проходившей в Тульской областной научной библиотеке.

154. О пятилетке новомосковских пушкинистов // Новомосковская правда. – 1995. – 9 сент. – С. 2 ; 12 сент. – С. 3. – См. также: То же // На Пушкинской волне... : сборник статей / редакционный совет : В. В. Киреев, Т. А. Быкова, А. М. Новоженин, В. И. Бондарь, Л. Т. Савочкина. – Тула, 2004. – С. 267–270.

Литература о М. Г. Бороздинском

155. Русаков, В. М. Потомки А. С. Пушкина / В. М. Русаков. – Ленинград : Лениздат, 1974. – 175 с. : ил., фото.

Автор выражает благодарность за помощь в работе над книгой в т. ч. М. Г. Бороздинскому.

156. Русаков, В. М. Рассказы о потомках А. С. Пушкина / В. М. Русаков. – Ленинград : Ленииздат, 1982. – 368 с. : ил., фото. – Из содерж.: «Она смеялась по-пушкински звонко...» : [о судьбе М. А. Гартунг, дочери поэта, связанной с Тулой]. – С. 17–31.

Автор выражает благодарность в т. ч. М. Г. Бороздинскому (с. 366–367).

157. Бороздинский Михаил Георгиевич // Тульский биографический словарь. Новая реальность : (дополнения + некрополь) / [главный редактор и составитель М. В. Майоров]. – Москва, 2016. – С. 46-47.

158. Бороздинский Михаил Георгиевич // Тульский биографический словарь. Новая реальность : дополнения + некрополь / [главный редактор и составитель М. В. Майоров]. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва, 2017. – С. 61-62.

159. Играев, Б. А. Бороздинский Михаил Георгиевич / Б. А. Играев // Играев Б. А. Бессмертный полк тульских журналистов / Б. А. Играев. – Тула, 2020. – С. 198–199.

160. Играев, Б. А. Бороздинский Михаил Георгиевич / Б. А. Играев // Играев Б. А. Энциклопедия тульской журналистики / Б. А. Играев. – Тула, 2018. – С. 225-226.

161. [Инструктор райкома КПСС М. Г. Бороздинский] // Атласов А. Венёв : историко-экономический очерк / А. Атласов. – Тула, 1959. – С. 107.

162. Бороздинский Михаил Георгиевич // Новомосковское Пушкинское общество: вчера, сегодня, завтра. – Новомосковск, 2014. – С. 8-9, 24-25, 30-31, 34, 38, 46, 190-191.

163. Польшина, А. В. Пушкинист и краевед Михаил Георгиевич Бороздинский / А. В. Польшина // Тульский край: история и современность : XVI межмуниципальные краеведческие чтения : Новомосковск, 22–25 октября 2024 года / Комитет по культуре муниципального образования г. Новомосковск ; муниципальное бюджетное учреждение культуры «Новомосковская библиотечная система», Центральная городская библиотека имени А. С. Пушкина [и др.] ; редакционная коллегия : Змеева С. Г., Пасько С. В., Иванникова Н. В., Польшина А. В. – Новомосковск, 2024.

164. Баканов, М. Земляк, краевед, журналист : к 100-летию М. Г. Бороздинского / М. Баканов // Красное знамя. Венёвский район. – 2024. – 1 февр. (№ 4). – С. 7 : фото.

165. Баканов, М. Они создавали газету... / М. Баканов // Красное знамя. Венёвский район. – 2018. – 1 марта (№ 9). – С. 14.

166. Большаков, В. Слово прощания : [некролог] / В. Большаков // Новомосковская правда. – 1997. – 6 авг. – С. 3.

167. Бороздинский, М. Г. Углубившись в историю, можно в ней остаться навсегда : [беседа с тульским краеведом М. Г. Бороздинским] / М. Г. Бороздинский ; вела Л. Фомина // Коммунар. – 1994. – 6, 13 окт.

168. Ерофеев, Е. Венёвцы создают краеведческий музей / Е. Ерофеев // Заветы Ленина. – 1962. – 8 июня (№ 22). – С. 2.

169. Живы в нас воспоминания : «Круглый стол» «Новомосковской правды» с участием М. Г. Бороздинского, Е. И. Гамрецкой, Ф. И. Гоника, А. Т. Чибисовой, В. М. Соломина, В. А. Большакова, А. М. Угриной, Н. Н. Щербатых // Новомосковская правда. – 1995. – 27 окт. – С. 1–3 : ил., фото.

170. Крючков, В. Летописец родного края / В. Крючков // Красное знамя. – 1992. – 14 марта (№ 31-32). – С. 6.

171. Окская, Л. Доброе дело добром отзовется / Л. Окская // Новомосковская правда. – 2000. – 24 февр.

О передаче личной библиотеки М. Г. Бороздинского с его экслибрисом, в дар комитету по культуре администрации муниципального образования г. Новомосковск.

172. Памяти М. Г. Бороздинского : [некролог] // Красное знамя. – 1997. – 31 июля. – С. 4.

173. Так где же родился А. С. Пушкин? // Новомосковская правда. – 1999. – 28 дек. – С. 2.

Об издании книги М. Г. Бороздинского.

174. Чернов, А. В честь М. Г. Бороздинского / А. Чернов // Красное знамя. – 2001. – 5 дек. – С. 3.

Об экспозиции в Венёвском краеведческом музее в честь М. Г. Бороздинского.

175. Чулан, И. М. Г. Бороздинскому было бы 80 лет / И. Чулан // Красное знамя. – 2005. – 30 июля. – С. 7 : фото. – С. 7.